

ТАЙНЫ

Век XX

Валентин
Лавров

ГЕНИЙ СЫСКА —
ГРАФ СОКОЛОВ

ИСТОРИИ

в романах, повестях и документах

ТАЙНЫ ИСТОРИИ

Век XX

**Валентин
Лавров**

ГЕНИЙ СЫСКА — ГРАФ СОКОЛОВ

Исторический детектив

**МОСКВА
«ТЕРРА» — «TERRA»
1996**

ББК 84Р7
Л13

Оформление художника
И. Марева

Л13 Лавров В. В.
Гений сыска — граф Соколов: Исторический детектив. — М.: ТЕРРА, 1996. — 351 с. — (Тайны истории в романах, повестях и документах).
ISBN 5-300-00303-4

Авантюрная натура блестящего полковника-конногвардейца Соколова взяла верх. Он жаждет подвигов в борьбе с преступностью — уголовной и политической, столь усилившейся в начале XX века. Граф оставляет службу в лейб-гвардейском Преображенском полку и бросается в самое пекло опасных приключений. Его методы борьбы с преступниками порой откровенно варварские. Желая проучить убийцу, он может привязать его к спине медведя, живым положить в гроб или начать коптить на костре. Но он без сантиментов любит людей, спешит помочь тем, кто случайно встал на криминальный путь, хотя и тут порой допускает должностные проступки.

Л 4702010000-052 Без объявл.
А30(03)-96

ISBN 5-300-00303-4

ББК 84Р7

©Издательский центр «ТЕРРА», 1996

ВЛАДИМИРУ ФЕДОРОВИЧУ
БРЮХОВЕЦКОМУ С ИСКРЕННЕЙ
ЛЮБОВЬЮ ЭТУ КНИГУ
ПОСВЯЩАЮ.

АВТОР

НОВЫЙ ШЕРЛОК ХОЛМС? НЕТ, МОСКОВСКИЙ СЫЩИК!

Вместо предисловия

Вступительное слово многие не читают, полагая, что книга должна сама говорить за себя.

Я согласился бы с этим, если на встречах с читателями из переполненных залов не раздавались бы десятки самых интересных и различных вопросов. Люди желают выйти из круга событий, ограниченных книжными рамками, и узнать такое, что дополнит их представление о персонажах, об истории создания произведения.

Вот почему я выбрал несколько вопросов, чаще других волнующих читателей, и решил на них, хотя бы кратко, ответить.

Вопрос первый. *Как возникла эта книга?*

Возникла так, как на Руси испокон веку возникает много доброго — во время застолья. Однажды с главным редактором популярнейшей в наши дни газеты *Московский комсомолец* П. Н. Гусевым сидели за чаем и моя юная супруга Елена Михайловна старалась своим гастрономическим искусством сделать нашу беседу еще более приятной.

Речь шла о двух моих книгах, которые к тому времени полностью появились на полосах «МК» — «Кровавая плаха-1» и «Кровавая плаха-2». Они рассказывали о знаменитых преступниках и знаменитых преступлениях прошлого: с времен Петра Алексеевича Великого до первых лет советской власти. (Замечу, что эти книги в конце 1994 года вышли в издательстве «Терра» под общим названием «Блуд на крови» и даже на некоторое время возглавили список столичных бестселлеров.)

Публикация сорока рассказов «Кровавой плахи» имела большой читательский успех.

Павел Николаевич сказал:

— Хотелось бы продолжить эту тему, но как бы на ином уровне... У англичан, к примеру, есть Шерлок Холмс. Персонаж абсолютно литературный, он тем не менее прославился на весь мир. Неужели у нас, у русских, не было сыщика, который сметливостью и удалью не уступит герою с берегов Темзы?

Это литературное дитя врача из Эдинбурга Артура Конан Дойла впервые явилось перед читающей публикой в 1887 году. И сразу же покорило весь мир, в том числе и Россию. Портреты Шерлока Холмса заполняют все видимое пространство. Несколько десятилетий их печатают на мыльных обертках, именем сыщика называют одеколон, конфеты и табак, его героический профиль с трубкой украшает рекламы синематографа и трактирные вывески.

В 1910 году Корней Чуковский писал: «Этот романтический, нежный, рыцарский образ вдруг, на наших глазах, изменяется, перерождается, эволюционирует, отрывается от своего создателя Конан Дойла... и как миф, как легенда начинает самостоятельно жить среди нас».

Мой ответ прозвучал приблизительно так:

— У нас были великолепные сыщики! О них при жизни слагали легенды, о них писали книги. Разумеется, реальные события так переплетались с выдумками, что отделить одно от другого нет возможности. Впрочем, в том нет необходимости! Но все эти знаменитости обладали качествами, столь любезными нашему народу: размахистостью натуры, не знающей разумных пределов щедростью, необузданной куражностью, самыми остроумными способами преодоления трудностей, возникающих на их пути.

В этих российских героях, понятно, не было и малейшей схожести с утонченным персонажем английской литературы. У нас свой образ жизни, свои привычки, свои замашки.

И самый яркий и симпатичный сыщик — граф Соколов, о котором эта книга.

Вопрос второй. *Преступность в века минувшие: велика ли она была, как с ней боролись?*

Петр I разворочил Русь, словно муравейник. Целые пласты людей сдвинулись с насиженных мест. Разбойничьи стаи достигли невероятного количества, населили леса, не давали ни проходу, ни проезду. Известный исследователь Н. Евреинов в своем труде «История телесных наказаний в России», вышедшем незадолго до большевистского перево-

рота, писал: «Страшная дикость нравов, полное равнодушие, если не страсть, к различным истязаниям и большой опыт мучительства остались в наследство концу XVII века от прошлых времен. Везде шныряли разбойничьи шайки, творившие невероятные ужасы...

По донесениям Ярославского обер-коменданта, разбойники напали на вотчину какого-то боярина, истязали его и сына, вскрыли у них груди, жрали сало, пили кровь. Правительство, разумеется, расправлялось с ними не менее жестоко и беспощадно...»

Варварские и медленные казни устраивались тогда постоянно. Беспощадно суровы были расправы с государственными преступниками, еретиками, взяточниками и прочими. Так свидетель тех событий живописал: «А у пуших воров и разбойников ломаны руки и ноги колесами, и те колеса воткнуты были на Красную площадь, на колья, и те стрельцы за их воровство ломаны живые, положены на те колеса и живы были на тех колесах не много ни сутки и на тех колесах стонали и охали...»

Не менее ужасны были и другие расправы с преступниками.

Вопрос третий. *Только ли на Руси творились такие ужасы?*

В других странах, в том числе и цивилизованных, и разбойников было не меньше, и государство лило кровь своих граждан весьма бурными потоками. Только один пример. У меня в руках газета «Московские ведомости» за субботу 31 января 1786 года. Читаем: «В Лондоне на сих днях разорено здесь настоящее воровское и непотребное гнездо, которое называлось *молниеносным обществом* и состояло из 200 человек под предводительством одной «славной» непотребной женщины. Большая часть из них осуждена в тяжкую работу. Разбои здесь умножаются ежедневно. Через каждые шесть недель вешают по несколько преступников, и сие наказание сделалось столь обыкновенным, что никто и не любопытствует уже увидеть оное. «Сего дня вешают», — слова сии выговаривают с таким хладнокровием, как будто зрелище это самое обыкновенное в свете».

Повсюду боролись с преступностью повешением, отсечением головы, расстрелами, душили гарротами и жгли на кострах — преступность на убыль от кровавых репрессий не шла.

На Руси уже с середины XVIII века смертная казнь не применялась. Дочь Петра Елизавета пыталась мягко-

стью воздействовать на сердца сограждан. Екатерина Великая в 1775 году законодательно закрепила отмену смертной казни.

Кстати, именно с этого времени, совпавшего с разгромом преступного Емельки Пугачева, разбои и грабежи на дорогах и в городах резко уменьшились. Даже в столицах — в Москве и Петербурге — за год порой не случилось ни одного корыстного убийства.

Вопрос четвертый. *Кто из сыщиков, этих главных героев борьбы с преступниками, прославился более всего?*

Первым знаменитым сыщиком я, пожалуй бы, назвал Ваньку Осипова, а по кличке Каина. Лицо это реальное. Тринадцатилетним мальчишкой он появился в Москве и начал «шевелить» столицу и ее окрестности.

Человек этот был явно не ординарным, по своему талантливый. В свои проделки Ванька вовлек немало людей благородного звания — офицеров, графов и даже протопопа.

Немало усилий потребовалось, чтобы поймать этого проныру. И, согласно одной из версий, Ванька Каин обещал верно служить государевым интересам, извести всех злодеев.

Ему поверили. И он начал шерстить подмосковные леса, вылавливая своих собратьев по лихому ремеслу. Вот как описывались подвиги этого доморощенного сыщика в одной из книжечек.

Полицейский офицер рассказывает генералу по имени Павел Семенович:

— Ванька Каин — это бывший опасный мошенник, совершавший такие дела, что просто уму было помрачение. Но как опытен он не был, но все-таки попал в наши руки после одной кражи, и теперь из него выработался великолепный сыщик.

— Что же он может сделать? — спросил Павел Семенович.

— Очень много, ваше превосходительство, и положительно даже невозможное. Вы изволили слышать, что творилось еще недавно в Ростокино?

— Да, слыхал. Там была шайка разбойников, которыми предводительствовала какая-то баба... И что же?

— Переловил всех поголовно-с! Вообще, этот человек весьма полезный, несмотря на то, что сам он и теперь преизрядный мошенник...

Подвиги Ваньки Каина относились к середине восемнадцатого века. Читательский интерес к героям подобного рода был всегда велик. Уже в 1775 году в чьем-то не очень ловком пересказе впервые появилась книга о Ваньке. Первым же настоящим трудом стала книга *жителя города Москвы*, как он себя сам называл, Матвея Комарова — дворового крепостного человека.

Вот полное название книги: «Жизнь и похождение российского Картуша, именуемого Каина, известного мошенника и того ремесла людей сыщика. За раскаяние в злодействе получившего от казни свободу, но за обращение в прежний промысел сосланного вечно на каторжную работу, прежде в Рогервик, а потом в Сибирь. Писанная им самим при Балтийском порте в 1764 году». Год выхода — 1777-й, в Петербурге.

Позже появилась целая серия книг о Ваньке Каине — их называли даже «коллекцией» в восемнадцатом и девятнадцатом веках. Последней, кажется, стала брошюрка некоего Н. Голохвастого «Ванька Каин, знаменитый московский сыщик (фискал)». Она напечатана в Петербурге в 1912 году.

Вопрос пятый. *А кто прославился из сыщиков в более близкую нам эпоху?*

В прошлом веке, безусловно, самым знаменитым сыщиком был начальник Петербургской полиции, тайный советник Иван Дмитриевич Путилин. Ему были посвящены толстые книги и десятки тощих брошюрок, воспевающие приключения этого действительно замечательного человека. Вот что писал о Путилине анонимный биограф еще в прошлом веке: «Благодаря ему, огромные суммы денег были возвращены казне и частным лицам, сделавшимся жертвами различного рода преступлений. Был изобличен и раскрыт целый ряд грандиозных мошенничеств, подлогов, таможенных преступлений, поджогов, подделок кредитных билетов, загадочных убийств...»

Умер Путилин в ноябре 1893 года, сорок лет прослужив в полиции. Добавим, что после него не осталось никакого состояния, ибо человек этот был кристальной честности.

Вопрос шестой. *Граф Соколов — этой же породы?*

Безусловно! И сразу замечу: у него был прототип, подполковник Петербургской полиции Аполлинарий Николаевич Соколов. Но ставить знак равенства между реально существовавшим человеком и нашим героем, вобравшим в себя качества многих сыщиков, — наивность.

Блестящий конногвардейский полковник Аполлинарий Соколов принадлежал к тем канувшим в Лету русским натурам, которые стрелялись из-за женщин, на перилах балкона выдували из горлышка шампанское и бесчестию предпочитали смерть.

Он страшно завидовал деду и отцу, ибо первый воевал Наполеона и отличился при Бородине, а второй палил из пушек в Севастополе по английским фрегатам, ходил в штыковую и был ранен навывлет в левое плечо. Звякнув шпорой, он в кругу друзей досадовал: «Что за гнусные времена! Нынче порядочному человеку, кроме женщин, и заняться нечем. Почему Государь войну ни с кем не начинает?»

Но пока не было войны, полковник вдруг воспламенился страстью к восемнадцатилетней графине Паниной, камер-фрейлине царствующей Императрицы Александры Федоровны. Свадьба была пышной. После венчания Соколов приказал собравшимся к Исаакию нищим раздать по синенькой — по пятирублевой, и всех поголовно напоить, включая прохожих, городских и лошадей.

Оставив на время в карете новобрачную, Соколов лично наблюдал, чтобы от чаши никто не отвертелся.

Вскоре он вышел из гвардии. Все были уверены в его блестящей карьере при дворе. Ведь отец Соколова — граф, действительный тайный советник, был членом Государственного Совета, а супруга — любимица Императрицы. Но высший свет ахнул, когда молодой граф пошел — фи! — по полицейской линии. После неожиданной и ранней смерти жены Соколов перевелся на родину, в Москву, — стал служить в сыске. Тут его широкая и богато одаренная натура развернулась вовсю. Ему поручались самые сложные дела. За годы службы не было случая, чтобы он не разоблачил преступников.

О приключениях красавца атлета эта книга.

Одно несомненно: граф Соколов по воспитанию, вкусам, размашистости натуры — персонаж девятнадцатого столетия. Стремясь к жизненной правде, мы не лакировали своего героя. Многие из его деятельности заслуживают порицания. Нельзя же оправдывать сыщика, который в духе любимой барской забавы (вспомним Петра Безухого!) привязывает к медведю преступника и заставляет зверя плыть с этим живым грузом через Москва-реку. Или фекалиями заполняет яму, из которой не пожелал добровольно вылезать убийца.

Подобного рода развлечениями полна жизнь гения сыска. Но эти сумасбродства во многом искупаются его сердечностью, желанием помочь тем, кто случайно встал на путь преступления. (Правда, и здесь он порой идет на должностной обман, как в рассказах «Чеченец» или «Секретный сотрудник».)

И все-таки главное в графе Соколове — любовь к людям и отважность натуры.

...С памятной встречи с П. Н. Гусевым прошло две недели. На страницах любимого народом «Московского комсомольца» появился первый рассказ о графе Аполлинарии Соколове — гении сыска.

И затем, на протяжении полутора лет, новеллы о потрясающих похождениях этого удивительного человека регулярно печатались на полосах «МК».

Успех превзошел все ожидания. Рассказы тут же перепечатывались многими газетами, в том числе и зарубежными.

Популярная в Италии «Коррьера делла сера» назвала автора «королем русского триллера». Ей вторят американские газеты «Москоу таймс», «В новом свете» и другие.

Надеюсь, моим читателям скучать не придется!

ГОРЯЧИЙ СЛЕД

Небывалое злодейство потрясло Москву. Малолетний сын интендантского генерала Лифарева был найден мертвым. Убийца, впрочем, вскоре объявился сам. Бывший комнатный лакей генерала Прохор Бурмин, размазывая пьяные слезы, хватал руками швейцара и дурным голосом орал: «Это я убил Сережу! Он там, в саду, возле ограды!» Соседний трактирщик показал, что вечно безденежный Прохор сегодня пил у него вино, накопил сахарных орешков и вдруг предъявил золотой червонец. Полиция едва сдержала толпу, которая желала растерзать убийцу.

Но прошло совсем немного времени, и это дело, поначалу казавшееся нехитрым, вдруг приобрело невероятный характер, вошло в историю криминалистики.

Срочный вызов

Перебравшись в Москву, Соколов вначале жил в гостиницах «Париж» и «Лоскутной», а потом стал снимать удобную шестикомнатную квартиру в только что построенном самом высоком доме столицы — № 19 на Садовой Спасской. Чуть прежде приобрел в Мытищах барский дом с обширным запущенным парком, куда в летний период спешил каждый выходной.

Вот и теперь со старинным томиком стихов Державина, которым горячо восхищался и многое помнил наизусть, в тихий августовский послеобеденный час Соколов прогуливался по широкой, полной сухого желтого света аллее. Два ряда толстенных сосен, облитых янтарной смолой, стояли как гвардейцы на смотру. Среди птичьего гомона чуткое ухо неожиданно уловило тарахтенье служебного «рено» — могучего авто в девяносто шесть лошадиных сил. Подумалось: «Вот и кончился отдых...»

Среди просветов деревьев мелькнул крахмальный передник Анюты — смазливой горничной. Она сложила бантиком губы:

— Что ж такое! Нам опять покоя нет. Вестовой Галкин прикатил...

И тут же, словно из-под земли, вырос парень: весь в кожаном, пыльный, на голове шлем, на лбу — очки. Гаркнул:

— Происшествие! Николай Федорович сказал вас срочно доставить!

...Поднимая выше деревьев пыль, разгоняя кур и собак, вытрясая душу, спортивный «рено» запрыгал по грунтовой дороге. Отмахав шестнадцать верст, лихо подрулил к дому № 5 по Большому Гнездиновскому.

Особое задание

— Ну, черти вас задери, чего дергаете? — гремел Соколов, вырастая в кабинете начальника сыска Гартье. Тот, как и все сыскари того времени, был в штатском. Это же в глазах полковника Соколова если и не было уголовным преступлением, то уж, во всяком случае, являлось крупным мужским недостатком.

— Не сердись, — ворковал Гартье, как и все сыскари, с восторгом относившийся к Соколову. — У генерала Лифарева — знаешь такого? — сына утром убили. Генерал — лицо влиятельное. Лучше тебя никто с делом не справится. Фотограф Ирошников и медицинский эксперт Павловский уже на месте. Ждут тебя. Жеребцов тоже томится... С Богом!

Авто понеслось мимо зеркальных вывесок, богатых витрин, пестрой толпы прохожих в один из переулков на Арбате.

Перламутровые пуговицы

Коллеги радостно приветствовали Соколова. Великанообразный, с простодушным лицом младенца, Николай Жеребцов доложил:

— Убийца во всем повинился, протокол допроса подписал. Я его закрыл в подвале. Место происшествия охраняется. Вот, госпожа Буц помогает, она экономка у Лифарева.

Чистенькая, тощая, как тарань, но не лишенная некоторой приятности особа лет под сорок, одетая в синее муслиновое платье с перламутровыми пуговками, сделала реверанс.

— Мы все убиты горем! Генерал вынужден уехать к губернатору Сергею Константиновичу Гершельману. Я вам во всем помогу.

Они прошли в парадный подъезд мимо важного в галунках швейцара и толпы ливрейных слуг. Узорчатый паркет, зеркала в толстых резных рамах, анфилады кабинетов и залов, потолки в росписи и лепнине — все дышало роскошью. Через заднюю дверь вышли в сад: клумбы с пышными цветами, мраморный фонтан, песчаные дорожки, обсаженные жасмином и сиренью, новенькие мачты — для электрического освещения.

Уловив взгляд Соколова, экономка объяснила:

— Завтра Сереже исполнилось бы восемь лет. Готовился бал. Вот мы с генералом пригласили из «Всеобщей компании электричества» специалиста. Нарочно торопились, к празднику. Двенадцать электрических люстр горят. Его мать три года назад сбежала с итальянским тенором. Но я старалась заменить... — Она ткнула пальцем: — Наш Серж тут, — и разрыдалась.

Загадка

В саженьях пять от дома, недалеко от узорчатой кованой ограды, освещенной красным, уже клонившимся к крышам домов солнцем, неестественно закинув в желтых кудряшках голову, в кустах сирени лежал мальчик. На нем была матроска, коротенькие, гораздо выше колен, штанишки и новые, светлого лака башмачки.

Началась работа. Соколов цепким взглядом осматривал место убийства. Вдруг он наклонился, что-то поднял, положил в карман. По его лицу скользнуло удивление. Отдал команду:

— Ирошников, фотографируй труп. Жеребцов, снимай гипсовые слепки следов тут и тут. И детские ботиночки положи в саквояж — очень любопытные ботиночки! — Повернулся к Павловскому: — Ну, дорогой профессор, осматривай труп, делай наблюдения.

Сколько Павловский ни искал, обнаружил лишь легкие ссадины да ровный синюшно-багровый след на правом предплечье:

— Странный след! Словно сильно розгой ударили. Но от таких повреждений еще никто не помер.

Соколов поманил пальцем Жеребцова:

— Дитя природы, каким способом Бурмин убил ребенка?

Жеребцов, словно крыльями мельницы, помаhal руками:

— Аполлинарий Николаевич, так он не трезвый! Но признался: «Я убил». Вот протокол допроса, сами посмотрите, подпись поставил... Проспится, вам все расскажет. Ей-Богу!

— Хорошо, работайте! Пойду осмотрю комнаты.

Альбом

Окно детской выходило в сад. Комната была полна лошадок, плюшевых мишек, пирамидок. На стуле лежал в инкрустированном переплете альбом. Соколов раскрыл его и ахнул: полный набор российских марок с разновидностями, включая первую, 1857 года!

Экономка, увидав альбом, вся затряслась:

— Сегодня я была в саду, вдруг слышу крик электрика Михеева — он сидел на столбе и подтвердит справедливость моих слов: «Куда, дескать, лезешь?» Прибежала, вижу: убийца Бурмин хочет альбом этот самый Сержу сунуть, а этот хоть и первый, но — сами видите! — высокий, с земли не достать. Вот Бурмин и влез по пожарке, передал альбом. Спрыгнул на землю, дерзко мне отвечает: «Не ори, это мой подарок». И обратно через забор — шась! Позже в том месте и нашли Сержа. Это Бурмин за золотой червонец его убил.

— Какой червонец?

— Да накануне была тетка Сержа, подарила. А нынче днем трактирщик Максимов пришел: «Ваш бывший лакей вечно без денег, а накупил орешков сахарных, вина и расплатился золотом. Подозрительно дуже!» А тут, в стельку пьяный, сам Бурмин объявился. «Я, — говорит, — Сережу убил!» Признался, негодяй.

Уроки зоологии

— Мадам Буц, вы мне позволите по лестнице ползать? — Соколов с ловкостью спортсмена вспрыгнул на мраморный подоконник, перебрался на лестницу и оттуда

на землю. Экономка от удивления разинула рот. Но дальше и вовсе чуть в столбняк не впала.

Красавец сыщик внимательно оглядел окружающее пространство, зачем-то подергал строительный гвоздь, вбитый на высоте плеча в росшую под окном березу. Затем присел и стал собирать с земли червей, поднял и дохлую лягушку с желтым брюшком. Всю эту мерзость завернул в платок и протянул медику, который как раз подошел с сыщиками:

— Убери эти штучки! И можно труп отправлять на вскрытие.

Далее, склонившись к уху медика, начал что-то говорить. Медик мотал курчавой седой головой:

— Невероятно!

Жертвы прогресса

На другой день в кабинете главы сыщиков Гартье собралось любопытное общество: печально поникший седовласый усач генерал Лифарев, важные свидетели — мадам Буц и электрик Михеев, и в полном составе сыщики. Как всегда свежий, красивый и веселый, Соколов произнес:

— Совершенно невероятное убийство раскрыто. Дело Сергея Лифарева завершено. Среди нас — двое, которые знали правду, но молчали, ибо были уверены, что убийство раскрыть невозможно.

Все переглянулись, а генерал даже побледнел. Соколов бодро продолжал, вынув из саквояжа детские лакированные ботиночки:

— Взгляните на подметки — на них нет ни миллиграмма земли! Мальчик накануне дня рождения слегка простудился, и мадам Буц справедливо запретила ему выходить во двор. Он и не выходил. Но ему хотелось сахарных орешков, которые мадам Буц, оберегая зубы ребенка, Сереже запрещала. Но появился Бурмин, любивший мальчика. Он передал ему альбом, который накануне выиграл в карты у спившегося чиновника. Кстати, эти марки стоят целого состояния. Сережа отдал червонец и попросил на полтинник купить ему орешков, остальные он подарил Бурмину. Тот, человек слабый, загулял, а когда стал перелезать через забор, чтобы отдать орешки, то, к своему ужасу, увидел мертвого ребенка.

— Кто же тогда убил моего сына? — вскрикнул генерал.

— Сейчас узнаете! Вообразив с нетрезвых глаз, что мальчик устал его ждать, пошел навстречу, свалился с забора и расшибся, Бурмин кричал: «Я убил Сережу!» А произошло вот что. Мадам Буц давно состоит в интимных отношениях с электриком Михеевым. По ее инициативе именно его направила компания для установки света. Вчера мадам Буц пригласила электрика в свои апартаменты «попить чаю» — благо вас, генерал, не было дома. Лакеи видели, как мадам затворяла за гостем свою дверь. Электрик так спешил в объятия возлюбленной, что, оголив от шелковой оболочки провод, не успел прикрепить его к фарфоровому изолятору. Это как раз над окном Сережи. Электрик поступил преступно небрежно, нарушив все служебные инструкции. Именно эта халатность привела к гибели ребенка. Михеев просто вколотил гвоздь в дерево и завязал на нем провод: «На короткое время!» Но этого времени вполне хватило для трагичного финала.

Генерал поднял брови:

— Неувязка, граф! Вы же сами только что утверждали, что Сережа не вышел из дома. Как же он мог в таком случае пострадать?

— Да, история, признаюсь, необычная! Томясь домашним заключением, мальчик вылез на пожарную лестницу и баловству ради стал мочиться на оголенный провод. Моча — электролит, обладающий хорошей электропроводностью. Ребенка поразил ток — это стало причиной его мгновенной смерти. Это подтверждает экспертное заключение профессора Павловского: «При исследовании трупа обнаружены отек и покраснение слизистой оболочки мочеиспускательного канала, отек и кровоизлияние в слизистой мочевого пузыря. Причина смерти: внезапная остановка сердца (фибрилляция желудочков, асистолия) плюс остановка дыхания (судороги дыхательных мышц)».

— Так сказать, горячий след! — с горечью воскликнул генерал. — Но как Сережа попал в кусты — это более десяти метров от места происшествия?

— Мадам Буц и электрик Михеев, обнаружив труп и сразу поняв причину смерти, решили спрятать концы в воду — оттащили мальчика. На их радость, первым обнаружил труп Бурмин. Признаюсь, поначалу я чувствовал себя в тупике. Но при исследовании места преступления многое прояснилось. Падая замертво с лестницы, мальчик предплечьем свалился на висящий провод, сорвал его. Оказавшись на влажной почве, провод создал так называемое

«шаговое напряжение». Под электрическим воздействием черви выползли наружу — уже полудохлые. Была убита и вот эта лягушка, — Соколов вытащил из саквояжа платок и высыпал на стол червей и лягушку.

Вдруг он посмотрел на электрика и экономку:

— Господа хорошие, снимите вашу обувь!

Те покорно исполнили приказание. Жеребцов достал гипсовые слепки следов, снятых возле трупа. Обувь точно совпала с ними.

Соколов, словно фокусник перед коронным номером, поднял вверх перламутровую пуговку:

— А вот эту деталь вашего, мадам Буц, муслинового платья я нашел там, куда вы вчера положили мертвого ребенка. Для меня это было первым знаком: вы в убийстве замешаны. Вопросы есть?

Вопросов не было. Экономка зашлась в истерике, электрик Михеев пнул ее под столом ногой:

— Молчи, дура! Мы жертвы технического прогресса!

Впереди их ждал суд: один обвинялся в преступной халатности, приведшей к человеческой жертве, другая — в пособничестве преступлению и сокрытии его.

Эпилог

После окончания совещания Гартье пожал руку Соколову:

— Поздравляю, поработал блестяще. Можешь ехать в свои Мытищи. Неделю отдыхай, беспокоить не буду.

Соколов хохотнул:

— Ведь врешь, Николай Федорович! Пари на ящик шампанского.

...Через два дня Соколов шампанское выиграл: прикатил на «рено» Галкин, смахнул со лба пот и пыль, доложил:

— Начальство требует! Убийца на свободе...

Началось новое приключение.

ЗВЕРИНЫЙ ОСКАЛ

Этот чудом сохранившийся дом, согласно легенде, был построен еще при Иване Васильевиче Грозном. Толстые покосившиеся стены, изъеденные трещинами, глубоченный, из громадных белых камней, подвал, фасад, вылезший далеко за линию поздних построек, — все дышит глубокой стариной. И еще напоминает об ужасной истории, случившейся здесь на заре двадцатого века.

Связи случайные

Если читатель полагает, что похитители средств передвижения появились одновременно с развитием автомобильного транспорта, то он заблуждается. Во времена благословенные, патриархальные, были лихие людишки, похищавшие коляски, кареты, брички, ландо, фаэтоны, кабриолеты, телеги и даже похоронные дроги.

В Москве появилась целая шайка, которую долго не удавалось поймать. Наконец, напали на след. Началась слежка, ибо важно было выявить всех: и кто угонял, и кто затем продавал скамейку (так на воровском жаргоне называли лошадь), и коляску, и рубашку (сбрую).

Вот с этой слежки и началось дело, о котором наш рассказ. Памятный читателям «Кровавой плахи» агент Гусаков-сын влетел, взмыленный, в кабинет начальника сыска Гартье и, облизывая пересохшие губы, взволнованно заговорил:

— Я вчера «вел» Маньку Губу, ну, эту, Марьям Гулямдину, по делу «экипажей». Взял я ее от булочной Филиппова на Мясницкой площади. Ну, значит, идет Манька по аллее Чистых прудов, вдруг — шашть! — к ней какой-то господин подваливает. Высокий, в костюме-тройке, на животе толстая золотая цепочка — богатый франт, одним сло-

вом. И усищи — ну, право, шире плеч! — нафибранные торчат. Начинает он Маньке что-то заливать, явно, что ухаживает...

— Да, Манька из себя аппетитная. Помнится, прежде на Тверском работала целкой, — кивнул одобрительно Гартье. (Заметим: на жаргоне «целка» — это незарегистрированная проститутка.)

Гусаков залпом осушил стакан воды и уже более спокойно продолжал:

— Господин веселый, да и Манька, дура, рада, что такого солидного кавалера завлекла. Зашли они в винный подвальчик у Покровских ворот. Минут через тридцать Манька выплыла явно навеселе. Ее спутник крикнул лихача, я тоже — держу их крепко. На старой Басманной они вошли в небольшой дом, что почти напротив церкви Никиты Мученика. Господин своим ключом открыл входную дверь — это с торца, там, где Алексеевское коммерческое училище. Думаю: буду ждать. За час-другой господин успевает к Маньке под юбку слазить, буду дальше ее пасти.

Гартье начал раздражаться:

— Ты, Иван, сразу дело говори. Манька от тебя «соскочила»?

— Хуже! Она вообще куда-то испарилась. Вроде миражного видения. Как собака всю ночь дрожал от холода — во, рубашечка у меня тонкая, дневная. В девять утра господин вышел из дома. Глазам не верю — один! Закрыв дверь на ключ, отправился к Межевому институту в Горьковском. Там трактир. К десяти вернулся домой — у него прием...

— Какой такой прием?

— Ах, Николай Федорович, забыл сказать: этот господин — дантист. И у него вывеска, медными буквами написано:

«Дантист Альфред Оттович Лепиньш.

Безболевое лечение. Прием с 10 до 14 часов».

Тут мой папаша нарисовался — я его извозчиком вызвал. Полтинник позвольте в счет включить. Покумекали, решили: пусть мой папаша, Матвей Иванович, идет под видом зуб выдернуть — вдруг Маньку обнаружит? Дантист дернул у папаши зуб, благо гнилой был. И зачем-то долго-долго эту вонючку нюхал, словно цветок какой. А папаша отдал ему целковый (я в счет включу?) и начал действовать: он у меня страсть какой бедовый! И в туалет ходил,

и вроде по ошибке вместо выхода — извините, дескать, от боли мозги помутились! — в спальню влез. Нигде Маньки не видно. Сейчас он пасет двери выхода. Замену просит.

Судьба-злодейка

Гартье приказал:

— Эй, Галкин! Гони в Мытищи... Привези Соколова.

...Тот появился, как всегда, веселый, красивый, шумный:

— Ну, начальство, где шампанское? Проспорил ты, Николай Федорович! Обещал неделю меня не беспокоить, а сам и трех дней выдержать не смог.

Гартье изложил всю эту странную историю. Соколов, знакомый с Голяндиной, грустно заметил:

— У этой Маньки жизнь несчастная. Было ей шестнадцать, посватался к ней какой-то инженер-путеец, человек достойный, да вдруг погиб. Отец, правоверный мусульманин, когда узнал, что дочь, не дождавшись *никях* (свадьбы), носит ребенка, выгнал ее из дому. Манька родила, а кормить крошечную Розалию нечем. Вот и пошла тротуары шлифовать. Тяготилась она своей блядской профессией, да куда из порочного круга выбьешься? Пристала к «экипажникам»... Гусаков, иди сюда! Поезжай к дворнику, где Манька живет, — это дом семь по Ваганьковскому. Скажи: если появится Манька, пусть нам даст знать. Жеребцов, возьми в архиве все, что есть на этого дантиста. И вести за ним неусыпное наблюдение! Да, еще следует затребовать все дела о пропавших дамах, скажем, за последние пять лет. Выполняй приказ!

Страшное предположение

Закончился яркий, горячий, полный шума, движения, красок августовский день. Один из немногочисленных дней, составляющих человеческую жизнь. День, отпущенный Создателем для мира между людьми, для всеобщей радости, для наслаждения природой и прекраснейшей ее частью — женской прелестью, лучше которой нет ничего в Мироздании.

Но в этот праздник жизни врывались адовы созданья, ненавидевшие Бога и все живое. Эти созданья несли зло и распад.

Сидя за столом у окна, за которым все более стихала вечерняя Москва, Соколов изучал ворох документов, чтобы хоть немного уменьшить, ослабить черное зло. Из глубокого кресла, стоявшего в дальнем углу, явственно доносилось похрапывание. Это не выдержал дневной маеты Жеребцов, — сон сморил его.

Соколов любил этого парня, ценя его исполнительность, бесстрашие и вполне по-детски наивную цельность неиспорченной натуры. Со всей своей непосредственностью Жеребцов презирал законы, если они мешали ему ловить убийц и бандитов, и с легкой совестью эти законы нарушал. За это, как утверждали злые языки, порою бывал бит своим патроном, которого, впрочем, все равно горячо обожал.

— Эй, дрыхло, раскрой вежды! — крикнул Соколов. — Ты знаешь, сколько особ прекрасного пола без следа сгинули за пять лет? Пять! Манька, если не найдется, станет шестой. Но все эти исчезновения начались полтора года назад — с приездом в Москву дантиста.

— Вот это открытие! — расцвел Жеребцов. — Едем брать...

— На основании этого совпадения нам разрешения не дадут. Гусаков? Свидетель неважный. Он задремал, а Манька выскользнула из дома.

Жеребцов фыркнул:

— А на какой нам ляд разрешение? Мы сами себе разрешим — проведем литературное мероприятие № 1.

— Обыскать жилище в отсутствие хозяина? Дешевый номер для бездарей. Нет, мы тщательно простучим каждый сантиметр стен, полы, если надо, подыдем — но... в присутствии дантиста. И ты будешь глядеть не отрываясь в его зрачки! Как только они превратятся в точку, заходит кадък, побледнеет — значит, там ищем! И сделаем это завтра.

Жеребцов полюбопытствовал:

— Аполлинарий Николаевич, что это? Какие фото на столе?

— Это Гартье в свое время забрал у родственников портреты пропавших женщин. Посмотри внимательней, что у них общего?

— Все молоды, хорошенькие.

— И еще: заметь, они все, как наша Манька, брюнетки и с крупными, объемистыми бюстами. Красота, я сказал бы, одного порядка! Все они, по справкам, не от-

личались безупречной нравственностью. То есть можно было подойти на улице, пообещать деньги, и они пошли бы за незнакомым. Впрочем, утро вечера мудренее. Я пришлю горничную Глашу, она тебе здесь, в кабинете, на диване постелит.

...Всю ночь Жеребцову снились бандиты, захватывающие дух погони и округлые прелести Глаши.

Тщетные предосторожности

Ровно в девять утра в Большом Гнездиновском произошло встреча: Соколов, еще накануне соединившись по телефону 171-86 с владельцем загадочного дома по Старой Басманной неким Половинкиным, пригласил его к себе: «Для конфиденциального разговора!»

Этот Половинкин, оказавшийся зажиточным владельцем многих домов и желчным нервным господином, никак не мог уразуметь, зачем господа сыщики желают осмотреть его дом.

— Городская управа хочет его купить под наши нужды, — соврал Жеребцов. — За о-очень большие деньги.

— Поехали, — сразу же согласился Половинкин.

Путники поймали какого-то ваньку и скромненько отправились на Басманную. Хотя Соколов был в штатском неброском костюме, но его величественный вид, строгий взгляд умных глаз создавали впечатление чего-то генерал-губернаторского. Он внушительно произнес:

— Господин Половинкин, ни в коем случае не говорите вашим жильцам, что мы из сыска. Не следует волновать умы.

Половинкин в ответ что-то буркнул.

...Сначала для проформы зашли в хозяйские апартаменты. Бегло огляделись и направились к дантисту. В кресле у того, открыв рот, сидела богатая пациентка.

— Это супруга городского головы Гучкова, — с придыханием шепнул Половинкин. — Важная дама!

Дантист зашевелил усищами:

— Что угодно, любезные?

— Простите за беспокойство, — самым душевным тоном изрек Соколов, — осматриваем здания города, чтобы предотвратить обвалы.

— Господа из городской управы, — выпалил глупый Половинкин.

Дама, продолжая держать рот открытым, удивленно вытаращила глаза: сотрудники ее мужа, но она таких никогда не видела.

Дантист гневно раздул щеки, отчего палкообразные усы зашевелились:

— И что вы намерены в моем доме делать?

— Осмотрим состояние кладки и быстро уйдем, — миролюбиво ответил Соколов. И поклонился даме: — Извините, такая у нас работа. — Кивнул Жеребцову: — Николай Иванович, приступайте.

Квартира дантиста ничего примечательного не представляла. Кроме обычных удобств и спальни, были крошечный зубоврачебный кабинет и обширная гостиная с мраморным камином, диваном, книжным шкафом, малиновой козеткой и прочим. Зато на стене, отделявшей от хозяйской половины, висел громадный персидский ковер, от пола до потолка увешанный старинным оружием: алебардами, пистолетами и ружьями, пищалью с золотой насечкой, булатной саблей, цепью гремачей, плеткой с серебряным набалдашником и еще чем-то.

После беглого осмотра Соколов приказал:

— Николай, займись жилыми помещениями, а я спущусь в подвал.

Жеребцов старательно осмотрел полы — не подымали ли паркет, простучал наружные стены — нет ли полого звука, побывал на чердаке и даже слазил в печь и камин — ничего интересного!

Дантист криво усмехнулся:

— Этот дом к вечеру не рухнет?

— Нет, еще долго простоит, — ответил Соколов, поднявшийся из подвала. Когда сыщики вышли на улицу, он добавил: — В подвале человеческая рука ни к чему лет двести не прикасалась!

...Как доложит наружная служба, дантист сразу же побежал к начальству — жаловаться на самоуправство.

Кошки-мышки

Вечером того же дня Гартье и Соколов были вызваны к градоначальнику Адрианову. Генерал-майор гневно размахивал руками:

— Как вы смеете врыватья в частные дома? Почему беспокоите честных обывателей? У дантиста Лепиньша

прекрасные характеристики, у него лечатся достойные люди!

Гартье дрожал как осиновый лист, а Соколов насмешливо проговорил:

— Александр Александрович, у дантиста Лепиньша уже два года никто не лечится: он тихо лежит на кладбище. Об этом — телеграмма Кошко. А уважаемый вами лекарь должен ответить: куда делись пять женщин? Да и шестая, войдя к лже-Лепиньшу в дом, бесследно исчезла. Заодно неплохо бы узнать его подлинное имя.

Соколов не сказал, что успел отправить для опознания в Ригу фото дантиста, добытое «оперативным путем». И еще он приказал усилить наблюдение за дантистом: «Дышать ему в затылок, куда бы он ни пошел, демонстративно сидеть на скамейке возле его дверей. Пусть видит, что он у нас на крючке, и пусть нервничает, авось и проколется в чем!»

Зато Жеребцов начал сомневаться:

— В доме трупов нет! Может, дантист не убийца? А то, что живет по чужому виду — мало ли таких! Я бы за фальшивый паспорт арестовал его, допросил, и дело сразу бы прояснилось.

— Если он убийца — то трупы не выдаст, за свою шкуру будет бороться. Давайждемся ответа из Риги. Но пока кое-что предпримем, — и Соколов поделился своей задумкой. Жеребцов был в восторге: он хохотал, хлопал в ладоши и с нетерпением стал ждать ночи — время осуществления плана.

Загробные голоса

Ночью под окнами спальни дантиста раздался хор женских голосов, жалобно стенавших: «Душегуб, почто жизни нас лишил? Ах, горько нам!»

Дантист, чей сон прерван был столь жутким способом, подскакивал к окну, кричал в темноту: «Кто тут? Чего вам?» Ответа не было. Проходило полчаса, и вновь раздавался стон: «Убийца, душегуб!»

С первыми лучами солнца, взлохмаченный, с торчащими усами, в ночной пижаме, дантист с шумом распахнул дверь. Увидав агента, сидевшего на пороге, обрадовался, заикаясь, спросил:

— Ночью вы, извините, были? Голоса слышали? Женские...

Иван Гусаков строго отвечал:

— Да, господин дантист, всю ночь, скажу прямо, дежурил. Но насчет голосов — это у вас мерещенье слуха.

Дантист печально поник:

— Нет, голоса явственные. Более того... — Дантист подумал и достал из кармана фото — шесть изображений женщин. Шепотом произнес: — На полу возле окна лежали. Неужели никого не заметили?

— У меня муха не пролетит! — гордо сказал Гусаков. — Эй, Новиков! Ты с торца стоял, голоса женского рода слышал?

Появился квадратный парень крестьянского вида, удивился:

— Никак нет, Иван Матвеевич, такого ничего не было. Всю ночь тишина, вот разве кузнечики...

Дантист ничего не сказал, ушел в дом, откуда целый день не появлялся, и прием не вел. Ночью все повторилось заново: женские стенания, крики и проклятия дантиста, однажды пальнувшего в окно из антикварной пиццали.

Последний вздох

На другое утро, спозаранку, в квартире Соколова зазвонел телефон.

— Господин полковник, Аполлинарий Николаевич, это Гусаков-папаша беспокоит. Скорей приезжайте, дантист яд принял, благим матом орет.

Менее чем через десять минут Соколов прибыл на место. Дантист в судорогах катался по полу. Дыхание было прерывистым, голова судорожно откидывалась назад, зрачки сходились на переносице:

— Челябуху при-ня-ял... — прохрипел он. — Скорее, в больницу... Хочу жить!

— Где трупы? — грозно крикнул Соколов. — Пока не скажешь, в больницу не отправлю.

Дантист страшно застонал, дернул головой:

— Под ковром!

Соколов сорвал со стены персидский ковер, он тяжело грохнулся на паркет. На стене под потолком желто отсвечивала большого размера бронзовая крышка. Сыщик пододвинул к стене стол, поднял валявшийся на полу старинный кинжал и, вставив в зазор, нажал на рукоять. В

образовавшуюся щель просунул ладонь, натужась, приподнял крышку. Тут же пахнуло смрадом.

— Ясно, крышка закрывает вентиляционный короб. Дантист сюда и сбрасывал трупы. В подвале наверняка в незапамятные времена хранились припасы. Но потом стену укрепили, вентиляционный вход замуровали. Ковер с оружием был повешен не случайно. Маскировка удалась. — Так говорил Соколов успешему прибыть Ирошникову. — Юрий Павлович, отправь это исчадие ада в Лялин переулок, в полицейскую больницу.

Ирошников взглянул на звериный оскал застывшего лица:

— Поздно...

Эпилог

Из Риги пришел ответ: *«Изображенный на фото дантист Густав Хинцельберг, половой маньяк, убийца, был задержан на месте преступления. Бежал из-под стражи. Отравил приютившего коллегу Альфреда Лепиньша и завладел его паспортом. Находится в розыске».*

Из вентиляционной скважины извлекли шесть женских трупов разной степени разложения. Они были умерщвлены одинаковым способом: сначала принимали большую дозу снотворного, затем маньяк руками душил свои жертвы и совершал никрофильский акт. При этом кусал у трупов груди. Отпечатки зубов преступника совпали с местами укусов.

Марьям Гулямдину хоронили со всеми почестями. Был венок от столичного сыска. Старый Гулямдин взял в свой дом сиротку Розалию, вздохнув: «Бэтэн якшэ эшьне аллага тапшэрамэн!», что означало: «Всякое доброе дело угодно Аллаху!» И то верно.

ЛЕТАЮЩИЙ ТРУП

Мрачная тайна этого преступления, казалось, никогда разоблачена не будет. Злодеи проявили истинно дьявольскую изощренность. Аполлинарий Соколов признался газетчикам: «Когда я принялся за это дело, мне казалось, что стою перед высоченной глухой стеной, преодолеть которую — выше сил человеческих...»

Под звон гитары

Знаменитый трактир Егорова помещался в Охотном ряду. По необъяснимой причине, это заведение полюбили жандармские офицеры, сыщики, полицейские, секретные агенты. Бельэтаж заполнялся нижними чинами. Здесь было дымно, шумно и громко играл орган — «Коль славен» и «Боже, Царя храни».

Более важный народ поднимался по мраморным ступеням на второй этаж. В просторном зале сияли громадные зеркала, звенел хрусталь, негромко разливалась струнная музыка.

Вот и теперь полковник Соколов, кинув легкое пальто в руки почтительного швейцара, вытирая большим платком лицо, влажное от дождя, бодро вошел в зал. Суета лакеев, запах кушаний, приятное тепло нагретого воздуха, приветствия знакомых (а кто в Москве не знал Соколова!), не могли вывести его из задумчивого состояния.

За Соколовым, на длинных ногах, обутых в невообразимого размера штилеты, вышагивал Жеребцов. Именно он должен был сообщить подробности странного преступления, которое занимало знаменитого сыщика.

Лакей Семен — молодой услужливый парень из ярославцев, одетый в кумачевую рубаху навывпуск и в козловых сапожках, спешил с поклонами:

— Наше почтение-с! С удовольствием желаю знать о вашем аппектите. Нынче у нас упоительные омары с грибами — специального человека из «Яра» переманили. Свежие устрицы, копченый угорь под тонким соусом «Прованс», цесарки фаршированные, кулебяка с вязигой. Стерлядь прикажете кусками по-американски или в шампанском?

Соколов нетерпеливо прервал:

— Мне нынче не до разносолов. Тащи селедку с картошкой, огурцы малосольные да борщ. Графинчик чтоб ледяной был. Беги! — И к Жеребцову: — Рассказывай, что выяснить удалось?

Тот, желая подчеркнуть собственную исключительность, с азартом заговорил:

— Ведь днем минуты спокойной не дают! Так я вчера вечером оставил на службе Ирошникова, стали мы дактилоскопическую картотеку в порядок приводить. Вдруг телефон! Как вы, Аполлинарий Николаевич, приказываете, я сразу на часы посмотрел: уже без десяти минут двенадцать. Мужчина говорит, а сам страшно взволнован: «Я солист Большого театра Иван Арчевский. Живу в доме номер три — угол Малой Дмитровки и Настасьинского переулка. Сейчас открыл парадную дверь, а там, на площадке, человек лежит: стонет и вся спина в крови. Я даже руки измазал! Пригляделся, ба! Да это мой сосед фельдшер Попов, в пятом номере живет. Скорее приезжайте!»

Мы с Ирошниковым вскочили в коляску — десяти минут не прошло, как были на месте преступления. Попов лежал в луже крови. Его ударили под левую лопатку, но сердце не задела. Я спросил: «Кто на вас покушался?» Попов простонал: «Не знаю, врагов у меня нет...» У него даже кошелек из кармана не взяли. Мы отправили его в ближайшую больницу — Екатерининскую, это на Петровском бульваре. Но по дороге он скончался.

Подозрения

Соколов глубоко задумался, даже перестал борщ есть. Потом сказал:

— Но у этого преступления должны быть мотивы. На такое злодейство преступника должна толкнуть острая необходимость.

— У меня есть подозрения, — заметил Жеребцов, пропустив рюмку водки. — Попов служил в Императорском

Вдовьем доме на Садово-Кудринской. Я утром был там. Все о покойном отзываются тепло: «Тихий, исполнительный человек, ни с кем не ссорился». Но... владелица дома, где жил убитый, мадам Тюляева мне сообщила, что у жены Попова роман. С кем вы думаете? С тенором Арчевским, тем самым, что позвонил в сыск.

— Ты, дитя природы, желаешь сказать, что знаменитый тенор из-за страсти зарезал соперника?

Жеребцов азартно воскликнул:

— Конечно! Артисты все балухманные. Жена Попова — Маргарита, сообщила артисту о позднем дежурстве мужа. Тот выследил и... А потом нам позвонил: дескать, алиби! Старый трюк. Ведь больше некому.

Соколов вынул золотой хронометр, который недавно купил в магазине «Павел Буре» (Кузнецный мост, 1) за 450 рублей:

— Скорее в морг! Там Павловский экспертизу проводит.

В царстве мертвых

Уже через несколько минут сыщики въезжали в старинные ворота Екатерининской больницы. Слева от церкви — приземистое сооружение о четырех изящных арочных окнах — морг. (Впрочем, он и ныне там.)

К сыщикам вышел приземистый человек в переднике, забрызганном кровью. Почесал бороду в мелких кудряшках, он представился:

— Паталогоанатом Марков! Вы, я вижу, из полиции? Павловский там...

Сыщики вошли в помещение. На секционном столе лежал труп. Большие руки вытянулись вдоль туловища, подбородок остро задран вверх. Сквозь желтую кожу резко проступали ребра. Павловский возле раковины мыл руки:

— Я зашил раневое отверстие — чтоб кровотечения не было. Коля, подхвати за плечи, перевернем на живот. Нож прошел в плевральную полость — вот тут, левее сердца. Убийца, думаю, неопытен, промахнулся, в сердце не попал. Однако повреждена нижняя доля легкого. Попов скончался от массового кровоизлияния в плевральную полость — до двух литров. Направление раны — сверху вниз.

— Фью! — присвистнул Соколов. — Убийца длиннее высокого Попова.

— Как Арчевский! — обрадовался Жеребцов.

— Тебе, дитя природы, хотелось бы как во времена Тайной палаты вздернуть тенора за ребро, — насмешливо сказал Соколов. — Тогда он принял бы на себя все убийства от сотворения мира. Негоже так! Жестко можно допрашивать тогда, когда ты совершенно уверен в вине человека. Я сам допрошу тенора. Привези его, но — смотри у меня! — вежливо.

Пустые хлопоты

Арчевский сразу же признался в амурных проказах:

— Вы, любезный граф, желаете регламентировать мою личную жизнь? Маргарита молода, красива и даже умна. Чувства у нас взаимные. Обманывали покойного мужа? Ах, можно подумать, что вы, граф, исповедуете монастырские нравы.

— Кто, на ваш взгляд, убил Попова? Кому помешал этот безобидный человек?

Арчевский окончательно вспылил:

— Это ваша работа — выявлять преступников. А у меня, простите, для вас нет больше времени. Если не найдете убийцу, то обязательно напишу своему земляку и другу, а вашему министру, Столыпину: «Петр Аркадьевич, в Москве убийц перестали ловить». Адю!

...Жеребцов с извинениями отвез тенора к служебному входу в Большой театр — «на репетицию». Сам же отправился опрашивать знакомых Попова.

Соколов до глубокой ночи встречался с осведомителями и разного рода бандюгами. Сыщик пошел на крайность:

— Сдайте того, кто Попова «замочил», вот — две тысячи! — отдам, из своих денег!

— Аполлинарий Николаевич, век свободы не видать, не знаем!

...Уже за полночь, Соколов, на сон грядущий, сидя за стаканом кефира, просматривал газеты. Вдруг глаз резануло сообщение в траурной рамке:

«Вдова и дочери коллежского советника Александра Порфирьевича ПОПОВА с глубоким прискорбием сообщают о безвременной кончине горячо любимого мужа и отца. Панихида и похороны 24 сентября в 12 часов утра на Ваганьковском кладбище».

«Надо съездить, — решил Соколов, — поддержать бедную женщину».

Дела кладбищенские

На другой день, не заезжая в сыск, Соколов из дома отправился на Ваганьковское кладбище. Было начало двенадцатого. К своему удивлению, уже возле ворот он увидел вдову Попова. Вся в трауре, который весьма шел к ее белокурым волосам, она нервно сказала:

— Почему-то задерживается катафалк! Я вчера была в Екатерининской больнице, сдала погребальную одежду доктору Маркову — такой любезный человек с бородкой. Он сказал, что в восемь утра можно забрать Александра Порфирьевича. Катафалк любезно согласился проводить мой сосед Арчевский. Но их все нет...

Вдруг, срывая с узды пену, подкатил лихач. Из коляски выпрыгнул Арчевский. Увидав Соколова, он обрадовался, отвел его в сторону:

— Как хорошо, что вы тут! Прямо не знаю, как Марго сообщить, да и вам это знать интересно. Видите ли... из морга, кажется, исчез труп Попова. Я думал, что шутка какая дурацкая. Все палаты больницы обшарили, чердаки. Нету трупа! Вместе с гробом пропал. Улетел, что ли? Я уже сообщил по телефону господину Жеребцову. Он в больнице следствие ведет. Ах, тяжелая и неприятная миссия — сообщу Маргарите.

...Вдова, услышав новость, грохнулась без чувств.

О пользе некрологов

Три дня Соколов ни ел, ни спал, ходил, как в воду опущенный. Он заявил Гартье: «Если это дело не раскрою, уйду в отставку!»

На четвертую ночь, наконец, усталость одолела его богатырскую натуру. Он забылся в сне — легком поверхностном. Вдруг среди ночи вскочил как ошпаренный. Быстро, быстро оделся, выскочил на ночную улицу. Возле арки Красных ворот дремал какой-то ванька. Соколов засунул в рот два пальца, оглушительно, по-разбойничьи свистнул:

— Эй, олух Царя Небесного, гони к Публичной библиотеке.

Библиотечный сторож, чей покой нарушил сыщик, долго не желал открывать. Тогда Соколов заорал:

— Я сейчас тебя, старый пень, арестую за пособничество убийцам и сопротивление законной власти! — и нада-

вил с такой страшной силой, что громадная дверь затрещала. После этой атаки сторож сдался.

Влетев в зал периодики, Соколов стал лихорадочно листать последние номера газет. Вдруг радостно гикнул, обхватил сторожа поперек талии:

— Вот оно! Думали Соколова обхитрить — не вышло! На дед, тебе за удачу — четвертной билет. Вспоминай наших! А газетку, извини, на память возьму.

Головешки

Положив перед Гартье «Московский листок», Соколов в радостном возбуждении громко говорил:

— Меня словно молния озарила: я всю подлость этих мерзавцев враз раскусил! Я не знал, кто конкретно пошел на такое, но понял суть негодяйства. Все это сделано ради страховки! И точно, стал листать газеты, вижу знакомое имя — Санька Темчук! Вдова, вишь, некролог опубликовала: «Безутешное семейство со скорбью сообщает о невозвратимой утрате...» А сам этот Санька, аферист знаменитый, сейчас где-нибудь чай распивает. Он давно в розыске. А тут сразу захотел двух зайцев подстрелить: и нас с толку своей «смертью» сбить, и деньги по страховке заграбастать. Надо проверить эту версию, всех наличных агентов по страховым компаниям разослать. Ты, Жеребцов, давай в «Россию» на Соплянке, а я в «Якорь»...

На втором этаже дома № 11 по Большой Лубянке управляющий Фейгин, чистенький лысенький человечек, подтвердил:

— Да, Александр Борисович Темчук застрахован у нас на максимальную сумму — 200 тысяч рублей. Две недели назад только застраховался — и вот вам, сюрприз! Но вчера была вдова, все документы у нее в порядке: и справка о смерти, и газетный некролог — это входит в правила о страховке, давать некролог. Во избежание обманов.

...В ту же ночь на Лазаревском кладбище, где, согласно газетному извещению, был похоронен Темчук, провели эксгумацию. Гроб подняли из земли, откинули крышку: в нос шибануло гнилостным запахом. Арчевский, которого Соколов попросил присутствовать на этой печальной процедуре, проявил мужество. При свете фонарей он взгляделся в лицо покойника:

— Да, это Попов... Только откуда громадные усы взялись?

Ирошников дернул за усы, и они... остались у него в руке.

Труп положили на приготовленный загодя стол, обнажили спину: под левой лопаткой виднелся шов, который наложил в морге Павловский.

Арчевский, который вел теперь себя вежливо, с удивлением сказал:

— Но как покойный похож на того афериста, которого, граф, вы показали сейчас мне на фото!

...За домиком «покойного» Темчука велась постоянная слежка. Гусаков-сын утром ворвался в кабинет Соколова:

— «Вдова» сегодня ночью спалила свой дом в Марьиной Роще. Мы с отцом дежурили и слышали, как она ведром гремела. Оказывается, керосином поливала. Там теперь одни головешки. А сама села на извозчика и отправилась на 2-ю линию в Сокольниках. Она сейчас в доме, на воротах которого табличка:

«Доктор Георгий Иванович Марков».

Будем брать?

...Через час сыщики ворвались в дом Маркова. Вся троица сидела за столом и вкушала завтрак.

Положение во гроб

Темчук, двухметровый гориллообразный мужик, густо заросший волосом, нагло кипятился:

— Никого я не убивал! Труп, виноват, похитил — хотел урвать по страховке. *Мокруху* мне не докажете. Свидетели есть? Так и на суде скажу присяжным: «Безвинно страдаю!»

Соколов добродушно засмеялся:

— А кто тебя, подлеца, суду предаст? Я своими руками сегодня же ночью тебя в твою же могилу положу. Ведь ты все равно вроде покойника, только гораздо хуже: для людей опасный.

Санька презрительно сплюнул:

— *На понт*, начальник, берешь!

...Около полуночи на Лазаревском кладбище показалась странная процессия. Несколько сыщиков, светя электрическими фонарями, двигались между могил, вели громадного

мужика. Руки у него были связаны. Остановились возле разрытой могилы. Рядом валялась дощечка: «А. Е. Темчук, скончался в 30 лет».

Соколов подтолкнул вперед Темчука:

— Видишь, и гроб от убитого тобою Попова освободили. Ложись, не бойся. Мы тебя хорошо закопаем. Ты живым в гробу часа четыре пролежишь. Обдумай свою поганую жизнь. Раскайся. Ну, давай...

Темчук откинулся всем телом назад:

— Нет, не надо! Не буду!

Два агента затолкали его в гроб, прихлопнули крышку. На веревках гроб пополз в яму. Из гроба раздался жуткий крик:

— Все, все расскажу! Это Марков меня научил! Задыхаюсь!..

После некоторой паузы, гроб вновь подняли. Смертельно побледневший и враз поседевший Темчук, захлебываясь и размазывая слезы, говорил:

— Доктор Марков этого самого Попова давно знал. Привязался ко мне: «Похож, как две капли воды... Убей, никто в гробу не отличит, справку о смерти выдам, а страховку поделим». Ну, я и того... И совсем повезло: Попова прямо в Екатеринскую больницу привезли, где Марков в морге доктором. Он труп без всяких яких выдал моей Маньке. Народ хоронить собрался, все поверили, что это я в гробу. Смешно прямо!

— А если бы в другой морг поместили труп?

— Мы бы его выкрали. Это легко: через забор швырнул, на телегу и — хорони. Я про такие делишки еще у себя в Гомеле слыхал. А Манька в «Саламандре» и хату мою застраховала, и «красного петуха» пустила. Как это вы смекнули? Такое хитрое дело! Не закапывайте в могилу, век благодарен буду, — и он дурашливо завыл.

Эпилог

Обер-полицмейстер генерал-майор Яфимович вызвал к себе Соколова, кипятился:

— Из Бутырок жалоба пришла, вы людей бесчеловечно в могилу опускаете! Что за самоуправство?!

— А вы, генерал, предлагаете мне с убийцами пиво с раками пить? Случай нужный будет — и опять в гроб положу.

Дерзость осталась без последствий.

Всю преступную тройку на годы отправили на Сахалин.

Еще прежде, Соколов с Жеребцовым пришли в трактир Егорова. Соколов сказал услужливому лакею Семену:

— Неси-ка, братец, и угрей копченых, и устрицы, и стерлядь в шампанском. Такое дело раскрутили, что трудней не бывает!

Сыщик ошибся. Вскоре его ждало еще более крутое преступление.

КРОВАВАЯ ТЬМА

Эта история дважды заставила говорить о себе. Первый раз, когда было совершено хитроумное и жестокое преступление. Второй — когда стали известны подробности его разоблачения.

Прощальный ужин

Гартье прощался с сотрудниками. На его место был назначен начальник рижского сыска Аркадий Кошко.

По давней традиции собрались в трактире Егорова в Охотном ряду. Столы были сдвинуты и накрыты камчатыми скатертями. Они ломились от изобилия закусок, запотевших графинчиков и бутылок.

На сцене с удивительными выкрутасами наяривал на балалайке мужичок в светлой косоворотке, расшитой по высокому вороту и подолу золотой ниткой.

Обстановка, как это обычно бывает при прощании, была немного грустной. Гартье, расчувствовавшись, склонился к сидевшему рядом Соколову:

— Славно мы с тобой поработали, Аполлинарий Николаевич! Хотя, признаюсь, методы твои порой слишком... своеобразные. Как же ты отважился лечь в постель с убийцей-маньячкой?

Изрядно разогревшийся, Ирошников ядовито расхохотался:

— Это что, куда веселей было, когда подозреваемого живьем в могилу клал!

— Не подозреваемого, а убийцу Саньку Темчука, — добродушно заметил Соколов. — Ему там самое место.

Гартье налил водки Соколову и себе. Залпом выпил, мотнул головой и с аппетитом закусил соленым крепким груздем. Жарко дыхнул в ухо:

— Я тебе прямо скажу: ты русский самородок. Ну, как Шаляпин на сцене. Таких любит публика, но начальство... терпеть не может. Знаешь почему? Потому что какой-то злой рок у нас на Руси в начальство выводит бездарей. А бездарь обязан ненавидеть талант... физиологически. Впрочем, про Кошко все хорошо говорят. Выпьем под анчоусы?

Соколов много пить не любил. И он никогда пьяным не бывал — алкоголь его не брал.

Срочный вызов

В этот момент в дверях появился шофер Галкин — как всегда, весь в коже, промасленный, прокопченный, на версту пахнувший бензином. Разглядев сослуживцев, на ходу делая извиняющие движения руками, он, оставляя мокрые следы на паркете и коврах, подошел к Соколову:

— Простите, Аполлинарий Николаевич! Господин Кошко очень просит вас отправиться в «Габай». Звонил по телефону городской, там убийство. — Подняв голову, Галкин кивнул Ирошникову и Павловскому: — Вам тоже приказывают отставить закуски!

Так было прервано прощание сыщиков со своим, уже бывшим командиром. Но когда сыщик располагал собой? Тревоги, облавы, трупы... Едва вышли из светлого и теплового помещения на улицу, как в лицо ударил мокрый колючий снег. Стоявшая последние дни сухая погода с час назад сменилась ураганным ветром и бешеным снегопадом.

От Охотного ряда до Петровки — рукой подать. Но пока открытый «рено» несся по заснеженной мостовой, веером разбрызгивая жидкую мокрядь, Соколов успел изрядно промокнуть. Автомобиль затормозил на углу Петровки и Кузнецкого переулка. Большой богатый дом, весь в лепнине, украшала, отражая свет уличного фонаря, громадная зеркальная вывеска:

*«Товарищество С. ГАБАЙ.
Папирсы, табак».*

Перепрыгнув через лужу, Соколов вошел в ярко освещенный мраморный вестибюль. К нему тут же двинулся навстречу Кошко — с короткой профессорской бородкой, густыми, с проседью усами, умными лукавыми глазами. Он дружески сказал:

— Тысячу извинений, Аполлинарий Николаевич! Я это дело хочу поручить вам. Один сторож убил другого и сбе-

жал. Впрочем, бухгалтер «Габая» вам все расскажет. Господин Латышев!

Стоявший рядом с городовым худощавый человек лет тридцати с нервным, но довольно приятным лицом, на котором выделялись большие печальные глаза, двинулся к сыщикам. На Латышеве было надето легкое пальто спортивного покроя с небольшим шиншилловым воротником шалькой, мех которого серебристо блестел в свете электричества. Он вежливо поклонился и, заметно сдерживая естественное волнение, сказал:

— Я пятый год служу в «Товариществе Габай», бухгалтером. Я месячные отчеты готовлю, по обыкновению, дома, там ничто не отвлекает. Сегодня сел за стол, разложил документы, и — на тебе! Забыл отчетность по нашему петербургскому филиалу. У нас большой магазин на Невском, 66. Что делать? Живу я неподалеку, в Камергерском, 5, это владение Обуховой. Прибежал, а тут... — Латышев облизнул пересохшие губы. После потрясения, которое он пережил, молодому человеку было трудно говорить. Однако он справился с волнением, продолжил:

— У нас два сторожа. Один — Сергей Морозов, уже года два служит, он ярославец. Другой — пятнадцатилетний Ванечка Семенов. Его папаша в оптовом отделе был, да на Троицын день помер. Вот сыночка и взяли. Сирота он. Чудесный такой, голубоглазый!

Латышев опять разволновался, высморкался в большой белый платок и с трудом произнес:

— Они вдвоем так и сторожили, чтоб надежней было. Значит, пришел я, кнопку электрического звонка нажимаю. Они сидят на втором этаже возле лестницы — там удобная подсобка с топчанами. Звоню, звоню, никто не выходит. Что, думаю, за арифметика? А дверь потянул, она и открылась. Свет я не стал на всякий случай в вестибюле зажигать, поднялся на второй этаж, толкнулся в подсобку, а там, — Латышев разрыдался, — Ванечка мертвый лежит, вся голова проломлена.

— А где сторож Морозов? — спросил Кошко. — В то-то и дело, что сбежал Морозов. Нигде его нет. Я бросился вниз, а там, прямо возле подъезда, городской проходил. Такое счастье! Я его пригласил сюда, он вам и позвонил по нашему телефону.

В это время подъехал Галкин. Он привез Павловского и Ирошникова. Они ездили в сыск за инструментарием и фотоаппаратом.

— Подыдемся, господа, осмотрим место происшествия! — предложил Кошко и ступил на мраморную лестницу.

Срок смерти

Комната сторожей представляла страшное зрелище. На полу валялся худощавый, небольшого роста мальчик. Голова его была проломлена так, что из раны вылезла желеобразная, окрашенная кровью масса — мозги.

Все невольно смолкли, даже перестали скрипеть ломким паркетом. Всех поразило странный звук, похожий на чавканье. Под столом, возле лужи натекшей крови, сидела с красной мордой кошка и жадно лизала.

Латышев топнул ногой:

— Тыфу, ведьма! Пошла прочь! Она у нас на чердаке живет. Недавно окотилась. Надо же, — он помотал головой, — человеческую кровь употребляет!

Кошка шарахнулась на лестничный марш, да там и осталась, испуская жалобное мяуканье.

Медик Павловский констатировал причину смерти: «Перелом костей свода черепа округло-продолговатым предметом». Оголив ягодицы трупа, он вставил в прямую кишку градусник. Любезно пояснил заинтересовавшемуся этой процедурой Латышеву:

— Труп каждый час остывает примерно на два градуса. Вот сейчас мы узнаем температуру и очень точно установим время убийства.

Вскоре, взглянув на градусник, Павловский удивился:

— Температура 34,7. Получается, что убийство совершено менее часа назад. Поразительно!

Жеребцов тем временем звонил в полицию:

— Дежурный, посмотри, у нас есть что-нибудь на Морозова Сергея Ильича, 25 лет, уроженец Ярославской губернии?

Через пять минут он докладывал Кошко и Соколову:

— Сторож Морозов проживает на Трубной площади в доме купчихи Кононовой. Два раза привлекался к суду за воровство. В позапрошлом году за воровство денег из посудной лавки Гольдмана отбыл трехмесячный срок в губернской уголовной тюрьме на Таганке.

Кошко задумчиво почесал ухо:

— Хорош фрукт! К чужому добру тянет молодца. Господин Латышев, Морозов что-нибудь мог похитить?

— В несгораемом шкафу — 80 тысяч наличных, но вскрыть его практически невозможно. Сейф в кабинете председателя. Кстати, я уже звонил ему по телефону, хотел пригласить сюда, но горничная сказала, что он в отъезде. Пошли, господа полицейские, на всякий случай проверим сохранность ценностей. У меня есть ключи.

Огонь свечи

Громадная филленчатая дверь оказалась отпертой. Кошко достал увеличительное стекло, внимательно осмотрел замок. Весело произнес:

— А злоумышленник снимал отпечаток замочной скважины! Тут очевидные следы воска.

— Ну, стало быть, и сейф открыт! — уверенно сказал Жеребцов.

И оказался прав. Злоумышленник, видимо, подделал ключ, открыл несгораемый шкаф и даже поленился закрыть.

Кошко подозвал Латышева:

— Взгляните, что похищено?

Латышев взглянул едва, как тут же ахнул:

— Это что творится! Похищены все наличные. И моих документов нет. Как же я сумею сделать отчетность?

Кошко указал на капли стеарина возле сейфа:

— Вот, коллеги, указание на то, что преступник пользовался свечкой. Он побоялся включить электрическое освещение, чтобы не привлечь внимание с улицы.

Соколов все время хранил молчание. Он лишь цепким острым взглядом следил за происходящим. Вдруг обратился к Латышеву:

— Где ночные сторожа оставляют верхнюю одежду?

— Гардероб общий — внизу, возле входа. Я, извините, пальто снять не успел. Едва вошел, вся кутерьма началась. А вы, господа полицейские, раздевайтесь, здесь тепло, про-топлено.

Дорога наверх

Кошко во всем любил обстоятельность и передовую методику, что, отдадим должное, не мешало ему быть талантливым сыщиком. Вот и теперь он опустился в кресло и деловито произнес:

— Коллеги, присаживайтесь! Подведем первые итоги расследования. То, что убийца — Морозов, факт очевидный. Как человек свой, он, видимо, пронюхал о больших деньгах в сейфе. Оставаясь на ночное дежурство, Морозов без помех сделал восковые оттиски замков и по ним изготовил ключи.

— Единственная помеха — мальчик Семенов! — отметил Ирошников, успевший закончить фотосъемку.

— Правильно, Юрий Павлович! — блеснул стеклышками пенсне Кошко. — Семенов устраняет эту помеху — убивает ребенка. Забрав деньги, он бежит. И не пояись господин Латышев, об этом преступлении никто бы не узнал до утра. Убийца был бы далеко.

Латышев печально улыбнулся:

— С таким богатством — хоть в Южную Америку!

— Чтобы не вылавливать Морозова в Южной Америке, надо отловить его здесь. — Кошко обратился к Соколову: — Аполлинарий Николаевич, я думаю, что следует незамедлительно послать агентов к убийце домой на Трубную, а также установить круг его родных и друзей — все эти адреса проверить. Ну и конечно — слежка на вокзалах. Вы согласны с планом? Тогда быстро действуйте.

Кошко, разумеется, был немало наслышан о своеобразных подвигах Соколова. И он с самого начала пожелал поставить великого сыщика на его место — место подчиненного.

Соколов удивленно поднял бровь, как это делает мудрый учитель, услышав глупость нерадивого ученика. Подняв в воздух палец, он произнес:

— Вы слышите, как жалобно мяукает кошка? Это она тоскует о своих беспомощных котятках на чердаке, куда по какой-то причине не может попасть. Как, — на лице Соколова было почти непритворное изумление, — вы, господа сыщики, не знаете кошачьего языка? Ай-яй-яй! Не понимать столь простых вещей очень стыдно. — Он поманил пальцем Латышева: — Дай-ка ключ от этого кабинета.

Все удивленно выкатили глаза, а Латышев суетливо протянул ключ.

— Всем сидеть в кабинете, пока я не вернусь! — с нарочистой строгостью произнес Соколов, кивнул Жеребцову: — За мной! И возьми фонарь! — и когда друзья-сыщики затворили за собой дверь, Аполлинарий Николаевич закрыл ее на замок — на два поворота.

За дверями послышался возмущенный крик Кошко:

— Что за безобразие? Прекратить хулиганские выходы! Сегодня же подам рапорт — или я, или Соколов!

Соколов позвал кошку:

— Кс-кс! Пошли на чердак. — Поднявшись наверх, они, к своему удивлению, заметили, что дверь на чердак плотно притворена.

— Позвольте мне! — Жеребцов дернул, и громадный замок вылетел вместе с петлями. Хорошо иметь богатырскую силу!

Пепел и кровь

Едва дверь открылась, как кошка с ласковым мурлыканьем бросилась к своим беспомощным чадам, жалобно пищавшим в углу.

Жеребцов осветил ярким электрическим фонарем помещение. И тут же удивленно вскрикнул:

— Аполлинарий Николаевич, чердак весь покрыт лежащей пылью, а от дверей до слухового окна — словно дорожка проторена!

Сыщики подошли к слуховому окну. Соколов невесело усмехнулся:

— Один из шедших по чердаку продолжил свой путь дальше — по крыше и вниз, к смерти! Смотри, на свежесвыпавшем снеге отчетливо видна скользящая полоса. Тот, кто падал — а это был Морозов, — первым поднялся на крышу. Он еще не успел до конца выбраться из слухового окна, как получил мощный толчок сзади — и грохнулся во двор. Осмотрим чердак и пойдем за Морозовым!

Жеребцов скользнул лучом фонаря по полу, и сыщики увидели, что следы одной пары ног ведут к стропилам. Как за путеводной нитью Жеребцов проследовал по этим следам и снял с верхнего бревна молоток. Он был весь залит свежей кровью.

Тут же лежала свежая кучка пепла. Это тщательно жгли бумаги.

Второй труп

Сыщики спустились вниз. Здесь скучал городской, звонивший в полицию и теперь поставленный охранять вход. Соколов перебрислся с ним несколькими словами и приказал:

— Пошли с нами!

В глухом нежилом дворе, недалеко от стены, лежал мужчина с проломленной головой. Соколов взял его руку — пульса не было. Он распорядился:

— Несите в вестибюль!

Через минуту из карманов убитого извлекли какие-то счета «Товарищества С. Габай» и незначительные деньги — около трех рублей.

Соколов поднялся на второй этаж, открыл ключом кабинет. Разъяренный Кошко стукнул по дубовой крышке стола:

— Как вы могли? Я уже позвонил в сыск, оттуда едет бригада, чтобы прекратить беспорядок, который вы, граф, устраиваете.

Соколов добродушно и устало улыбнулся:

— Это хорошо, что бригада. Пусть доставят два трупа в морг, а организатора этого злодеяствия и убийцу Морозова — в тюрьму.

Кошко задохнулся от гнева:

— Каких два трупа? Где вы видите убийцу Морозова? Я больше не намерен терпеть ваши шуточки! Вы, Аполлинарий Николаевич, из серьезнейшего дела устраиваете развлечение, какой-то балаган!

Соколов оставался невозмутимым:

— Как можно! Я просто не осмелился бы шутить с таким важным господином, как вы, Аркадий Францевич. Труп Морозова в вестибюле. Вот, — Соколов положил на стол предметы, — изъятые из его карманов. Да, бумаги «Габая», но, кажется, пустяковые, и уж во всяком случае малограмотному сторожу вовсе не нужные. Явно, что убийца положил их для отвода глаз.

— Тогда как они попали к Морозову?

— Этот вопрос не ко мне, а к убийце сторожа — Латышеву.

Латышев смертельно побледнел и тяжело опустился в кресло.

Опешивший Кошко помотал головой:

— При чем здесь Латышев? Зачем очернять человека?

— Коля, — весело сказал Соколов, — очисти от казенных ценностей карманы бухгалтера.

Жеребцов, к неопишуемому удивлению Кошко, вытащил из специально привязанного на груди Латышева мешочка кипу ассигнаций. И добавил:

— Ну, сокол ясный, на эти денежки ты весело погулял бы! Пусть два трупа, главное — тебе сладко. А бумажки ты, Латышев, видать, не зря спешил сжечь. В них, поди, сраму для тебя с избытком.

Разоблачение

Кошко выглядел несколько оторопелым. Было видно, что поворот событий ему пришлось не по душе, ибо его самого выставлял не в самом блестящем свете. Наконец, словно надеясь, что Латышев найдет себе оправдание, спросил:

— Вы и впрямь допустили растрату?

Соколов хохотнул:

— Нет, своих денег доложил в казенную кассу, только скромность не позволяет сказать об этом! — И переходя на деловой тон, объяснил Кошко: — Латышев подбил Морозова с единственной целью — чтобы отвести от себя подозрения. Да и самому руки в крови мальчика пачкать не хотелось. Одно дело — с крыши столкнуть соучастника, иное — сзади молотком из головы мозга вытряхивать. Или, Латышев, ты сам прикончил мальчика! — Соколов хитро сощурил глаз.

Латышев мотнул головой, сквозь нервические слезы проговорил:

— Никак нет, это Морозов...

— Правильно, убил мальчика Морозов. На обшлагах его брюк есть свежие пятна крови. При падении с крыши он стукнулся о вымощенную булыжником землю, размозжил себе голову. Однако, невероятно, чтобы из такой позиции кровь могла попасть на низ брючин.

Кошко все еще не хотел до конца сдаться. Он задал, как ему казалось, сложный вопрос:

— Но если перед нами убийца и грабитель, то зачем понадобилось снимать отпечаток с замочной скважины? Ведь у Латышева ключи по должности находились?..

— Да никто отпечатки и не снимал.

— Как же — не снимал! А воск в замке?

— Для видимости! Думал, что сыщиков перехитрит. Ведь преступник может обмануть следователя только в трех случаях: если он окажется умнее и сведушей сыщика; если сыщик поведет дело спустя рукава; если на месте преступления злоумышленник не оставит никаких следов, по которым его найти можно. Признаюсь, мне еще ни разу подобный преступник не попадался. И главное: когда чело-

век идет на смертный грех, от него всегда отворачивается Бог. Истина, в которую я верю непреложно: убийца никогда счастлив быть не может.

Кошко согласно кивнул головой:

— И чем выше по развитию убийца, тем сильнее будут его душевные страдания. Вот почему в преступной среде водка и наркота — обязательные спутники. Им необходимо затуманивать свой разум, вот почему они мало дорожат своей жизнью.

Соколов приказал:

— Латышев, приподыми свои полосатые брючки. Да повыше, не стесняйся. Видите? Ботинки закапаны стеарином, причем на левом ботинке пятен больше, чем на правом. Объяснять надо? Он свечку держал левой рукой, а сейф разгружал правой.

Кошко вперился взглядом в ботинки преступника, и по его лицу легко можно было прочесть досадливую мысль: «Ну как же я сам не заметил?»

Соколов неторопливо, словно профессор на лекции, продолжал:

— Когда сейф был очищен, Латышев пригласил Морозова в его последний путь — на чердак. — Он повернулся к бухгалтеру: — Ты под каким предлогом затащил Морозова на крышу?

Латышев было замялся, да Жеребцов подбодрил его тычком под ребро:

— Говори, паразит, а то самого сейчас с крыши сброшу?

Кошко хотел было возмутиться на такое беспардонное отношение к господину преступнику, да видать удрученный свежим опытом, осекся. Латышев, заикаясь, проговорил:

— Я с... сказал, что н... надо пос-смотреть, н... нет ли городского внизу, чтобы нам с... спокойно выйти.

Соколов, довольный ходом следствия, улыбнулся:

— Хватит! Дальше я сам расскажу. Едва задница Морозова оказалась в проеме слухового окна, ты его тут же сильнехонько толкнул. Тот грохнулся с высоты семи саженьей, ты же, считая себя самым умным и удачливым, побежал с места кровавого злодеяния. Но едва выскочил из подъезда на Неглинку, как нос к носу столкнулся с городовым, который тебя знает не только в лицо, но и по имени. Ты моментально смекнул, чем такой поворот событий тебе, Латышев, грозит. И разыграл сцену, о которой мы уже знаем.

Латышев разрыдался как истеричная дама.

Кошко задумчиво чесал кончик левого уха, что у него было признаком наивысшего недоумения. Он медленно произнес:

— Признаюсь, я впервые сталкиваюсь с такой блестящей методикой разоблачения преступлений. Но, скажите, граф, для чего вам понадобилось закрывать нас на замок?

Соколов любезно объяснил:

— Во-первых, Латышев наверняка понял, что он допустил ошибку, впопыхах закрыв дверь на чердак и отрезав путь кошке к ее котяткам. Ему, в любом случае, можно было догадаться, что преступление разоблачено. Закрыв на ключ дверь, мы отрезали путь к бегству. А главное, — Соколов хитро посмотрел на главу сыска, — от вас, сударь, на этот раз не могло быть пользы расследованию.

Жеребцов широко улыбнулся и едва не подпрыгнул от удовольствия.

Великий сыщик сделал эффектную паузу и с блеском закончил свою разоблачительную речь:

— И я с самого начала знал две вещи: что Морозов не сбежал с места преступления. Его пальто висит внизу на вешалке. А главное, что было совершенно очевидно: Латышев причастен к преступлению. Ведь его изящное пальто было... сухим. Стало быть, бухгалтер пришел до мокрого снегопада. Где-то за час до убийства.

И если Кошко никак не удалось поставить Соколова в рамки дисциплинированного подчиненного, то гений сыска вполне внушил к себе должное почтение.

Новый начальник сыска проглотил горькую пилюлю и навсегда из этого урока сделал для себя правильные выводы: нельзя из вольного сокола сделать прирученного голубя. Будучи человеком благородным, он с чувством пожал руку Соколова и коротко сказал, невольно переходя на «ты» как с самым близким человеком:

— Восхищен! Твои способности, Аполлинарий Николаевич, самые изумительные.

Эпилог

Судебный процесс был громким. Латышева защищал самый знаменитый в те годы присяжный поверенный Федор Никифорович Плевако. Он был так знаменит, что один из первых на Руси художественных фильмов был посвящен

ему. Плевако произнес прочувственную речь, в которой он, следуя революционным веяниям века, выставил убийцу-бухгалтера как «борца против капитала» и «жертву социальных катаклизмов».

В зале нервные дамы рыдали и от глупости кидали Латышеву цветы.

Суд все же приговорил Латышева к шести годам каторжных работ.

Что касается Соколова, то вскоре он вновь подтвердил свою блестящую репутацию.

БРАСЛЕТ КЛЕОПАТРЫ

Наш рассказ о совершенно необычном преступлении. Исключительным сделали его и объект злодеяния, и способ, которым лиходеи воспользовались. Перед Соколовым вновь встала непростая задача.

Свадебное подношение

Шел 37-й год до нашей эры. Римский полководец Марк Антоний, любимец богов и женщин, просиявший многими подвигами на поле ратном и ложе любовном, готовился вступить в брак со своей многолетней наложницей Клеопатрой. Среди несметных сокровищ, награбленных в войнах, он выбрал нечто необычное, не имевшее себе подобных — женский золотой браслет, усыпанный драгоценными камнями, с громадным розовым бриллиантом. Полководец поднес сей дар последней царице Египта из рода Птолемеев.

...Бежали века. Минуло без малого две тысячи лет. К директору Ссудной казны, расположившейся в собственном доме в Настасьинском переулке, действительному статскому советнику Михаилу Аполлоновичу Щербакову в кабинет вошел молодой человек, невысокий, но весь собранный, похожий на игрока в лаун-теннис. Впрочем, держался он в высшей степени воспитанно и скромно. Тихим голосом произнес:

— Я племянник известного вам князя Ильинского. Зовут меня Адриан Петрович. Дядюшка доверил мне вести переговоры, вот заверенный нотариусом документ. В настоящее время дядюшка испытывает некоторую нужду в наличных средствах. Ему нужен миллион.

Директор неприлично расхохотался:

— Да знаете ли, милостивый государь Адриан Петрович, что под такую ссуду нужен и соответствующий залог?

— Разумеется, — скромно ответил гость. — Я вот принес небольшой пустячок. — Он вынул из кармана футляр, раскрыл его.

Директор, едва взглянул на «пустячок», как на некоторое время лишился дара речи. Наконец, он, с трудом ворочая языком, произнес:

— Господи, что это за чудо?

— Этот браслет принадлежал Клеопатре. Вот сертификат. В нем довольно подробно описана, так сказать, биография, судьба браслета. Имена, как изволите видеть, самые изящные — от римского цезаря Веспасиана до Наполеона Бонапарта.

Директор решительно махнул рукой:

— Думаю, что мы договоримся. Но выполним формальности. Я приглашу сейчас своих помощников.

Динамит

В кабинет Щербакова были вызваны самые доверенные и знающие люди: помощник директора Габриельс, эксперты-оценщики Гранин и Питерский.

Те, увидев браслет, тоже ахали и восторгались. Тут же вынесли решение:

— Под этот браслет мы выдадим вам в качестве ссуды один миллион рублей. Основания общие: под семь процентов комиссионных сроком на один год. Деньги можно получить на третий день после подписания закладной — миллион быстрее собрать невозможно. Секретность гарантируем.

— Спасибо! У моего дядюшки князя Ильинского есть обязательное условие: браслет — фамильная реликвия, он должен находиться в надежной сохранности.

Директор, осанистый, вальяжный человек, похожий на оперного баса, внушительно произнес, играя на нижних регистрах голоса:

— Адриан Петрович, у нас еще не было случая похищения закладных вещей. Ваш браслет мы будем беречь пуще собственных глаз. Мы его поместим в недавно приобретенный динамитный несгораемый шкаф.

— Что это? — удивился гость.

Слово вставил оценщик Питерский, с выдающимся носом, бегающими глазами агатового цвета и тонким, срывающимся голосом:

— Взломщики сейфов, понимаете, люди изобретательные, образованные. Внимательно следят за открытиями передовой науки. Было время, шниферы кассы долотом и кувалдой ломали. А теперь делают подкоп в банк и разрезают сейфы автогенным аппаратом. Он дает температуру более трех тысяч градусов. Вот и хапнут тысячи рублей!

Директор важно добавил:

— Но мы тоже не лыком шиты! Пойдемте, я покажу нашу новинку, пусть князь за свою вещицу будет спокоен. Это этажом выше, на третьем, там у нас бронированная комната.

Бронированная комната представляла собой небольшое помещение. Возле стены, против незарешеченного окна, стоял громадный сейф. Директор хлопнул по нему ладонью:

— Здесь две стенки: тонкая — наружная, двадцатисантиметровая — внутренняя. Между ними набит динамит. От автогенного аппарата злоумышленники взлетят на воздух, а ценности внутри останутся в сохранности. Славно?

Питерский успокаивающе произнес:

— Впрочем, «медвежатников» в Москве, кажется, вывели. Давно про их лихие дела не слышать.

— И подкоп к нам не сделаешь! — пробасил директор.

Гость удовлетворительно вздохнул:

— Мой доверитель будет доволен! Подписываем условия ссуды.

Аттракцион

Через три месяца, как раз под Рождество, в Сочельник налетела снежная круговерть. Метель сбивала с ног, заносила мостовые и тротуары, дико завывала в дымоходах. Фонари почти не светили, а то и вовсе гасли, улицы погрузились в ночной мрак.

Городовые забились в будки, и даже вечные труженики — извозчики разъехали на ночлег. В такую непогоду лучше носа во двор не высовывать!

К утру пурга совершенно успокоилась. В черном небе зажглись волшебные звездные огни. Тем временем во всех пятнадцати мужских и десяти женских монастырях, во всех 563 православных храмах царил высокий настрой духа. С молитвами и пением отошли Царские часы, Великое повечерие и Утрення.

Теперь в храмы спешили на раннюю Литургию. Едва вошедшее над дальними крышами солнце осветило стран-

ную картину. Те, кто направлял свои шаги в церковь Рождества Богородицы на Малой Дмитровке и шел через Настасьинский переулочек, невольно останавливались перед зданием Ссудной казны. На третьем этаже было распахнуто окно. С крыши к окну тянулась крепкая на вид веревка, вниз же, до земли, свешивался другой конец.

В народе громко роптали:

— Во жулье, колено выкинули! Уже по веревкам лезут — прямо облизьяны хвостатые!

— Выразиться невозможно, как народ безобразит, — аттракцион настоящий! А полиция, поди, разговляется.

...Легкие на помине, на трех санях, вздымая в воздух исходящийся снег, подкатили сыщики.

Передовая техника

Когда Соколов вошел в бронированную комнату, то был поражен увиденным. Хваленый нескораемый шкаф с двойными стенками, начиненный динамитом, был изрешечен и исковеркан. На полу валялись разного рода хитроумные инструменты, электрическая дрель с целым набором сверл, новейшее изобретение — мощная электрическая пила германской фирмы «Сименс».

— Исчез браслет Клеопатры, — упавшим голосом отметил директор Ссудной казны Щербаков. — И еще тут лежали бриллианты княгини Ольги Урусовой. Но это, можно сказать, почти пустяк — тысяч на пятнадцать.

Директор враз осунулся, лицо мертвенно побледнело, руки тряслись. От бывлой вальяжности не осталось и следа.

Соколов прямо посмотрел в глаза директора:

— Михаил Аполлонович, кто знал, что браслет находится в этом сейфе?

Директор надолго задумался. Было ясно, что он настолько потрясен, что с трудом осознает случившееся. Наконец медленно произнес:

— Это было профессиональной тайной! Только оценщики знали, Питерский и Гранин, да еще помощник мой — Габриельс.

— Но вору узнали не только о месте нахождения браслета, но и о том, что сейф начинен взрывчаткой! Не автономно, как обычно, резали — взрыв разнес бы воров на клочки. Осторожно сверлили и пилили.

Директор окончательно сник:

— Да, значит, кто-то предал...

Соколов отметил:

— И еще: действовал специалист! — Он посмотрел на Кошко: — Аркадий Францевич, не помните, освобождался ли кто из «медвежатников»?

— Буня Мильман, еще месяца три назад. Но он уже старый, ему под шестьдесят лет. И грузный, Буня никак не сумел бы по веревке спуститься с крыши в окно. Даже если все эти тяжелые инструменты приволок какой-нибудь здорвяк помощник. Но главное: он чисто работает. Замки чуть не мизинчиком отворяет. Талант!

Соколов решительно сказал:

— Предлагаю: я займусь Буней, вы с Жеребцовым допрашивайте сотрудников казны.

Старость — не радость

Соколов прыгнул в сани, закрылся медвежьей полостью и отправился во 2-й Звенигородский переулок, где, как сообщил по телефону дежурный сыска, проживал Мильман. Напротив Армянского кладбища, рядом с Алексеевским приютом, стояла какая-то хибарка. Лестница привела в сырое полуподвальное помещение. Соколов ногой толкнул обитую старым одеялом дверь. В нос ударил запах чеснока, водочного перегара и давно немытого человеческого тела.

За столом сидел полный, с двойным подбородком пожилой еврей. Он руками ел какую-то рыбу. На вошедшего посмотрел умными, усталыми глазами и даже не удивился.

— Здравствуй, Буня! — сказал гость, добродушно улыбнувшись. — Я сыщик Соколов. Догадался, зачем к тебе пожаловал?

В глазах Буни мелькнул неподдельный интерес. Он сразу же вежливо встал, церемонно поклонился:

— Позвольте, господин Соколов, представиться: Бронштейн Осип Борисович. «Буня» — так меня называли уголовники. И жил под чужой фамилией — Мильман. Но это нехорошо, когда старому человеку напоминают об ошибках молодости. Вы знаете, сколько я взял в ростовском банке? Я взял столько крупных купюр, сколько мог унести на своих крепких плечах! А теперь — фертиг. Что я имею в балансе? Ревматизм, паховую грыжу, ишиас и вот этот катафалк над головой. Меня любили красивые женщины, а

теперь я питаюсь этой дрянью, — Буня с презрением ткнул грязным пальцем в тарелку. — Но, — в его голосе появились нотки гордости, — теперь я опять Бронштейн. Как мой покойный папа из Чернигова.

Соколов подумал: «Да, этот старик на веревке уже не полезет брать сейф!» Вслух произнес:

— Уважаемый господин Бронштейн! Я пришел к вам как к крупному специалисту. Мне нужны ваша светлая голова и прекрасное знание... ну, тех, кто считает вас своим коллегой. Хотя я уверен, что они вам в подметки не годятся. Ваша прекрасная работа в 1889 году в банке «Альбрехт и компания» восхищает смелостью мысли и блестящим исполнением.

У старого еврея в глазах блеснули слезы:

— Господин Соколов, так приятно, когда твой труд уважают! Я, без ложной скромности скажу, в молодости умел кое-чего сделать. У «Альбрехта» взял цифру — семьсот пятьдесят тысяч наличными. И попал по глупости, по своей доброте.

— Как же, знаю! Вы помогли бедным евреям, и они же вас выдали. Осип Борисович, я не бедный еврей, но жду помощи. Вскрыли сейф. Ловкая работа! Унесли предмет, который я должен отыскать во что бы то ни стало. Я хочу пригласить вас с собой и показать, как нынче умеют работать.

— Это любопытно! Только, извините, у меня, как вы заметили, не брюки, а лоскутки для одеяла. И потом: посмотреть — хорошо, но ловить честного шнифера? Этот цимес кушайте без меня.

— Надевайте ермолку, господин Бронштейн, и я выведу вас в люди!

Артистическая работа

Соколов отвез Буню в Сандуновские бани, где его всего лишь за полтора-два часа привели в полный порядок: отмыли вековую грязь, подстригли, наманикюрили, срезали мозоли. Портной Давид, трудившийся по мелкому ремонту одежды, снял мерку с Буни и отправился в соседний «Мюр и Мерилиз» — первый универсальный магазин в Москве (нынче — ЦУМ). Тут он закупил все, во что должен быть одет приличный еврей.

Буня выпил немного водки под семгу и удивлялся, глядя в зеркало:

— Когда сегодня утром я ел тухлую фиш, разве я думал, что скоро буду похож на губернаторского зятя? Какие

роскошные шкуры, «колеса» со скрипом, да на них еще «кобылки»! И клифт на меху! Уважили...

Старый еврей еще продолжал восторгаться брюками, ботинками в галошах и меховым пальто, а сыщик уже вводил его в разграбленную бронированную комнату. Буня с любопытством оглядел и динамитный сейф с громадным раскорезанным отверстием, и нетронутый замок, и похвалил «центовку» — пилу «Сименс»:

— Красивый аппарат! Только зачем, извините, корезить «кассу»?

Буня запустил пятерню куда-то за пазуху, где у всякого почтенного еврея висит могодovid, но вытащил нечто другое, похожее на трехлопастную вилку с петлей. Минут десять он тяжело сопел возле замка и, к очередному расстройству директора Щербакова, открыл его.

— Как же так? — возмутился директор. — Поставщик сейфа уверял меня, что воры не смогут открыть замок этой системы!

— Так я же не вор! — обиделся Буня. — Я артист... своего дела.

А Соколову он на ухо сказал:

— Вы можете мне удивиться, но это рука Слесаря — Семена Липкина. И это во мне вызывает недоразумение: Слесарь уже года три на царских харчах. — Буня долго и печально глядел в глаза Соколова. Потом глубоко вздохнул: — Я никогда бы не сдал шнифера, извините, лягавым. Но Слесарь очень плохой человек. Он вскрывал «кассы» у хороших евреев. Помните, «Струзер и Гофшнейдер» на Мясницкой? А двести тысяч Лазерсона, который «Торговый дом» на Тургеневской? Но и это было бы наплевать. Но Слесарь, — Буня еще больше понизил голос, — не брезгует трупами. На нем несколько мокрух. Скажите, разве это годится шниферу? Нет, уверяю вам, шниферу это не годится. Это позор на нашу голову.

Теплая встреча

В тот же праздничный день в полицию пришло сообщение: некая старушка Дроздова видела ранним утром, когда толком еще не успело рассвети, как какой-то дядя засунул в прорубь, что в Путяевском пруду в Сокольниках, мужчину.

Труп полиция обнаружила быстро. Им оказался молодой человек лет двадцати двух. На шее болталась усадка с

двойной петлей. Выпученные глаза бессмысленно и страшно глядели в небо.

К вечеру в сыск пришло заявление князя Ильинского о внезапном исчезновении его племянника Адриана, студента юридического факультета университета. Прибывшие в морг слуги князя сразу же опознали Адриана.

Кошко скептически отнесся к версии Соколова, что ограбление в Ссудной казне и убийство Адриана связаны между собой.

Соколов спорить не стал. Он лишь приказал всем осведомителям и секретным агентам:

— Землю носом ройте — но Слесаря найдите! Иначе я вас!..

И вот наконец на пятый день после кражи поступило донесение: Слесарь гужется с двумя барухами в доме Герценшульца, что на «Трубе», в Малом Сухаревском переулке.

Когда сыщики вломились в грязную, прокуренную тесноту полуподвального помещения, они застали Слесаря валявшегося на плохо застланной кровати в объятиях двух ведьм довольно юного возраста.

Жеребцов, размахивая револьвером, заорал:

— Руки в гору! Лицом к стене — живо!

Перепуганные девицы, от страха и холода враз покрывшиеся гусиной кожей, ткнулись лицами в стену, заревели, захлюпали носами. Гориллообразный детина ниже среднего роста, с головой, утопленной в плечи, не спеша подошел к стене, задрал руки. На ягодицах была красочная наколка: слева — пылающая жаром печь, справа — кочегар, бросающий в эту топку лопатой уголь. При ходьбе создавалось впечатление, что кочегар совершает движения — вперед-назад. На правом запястье Соколов увидел другую татуировку: сердце и птица на ветке.

Соколов радушным голосом произнес:

— Какая счастливая встреча — сам Слесарь, шнифер и мокрушник.

Слесарь гнусаво сказал:

— Начальник, позволь портки мне надеть!

— Сначала скажи: где лежит браслет?

— Падлой быть, не знаю!

— Положим, ты давно падла. Если ради денег подельника замочил — последний негодяй. Отдай сразу чужое, легче будет. Не хочешь? Не надо. Голым пойдешь в Гнезниковский. Пусть народ над тобой посмеется.

Слесарь недоверчиво буркнул:

— На дешевый понт, мусор, берешь?

Соколов удивился:

— Ты, срам человеческого рода, грубишь мне? Что ж! Буду учить тебя вежливости!

Авторитет

Такой потехи москвичи еще не ведали. Мускулистый, с тяжелой челюстью выродка, в дорогих хромовых сапогах шел мужик — совершенно обнаженный, под конвоем двух городских. Мужик злобно зыркал на веселящихся прохожих маленькими поросячьими глазками. Особую потеху вызывала картинка на ягодицах.

Соколов, уехавший вперед, предупредил:

— Когда тебе, Слесарь, надоест принимать воздушные ванны и ты захочешь сказать мне про браслетик, шепни конвоирам. Они тебя быстрехонько ко мне доставят. А то я тебя пушу гулять открытым до самой Бутырской кичи. Понял, голубь?

Слесарь крепился до самой Петровки. Он шел посреди бульвара, с телом, густо поросшим шерстью, поскрипывая сапогами по утоптанному снегу, и старался не обращать внимание на зевак. Но когда стайка мальчишек, крутившихся вокруг, начала озорно выкрикивать:

— Смотрите, кочегара ведут! В баню ведут кочегара! — не выдержал. Он злобно проскрипел зубами:

— Эй, дядя! Вези меня к начальнику.

Конвоиры обрадовались:

— Это к Соколову? Один миг!

Слесарь удивился:

— Как, это тот самый Соколов? Что Семфора на медведе катал?

— Тот самый! — с удовольствием подтвердили конвоиры. И подученные, добавили: — А тебя, несчастный, он собрался живьем на веревке в прорубь пушать — пока во всем не признаешься.

— Чего же сразу не сказали? С Соколовым связываться не резон.

Через несколько минут, сидя в кабинете сыщика, Слесарь признался, что спрятал «обруч» (браслет) и «караты» (бриллианты):

— У одной марухи на Солянке. Только два карата в карты проиграл. Это Адриан, козел, меня подбил. Говорит:

«Продам браслет, яхту куплю, и виллу в Италии». Дал деньги на инструменты. Привязали мы веревку на крыше, Адриан первым спустился и выдавил стекло. Мело крепко, снизу нас никто не заметил. Я с самого начала решил студента замочить, а он, видать, хотел меня обжулить: вместо двадцати тысяч принес всего семьсот рубликов. Да мне только за обрuch завтра клиент должен был отвалить тридцать кусков!

Потупил взор, добавил:

— За «мусора» простите.

— Бог простит! — коротко ответил король сыщиков.

Эпилог

На суде вскрылась любопытная история. Оказывается, бездетный князь Ильинский половину своего богатейшего имущества завещал Адриану, к которому относился как к родному сыну. Завещал он племяннику и браслет Клеопатры.

В благодарность князь предложил Буне Бронштейну:

— Десять тысяч рублей!

Буня гордо отказался. Соколов удивился и приставил старого «медвежатника» на хорошее место:

— Сторожем моего дома в Мытищах!

И не ошибся: это был самый верный и преданный человек, умевший ценить добро. Буня был счастлив:

— О такой замечательной жизни может мечтать даже зять губернатора!

Что касается Слесаря, бежавшего с поселения, он был на этот раз отправлен на каторгу. Говорят, что после Великого Октября он сделал большую карьеру по банковскому делу. Большевики всегда умели ценить уголовное прошлое.

РОКОВОЙ РЕМБРАНДТ

Когда надзиратель сыскной полиции 3-го участка Мещанской части Костин прибыл на место происшествия, то его взору предстала чудовищная картина. В большой гостиной, заставленной шкафами с книгами и завешанной множеством старинных картин, возле стены лежала в луже темной крови женщина. Рот ее, словно в беспомощном предсмертном крике, был широко открыт, глаза дико вытаращены, а волосы спеклись в кровавый ком.

Страсть

Федор Анатольевич Бидман был человеком солидным и упитанным. Хотя ему набежало уже под семьдесят, он все еще сохранял в движениях энергичность и вообще интересовался жизнью. В домовый книге против его фамилии в графе «Род занятий» было записано таинственное и вдохновенное — «свободный художник».

Федор Анатольевич был заядлым коллекционером. В далекие времена, когда он только выходил на простор жизни, Бидман переехал в небольшой домик о двух этажах на углу Мещанской и 1-го Крестовского переулка. Весь верхний этаж был завешан предметами главной страсти коллекционера — полотнами фламандцев и голландцев XVII века, всякими Дюками, Киками, Квастами с их пирушками, кордегардами и роскошными дамами.

Книжные шкафы ломились от редкостей другого рода. Здесь на полках хранились наиредчайшие иллюстрированные издания, полная подборка книг по геральдике и самая большая гордость хозяина — около ста пятидесяти книг, вышедших при Петре Великом.

Федор Анатольевич был скупердьяй замечательный, словно собирался небо копить лет пятьсот. Умел он за

полушку купить телушку. Все коллекционеры рты так и разинули, когда он на Сушке за 17 копеек медных урвал знаменитый экземпляр «Лирических сочинений» Василия Капниста. Тот его в 1805 году специально на пергаменте для Александра Благословенного отпечатал и с целованием в ручку поднес.

Или другое: купил белой автограф Пушкина — «На холмах Грузии», и тоже за пустяк.

А вскоре Федору Анатольевичу такое добро привалило, что заставило всех завистников позеленеть.

Завещание

У Бидмана были два близких человека, родственника: сестра Мария, старая ведьма с крашенными хной остатками волос, и брат Леопольд — человек ума обширного, директор банка в Лодзи. Так вот, пришел к Леопольду как-то дядя в клетчатом пиджаке и с картиной Рембрандта «Дама со страусовым пером» в руках. «Мне надо на три месяца 15 тысяч, вот мой заклад — Рембрандт». Ударили по рукам. В тот же день «клетчатый пиджак» был убит в перестрелке с полицией. Голландец достался Леопольду — навечно.

Как человек не молодой и основательный, банкир сделал завещание: в случае его смерти Рембрандт переходил к брату Федору, а тот, в утешение Марии, платил ей 20 тысяч. Завещание было своевременным: прежде не болевший, Леопольд скоропостижно скончался. Братец Федор слезу пролил над урной, но тут же перевез Рембрандта к себе.

Страх

Коллекционер тащит в дом штучки-дрючки не только себе на радость, но и другим на зависть. Когда Федор Анатольевич укрепил на стене Рембрандта, заключенного в тяжеленную старинную раму, он позвал друзей — «на смотрины».

Те ахали, подходили, отходили от шедевра, причмокивали языками, поздравляли, выпили винца и, может, от недобрых чувств сказали:

— Рембрандт — хорош, да только ты, Федор Анатольевич, не боишься лиходеев? Нынче за пятак горло

режут, а за такое сокровище — ух, совсем не пожалеют человека... Тем более вход у тебя отдельный, с темного проулка.

Федор Анатольевич и сам давно побаивался за свои богатства, а тут ему словно занозой в сердце попали. Однако бодрится, смело отвечает:

— Кто сунется — тому пулю в лоб, вон на стене ружье висит! А дом мой пустым никогда не бывает. Ухожу — Лукерья сторожит.

Лукерья — то ли прислуга, то ли жена невенчанная, тихая, работающая и преданная, которая как раз на стол жареных цыплят приташила, — головой мотает:

— Точно так, в оба глаза гляжу!

Ушли друзья, а тут как тут на порог сестра Мария. Старая, а жадная. Все ходит, свои 20 тысяч требует. Вот и сейчас зудит:

— Раз у тебя денег нет, давай продадим картину, что нам брат Лепа завещал. Говорят, за такую штучку капитал оторвать можно. Деньги по совести делить будем, поровну.

— Ишь, кикимора болотная, разогналась — «по совести»! Тебе брательник завещал 20 тысяч, вот ты их и получишь, когда у меня деньги будут.

А сестра нахальная, в личность почтенному Федору Анатольевичу плюнула и взвизгнула:

— Раз ты такой подлец, пойду на тебя с жалобой в окружной — пусть нас рассудят.

Задумался Федор Анатольевич. Получается, в руки само по себе сокровище приплыло, а от него не радость — печаль сплошная. Но решил твердо: «Рембрандта продавать — ни в жисть!»

А тут вскоре так обстоятельства повернулись, что дело само по себе решилось — и самым страшным образом.

Бедная Лукерья

Московские старички и старушки, дела переделав и к вечеру утомившись, выходили на зорьке посидеть, посудачить возле своих крылечек. Крестовские переулочки тихие были, в воздухе благорастворение — рай земной.

На сей раз неспешные беседы были прерваны истошным криком Федора Анатольевича, пулей вылетевшего из своих дверей:

— Караул! Убили! Полиция!

...Вскоре, крутя желтыми от курения пальцами жесткий ус, прибыл на место происшествия надзиратель сысской полиции 3-го участка Мещанской части В. Г. Костин. Он зычно рыкнул на любопытных:

— Р-разойдись! Понятые — вперед! Кто убит? Кухарка Лукерья, говоришь? Кем убита?

Федор Анатольевич всхлипнул:

— Еще утром была жива-здорова моя Лукерьюшка! Какой же лиходея тебя, ангела безвинного, прикончил? А я утром как ушел из дома, так вернулся только после обеда. Был у книготорговца Шибанова, «Бориса Годунова» 1831 года за пять рубликов купил, сам Пушкин покойный написал. Экземплярчик усталый, да мне как раз по моим грошам.

Костин пошевелил усищами:

— Кор-роче!

— Вошел к себе, а она раскинулась, вся в крови, и молоток рядом. Им жизни решили, в кладовке взяли, испоганили. Я «караул» закричал.

— Молоток? Им череп пр-роломлен? Пр-рекр-расно! Эксперт, пр-ри-общи как вещественное доказательство. Свидетели есть?

Вдруг вперед вышел плотник Томилин, сорвал с головы картуз:

— Извольте знать, ваше благородие, что я пошел пол пива «Калинкин» купить, потому как в голове после вчерашнего. Вдруг себе замечаю: стоит ломовой возле их домика (кивок в сторону Бидмана), вожжи за рябину привязал и в телегу что-то грузит. Я, понятно, дальше пошел, потому как вчерась случай вышел...

— Что ж ты, отр-родье, гор-родового не кликнул?

— Не смекнул. Другой раз — обязательно!

Федор Анатольевич жалобно застонал:

— У меня ведь Рембрандта унесли! Вы уж отыщите...

Костин прорычал:

— И Р-рембрандта, и всех остальных бандитов отыщем! — Двинул усом в сторону медика: — Дай им разрешение на похор-роны!

...На другой день вся Москва говорила про убийство Лукерьи и про похищение картины, стоящей «десять миллионов». Приятели делали притворно-соболезнующие лица: «Федор Анатольевич, сочувствуем...»

Но главный сюрпризец ждал Бидмана впереди.

О пользе библиофильства

Читатель «Кровавой плахи» помнит, что Соколов был страстным собирателем книжных редкостей. Все знали: хочешь сделать знаменитого сыщика счастливым, подари ему раритет.

Когда после исчезновения Рембрандта минуло месяца два, перед Соколовым предстал сияющий Жеребцов. С видом победительным он положил перед патроном красавицу книгу в бордовом кожаном переплете с тройным золотым обрезом:

— В сладостный дар!

— Что?! — Брови Соколова удивленно полезли вверх. — Да это знаменитый экземпляр «Лирических сочинений» Василия Капниста 1805 года. Автор напечатал его на пергаменте специально для подношения Александру I. Посмотри, какие прекрасные гравюры Сандерса! Этот экземпляр букинист Клочков продал когда-то другу Пушкина Соболевскому за фантастические деньги — 925 рублей. Об этом написано в журнале «Антиквар».

— Ну, а я за полтора рубля на Сухаревке сейчас купил, какой-то офеня торговал. Да у него еще много старинных книг — в цельнокожаных переплетах. Целый короб!

— Что ж ты его упустил? Ведь это кого-то из богатых коллекционеров обчистили.

Жеребцов самодовольно улыбнулся:

— А я, Аполлинарий Николаевич, его не упустил! Он в приемной под конвоем Вани Гусакова, прямо вместе с коробом. Ввести?

...Ввели офеню — старенького, седенького старичка с маленькими выцветшими глазками. На плече он тащил короб с книгами. Соколов стал рассматривать их и едва удержался от восторженного возгласа: в основном это были гравированные издания, вышедшие в царствование Петра I, особенно высоко ценимые. Тут и «Новая артиллерия» 1711 года, и «История о орденах» 1719 года, и «Феатрон» 1720 года и многое другое.

— А это что? — изумился более прежнего Соколов. — Беловой автограф Пушкина «На холмах Грузии»? Дед, ты кого обчистил? Быстро говори!

Старичок не испугался, весело затараторил:

— Ты, господин командир, не ругайся, а слухай! Эти книги дал мне сосед Портнов, он ломовой извозчик. Давно приставал: возьми да возьми, дескать, на комиссию! Угово-

рил мне на голову. Только на Сушку пришел, как вот этот жердьяй, — он мотнул головой в сторону Жеребцова, — меня под микитки — и сюды.

— Я тебя отпущу, если ломового Портнова сможешь отыскать.

— Хучь сей миг! — весело ответил офеня. — Жительство имеет в доме Лобачевского на Сретенке, по соседству с храмом Успенья.

Соколов приказал:

— Коля, возьми авто, привези ломового. Очень любопытно, где он такими редкостями разжился.

Забывчивость

Не прошло и часа, как перед Соколовым сидел русский мужик лет сорока, плотного сложения, в полосатых набойчатых штанах и с синими ластовками на кумачовой рубахе.

— Ну, Портнов, как же ты дошел до жизни такой? — строго сдвинул брови Соколов. — С книгами-то, нехорошо получается...

Явно туповатый, медленно вращая белками глаз, ломовой долго переваривал услышанное. Вдруг он брякнулся в ноги Соколова, заголосил:

— Бес попутал! Это я, точно, тово...

— Встань! И толком говори, по-порядку.

Ломовой выпил целый графин воды, утер ладонью толстые губы и слезливым голосом начал:

— На день Святого Тихона Амафутского приключилось... Отвез по уговору гречку, шесть мешков, купцу Популяхову, в самом конце Мещанской. А тут, как на грех, дядя приличный на вид подвернулся. Значит, подряжает: «Видишь домик, на углу Крестовского? — говорит. — Это мой домик. Ты не сумлевайся, входи, я там на ступеньках две поклажи поставил. Положи их на телегу и ко мне. А я тут пока товарища дожидаяю». Только все это он набрехал, потому как никто к нему не подходил.

— И чего же ты нагрузил на телегу?

— Я сказал: две поклажи! Одна — потрет тяжеленный, а другое — вот эти, будь неладны, книги. В бауле лежали. За дверями входа прямо на лестнице стояло. И отвез я, значит, дядю на Каланчевку, в «Петербургскую». Он снял номер, и я ему отнес туда потрет. А про книги

дядя забыл, волновался он чего-то, все рука об руку чесался и бормотал про себя слова разные: «Лукерья, дескать, Лукерья!»

— И ты чужие книги присвоил?

— Мой грех, присвоил, потому как он сам забыл. Да я очухался уже на Мясницкой, заглянул в баул, думал, там чего путное, а там — книги, тьфу! Не возвращаться же из-за такой ерунды?

Испуг

Ломового извозчика Соколов отправил в камеру, а сам устроил маленькое совещание с Жеребцовым:

— Коля, тебе не кажется, что рассказ Портнова напрямую связан с нераскрытым убийством кухарки в 1-м Крестовском? И место и время совпадают.

— И ломовой упомянул про «портрет». У него ведь все картины — «портрет». Тогда газеты трубили про украденного Рембрандта.

— Принеси дело!

...Соколов быстро пробежал глазами несколько тощих страничек и с неудовольствием произнес:

— Надзирателю Костину только за коровами надзирать, а не преступников ловить! Он даже вскрытие не провел, полагая, что смерть наступила в результате повреждения свода черепа молотком. И не опроверг нелепое утверждение Бидмана, что убийцы, явившись в дом к нему, стали в незнакомой кладовке искать молоток, желая стукнуть им по голове Лукерью. А что та в это время делала? Спокойно ждала? Я еду с обыском к Бидману. Ты, Коля, загляни в «Петербург», выясни обстоятельства, и потом — ко мне в Крестовский переулок.

...Федор Анатольевич встретил неожиданных гостей в одних подштанниках, ибо давно вкушал сон. Увидав сыщиков и ломового Портнова, страшно побледнел, руки его мелко заходили. Он пролепетал:

— Ч-чего? З-зачем?

— Затем! — грозно рявкнул Соколов, и все собаки на соседних улицах враз залаяли. — Лукерью на тот свет отправил и думал — концы в воду? Где Рембрандт?

Под коллекционером затемнела лужица, он едва слышно прошептал:

— Украли...

— Стыдно врать! Ты узнал ломового? То-то! Соколова не проведешь. В «Петербург» чего возил? Петровские издания и... Рембрандта? Молчишь? Ну, да я сам все найду, только тебе тогда хуже будет. Поедешь со мной на экспедицию Лукерьи. Начинайте обыск!

Зимний закат

Дом обыскали, Рембрандта не нашли. Соколов терялся в догадках: если Бидман сам убил Лукерью (что сомнительно!), чтобы имитировать грабеж, то куда он дел голландца? Интуиция говорила: Рембрандт где-то здесь, рядом. Но ведь это не иголка, картину легко не спрячешь!

Соколов еще раз прошелся по комнатам, полюбовался жанровой сценкой де Греббера, и его взор вдруг уперся в зимний пейзаж работы Юлия Клевера. Картина современника висела в старинной богатой раме, занимая почетное место чуть не на всю стену.

— Пошто такая честь? — удивился Соколов. — Подобные «шедевры» с сугробами и румяными закатами украшают все столичные гостиницы. А тут Клевер затесался в такую изысканную компанию — странно!

...В этот момент на лестнице застучали шаги, и в комнату вошел Жеребцов. Он наклонился к уху патрона:

— Бидман три дня снимал в «Петербурге» самую дешевую комнату без удобств — за 70 копеек в сутки. И каждый день к нему приходил в номер столяр, что-то колдовал над рамой.

— Прекрасно! Коля, сними-ка эту красоту!

С помощью Гусакова-сына Клевер снят со стены. Соколов внимательно осмотрел раму и вдруг потянул за едва приметный выступ. Сугробы поехали вбок, обнажив потрясающую «Даму со страусовым пером». Сыщик счастливо улыбнулся:

— Вот и пропажа нашлась!

Федор Анатольевич схватился за сердце:

— Не убивал, ничего не знаю!

...Ломовой Портнов был отпущен домой, а Соколов с удивлением говорил Жеребцову:

— Чего Бидман уперся, не говорит ни слова? Не понимаю! Надо исследовать труп Лукерьи.

Кладбищенские тайны

Каждое кладбище хранит много тайн. Одну из таких скрывала могила Лукерья.

В ласковый вечерний час могильщики подняли из земли дешевый сосновый гроб, откинули крючки (в те времена не существовал варварский обычай забивать гробы гвоздями). В бедном ситцевом платье, в светлом кружевном чепце, лежало в гробу то, что совсем недавно двигалось, смеялось, радовалось жизни. Пустые глазницы страшно глядели в вечеряющее небо. Кожа лица и рук стала зелено-грязного цвета.

Труп обнажили, положили на приготовленный загодя стол. Медик Павловский отметил:

— На теле — ни царапины! Зато в области темени линейное рассечение кожи, более семи сантиметров. — Он сделал с затылка надрез — от уха до уха и, оголив свод черепа, надвинул на лицо скальп.

Федор Анатольевич из тюремной камеры был привезен на кладбище. Едва взглянув на смертное безобразие Лукерья, он вскрикнул и шарахнулся было прочь, но Жеребцов крепко держал его.

Соколов посмотрел на перелом кости черепа и присвистнул:

— Фьюить! Такое повреждение может быть только при ударе предметом с плоской поверхностью. Коля, подтащи сюда господина Бидмана! Ну зачем упираться, Федор Анатольевич? Я запомнил, вы кто по профессии — художник? Ах, свободный художник, но все равно глаза у вас есть: разве от удара молотком, как вы утверждаете, повреждение может иметь продолговатую форму? Стыдно врать!

Трясаясь всем телом, упираясь в край могилы и стараясь не глядеть на труп, Федор Анатольевич дрожащими губами пролепетал:

— Виноват, простите... Всю правду скажу! Я вытирал пыль с Рембрандта, а Лукерья на корточках возле меня полмыла. Рембрандт упал — веревка, видать, истлела, я недоглядел. Ну, проломила картина череп. Я уж хотел соседа-врача позвать, да вдруг решил имитировать ограбление. Ведь в последнее время обворовали нескольких коллекционеров. Я давно собрал баул с самым ценным из своей библиотеки, хотел к сестре отвезти, да как-то не получилось. А вот с Рембрандтом сил не было расстаться. Думал: если грабители узнают, что нет уже Рембрандта, то и не полезут ко мне.

— Да и за свою неосторожность, поди, ответственности испугались?

— В первую очередь так! А тут и сестре 20 тысяч платить не придется. В общем, принес я из кладовки молоток, швырнул в кровавую лужу. Лукерья, кажется, уже не дышала.

— А зачем ломового извозчика одного послали в ваш дом?

— Так понятно зачем. Думаю, если кто увидит, что посторонний тащит, то больше веры мне при следствии будет. Так и получилось. Только от волнения баул в телеге забыл. Зато знакомый столяр раму немного переделал, и я Рембрандта Клевером закрыл. Тайком любовался!

И тяжело вздохнув, Бидман закончил:

— Теперь я убедился, что эта картина действительно приносит несчастье тому, к кому попадает.

...Был суд. На вопрос прокурора: «Почему вы наняли ломового, а не обычную коляску?» — Бидман ответил: «Понятно почему: на 20 копеек дешевле!» Присяжные признали Ф. А. Бидмана виновным в непредумышленном убийстве (в советское время — неосторожное убийство, ст. 106). Коллекционер провел в заключении четыре месяца. Оказавшись на свободе, тут же продал Рембрандта, чем доставил сестре много радости и 20 тысяч рублей.

Эпилог

Эмигрантская газета «Последние новости», выходившая в Париже под редакцией П. Н. Милюкова, 17 апреля 1925 года опубликовала сенсационную заметку. В ней сообщалось, что убийца Григория Распутина Феликс Юсупов сумел обмануть советских таможенников. Замазав пустыковыми пейзажами две великолепные картины Рембрандта, он вывез их за рубеж. Привычка к широкой жизни заставила его заложить Рембрандтов за полмиллиона долларов американскому миллионеру Уайндеру. Когда Юсупов захотел долг отдать, американец отказался вернуть Рембрандта. Газета сообщила, что одна из картин — «Дама со страусовым пером».

Счастливей могла быть судьба пушкинского автографа «На холмах Грузии». В 1970-е годы его за гроши купил в какой-то парижской лавчонке известный тамошний анти-

кварий А. Я. Полонский. Фотокопию он передал в Пушкинский дом. Автору этих строк говорил, что намерен передать и сам оригинал. Но внезапная смерть Полонского помешала это сделать.

Что касается подносного экземпляра «Лирических сочинений» В. Капниста, то недавно я видел его в одном частном собрании.

БАГАЖ

В предрассветный час ночная стража Кремля завершала обход. Вдруг один из стражников тревожно произнес: «Смотрите, двери в Оружейную почему-то приоткрыты!..» Освещая путь электрическими фонарями, стражники вошли в вестибюль. Их взору предстала страшная картина: раскидав руки, на полу лежал сторож Огнев. Его лицо заострено в смертном оскале, из груди торчала рукоять кинжала.

Потеря

Древняя людная Москва пробуждалась в солнечных бликах золотых маковок полутысячи церквей, в движении тяжело груженных ломовых розвальней, невероятной красотой старинных домишек, в громе и звоне конок, в деловито растворяемых лабазах и лавчонках, в улыбчивых, счастливых лицах горожан, уже наполнявших улицы и переулки.

И лишь за лубочно красивой стеной Кремля, в полной света и чарующей глаз архитектурных пропорциях Оружейной палаты, сооруженной державной волей великого императора Николая I, сыщики столкнулись с гнусным деянием преступных рук.

В Бронной зале, расположенной на втором этаже, была раскорежена витрина. Злоумышленник сорвал внутренний запор и похитил ерихонскую шапку Александра Невского. Из лежавшей рядом пояснительной таблички явствовало, что она украшена более чем 500 драгоценными камнями и что на нее только золота пошло более полутора фунтов (фунт — 409,5 грамма).

Находки

Сыщики, как обычно, работали неспешно, но споро. И лишь Соколов, скрестив на могучей груди руки, наблюдал как бы со стороны, медленно прохаживаясь мимо алебард, мечей, шлемов и кольчуг. Этот фон очень шел ему, словно знаменитый сыщик был рожден для ратных подвигов. В мягком кресле, где обычно сидит зритель, находился убитый горем хранитель Оружейной палаты Арсеньев.

Соколов вдруг быстро наклонился и из-под портьеры достал носовой платок. На нем было вышито: «А. П.». Сыщик обратился к хранителю:

— Георгий Васильевич, уборщики могли не заметить эту штучку?

— Нет, они тщательно убирают — сразу же после закрытия.

Через зал, широко и размашисто вышагивая, спешил Жеребцов. Сияя улыбкой, он произнес:

— Аполлинарий Николаевич, пуговка! Поднял в луже крови. Протер, смотрите, вся светится — перламутровая! Похоже, пиджачная.

Соколов заинтересовался, но откликнулся ворчливо:

— Ты, Николай, догадливый! А я-то думал — от исподнего. Эй, Ирошников, — крикнул он своим обычным, то есть громовым голосом: — Сними-ка, братец, витринное стекло, под которым лежала похищенная шапка. Невооруженным глазом видно, что она заляпана пальцами. У себя в лаборатории обрабатываешь фтористо-водородной кислотой — может, найдешь интересные пальчики.

Доктор Павловский, ширококостный, приземистый человек, вытирая салфеткой руки, подошел к Соколову:

— Кинжал старинной работы, вошел точно в сердце — профессиональный удар. На груди и руках убитого есть порезы — оказывал сопротивление, думаю. Смерть наступила где-то между двумя и четырьмя часами ночи.

Загадка «А. П.»

Уже к обеденному часу кое-что прояснилось. Жеребцов начал объезд пуговичных фабрик. На «Геркулесе» ему сообщили, что именно они три недели назад начали выпускать эти новомодные пуговицы — перламутровые.

— Всего было продано шесть дюжин, — сказал директор, заглянув в потрепанную конторскую книгу. — Купили из портновских мастерских Шульца, Кутина и Фадины. Адреса дать?

Михаил Матвеевич Фадин, владелец мастерской по Николо-Ямской в доме № 88, невысокий человек с усталым добрым лицом и резиновой лентой «сантиметра» через плечо, заявил:

— С таким пуговицами мы пока лишь один заказ выполнили — пришили на костюм статского советника Александра Пузано. Он доктор, но с некоторых пор малость того, рехнулся. Живет на Моховой, 10. Это возле университета, на противной стороне, в доме Братолюбивого общества.

Жеребцов захлебнулся от радости. Он понесся к Соколову, в сыск. Глядя на начальника с азартом охотника, жарко выдохнул:

— Ведь это Пузано — убийца! И пуговица его, и на платке метка «А. П.»! Ясно — Александр Пузано.

И тут же в кабинет влетел Ирошников. Взволнованно облизывая сухие губы, быстро произнес:

— Убийца у нас вот где, — он поднял вверх сжатый пухлый кулачок. — Среди прочих, я обнаружил на музейной витрине четкие отпечатки пальцев некоего Георгия Гримова, фельдшера. Он отбыл на каторге пять лет за растление малолетней. На кинжале, к сожалению, отпечатки не сохранились: ручка резная и округлая. Вот фото Гримова, я его из картотеки взял: круглое лицо, заросшее бородой, маленькие свиные глаза светлого цвета. Отвратительный тип! Едем брать? Живет на Остоженке в доме купца Филатова. Ведь это рядом с Оружейной! Совпадение, думаю, не случайное.

Поэтическая беседа

Соколов прикрыл веки, обдумывая решение. Потом решительно сказал:

— Я с Кошко поеду к «А. П.», а ты, Николай, — он кивнул Жеребцову, — с Юрием Павловичем поезжайте к фельдшеру. Да прихватите с собой папу и сыночка Гусаковых. Сделайте тщательный обыск. И вообще, не миндальничайте! Пропало национальное достояние, да и труп — это не шутки.

На Моховой, как водится, для начала отыскали дворника — кривобокого, с сухой рукой мужичка. Соколов показал ему кинжал:

— Любезный, ты эту штучку случаем не видел у доктора Пузано?

— У дохтура, из третьего номера? Обязательно видел. У него такие на стенке висят, а я хожу ему отраву сыплю — мышей извожу. На той неделе был. Они мне две рюмки «померанцевой» налили. Я их в себя перекувырнул — хороша горечь!

Дверь открыла горничная — очень тоненькая, очень любезная:

— Господа пациенты, извиняйте, но сегодня приема нет. Доктор только что вернулся от пациента и отдыхает. Не примет он вас.

Кошко отодвинул горничную:

— Авось примет!

Доктор Пузано сидел с глубокомысленным видом в вальтеровском кресле с книгой в руках. Как две капли воды он был похож на хитроумного идалго Дон-Кихота Ламанчского: костистое продолговатое лицо, длиннющие, как руль у велосипеда, усищи и бородка клинышком. Он оторвался от книги и вперил в сыщиков пылающий взор. Резким, лающим голосом воскликнул:

— О наглость дерзкая, до степени какой ты простираешься можешь? Закончив мирный труд, я тихо отдыхаю. Но вот орда монгольских дикарей в мои пределы вторглась вероломно!

Доктор вдруг швырнул к ногам сыщиков книгу и поднялся с кресла, высокий, как жердь, и такой же худой. И вдруг, вскинув бородку-клинышек, патетически воскликнул:

— Но нет, презренные! Я вас лечить не буду! Я стану вас копьём разить! — и подбежав к стене, украшенной различным оружием, схватил копьё времен Игоревых и уткнул его в грудь Соколова: — Ты жертва первая моя! Взволнован я, неукротим и дик. Как океан ревуший.

Соколов не удержался и громко расхохотался. Чуть справившись с весельем, в тон продолжил:

— Не обограй, безумный муж, свои ладони кровию невинной! Ведь наши помыслы прозрачней вод кастильских. Мы страждем истины — и только!

Доктор, услышав такие речи, от неожиданности замер, опустил копьё и свободной рукой постучал себя по голове:

— У вас, любезный, с *этим* все в порядке? Какой высокопарный вздор несете вы?

Соколов, не теряя времени, положил на стол носовой платок:

— Фуляр сей ваш?

Доктор выпучил круглые глазищи и страшно разволновался:

— Конечно, сударь, мой! Изольда здесь инициал изобразила.

— А этот нож буланый?

— Испанский даг — закалка просто чудо! Но как он к вам попал? Похищен был не далее недели. Тоска мне сердце сокрушала. Но утешение пришло в лице твоём. Изольда, стол накрой! Я друга угощу по-королевски.

— Спасибо, пить мне недосуг. Скажи-ка, друг, где шапка Невского?

— Про то не ведаю, поверь! Вина налить — «Алиготэ»?

— А сей коварный муж тебе нисколько не знаком? — Соколов показал фото фельдшера. — Есть верный слух, что шапку он запрятал у тебя!

Доктор скользнул по фото равнодушным взглядом, безглаголиво поморщился:

— Такого смерда я не знаю. Но шапку... поищи. — Вдруг доктор ткнул пальцем в Кошко и двух полицейских, взятых для обыска: — Нет, пусть они поищут. А мы с тобой беседой насладимся. Или, клянусь, тебя в куски я растерзаю.

...Небольшая квартирка доктора не заняла много времени — шапки не было. Горничная Изольда рассказала Кошко:

— Доктор — прекрасный специалист по нервным болезням. Но где-то с год назад вдруг заговорил стихами и вообще сделался как бы не в себе. С той поры пациенты повалили к нам валом. За две недели вперед записываются. Кинжал у доктора украли, он переживал. Да, этот платок наш, я вышила «А. П.», а пуговица от нового пиджака. Загадки какие-то! Человек на фото? — Изольда надолго задумалась. — Вроде глаза знакомые и лоб. Но нет, не знаю.

...Когда сыщики покинули дом доктора, Соколов сказал:

— Стихами говорит? Не страшно, лишь бы не начал их печатать, вроде какого-нибудь Брюсова.

Беседа у крыльца

Соколов завез Кошко в сыск, наскоро выпил стакан чаю. Он сказал:

— Поеду к фельдшеру, помогу Жеребцову. Что-то долго они не возвращаются.

Он вышел на крыльцо, застегивая на больших сильных руках лайковые перчатки. На западе, в сторону памятника Пушкину, еще горел лилово-розовый закат, а здесь, в узкой кишке переулка, стоял странный полусвет и висела в воздухе невообразимая тишина.

Вдруг его слуха коснулся резкий скрип снега, звонкий голос, крикнувший «Гись!», и возле него остановились сани. Потягиваясь и с явным удовольствием распрямляя свои затекшие от сидения члены, из саней вылезли Ирошников, Жеребцов и доктор Павловский.

— Аполлинарий Николаевич! — расцвел от счастья Жеребцов при виде любимого шефа. — Жаль, что с нами не поехали. Любопытный тип этот Гремов. Уж более года он лицо бреет, на дятла стал похож. Скверный характер, ненавидит всех и вся, кроме себя, разумеется. Психопат, склонный к агрессии. Но он к убийству отношения не имеет. У него алиби.

— Горе у него, — вступил в разговор Ирошников. — Ночью умерла тетушка. По общему утверждению, это единственный человек, к которому от относился с нежностью. Она скончалась у Гремова на руках, где-то в час ночи — скоропостижно. В громадной коммуналке, что на первом этаже, у него две комнатухи. Вот и закрылся у себя в каморке, не желал никого видеть, стенал отчаянно и никому дверь не открывал. Жена, несчастная женщина с тремя больными детишками, боялась, что он на себя руки наложит. Даже не ожидали, что такой чувствительный!

Жеребцов добавил:

— Но в шесть утра съездил за врачом, тот провел вскрытие. Покойная ведь приезжала лишь в гости и, по общему утверждению, желала быть похороненной на родине — в Варшаве. Гремов везет покойную в багажном отделении поезда № 64. Но мы провели самый тщательный обыск: и в его бедной квартирке из двух комнатух, и на чердаке, даже гроб обшарили — а то есть умельцы, в гробы прячут! А Григорий Михайлович и труп осмотрел.

— По докторскому заключению «смерть наступила в результате тромбозболии легочной артерии». На вскрытии в таких случаях в основном стволе и ветвях легочной артерии обнаруживают суховатые сложные серо-красного цвета тромбы, облитерирующие просветы сосудов, — Павловский устало зевнул. Ему хотелось есть, спать, и, вообще, он желал немного покоя в выходной день. — Доктор сделал квалифицированный разрез — от грудины до лобка.

Соколов насмешливо спросил:

— Ну, а эти самые пальчики на стекле — откуда они-то? Может, ваши мудрые головы объяснят мне?

— Аполлинарий Николаевич, пальчики — дело случайное, — горячо заговорил Ирошников. — Его, этого самого Гримова, когда стал уличать Николай Иванович, так тот не испугался, нагло заорал: «Какое ваше дело до моих пальцев? Я в Оружейной был еще в четверг. Мимо проходил, вижу, экскурсия — 4-я гимназия. Я и пристроился». Мы Гримова — под микитки, с собой потащили. Разыскали учителя истории, он живет в этой гимназии — на Покровке в доме графа Разумовского. Учитель подтвердил: «Да, этот человек присоединился к нам и внимательно слушал». Витрину, видать, плохо протерли. А кроме отпечатков пальцев ничего против Гримова нет.

— Где Гусаковы?

— В трактир Егорова пошли. Нас поджидают. Мы для вас, Аполлинарий Николаевич, приказали заказать копченых угрей под водочку.

— Хорошо, — Соколов вздохнул, — давно пора обедать. Едем! И Кошко с нами.

Телеграмма

У талантливых сыщиков безошибочно работает чутье. При встрече с подозреваемым они сразу же всей своей натурой ощущают: виновен — не виновен.

Соколов твердо был уверен: доктор Пузано к убийству не имеет ни малейшего отношения. Но тогда кто?

Спал он на этот раз плохо. Он чувствовал, что разгадка где-то рядом. Но где?

За завтраком он сидел, уткнувшись в газету, но мысли его витали в другой области, весьма удаленной от напечатанного. И вдруг, отшвырнув «Русскую мысль», сыщик громоподобно расхохотался. Он позвонил по телефону Жеребцову:

— Горе-сыщик, где, говоришь, был разрез вскрытия у тетки Гримова?

— От грудины до лобка, — голос Жеребцова звучал обескураженно.

— А при какой... тут легочная артерия? На пятерых мужиков можно иметь хотя бы одну извилину? Легочная артерия никогда не находилась в области брюшины. Назови

фамилию доктора, проводившего вскрытие и выдавшего разрешение не похороны?

— Александр Пузано. Вы что смеетесь, Аполлинарий Николаевич? Срочно отправить телеграмму? Записываю: *«Задержать и под усиленным конвоем отправить в московский сыск Г. Г. Гремова, а также труп, который он сопровождает. Полковник Аполлинарий Соколов»*. Слушаюсь!

Эпилог

Не прошло и суток, как гроб со всем содержимым и вместе с ним нежный племяш были доставлены в сыск. Гроб внесли в кабинет Кошко и поставили на стол. Все с любопытством сгрудились вокруг. Острый интерес был написан даже на высокомерном челе начальника управления Дворцовой частью генерал-лейтенанта Одоевского-Маслова. И лишь Соколов, с подчеркнута безразличным видом человека, все наперед знающего, откинулся на спинку дивана и читал газету.

Отец и сын Гусаковы сняли крышку гроба. Все невольно отшатнулись — в нос ударил мерзкий запах разложения. Труп начал приобретать лилово-багровый цвет. Оголили брюшную полость. От грудины до лобка шел разрез, зашитый обычной драгвой.

Павловский вспорол шов. Среди газет и тряпок, которыми была набита брюшная полость — «для сохранения формы», находился большой предмет, зашитый той же драгвой в плотную шелковую ткань.

— Чтобы сделать «багаж», убийца извлек из трупа метров двенадцать толстых и тонких кишок, — заметил Павловский. — Какие нервы надо иметь!

Настал волнующий момент (или, как говорили по малой образованности провинциальные актрисы — *волнительный*) — Павловский разрезал шелк.

В лучах яркого зимнего солнца, туго бившего в расшторенное окно, весело заиграла, заискрилась радужно ерихонская шапка Александра Невского — яхонтами, алмазами, бурмицкими зернами, кровавыми рубинами.

Находившийся здесь же под охраной Гремов зашелся в нервическом припадке.

Следствие открыло много любопытного. Года за полтора до описываемых событий фельдшер служил вместе с докто-

ром Пузано в Басманной городской больнице и даже раза два-три навещал его на Моховой. Последний раз это произошло за неделю до трагедии в Оружейной палате. И тут фельдшер познакомился с каким-то проходимцем из Варшавы, промышлявшим торговлей антиквариатом.

Спекулянт прямо сказал: «За шапку Невского, что в Оружейной, дам сто тысяч! Но это только в том случае, если шапка будет доставлена ко мне в Польшу». Пребывание на каторге не прошло даром для фельдшера. Он почерпнул кое-что полезное для человека с преступными наклонностями. Отправился в Оружейную, высмотрел витрину, обратил внимание на замок во входной двери. У воров купил за трешник *уистити* — особые щипцы для поворота наружного конца дверного ключа.

В это время у него гостила тетка из Варшавы. У нее было слабое сердце. Племяш с помощью дозы синильной кислоты ускорил ее конец. Свою мысль сделать из нутра тетки багаж, даже находясь под следствием, называл «гениальной». Чтобы сбить полицию со следа, выкрал у Пузано кинжал (которым прикончил оказавшего сопротивление сторожа Огнева), платок и отрезал от пиджака пуговицу, которые подбросил на место преступления. И он давно брил бороду: вот почему ни Пузано, ни горничная не узнали его на старом фото.

В преступную ночь тайком покинул жильё — вылез из окна. Совершил убийство — и обратно. Вот и алиби! Сумасшедший Пузано, вызванный Гремовым, написал разрешение на похороны. Остальное преступник сделал сам.

Был суд. «Изобретатель», как фельдшера прозвали журналисты, вновь и надолго уехал на каторгу. Зато ерихонская шапка вернулась на свое место в Оружейной палате, где, надеемся, пребывает поныне.

ОЖЕРЕЛЬЕ ИМПЕРАТРИЦЫ

Убийство на Поварской отличалось редкой жестокостью. Были похищены фамильные драгоценности, не имевшие цены. Их поиски потребовали от знаменитого сыщика Соколова особой находчивости.

Под звуки Гайдна

Граф Иван Львович Орлов-Давыдов и его красавица супруга Елизавета Михайловна давали званый вечер по случаю 16-летия их дочери Натальи. Граф некогда служил под благодетельным началом отца Аполлинария Соколова — в Государственном совете. И с той поры питал к отцу и сыну Соколовым сугубое уважение. Вот почему Аполлинарий Николаевич был среди самых почетных гостей.

Едва сыщик вошел в ярко освещенный электричеством зал, как понял, что сюда действительно приглашена «вся Москва». Парадные мундиры, золотые эполеты, роскошные платья, городской голова Гучков и градоначальник генерал Адрианов, актриса Книппер-Чехова и кумир читающей публики Максим Горький.

Последний, когда ему был представлен Соколов, крепко нажимая на «о», выговорил:

— С укоризной слышу о ваших, сударь, подвигах. Преступник — это ведь несчастный, которого изгоем сделало наше больное общество. Ему соболезновать надо, перевоспитывать, — Горький поднял желтый от никотина папелец. — А вы, говорят, живьем в гроб — нехорошо!

Всех пригласили к столу. Забегали, засуетились лакеи. За порядком строгим, командирским взглядом наблюдал дворецкий Ипполит, важный мужчина во фраке, с бритым лицом и пышными надушенными баками. На хорах негромко заиграл оркестр под управлением композитора Гречани-

нова любимую симфонию графини — «А» си-бемоль мажор Гайдна.

Виновница торжества оказалась сидящей против Соколова. Графиня Наталья была пышнокудрой шатенкой, с громадными голубыми глазами и мягким овалом лица — копия матери. На ней было легкое белое платье, в волосах маргаритка, на чуть приоткрытой груди — тонкая нитка жемчуга.

Елизавета Михайловна, напротив, по случаю замечательного события украсилась фамильным бриллиантовым ожерельем с редчайшей величины опалом, который был вделан в застежку — фермуар. Сие ожерелье один из пращуров графа за какие-то заслуги получил из рук императрицы Анны Иоанновны и стоило оно не менее двухсот тысяч.

Все взоры повернулись к Горькому. Был он в великой моде. Заполучить его в гости считалось великой честью, все равно что генерала на купеческую свадьбу. Горький поднялся во весь свой долгий рост, раздул широкие ноздри, покашлял и громким голосом, словно самые задушевные слова, произнес:

— Это замечательно — молодая особа, весьма собою привлекательная, выходит подобно челну в бурное море жизни. Особа хорошо воспитана, говорит по-французски, богата. Многие будут смущать ее, манить ложными огнями. Но есть только один маяк и один свет — свет всеобщего блага и равенства, куда следует направлять свой утлый челн.

Горький широко взмахнул руками и якобы с жаром всей души воскликнул:

— Взымаются волны, грозят в свою страшную пучину поглотить смельчаков. Темно-синее небо полосуют молнии, облака низвергают потопаи дождевые. Но пусть гребец услышит стройную гармонию неизъяснимо сладких звуков, и эти звуки приведут его на берег обетованный, где все люди живут как братья. И тогда гребец узнает все тайны мира, и они увлекут его душу высоко-высоко, к золотому узору звезд. Пусть виновница торжества Наталья стремится свой челн к свету чистому и неложному.

Грянули аплодисменты. Кто-то крикнул: «Браво!»

В честь Натальи говорилось много речей, подымалось много тостов: «За юную грацию!», «За грядущие успехи замечательной красавицы!» и многое другое. Это был первый выход в свет девушки, и она сидела светлая от счастья.

Как и положено, мать скоро увела дебютантку в спальню и сама осталась с дочерью.

Праздник, однако, шумел до двух ночи.

Крик в ночи

За окном еще висела октябрьская темень, когда настойчивый телефонный звонок прервал сон Соколова. Ругая изобретение Эдисона и того, кто не дает покоя, сыщик снял трубку. Он услышал рыдающий голос графа Орлова-Давыдова:

— Аполлинарий Николаевич, убили Наталью и супругу... Молю, срочно приезжайте.

Соколов не мог поверить своим ушам. Разум отказывался понимать, что эти два божественных существа, которые он только что видел, полными сил, надежд, красоты — и вот они бездыханны по чьей-то злой воле.

Соколов уже минут через пятнадцать прилетел на Поварскую. На всей улице лишь в графском особняке снизу доверху светились огни. Иван Львович упал на грудь гостя, заговорил по-французски:

— Аполлинарий Николаевич, кто поднял руку на... — его сотрясали рыдания. Но оправившись, сказал: — Я лег спать в три ночи. Быстро уснул, но проснулся будто бы от женского крика. Я решил, что это мне пригрезилось. Я лежал в постели, но сон не шел. Слуг вызывать не стал. Прошел в спальню жены... Впрочем, вы сами все сейчас увидите!

Они поднялись в спальню, расположенную на втором этаже и окнами выходящую в обширный парк. Елизавета Михайловна лежала на полу в луже крови, черным пятном разлившейся на узорчатом персидском ковре. Шея графини была перерезана от уха до уха, голова противоестественно повернута в сторону спины. Имелись ножевые порезы и на кистях. Очевидно, женщина пыталась защищаться.

Наталья лежала в спокойной позе в своей кровати. Только задранный вверх подбородок и ссадины на шее говорили о том, что девушку задушили.

Со стены был сорван небольшой коврик, за которым скрывался стенной секретный ящик. Сейчас он был открыт и пуст.

— В нем мы хранили фамильные драгоценности, — произнес граф. — Теперь шкатулка похищена.

В распахнутое среднее окно врывался ледяной осенний ветер. От кровавой лужи к окну шли следы. Приехали медик Павловский и фотограф Ирошников. Закрутилось следствие.

О вреде курения

— Кто знал о существовании тайника? — спросил Соколов.

— Никто! — твердо отвечал граф. — Только мы, семейные.

— Но что очевидно, — задумчиво произнес Соколов, — к преступлению причастен живущий в доме. Иначе кто убийце открыл окно? Тот, кто верно рассчитал: барыня хранит бриллианты в спальне.

— Да, их более чем на миллион похищено...

В этот момент быстро вошел Павловский. Его лицо сияло радостью:

— Девушка жива! Она лишь обмерла. У нее прослушивается пульс. Я окажу необходимую помощь.

Иван Львович осенил себя крестным знамением: «Спасибо, Господи!»

...Тем временем за окном забрезжил рассвет. Соколов вместе с приехавшим Жеребцовым вышли в парк. Жеребцов, успевший многому научиться у патрона, указал рукой на следы под окнами спальни:

— Смотрите, Аполлинарий Николаевич, вот кто-то спрыгнул с карниза — обувь глубоко ушла в рыхлую землю. Таких следов — две пары. А вы говорили, что, судя по отпечаткам на полу, убийца был один?

— А ты не допускаешь, что убийца два раза прыгал с карниза? Вот следы на водосточке — кусочки прилипшей земли. Убийца, до того прятаящийся за этим дубом, увидав, что в спальне зажегся свет, забрался по трубе на карниз и оттуда пробрался к окну. Высмотрев тайник, он спрыгнул на землю и вновь ушел к дубу. Сосчитай, сколько тут окурков?

— Один, другой... Одиннадцать штук — папиросы «Голос».

— Выпускает табачная фабрика Попова. Десять штук стоят шесть копеек. Курят люди среднего достатка. Ты, Николай, когда будешь допрашивать обслугу, постарайся выяснить, кто употребляет этот сорт папирос.

О вреде курения (окончание)

Были допрошены кучера, повара, лакеи, истопники, швейцары, две старухи-приживалки — всего человек тридцать. Никто ничего толкового не показал. Лишь дворецкий

Ипполит, очень переживавший случившееся и желавший быть полезным следствию, назвал возможного наводчика:

— Кучер Никифор, горький пьяница, несколько раз уже попадался на воровстве. Даже в полицию в прошлом году доставлен был. Но покойная барыня его жалела, от места не отрешала. Вот чем жалость порой оборачивается!

Однако лакеи, спавшие в одной комнате с Никифором, показали, что он всю ночь из помещения не выходил. Немного пришедшая в себя Наталья, тяжело и прерывисто дыша, рассказала сыщикам:

— Когда с мамá мы пришли в спальню, я тут же уснула. Больше ничего не помню. Да, был сон: будто на меня навалился громадный медведь и душит. А где мамá?

Наталье про смерть матери пока решили не говорить.

Граф пригласил к обеду, но сыщики отговорились занятостью. Тогда Иван Львович предложил:

— Моя коляска в вашем распоряжении. Эй, Ипполит, прикажи Никифору запрягать!

Через несколько минут рессорная коляска на дутиках — резиновых шинах (особая роскошь!) — катила в Гнездниковский, к сыску. Жеребцов, недавно приобщившийся к дурной привычке, закурил. Почувяв аромат, Никифор, невзрачный мужичишка в теплой ямщицкой шляпе с высокой тульей, державшийся на красных оттопыренных ушках, обернулся:

— Извиняйте, не будет ли от вашей милости насчет закурить?

Затянувшись, Никифор сладким тоном знатока произнес:

— «Дюшес» — замечательный предмет! Прямо андельское благоволие.

Жеребцов, едва ли не в сотый раз за день, произнес:

— А насчет «Голоса» не припомнил? Может, кто балуется им у вас?

— Чего этот «Голос» нынче всем сдался? — с недоумением пожал плечами Никифор. — Конечно, дух в им есть, но ведь этот табачок не забористый! А ведь как дымку хлебнул, так надоть, чтоб за душу хватал. Самолично я имею предпочтение к «Зоре». За пять копеек — двадцать штук! Дыми — не то что комар, клоп к тебе подползти не может. Потому как «Зоря» силу в запахе имеет. А вот кухонные наши мужички, так те обыкновенны к «Теремку» или «Новому веку». Их сиятельство Иван Львович усерден к «Габаю» — трубку им раскуривает. Полтора рублика за

коробочку-с! Зато как мимо проходят — болдуухание небесное! У их, у «Габая»-то, ради такого табака на прошлой недели, повар наш сказывал, двоих мужчин жизни лишили.

— А другие что курят?

— У кого чего есть, то и курят. — Никифор подозрительно оглянулся на Жеребцова. — Вы, ваше благородие, об чем намекаете? Небось наш дворецкий Ипполит Захарыч наговорил, что я «стрелок»? Так он сам, хучь в спинжаке шеголяет, а «стреляет» больше всех. Ему боятся отказать, вот он и выгадывает! А на свои он только «Роскошь» курит. Как запендрячит — у коней ноги подгибаются. Такую дрянь всякая слякоть курит, а он — туда же. Вот вы все: «Голос» да «Голос»! Он его не курит, а наемни где-то пачку «стрельнул». Я штучку попросил, так он не дал, да еще оговорил.

Соколов внимательно посмотрел на Никифора:

— Да врешь ты все, сочиняешь! Дворецкий в рот не берет «Голос».

— Это точно, не берет. А курить курил. Я его спросил: «Дорогие?», а он мне: «Деньги не платил, хороший человек две пачки сам преподнес!» Врет, поди, леший! Кто же это преподнесет, ежели ты сам не просишь? Чего, говорите? Ах, приехали. Я вас, судари мои, в аккурат доставил. Еще одну «дюшеску» на память не оставите? Как, всю пачку, да еще целковый! Ну, спасибо, господа начальники, уважили.

По горячему следу

Лучшие агенты наружной службы были брошены на слежку за дворецким Ипполитом. В занимаемой им комнате Жеребцов и Ирошников провели литерное мероприятие номер один — негласный обыск. Ничего любопытного не нашли.

Тем временем Горький разыскал по телефону Соколова, заокал:

— Как дело продвигается? Убийцы еще не пойманы? Вы уж, граф, постарайтесь, пожалуйста.

Соколов с нескрываемой иронией отвечал:

— Слушаюсь, ваше превосходительство!

— Какое же я превосходительство? — миролюбиво вопрошал Горький.

— Самое настоящее! Ведь вы в литературе первый нынче генерал!

...На третий день после убийства Ипполит вышел из дому. За ним по противоположной стороне тротуара шагах в сорока двинулся Гусаков. Ипполит вышел на бульварное кольцо и направился к Тверской.

От памятника Пушкину дворецкий свернул направо, дотопал до угла Газетного переулка и скрылся за дверями подъезда, на котором сияла вывеска:

«ФАЛЬЦ-ФЕЙН. Меблированные комнаты».

Гусаков ждал минут пять и затем вошел вслед за Ипполитом. Агенту повезло: он сразу же за конторкой увидел содержательницу мебелирашек — платного агента полиции Михееву. Узнав, кто интересуется Гусакова, она сообщила:

— Ипполит Захарыч частый наш гость. Он обычно с дамочками приходит — часа на два. А тут привел неделю назад... — она полистала регистраторскую книгу, — Алексея Самуиловича Голодца. Тот из номера почти не выходит. Сидит один и пьет водку. Только вот третьего дня явился уже утром — часов в шесть.

Гусаков прошептал на ухо:

— Если без меня выйдет Ипполит, продержите его здесь. Я сейчас вернусь.

Прибежав в соседний дом, где располагалось страховое общество «Россия», вломился в кабинет управляющего и, на ходу извинившись, схватился за телефонную трубку:

— Алло, барышня! Одиннадцатый — срочно! Дежурный, разыщи Соколова. Бегом! Аполлинарий Николаевич, клиент в «Фальц-Фейне» у какого-то Голодца Алексея Самуиловича. Какие указания будут? Буду стараться задержать, только, пожалуйста, скорее приезжайте. Это народ суровый!

Знакомый прием

Михеева, едва завидя Гусакова, сделала успокаивающее движение руками: мол, все спокойно, Ипполит и постоялец не выходили. Но не прошло и пяти минут, как Михеева начала трубно сморкаться — это был сигнал!

Гусаков увидел человека лет тридцати в расстегнутом плаще, косоворотке с расшитым воротником, кепи в виде блина с коротким козырьком. Челюсти человека были плотно стиснуты, левое веко чуть опущено. Человек зорким, настороженным взглядом скользнул по фигуре Гусакова и направился к выходу. Правую руку он держал в кармане.

Гусаков вскочил со стула, на котором сидел, и устремился к человеку:

— Извиняйте за беспокойство, огоньку не найдется ли? Спички, мать их к кочерге, отсырели.

Человек на мгновение задумался, но потом с кривой усмешкой полез левой рукой в карман и протянул спички. Гусаков чиркнул одну — сломал, другую нечаянно загасил, стал зажигать третью.

Человек сквозь зубы со злобой сказал:

— Оставь списки себе! — и хотел идти дальше.

Гусаков преградил ему дорогу:

— Ну подожди! Вот, видишь, и прикурил я. А то: «Возьми себе!» Так, брат, прокидаешься! Списки тоже денег стоят. Я, понимаешь, из Твери. Привез вещичку толкануть, — Гусаков мучительно соображал, какую он привез «вещичку». — Закачаешься! Бруллиантовая!

Человек сильной рукой отодвинул Гусакова и прошипел, не разжимая челюстей:

— Линяй отсея, пока лопухи не оторвал!

— Котлы прими за «синюю»! — жалобно заскулили Гусаков и протянул карманные часы. — Возьми, у меня внутри все горит, выпить страсть как хочется.

Гусаков, подобно клещу, вцепился в рукав подозрительного субъекта. Он знал, что Соколов прибудет сюда с минуты на минуту, ибо от сыска — рукой подать. В суতোлке, которую он сам создавал, Гусаков успел прощупать: в кармане субъекта был револьвер. И каждую секунду мог прогреметь выстрел.

Но вот наконец влетел Соколов. Рядом с ним был, понятно, неразлучный друг — Жеребцов. Соколов, завидя субъекта, радостно воскликнул:

— Кого вижу! Собственной персоной Семафор. Откуда взялся? А я полагал, что ты, Семафор, на каторге к тачке прикован. Виноват, ошибся. Страсть как хочется с тобой побеседовать. Руки подыми, ну!

(Сделаем маленькое отступление. В сысчной полиции была обширная коллекция фотографий особо опасных преступников. Соколов изучил ее назубок. Вот почему, увидав знакомое лицо, он тут же вспомнил его кличку.)

На мгновение Семафор от неожиданности опешил. Затем выдернул из кармана револьвер, направил в голову Соколова. Грохнул выстрел. Жеребцов, который первым бросился на преступника, охнул: пуля навывлет прошла через плечо.

Гусаков сбил с ног преступника, Соколов и обливающийся кровью Жеребцов навалились на него, нацепили наручники.

— Где Ипполит? — спросил Соколов.

— Спроси у ангелов! — дерзко отвечал Семафор.

...Несколько дней Соколов бился с матерым преступником, но тот стоял как стена: «На, кожу с живого сдирай, не отдам!»

И тогда у сыщика родилась некоторая идея.

Купель

В тот год знаменитый на всю Москву цыган Яшка водил на цепи медведя — громадного лохматого зверя. Яшка научил медведя переплывать реку. На Большом Каменном мосту собирались сотни горожан лупоглазить, как Яшка спускал в воду зверя. Тот плыл к другому берегу, где с бутылкой водки его ждала цыганка Галя, жена Яшки.

Она выливала водку в вонючую пасть, и заметно повеселевший зверь отправлялся в обратное плавание.

Однажды Яшка был препровожден в сыскную полицию и имел непродолжительную, но содержательную беседу с Соколовым. На другое утро медведь был доставлен к Большому Каменному мосту. Здесь уже поджидала арестантская карета. Из нее вывели оторопелого Семафора.

Соколов взглянул в лицо убийцы:

— Про бриллианты я с тобой говорить больше не желаю. Но натешусь вдоволь. И шпанка натешится. Вон, видишь, все ваши с Хитровки да из малин пришли — это я их собрал. Пусть над тобой повеселятся. — Он дал знак цыгану: — Сажай лихого кавалериста на лесного зверя.

Толпа цыган, ожидавших приказа, бросилась на Семафора, посадила его на спину медведя и крепко-накрепко привязала вожжами: «Пускай!»

Яшка подтолкнул медведя к воде. Тот, почуяв седока, кровожадно заревел, переступая на задних лапах, собрался кататься по земле, не желая терпеть на горбу человеческий дух. Но Яшка ловко подтолкнул медведя, и тот бултыхнулся в тягучую воду, у берегов покрывшихся тонким льдом и поплыл к другому берегу.

Дружный гогот огласил берега. Орала шпана: «Семафор, погоняй! Пришпоривай! Овса не жалеи!»

Вода уже стала совсем ледяной, жгучей. На стремнине волны гуляли через медвежью спину, с головой покрывая Семафора.

Медведь наконец выбрался на противоположный берег. (Тогда еще не было высокого парапета.) Галя налила в медвежью пасть «праздничную норму» — две бутылки водки. Пошатываясь, подгоняемый металлическим прутком, медведь отправился в обратное путешествие.

Река теперь оглашалась истошными криками Семафора: — Снимите! Не надо! Все скажу!

Эти крики тонули в диком хохоте жулья, воров и шпанки. Семафора не любили и радовались его сраму.

Когда Яшка вытянул за моментально обледеневшую цепь медведя, Семафор взмолился:

— Аполлинарий Николаевич, черт с ними, с бриллиантами! Они на чердаке спрятаны: в Даевом переулке! Отвяжите! В тюрьму хочу!

...Через полчаса, сопровождаемый сыщиками, Семафор приподнял на чердаке заброшенного дома недалеко от Сретенки лист ржавого железа. Шкатулка была цела, ничего из нее не пропало.

Граф Орлов-Давыдов сердечно благодарил Соколова.

Э п и л о г

Журналисты, которые сами себя гордо именовали «прогрессивными демократами», на страницах газет подняли дружный вой, называя способы раскрытия преступлений графом Соколовым «средневековым варварством». Они требовали строжайшего расследования этого «глумления над личностью и достоинством человека».

Отрезвляющим набатом раздался голос Горького. В одном из интервью он заявил: «Позорно нападать на таких людей, как Аполлинарий Соколов, стоящих на страже гуманизма и достоинства людей».

Видать, и великие люди под напором жизненных обстоятельств порой меняют свои взгляды.

И несколько слов о наших героях. Могучий организм Жеребцова вскоре победил недуг, что сыщику вскоре пришлось весьма кстати.

Графиня Наталья уже на следующий год составила себе весьма хорошую партию. Ее мужем стал один из баронов Маннергеймов, от которого она имела пятерых детишек. Старшую дочь она назвала в честь матери — Елизаветой.

ТАЙНИК

Однажды в сыскную полицию пожаловал старик почтенного купеческого вида. Он непременно желал видеть «графа Соколова, который любые дела распутывать может». Знаменитый сыщик принял просителя. Тот бухнулся ему в ноги: «Ваше сиятельство, явите Божескую милость! Горе-то какое в нашем доме, а куда не ходил, все толку нет, одни только разговоры!»

Старик поведал такое, что тут же заставило Соколова отложить все дела и заняться таинственным происшествием.

Жених

На правом берегу Москвы-реки, у подножия Воробьевых гор, стояло древнее и богатое село. Среди самых достойных людей почитался купец первой гильдии Григорий Данилович Муратов. Владел он свечным заводом, большим домом за высоким глухим забором, двумя дочерьми и сыном Прокофием. От дочерей пахло цветочной помадой, а Прокофий ходил в голубых брюках. Дочери учились в пансионе, а сын обретался возле родителя.

Отец пробовал учить Прокофия в гимназии, но это оказалось невозможным. От географии у того началось малокровие, а от арифметики сильное головокружение. Сколько ни вгонял отец сыну ума в задние ворота, но гимназисту пользы от этого верного средства не произошло.

Отец последний, решительный раз отодрал свое чадо, да забрал из гимназии. Стали ходить учителя на дом. Но и этот маневр не удался. В пятнадцать лет Прокофий изнасиловал учительницу каллиграфии, за что пришлось заплатить пять «катюш», дабы до суда не дошло, что стоило бы гораздо дороже. Науки были отставлены навсегда.

— И то — дело! — облегченно вздохнула Антонина Ивановна, мать недоросля. — Ведь не всякому человеку наука в пользу идет. Ученый дурак куда хуже неученого, потому как о себе понятие имеет и оттого работать не может. А Прокоша свое с возрастом возьмет.

И как всякая мать оказалась она права. Прокоша к годам двадцати развился всесторонне, то есть и вверх, и вширь. Стал он отцовской мощной по кабакам и публичным домам трясти.

Григорий Данилович принял решение:

— Женить паразита, чтоб не забаловался окончательно!

Невеста

В том же селе и на той же главной улице жил Василий Трифонович Перов. Имел он кирпичный завод, обширный капитал и единственную наследницу — дочку Лушу, разумную не по годам и смиренную сердцем.

Кто только сватов не засылал к Перовым, а отец от ворот поворот давал:

— Мала еще, куда ей в жены! Пусть в невестах походит.

На самую Троицу отпраздновали Лушино восемнадцатилетие. Все лучшие люди из села Воробьева собрались, и из Москвы знакомый артиллерийский генерал приехал.

Как-то получилось, что Василий Трифонович вышел в сад покурить, а там уже сам Григорий Данилович дым пускает. Говорит:

— Ну, хозяин, ты в душе размах имеешь! Такое рождение закатил, прямо торжество. Да и то сказать, капитал тебе позволяет.

— И ты, Григорий Данилович, на паперти не стоишь!

— Да, живем мы, слава тебе Господи! Есть казна и большая. А в гробовой ящик под себя не возьмешь. Все внукам отойдет. Мой Прокоша разумом простоват, зато к старшим почтение имеет. Пора его в семейную обузу ставить. А твоя Лукерья расцвела как маков цвет...

Понял Василий Трифонович, какую линию сосед гнет. Стоит, размышляет: «Прокошка, конечно, глуп. И сказывают, стал по разным арфисткам раскатывать. Товар, скажем, не первосортный. Да молодой еще, попра-

вится. У кого смолоду ветер в мозгах не гулял?» Вслух молвил:

— Если моя Луша не станет возражать, то... засылай сватов.

Сговор

Луша даже в мыслях не держала перечить родительской воле. Смотрины прошли гладко, настал сговор. Дом Перовых был полон гостей. Луша сидела на бархатной козетке в чайной комнате. Она была в новом гарусном платье с красивой отделкой, в белых шелковых чулках и новых полусапожках с медными пряжками. На плечи был накинут светлый шелковый платок с червчатыми цветами. Под платьем легко угадывались тонкая талия и хорошо развитые груди.

Невесту оставили наедине с женихом. Прокофий, то и дело оправляя пикейный жилет, с чувством рассуждал:

— Я в мыслях одно содержу: как бы скорее от своего родителя на свободу выйти. Он мне своим воспитанием тут сидит, — жених выразительно постучал себе по шее. — И жучит, и жучит — хоть в петлю! А ежели как теперь — свадьба, так это не в пример лучше.

— А почему, Прокофий Григорьевич, ваш батюшка ругается?

— Характерный он такой! Скажем, на прошлой неделе со своим приятелем Гордеем, что счетоводом прежде служил на отцовской фабрике, малость погуляли в трактире и, как положено, стекло били и разную посуду. Составили протокол, и папашу вызвали, а он меня по морде лица учить начал. Я уже не маленький! Срам, как нонче старики вести себя не умеют.

Вошел старший официант Влас. Из проема дверей угодливо поклонился:

— Мозельского желаете?

Прокофий кисло сморщился:

— Я об этот час завсегда шампанского предпочитаю. Принеси, братец, да поживее. — И к Луше: — А позвольте вас о любви спросить? Что это я слышал такое, будто инженер Тихонов с фабрики вашего батюшки на вас виды имеет, Лукерья Васильевна? Мне, как законному жениху и имеющему права, такое весьма обидно.

— На чужой роток не накинешь платок. Он дарит мне книги. Вот, к примеру, «Листопад» господина Буни-

на. Так в этом дурного нет. — Луша подняла на Прокофия ясные глаза. Лицо ее дышало свежестью и непорочностью.

Прокофий строго, тоном своего отца, произнес:

— Мне такое все равно неприятно! После свадьбы попрошу все его книги выбросить. Если понадобятся, купим новые.

Вновь вошел официант. На это раз с шампанским. Громко сказал:

— Родители просят в залу пожаловать. Все гости в сборе.

Свадьба

Свадьбу назначили на Воздвиженье. К десяти утра церковь Андрея Стратилата, построенная еще в 1675 году, была полна народу. Уже собрались все поезжане и жених, и Григорий Данилович прохаживался нетерпеливо, то и дело справляясь:

— Ну, едут? Небось на голове завивку делают, а тута народ перемогается. Священник отец Борис и хор заждались. Эй, Гордей, сгоняй-ка быстро к Перовым, что-то задерживают. Скажи, что все истомились.

Гордей сел на пролетку и укатил. Вскоре он вернулся сконфуженный:

— Дело такое, что... невеста, видать, сбежала. Вместе с инженером Тихоновым. Их вместе не видно. Весь дом спозаранок, сказывают, обыскали.

— Ну, папаша, вы мне особенное удовольствие предоставили, — обиделся Прокофий. — Срам-то какой! Из-под венца побег устроила...

Григорий Данилович, налившись кровью, сплюнул с досадой:

— Тьфу! Ну и оказия. А ты, сыночек, помолчал бы. От хорошего кавалера ни одна дура не сбежит. Я ведь знаю, какие ты каранболи на Москве откалывал, мальчишник, вишь, справлял. Придем домой, я тебе порты спущу, по заднице побеспокою. Ох, Господи, оконфузилси мои седины!

Гости потихоньку расходились, а Григорий Данилович сказал сыну:

— Поехали, Прокоша, к невесте в дом, выясним, что стряслось.

— Нет уж, увольте! — дерзко заявил тот. — У меня все чувства оскорблены, я ихний порог отныне не переступлю. Потому как обидно.

Григорий Данилович вздохнул и отправился один.

Беглецы

В доме Перовых была суматоха. Прислуга, гости, родственники высказывали самые различные предположения и постоянно посылали слуг:

— На дорогу посмотри, не идет ли? Что ж это она, Лукерья, так всех оконфузила.

Василий Грифонович и супруга его Прасковья Власьева, одетая в праздничное цветастое платье и в белом платочке на голове, лили слезы. Кто-то из соседей рассказывал, что ночью будто видел, как инженер и Лукерья, взявшись за руки, шли к Москве-реке.

И впрямь, официант Влас, вместе с другими ходивший отыскивать беглянку, торжественно внес в гостиную ее светлый шелковый платок с красными цветами:

— Нашел возле причала, на земле валялся. И лодка наша пропала. Видать, поплыли на ней на другой берег. Теперь их в городе искать надо.

Григорий Данилович укоризненно покачал седой головой:

— Не ожидал я такого безобразия! Извиняйте, что беспокоил вас. Поищем невесту в другом месте, где их крепко соблюдают.

...В тот же день дали знать в полицейский участок. Надзиратель сыскной полиции Анатолий Гришин, серьезный, крепкий в плечах человек, долго расспрашивал домочадцев невесты. Справился он и про инженера Тихонова, где и какие родственники у него живут. Направил по адресам агентов. Осмотрел местность. На другой день к полудню нашли лодку Перовых — вниз по течению чуть не до храма во имя Христа Спасителя она дошла.

Три или четыре дня бился надзиратель Гришин — на след беглецов напасть не удалось. Тогда дали газетные объявления: «Всякого, кто имеет сведения о таких-то, просят сообщить за приличное вознаграждение». Откликов не было.

— Воспитывать надо было строже! — так говорили по деревне.

И вот тогда-то Василий Трифонович, наслышавшийся про знаменитого сыщика Соколова, наведаясь к нему: «Помогите!»

В тот же вечер Соколов прибыл в село. При нем находился Жеребцов. Они поселились в доме старосты. И негласно сюда же приехали под видом дачников отец и сын Гусаковы — надежная помощь сыщику.

Версия

Не успел Соколов с дороги поужинать, как его на крыльце старостиного дома уже ждала толпа. Каждый хотел помочь в розысках, давал советы и противоречивые показания. Кабатчик клялся, что видел, как инженер с Лушей умчались на тройке, жена конторщика горячо утверждала, что в ту злополучную ночь кто-то кричал на реке: «Помогите!»

Надзиратель Гришин, скучавший на скамейке в углу под портретом генерала Скобелева, наконец не выдержал, встал и грозно крикнул:

— Все, хватит! Приходите завтра. — И принялся провозжать из избы глухо ворчавших сельчан. Потом он полез в старый портфель, стоявший возле скамейки, и протянул Соколову тоненькую папку:

— Вот дело об исчезновении Лукерьи Перовой и инженера Терентьева. Мы провели обыск в квартире инженера. Он человек денежный, всегда, по утверждению его хозяйки, хранил наличность в значительных суммах, но мы не нашли ни копейки. Обнаружили список облигаций Кредитного общества и акций Волжско-Камского банка — всего на семьдесят три тысячи. Но самих бумаг нет. Ясно, что, решив бежать с Лукерьей, он основательно к этому подготовился, забрал все ценное.

— Но почему инженер не просил руки Луши, если у них чувства взаимные?

— Боялся отказа. Вот, посмотрите Аполлинарий Николаевич, протоколы допросов. Четыре свидетеля утверждают, что инженер публично заявлял: «Этой свадьбе не бывать! Оболтус Прокошка не пара Лукерье Васильевне!» Пройдет месяц-другой, беглецы сами объявятся, в ноги родителям Лукерьи упадут: «Простите, что убогом венчались!»

— Посмотрим! — коротко сказал Соколов. — Я сейчас навещу Перовых.

Не прошло и часа, как он вернулся. Тяжело вздохнул, сказал:

— Много я горя видел, профессия такая! Но столь жуткой безысходности, такого отчаяния, когда и плакать нет возможности, — никогда! Отец и мать Луши уверены, что дочь не сбежала. С ней что-то худшее... Разве могла Луша покинуть дом в одном легком платье, вовсе не годном для дальнего путешествия.

Гришин горячо заспорил:

— Это ничего не доказывает! Инженер накинул на нее свою шинель — вот и тепло! А в магазинах купили все, что необходимо. Из дома вынести узел — большая опасность. Так?

Соколов спорить не стал. Он устало произнес:

— Скоро час ночи. Пора спать!

Находка

Ранним утром, когда лишь богомолки тихо тащились в церковь и небо не успело очиститься от ночной мути, Соколов, Гришин и Жеребцов вышли на улицу:

— Подышать деревенским воздухом!

Их обогнала богатая рессорная коляска, запряженная парой. Коляска остановилась возле дома Муратовых. Из нее грузно вылез Прокофий в изящном пальто заграничного покроя. Его бережно под локоть поддерживал счетовод Гордей. Они скрылись за высокой оградой.

Гришин сочувственно произнес:

— С горя пьет! Еще бы, такой невесты лишился. А Гордей возле хороводится.

Задами вышли к Москве-реке. Тихо в невесомом белесом тумане струились свинцово-тяжелые воды. Сладковато пахло прелой зеленью. Осмотрели пустынный берег. Дойдя до участка Перовых, прошли в узкую калитку, начали подниматься вверх, в гору. Стая ворон с резким наголоватым карканьем кружилась возле громадного тысячелетнего дуба.

Соколов задумчиво наблюдал эту картину:

— Эти птахи словно на пир слетелись! Чем они лакомятся?

Подошли ближе. Жеребцов пальнул из нагана. Со злобным карканьем воронье отлетело несколько прочь, разметавшись грязными пятнами на ветвях ближайших деревьев и на земле. Некоторые успели где-то урвать куски кровавого мяса и лакомились им.

Жеребцов, наступив на валявшееся бревно, залез наверх. Саженья в трех от земли ветви расходились в стороны. Жеребцов увидел в проеме между ветвей громадное дупло, выевшее чуть не всю середину дуба. Там лежал сильно пострадавший от хищников девичий труп.

Спрыгнув на землю, кивнул головой:

— Там!

Городские прогулки

Приехавший вскоре на вызов судебный эксперт Павловский установил: Лукерья Перова задушена стальным проводом, который сыщики обнаружили около дуба. Затем преступные руки забросили ее труп в дупло, будучи, видимо, уверены, что здесь его не найдут. Но забыли про прожорливых ворон.

Отпевали новопреставленную в церкви Андрея Стратилата, в той самой, где всего несколько дней назад она должна была венчаться. Хоронили через три дня в фамильном склепе сельского кладбища. Собралось все село — от мала до велика, и у всех на глазах были горькие слезы.

Прокофий стоял понурым, комкая в руках фасонную шляпу с большим раструбом, а неразлучный с ним Гордей то и дело сердито произносил:

— Вот что сделал инженер! Лютая зависть довела его до смертоубийства. Эх, поймать, собственными руками задушил бы!

Убитая горем, мать Лукерья тем не менее нашла в себе силы утешить несостоявшегося зятя:

— *Сынок*, молись Господу за душу нашей Лушеньки! И сам облегчение получишь. Исстрадался, лица на тебе, голубчик, нет...

Словно выросший из-под земли Соколов презрительно сказал:

— От пьянства, беспутной и преступной жизни почернел! Ты, сукин сын, где вчера был? Молчишь? Мои сыщики тебя проследили: опять шлялся в притон мадам Ройтер, что у Калужской заставы. И принимал ты продажные ласки известной шлюхи Машки Криворучко. Она призналась во всем. — Повернулся к помощникам: — Эй, Жеребцов, Гришин! Наручники наденьте на Прокофия и его подручного Гордея.

Повалился на кладбищенскую землю Прокофий, заголо-сил:

— Бес попутал!

На другой день из воды вытащили раздутый труп инженера.

Э п и л о г

Окружной суд давно не видел такого наплыва публики. Дело об убийстве купцом Муратовым собственной невесты вызвало исключительный интерес. 29-летняя Машка Криворучко, заплывшая жиром, с узкими шелками монгольских глаз, откровенно рассказала:

— Энтот Порфирий цельный год ко мне ходил, надо-едал. Буянистый, случалось, бил меня, я уж стала прятаться, да мадам приказала его принимать. Вить деньга у него водилась. Про то, чтобы он невесту извел, так это я выпимши была, ради озорства сболтнула. Говорю: «Взамен обещаю вечную любовь и предпочтение». А он, дурак, и впрямь... поверил.

Выяснилось, что в канун свадьбы Прокофий тайком вызвал Лукерью из дома. Он хотел ее, по совету Гордея, утопить. Но девушка, заподозрив неладное, повернула к дому. Тогда Гордей задушил ее проволокой. Убийцы без особых усилий засунули труп в громадное дупло дуба. Чтобы отвести от себя подозрения, завлекли на берег Москвы-реки инженера Тихонова. Гордей камнем стукнул по голове свою жертву, а труп спустили в воду. Тот же Гордей забрался через окно в жилище инженера и похитил все ценности. Еще прежде, отвязав лодку, отпустили ее плыть по течению, имитируя побег. Платок Лукерьи подбросили на берегу.

Знаменитый адвокат А. Ф.Кони в своей защитной речи привел сильный довод:

— Ни один нормальный человек не пойдет на убийство молодой, красивой и к тому же богатой невесты ради от-вратительной продажной женщины. Муратова не судить — его лечить надо!

Однако суд обоих убийц приговорил к каторге — на 15 лет каждого. Криворучко «за подстрекательство» получила три года.

Прокофия и Гордея отправили в Нерчинские рудники. На другой год старик Муратов впервые за свою жизнь

оставил дела и поехал навестить сына. Но встретиться с сыном ему не довелось. Уже за Уралом он простудился и умер. Его богатое хозяйство вскоре разлетелось как по ветру.

Супруги Перовы взяли себе на воспитание племянку-сироту, внешне чем-то напоминавшую Лушу. В советское время она стала известной детской писательницей.

ПАРИЖСКИЕ ТАЙНЫ

Это ужасное событие, заставившее говорить о себе всю Москву, случилось за два дня до нового года. Стояла лунная морозная ночь. Тротуары опустели, но в театрах начался разъезд. Лихачи, давая разгул натуре, дико гнали лошадей по обледенелым мостовым, торопясь доставить седоков в рестораны, клубы, собрания. Как обычно, в этот час в городе наступало таинственно-праздничное настроение.

На сей раз оно было нарушено чрезвычайным происшествием. На углу Салтыковского переулка и Петровки вдруг порохом вспыхнул двухэтажный дом потомственной почетной гражданки Грудковой. Из окон первого этажа рвануло пламя, треснула и повалилась на снег новенькая вывеска —

«ФИНАНСОВАЯ КОМПАНИЯ
И. ТРАХМАНА».

С соседней Скобелевской площади, трезвоня колоколами, вмиг домчались куражные и ловкие мужички — пожарные. Они сбили пламя. На полу первого этажа обнаружили сильно обгорелый труп.

Вызвали полицию. За дело принялся сам Соколов. Началось следствие, которое дало поразительные результаты.

Широкие просторы

Иван Спиридонович Трахман был симпатичным молодым человеком в черепаховых очках. В недавние времена, пребывая студентом Императорского Санкт-Петербургского университета, своим благонравием и усердием свидетельствовал, что он не бесплодно для науки и государства обретался пять лет в стенах почтенного учреждения. На выпускном акте физико-математического факультета Трахман удостоился почетного отзыва самого министра народно-

го просвещения, члена Государственного совета, сенатора и тайного советника Александра Николаевича Шварца.

— Я ведь на золотую медаль рассчитывал, — признался Трахман своему приятелю и соученику Леону Люцеранскому. Однако в прочувствованном слове он горячо благодарил «родную алма матер» и обещал: выходя из священных стен университета, всего себя посвятить святому делу — служению обществу!

А служить было надо: отец, акцизный чиновник, спился окончательно, и ему отказали от места. Мать билась изо всех сил, чтобы прокормить двух дочерей-подростков.

Теперь Иван через отца Люцеранского — крупного чиновника Дворянского земельного банка, что на Адмиралтейской набережной, сумел поступить учителем во 2-ю мужскую гимназию. Жизнь вроде бы стала веселей, да с годовым жалованием в тысячу двести рублей особо не зашибуешь. Иван вздыхал:

— Если бы на одного, а то прокорми всю мою ораву!..

Но обстоятельства жизни приготовили вчерашнему студенту приятную перемену судьбы.

Богатство

В Москве, в тихом Перуновском переулке, что в Сущевской полицейской части, в собственном домишке жил-поживал дядя Ивана Трахмана. Дядя был трезвым, богомольным, скуповатым, да к тому же держал москательную лавку. Так что, денежки у дяди водились.

На третий день масленицы, вернувшись с обедни в соседней церкви Казанской Божьей Матери (окошки дядиного домишки как раз выходили на сей храм), он сел трапезовать. Кухарка Анна, голенастая и смазливая девица, из мещан, поставила на стол блины и сметану, потому как икру дядя не ел из экономических соображений. После третьего блина дядя вдруг налился багровой кровью и грохнулся на дощатый пол. Прибывший доктор определил наступление смерти от апоплексического удара в голову.

Скупердяя похоронили. Огласили завещание. Всего капиталу наличными и в процентных бумагах оказалось без копеек пятьдесят тысяч рубликов. Двадцать пять тысяч покойный отписал церкви Казанской Божьей Матери — на вечный помин души, и столько же и домишко — любимому племяшке Ивану.

Наследник испытал сложные чувства. Свалившееся на голову богатство весьма обрадовало, но жаль до слез было остального. «На помин и ста рублей хватило бы, — с досадой крутил головой Иван. — А мне, по молодости, деньги на пользу бы пошли!»

Однако, по свершении необходимых формальностей, наследство принял. Домишко вначале хотел продать, но несколько дней прожив в нем, испробовав блинов, испеченных ловкой Анютой, и густо покрыв их черной икрой, решил вдруг переехать в Москву: «Делать карьеру и затеять на имеющийся капитал какое-нибудь дело!» Отца и мать с обеими сестренками он оставил в Питере: «На время, пока обживусь в Белокаменной!»

Признаемся, что на такое решение повлияли и красота Анюты, и желание избавиться от родительской опеки: «Уже не маленький!»

Поначалу Анята была в роли горничной и кухарки, а через полгода молодые обвенчались и сыграли свадьбу. За столом сидели нетрезвый папаша Трахман, частенько утиравшая умильные слезы мамаша, Леон Люцеранский — чиновник министерства просвещения с белой гвоздикой в петлице хорошо сшитого фрака, подаривший жениху бриллиантовый перстень, и бедные родственники Анюты.

И супруга, и новая жизнь поначалу весьма пришлись по душе Ивану. Он вполне ощущал себя — после полуголодной юности — богачом-барином. Перстень он носил на среднем пальце правой руки и приобрел привычку этим пальцем почесывать кончик носа — чтоб окружающие понимали силу его достатка.

А вскоре ему приперло принимать важное решение.

Проценты

Люцеранский довольно часто наведовался в Москву по делам службы. И каждый раз он приезжал в уютный домишко в Перуновском. Анята, оказавшаяся верной женой и хорошей хозяйкой, накрывала стол. Под водочку-селедочку друзья вспоминали золотые студенческие годы, строили планы на будущее. Люцеранский как-то сказал приятелю:

— Надолго ли, Иван, тебе хватит наследства? Деньги надо поместить в надежный банк под хорошие проценты. Тем более, что ты обретаешься пока без службы.

Анюта, как раз притащившая пыхтевший самовар, встряла в разговор:

— Я ему тоже самое твержу. Вот, к примеру взять, гимназического учителя Цветкова, что в желтом флигеле живет. Он купил эти, как их, ну, акции в банке...

Иван задумчиво почесал средним пальцем кончик носа и неопределенно промычал:

— Да уж, денежки мои тают: то свадьба, то вот Анюте шубу беличью справить пришлось. Надо обдумать тщательно.

На другой день друзья вместе отправились на Ильинку, в Русско-Азиатский банк. Постояли у окошка, где акционеры доходы получают — четыре процента годовых. Прошли в Учетно-ссудный Персидский банк — это рядом, в Верхних торговых рядах. Тут процент еще ниже — три с половиной. И все равно, желающих купить акции — множество великое, так денежки и текут рекой, только кассиры успевают получать.

— Очень для банка дело прибыльное, — со знанием дела произнес Люцеранский. — Ведь платят клиентам лишь самую незначительную часть прибылей, которые имеют банкиры.

Тяжело вздохнул Иван:

— Нет, даже на пять процентов мне не прожить. Ну, на двадцать две тысячи рубликов я могу купить акции, это толку мало. Следует что-то другое придумать.

— Свое дело организовать?

— Только не москательная торговля! Надо обмозговать.

Люцеранский вечерним поездом укатил в Петербург, а уже на другое утро Иван получил то ли весточку судьбы, то ли совет нечистого.

Сафьяновый переплет

После переезда в Москву, Иван приобрел привычку посещать сухаревскую толкучку. Среди палаток, раскинутых по случаю воскресной торговли, и сотен колыхающихся голов, толкались мазурики, формазоны, подмосковные крестьяне, наивные провинциалы. Одни продавали, другие покупали, третьи обманывали или воровали. Но здесь по случаю можно было порой за бесценок купить нечто фантастическое — старинную картину замечательного мастера или за пятак взять первопечатную книгу.

На этот раз Иван остановился возле книжного развала. Лениво перелистал одну книгу, другую. И вдруг жадным взором впился в страницы изрядно потрепанного тома в сафьяновом переплете. Не торгуясь заплатил, и по студенческой привычке сунул том за пазуху.

Дома он в этой книге перечитал что-то — раз, другой. Взяв красный карандаш, подчеркнул на полях, поставил на полях знак нотабене. И, почесывая кончик носа, надолго ушел в себя, глубоко задумался.

И вновь отправился за книгами — теперь уже навестил известных торговцев: Шибанова, Старицына, Чуйко, Фадеева. Домой вернулся на извозчике, держа внушительную связку томов, разложил их на столе. Тематика была определенной направленности: от изящного издания Д. Батюшкова «Банки. Их значение, операции, историческое развитие» до громадного тома, вышедшего еще в 1859 году — «Сведения о банковых и других казенных долгах».

Две недели ушло на изучение литературы, потом еще два месяца мотался Иван Трахман по различным учреждениям, взятки раздавал. Наконец, двухэтажный дом на углу Салтыковского переулка и Петровки украсила вывеска:

«Финансовая компания И. Трахмана».

Возле изящного отремонтированного подъезда появился ливрейный швейцар, за окошком поблескивал лысиной кассир, из дверей, снабженных табличкой «Бухгалтер», выходила приятной наружности особа с кожаной папкой и входила в дверь с табличкой «Директор», где за громадным столом восседал сразу сделавшийся важным Иван Трахман.

Газеты запестрели рекламными объявлениями: «Акции высшей категории надежности!», «Самые высшие прибыли!», «Финансовый риск застрахован!», «Принимаем денежные средства под вексель — минимальный вклад один рубль, максимальный — миллионы!», «Ваши вклады идут на развитие золотых приисков в Западной Сибири! Ваш доход будет невиданным — до 15,5% годовых!», «Путь к вашему богатству — это путь в финансовую компанию И. Трахмана!» и т. д.

Народ, еще не пуганный аферистами во фраках и манишках, понес рубли в двухэтажный дом на углу Салтыковского переулка. Здесь швейцар с низким поклоном отворял двери каждому — простолыдину с тем самым руб-

лем и генералу с солидным капиталом. На стенах висели красочные рекламные проспекты, картинки, диаграммы. Они наглядно показывали, куда идут средства вкладчиков и откуда спустя уже полгода начнет бить золотой фонтан дивидендов.

Чтобы не заставляя вкладчиков томиться в очереди, их обслуживали целый штат клерков и кассиров.

Два расторопных молодца в расшитых по вороту шелком кумачовых рубашках и подпоясанных поясками о двух кистях подавали — по свершении сделки — чашечку кофе, чая или рюмку водки — по желанию самого клиента.

По Москве пошла гулять легенда (которая, как известно, самая сильная реклама), что «у Трахмана можно разбогатеть». И людской поток с каждым днем все более возрастал: каждому хотелось получить доходец, лежа на печи.

Друг народа

Сам Иван Трахман раздобыл на глазах, взгляд крупных карих глаз сделался величественным и строгим. Одежду теперь он шил только у знаменитого Жака. Обедал в дорогом «Славянском базаре». По вечерам его частенько видели у «Яра», где он щедрой рукой одаривал цыганок из хора. В газетных киосках по пять копеек за штуку быстро раскупались открытки с портретом Трахмана. Простой народ, сдавший банкиру рубли, боготворил его. Дамы мечтали о знакомстве с ним. Деловой мир удивлялся и даже восхищался еще невиданной ловкости.

Газетчики пронюхали: на 2 января — первый день выплаты дивидендов, Трахман заказал в «Славянском базаре» большой зал, где для пятисот различных вкладчиков — по лотерее, банкир давал обед.

Газеты опубликовали Рождественское интервью Трахмана. Подобно доброму Деду Морозу, он обещал только хорошее: *«Деньги вложены в самое высокодоходное предприятие — золотые прииски Западной Сибири. Приглашаю любого желающего убедиться, сколь наше дело прибыльно. Впрочем, каждый наш вкладчик уже через неделю станет богаче, чем был прежде — сказочные дивиденды ждут вас!»*

И вот в канун триумфа — страшная трагедия.

Головешки

Сыщики прибыли на пепелище быстро — угли еще не успели остыть. Соколов, в свете электрических фонарей, увидел выгоревшее помещение. Сейфы были открыты и опустошены. На полу операционного зала, поджав руки и ноги, в так называемой «позе боксера» чернел обуглившийся труп. Веки обгорели, глаза, словно белесые бельмы, дико выпучены, зуба оскалены.

Доктор Павловский склонился над трупом:

— Повреждена вся толща кожи, ткани и внутренние органы, очевидно, сильно уплотнены. Судя по хорошему состоянию зубов — это молодой человек. Не старше двадцати пяти — тридцати лет. Одежда практически вся сгорела.

Соколов возразил:

— Нет, со стороны спины выглядывает кусочек ткани — тонкое сукно. Похоже, что сгоревший был одет в пиджак. А вот пуговица желтого металла, другая. На пальце — золотой перстень, кажется, с бриллиантом.

Жеребцов наклонился, поднял с пола очки:

— Вот, черепаховая оправка обгорела. Аполлинарий Николаевич, на темени зияет рана!

— Да, сначала злоумышленник стукнул жертву топором, затем обложил его бумагами — видимо, отчетной документацией, облил бензином и — чиркнул спичкой! — сказал Соколов. — Канистра за дверями стоит, мы мимо нее прошли.

— Стало быть, — задумчиво произнес Кошко, — убит сторож?

— Никак нет, — живо откликнулся Соколов. — Где ты видел бедных сторожей, носящих на пальцах бриллианты? Эй, Гусаков-старший, хватит лясы точить, отыщи сторожа — дворник наверняка его адрес знает. И заодно уточни, где Трахман живет.

Горькие слезы

Через полчаса Гусаков притащил не пришедшего в себя после вчерашней пьянки сторожа Карабанова. Это был крепкий в плечах мужик с угреватым красным лицом, хранившим неизбывную печать тупости.

— Ты, паразит, почему ночь провел не на службе? — грозно спросил Соколов.

— Да, это вчерась барин, ну, господин Трахман, изволили выдать мне на водку «зелененькую» и сказали: «Иди, дескать, выпей праздника ради! А я как бы вместо тебя подежурю — мне, дескать, с бумагами следоват разобратся. До утра буду стараться!» Ну, я и пошел к Мартемьянычу, это трактир на углу Столешников. Домой лишь за полночь доставился.

Соколов позвал Жеребцова:

— Едем к Трахману!

Сыщики легко вспрыгнули в поджидавшие их сани. Застоявшиеся кони резво понеслись по ночной Москве. Над головой бездонная чернота неба уходила в провальную космическую беспредельность. Одинокая звезда лила на землю золотую слезу. Угадывался скорый рассвет.

В Перуновском переулке Жеребцов постучал в окошко. В глубине комнаты вспыхнула свеча. Заспанный женский голос зевнул:

— Вань, ты что ль? — дверь отлипла, и на пороге сыщики увидали молодую красивую женщину в одной ночной рубаше и босиком. Она вскрикнула:

— Ой, кто вы?

— Не пугайтесь, сударыня! — с возможной деликатностью произнес Соколов. — Мы из полиции. Где ваш муж?

— Вчера утром он сказал, что будет на службе готовить годовой отчет и придет лишь нынче. Что нибудь случилось? — Вдруг женщина спохватилась: — Вы проходите, я сейчас.

Через минуту она явилась в простеньком платице. Соколов показал ей перстень. От воздействия жара золото покрылось цветастыми разводами.

— Это перстень мужа! — воскликнула женщина.

— А вот это? — Соколов достал из кармана черепашковые очки.

— И это — его! Но почему оправа обгорела? Что произошло?

— На муже что вчера было надето?

— Пиджак из английского сукна с золотыми пуговицами...

Узнав о случившемся, женщина зашлась в безутешных рыданиях. Но впереди ее ждало еще одно испытание. Труп был уже отправлен в морг, находившийся рядом с пожарным депо — на Скобелевской площади. Когда женщина взгляделась в обугленные черты лица, то лишь успела прошептать:

— Это он... — и потеряла сознание.

Солнце поднялось над горизонтом и весело сияло на высоких маковках церквей. День занимался морозным, солнечным, праздничным.

Друг бедняков

Хоронили Ивана Трахмана на Миусском кладбище. За гробом шло несколько тысяч человек. Те, кто вчера несли ему свои рубли, сегодня клали на гроб цветы и венки. «Благодетель!», «Друг простых людей!», «Защитник бедных!» — то и дело доносилось из толпы. В народе громко роптали: «Ивана Спиридоновича убили за то, что он хотел несчастных и обездоленных сделать богатыми и счастливыми!» И все требовали отыскать и покарать злодеев.

Вдова уже не плакала. Черными кругами глаз она глядела на гроб и пересохшие губы шептали слова отчаяния и горя.

...Соколову было жаль молодую красивую женщину. На девятый день смерти он приехал в Перуновский. Анна была во всем траурном. Она встретила сыщика спокойно и молчаливо, предложила поминуть мужа. На комод в обрамлении траурной ленты стоял фотографический портрет Ивана Трахмана.

Пока Анна ставила на стол нехитрую закуску, Соколов задумчиво перебирал на полке книги. Его особое внимание привлекла одна — в сафьяновом переплете. На титульном листе прочитал: *«Париж во второй половине XIX века... Злодеи. Полиция. Тюрьмы. Гильотина»*. Издана книга в Петербурге в 1875 году.

Страница 324 была заложена ножом для разрезания бумаги. Соколов стал читать строки, подчеркнутые по полям красным карандашом: «Самый многочисленный и, быть может, самый опасный класс преступного мира представляют так называемые дельцы. Мы встречаем их всюду, не подозревая об их профессии: в театрах, на скачках, на гуляниях. Они всегда вежливы и вкрадчивы. Они не крадут часов из кармана и не разбивают запертых лавок. Они представляют это другим, более мелким воришкам... Поселяются они всегда в центральных кварталах и там заводят свое бюро — с реестрами, с красивыми витринами и решетками, над которыми красуются вывески: «Банк» или «Касса». Они часто печатают объявления на четвертой странице газет, в

которых предлагают принять капиталы под громадные проценты, сулят невиданные барыши. Некоторые легковверные идут на эту приманку, разоряются, сожалеют, что пустились в неверную спекуляцию...»

Соколов задумчиво покачал головой:

— Вот оно что!

Симпатичный, с бакенбардами

— Скажите, Аня, ведь у вас есть альбом семейных фото? — спросил Соколов.

— Конечно, — вдова достала из комода кожаный переплет. — Это родители Вани, это Ваня мне подарил со своей надписью: «Дорогой невесте — любви и счастья. Целую, Иван».

— Можно взять его на короткое время? Спасибо! А это кто?

— С бакенбардами, симпатичный? Леон Люцеранский из Петербурга, университетский товарищ Вани. Его отец важный человек. Сам Леон приезжал к нам утром рокового дня. Он куда-то за границу ехал.

...С вечерним поездом Соколов отправился в северную столицу.

Отец Леона — действительный тайный советник, жил в богатом особняке на Васильевском острове, с множеством слуг, ливрейных лакеев, французским поваром, двумя выездами.

Старик своей важной, благородной наружностью напоминал толстовского Алексея Александровича Каренина. Даже говорил подобно этому литературному персонажу неторопливым, всегда слышным голосом, с налетом едва заметной иронии.

— Граф, — старик Люцеранский говорил по французски, чуть улыбаясь, — это весьма пикантная ситуация: я потребовался полиции. Это даже любопытно. Но прежде скажите, как ваш батюшка? Впрочем, я его встретил на минувшей неделе в Канцелярии Государя, он разговаривал со статс-секретарем Танеевым. Сдал, постарел мой друг... Увы, мы все стали стариками.

Соколов ловко перевел разговор на Люцеранского-младшего. Старик довольным тоном произнес:

— Пусть это не совсем скромно, но Леон, признаюсь, меня радует. Он ревностен к службе. Полторы недели назад министр отправил его по служебным делам в Берлин. Вот

его телеграмма: «Доехал хорошо. Разместили удобно. Целую, счастья. Леон».

— Вот как? Позвольте мне записать номер отправления. Это так, на всякий случай.

...Заплатив тридцать три рубля, что составило 107 немецких марок, Соколов в тот же день разместился в 1 классе «Норд-Экспресса». Путь лежал в Берлин.

Воскрешение из мертвых

Через 33 часа экспресс прибыл на берлинский вокзал Фридрихштрассебанхоф. И тут же попал в дружеские объятия знаменитого криминалиста Вейнгарта. Вейнгарт, усадив Соколова в авто, докладывал:

— В своей телеграмме, Аполлинарий, вы назвали имя Люцеранского. Такой у нас не значится ни в одной гостинице. Не заходил он и в университет, где его ждали с лекциями.

— Тогда везите меня на телеграф!

На Обервальдштрассе начальник телеграфа, громадный потный человек, заявил:

— Какой номер телеграммы? Сейчас оригинал принесут. Эй, Эльза, тащи нам холодного баварского...

Когда служащий положил перед Соколовым оригинал, тот жадно впился в него взором. Потом поднялся с кружкой пива, торжественно произнес:

— Вопреки тому, что в обгорелом трупѣ признали Трахмана, у меня всегда были сомнения. Действительно, зачем грабителю жечь труп и деловые бумаги? Когда я наткнулся на книгу о мошенниках, которые богатеют на банковских операциях, мои подозрения перешли в уверенность. И вот, господа, бланк телеграммы. Он заполнен рукой... «мертвого» Трахмана.

— Это замечательное дело надо отпраздновать, едем в «Хиллэр»! — воскликнул Вейнгарт.

— Прежде надо поймать убийцу!

— У российских преступников, дорогой Аполлинарий, дорожка накатана. Все жулье почему-то тянет в Париж. Но эти парижские тайны шиты белыми нитками. Ваш Трахман веселится в каком-нибудь «Континентале».

— С фальшивым паспортом на имя Иванова или Петрова! — громово расхохотался Соколов, и подвески на хрустальной люстре задрожали.

Эпилог

На этот раз Соколов ошибся. Едва Трахман оказался в Париже, как тут же сжег паспорт убитого им Леона Люцеранского. И зажил... под собственным именем в роскошном отеле «Бельвю», что на авеню Опера. Занимал Иван Трахман, разумеется, пятикомнатный люкс с роялью, бассейном, персидскими коврами и картинами классиков на стенах. Его согревала теплом своих тел целая интернациональная свора алчных и развратных девиц. С Трахманом случилось то, что обычно бывает с нашими соотечественниками: едва он хлебнул свободного ветра Запада, как тут же потерял целительное ощущение опасности. За что и поплатился.

— Как же ты, человек с университетским образованием, мог убить товарища? — спросил Соколов на допросе.

Трахман невозмутимо отвечал:

— А что мне оставалось делать? Своя шкура дороже чужой. Вы, поди, уже знаете, что все эти «золотые прииски» — сказка. Чтобы понять, до какой степени наш народ доверчив, следует открыть любую контору по приему денег. Чем большую чепуху вы станете молотить про «высокие дивиденды», тем длиннее к вам будет очередь желающих избавиться от своих рублей. Ну а тут сроки платежей подперли. Что делать? Вдруг узнаю, что Леон в Берлин поедет. Вот я все и устроил. Зазвал Леона к себе в контору — перед самым отходом поезда. Говорю: «Надень-ка мой новый пиджак, хочу со стороны взглянуть!» Едва Леон облачился, я его по голове — тюк! На палец убитого свой перстень нацепил, черепаховые очки на пол швырнул, бензинчиком — прыск! А банковские деньги я загодя в камеру хранения положил. С паспортом Леона в Берлин приехал, его папаше телеграмму отстучал. Что мне теперь будет? Повесят?

Судебный процесс шел пять дней. Окружной суд был забит до отказа. Ивану Трахману многие сочувствовали, в первую очередь — обманутые им. Душа российского человека загадка. Когда жулику и убийце дали двенадцать лет, из зала донеслись крики — «Жестокость!»

Но вчерашний миллионер сидел недолго. Во время этапирования в Сибирь Иван Трахман куда-то исчез. На этот раз его следы не обнаружили.

ПОЦЕЛУЙ СМЕРТИ

История эта — необычна и кровава. Она еще раз напомнила: как камень, брошенный в воду, вызывает круги, так и наши поступки увеличивают на земле добро или зло.

Третий труп

Теплым и тихим полднем 13 августа, в Нескучном саду, что за Калужской площадью, шел на службу в Александринский дворец камердинер с изящной фамилией Граф.

Миновав домик с ротондой, камердинер оказался возле елизаветинского пруда. Вдруг, краем глаза, заметил: кто-то лежит в прибрежных кустах. Подойдя поближе и раздвинув кусты, увидел картину, от которой похолодела кровь. На подстилке в спокойной позе спящего человека лежал господин в белой сорочке, темном костюме и дорогих лакированных штиблетах. Брюки, однако, были спущены почти до колен, а сорочка приподнята. Со страхом и омерзением камердинер узнал в кровавом комочке, лежавшем на животе, половые органы. Там же, где они от природы должны находиться, зияла страшная кровавая рана.

— Караул! — завопил камердинер и, не разбирая пути, ринулся прочь.

Вскоре прибыли сыщики во главе с Аполлинарием Соколовым, только что вернувшимся из заграничного путешествия.

Соколов в кругу приятелей-сыщиков с удовольствием вспоминал:

— Побывал я у знаменитого доктора Вейнгарта, бывшего судебного следователя, а ныне члена судебной палаты в Дрездене. Он автор замечательной книги — «Уголовная тактика». Вейнгарт словно мысли мои прочитал, когда зая-

вил: «После самого хитроумного преступления остается много следов. Но чтобы прочитать их, требуется грамотный сыщик!» Прекрасно!

Начальник сыска Гартье (досиживавший последние денечки в своем кресле) с досадой произнес:

— Третий труп на этом же месте! Наверняка, действует опытная банда убийц-садистов. Ловко, черти, работают — никаких зацепок после себя не оставляют. Ведь вновь портмоне не тронули, а вот и вид на жительство и визитные карточки: «Евгений Петрович Малинин, действительный статский советник. Вице-директор Второго департамента МИД». Важная птица! Зачем понесло его в эти кусты?

— За тем, зачем и двух предыдущих, убитых таким же диким способом на этом же месте! — ответил язвительный Ирошников, возившийся с фотоаппаратом. — Придется теперь здесь пост филеров установить — навечно.

— Да, помнится, один убитый был инженером фабрики «Вулкан», — вставил слово эксперт Павловский. — Причина смерти очевидна: от значительной потери крови — лужа натекла. Какая-то загадка!

Гартье получил указание от самого директора департамента полиции МВД генерала Трусевича: «Приказываю руководителем группы расследования назначить полковника А. Н. Соколова». Это было еще после второго убийства. По причине заграничного турне приказ этот выполнить тогда не удалось. Следствие было провалено. Гартье заявил: «Убийства настолько бессмысленны и необъяснимы, а преступники изошрены, что никто не сумеет злодейства распутать!»

Дама без адреса

Ревновавший к успехам Соколова, Гартье сказал с плохо скрытым сарказмом:

— Ну-с, Аполлинарий Николаевич, что твой друг Вейнгарт разглядел бы в нынешней ситуации? Приличный человек с ампутированным членом, лужа крови на подстилке — вот и все... Зацепить внимание не на чем.

Соколов, склонившись над убитым, долго что-то рассматривал. Наконец, поднявшись, обвел всех взглядом и с глубоким вздохом произнес:

— Мои бедные сотоварищи! Вы что, ослепли и не в состоянии замечать очевидных вещей? Я вот здесь попол-

зал с полчасика и могу сказать: так много оставлено знаков, что нынче же можно арестовать убийцу! Во-первых, убивала не банда — единственная женщина, которая, уверен, молода и хороша собой. Она блондинка. Имеет профессиональное отношение к медицине, вероятней всего хирург.

— Коля, Жеребцов! Кровь здесь вытри. Смотрите, какая умелая хирургическая работа: края раны четкие, разрезы ровные! Григорий Михайлович, — обратился Соколов к Павловскому, — у тебя нос не заложило? Тогда иди сюда, понюхай, чем пахнет лицо трупа? Да пониже, он не укусит! Неужто не чувствуешь острый запах эфира? Ты в обоих предыдущих случаях проводил химический анализ крови? Нет? Почему?

— Аполлинарий Николаевич, так причины смерти были очевидными — такие страшные раны! Потеря крови, я полагал.

— Посмотри как спокойно, даже безмятежно лежит мертвец. На его теле полностью отсутствуют знаки самообороны. Ребенок догадается: тетя доктор резала мужику член, когда он или был уже отравлен эфиром или находился под наркозом. Логично?

Неугомонный Ирошников, как и все с интересом слушавший Соколова, полюбопытствовал:

— Хорошо, что труп нашли часа через три-четыре после убийства. А если бы несколько дней прошло? Ведь запах эфира полностью бы выветрился...

— А ты, Юрий Павлович, взгляни, видишь, как кровь стекала — строго вертикально, каждая струйка видна. Это подтверждает: ампутацию произвели у неподвижно лежащего человека.

Гартье с сомнением покачал головой:

— Нет, слабая женщина не могла справиться с молодыми крепкими мужчинами. В одиночку насильно эфиром не усыпишь! Ведь сам способ убийства бессмысленен.

— Это, Николай Федорович, с твоей точки зрения бессмысленен! А ведь злодейка ритуал совершает! Убивает по тринадцатым числам и на этом месте. Хорошо, что не каждый день! Очевидно, что убийца умна и осторожна — сюда она долго не придет. И потом, почему, дорогой начальник, ты думаешь, что женщина не может в одиночку надеть на мужчину эфирную маску? Представь: сидят на этом коврике (который, по договоренности, мужчина принес), пьют вино, дело о близости как бы решенное. Дама говорит:

«Пардон, по женскому делу в кустики отлучусь, вы, сударь, не смотрите в мою сторону!» Мужик от счастья весь расплавился, из ушей только дым не идет. Дама обильно смачивает эфиром губку, подходит сзади — раз, маска застегнута, она плотно держит свою жертву. Тот трепыхнулся раз, другой — и затих. Через минуту-другую отрезай все, что понравилось.

Гартье задумчиво почесал лысину:

— Красиво... но не верю.

Соколов азартно произнес:

— Давай пари, что сегодня же до шести утра приведу к тебе ту, что мужское достоинство резала с такой же легкостью, с какой другие яблоки режут! На пятьдесят золотых червонцев? Чего ты робеешь? Ведь ты с целым штатом три месяца не мог поймать эту очаровашку! Деньги жалко? Но ты можешь запросто выиграть, она мне визитной карточки почему-то не оставила.

Гартье этот разговор был неприятен, тем более что вокруг с любопытством слушали подчиненные. Он быстро сказал:

— Ты, граф, во все игры выигрываешь, у меня нет лишних денег! Ирошников, вы сняли отпечатки обуви? Я, Аполлинарий Николаевич, с тобой согласен, что на земле четко видны следы от дамских каблучков.

Ралле знает все

Соколов поманил к себе шофера:

— Эй, Галкин, хватит лясы точить! Прыгай в «рено» и гони на Кузнецкий мост. В пассаже Солодовникова на первом этаже парфюмерный магазин «А. Ралле и К°». Спроси эксперта, Третьякова, он мой приятель. Быстро доставь сюда!

И повернувшись к сослуживцам, добавил:

— Третьяков сейчас вам тоже скажет про блондинку. И дело не только в том, что я снял несколько вот этих волос с пиджака убитого — видите, длинные и светлые

Пока делали слепки следов обуви, снимали с трупа отпечатки пальцев и фотографировали аппаратом Бертильона, фыркая вонючим дымом, подпрыгивая по бездорожью, подкатил «рено». Из кабины вылез с гвоздикой в петлице фрака — словно на свадьбу пришел, чистенький, жизнерадостный старичок — парфюмерный эксперт

Третьяков. Как с близким другом обнялся с Соколовым, кивнул остальным.

Соколов накинул на голову убитого полотенце: «Чтоб эфир в нос не бил!» И пальцем ткнул в воротничок убитого:

— Тут внимательней будь!

Все оставили свои дела и глазами вперились с любопытством в Третьякова. Он опустил на колени перед трупом. Уткнувшись едва не носом, стал нюхать и разглядывать только ему ведомое. Вскоре, отряхивая узкие ладошки, поднялся:

— Я сорок лет служу фирме «Ралле». И смею утверждать: на сорочке есть пятно губной помады «В яблоках». Каталожный номер 983, стоимость 5 рублей 40 копеек. По причине своеобразного светлого колера употребляется исключительно блондинками. Сюртук сохраняет запах дешевого мужского одеколона «Дорожный». Если не ошибаюсь — запах эфира заглушает! — наличествуют следы утонченных женских духов ландышевого оттенка «Душистый трэфль» — 12 рублей маленький флакон. «Трэфль» возбуждает интерес мужчин. Чаще всего используется молодыми дамами и незамужними девицами. — И Третьяков закончил экспертизу сентенцией: — Хорошая парфюмерия — источник вечного очарования!

Дружеские связи

— Труп — в морг! — распорядился Соколов. — Коль скоро убийца возлюбила Нескучный сад и имеет отношение к медицине, делаю вывод: она здесь где-то обретается. Рядом две больницы — Первая городская (Калужская, 16) и Голицынская, в доме 18. Пойду в ближайшую, тем более что там директор моя старая и добрая знакомая — княгиня Голицына.

...Едва Соколов вошел в кабинет княгини, как она радостно заговорила по-французски:

— Мой милый друг, граф Соколов? Какими судьбами? Ах, эти полицейские дела! Знайте, граф, что только я одна не осудила вас, когда узнала, что вы из гвардии в полицию служить пошли. Честные и толковые люди в полиции тем более нужны. — Добрые глаза княгини лукаво засветились: — Помню ваши проказы. Одна история с веером чего стоит!

Они оба улыбнулись. Соколов сказал:

— История совсем пустяшная, а меня из-за нее едва из Петербурга не выслали. Генерал-губернатор на меня донес самому Государю...

Случилось же следующее. Как-то на балу Соколов нечаянно сломал веер Голицыной. Он простонал:

— Ах, какая неловкость! Позвольте, Анна Александровна, эти обломки мне. Вам без веера нельзя, скоро новый доставлю...

На дворе стояла глухая ночь. Подбадривая кучера кулаком в спину понесся на Невский, 14 — к магазину «Ф. Кноппе», где продавались самые дорогие веера. Долго долбил в дверь. Наконец, послышался заспанный голос хозяина: «Что случилось?» — «Продай веер!» — «Приходите завтра». — «Надо сейчас!» — «Не беспокойте по ночам!» — «Последний раз говорю — отвори!» — «Шли бы спать...»

Не стерпел гвардеец такой грубости, отодрал скамейку, на которой кучер Прохор сидел, и шибанул ей по зеркальной витрине. Забрался в магазин, засветил серники, взял веер и швырнул на пол кучу ассигнаций — не считал! Наружу вылез, а там городской с шашкой дожидается. Говорит, а по голосу слышно — робеет:

— Господин полковник, проследуйте в участок!

— Пошел вон! — и пальнул из револьвера в небо.

Прикатил на бал, как ни в чем не бывало, расшаркался:

— Вот, графиня, ваш веер!

Посмеявшись давней истории. Соколов спросил:

— А что, девицы у вас толковые служат? Скажем, хирургами?

— Да, молодежь нынче прекрасная, альтруистичная! Девиц среди сестер милосердия и акушеров много. Но есть у соседней Эльза Бланк — замечательный анестезиолог. В трудных случаях даже мы ее приглашаем.

— А нельзя ли сейчас ее пригласить?

— Это легко! Позвоню их главному врачу Рейну... Попрошу бутылку эфира.

...Стоя за ширмой, Соколов увидел в щель пышнокудрую блондинку лет двадцати пяти, с сочными пухлыми губами. И лишь взгляд ее голубых глаз был как бы потухшим, как это бывает у тех, кто пережил страшное горе. Внутренний голос Соколова сказал: «Да, это она!»

Приятное знакомство

К часу, когда Эльза должна была уйти со службы, Соколов ждал ее шагах в сорока от ворот больницы. И вот она появилась в элегантном английском платье, стройная, манящая.

Прогуливаясь, она направилась к Крымскому валу. Здесь вошла в ресторанчик «Нега». Минут через пять Соколов вошел вслед за ней. Через час вышли они уже вместе. Было ясно — знакомство состоялось.

Соколов говорил:

— Сударыня, вы должны простить мою дерзость! Я в Москве проездом — из Тулы к себе в Варшаву. Никого здесь не знаю. Едва увидел вас, как страстно возжелал познакомиться...

— И как в старинных романах, готовы мне жизнь отдать? Согласна, приезжайте 13 сентября. Только клянитесь, что ни одной душе не скажете о нашей встрече. Вы ведь не хотите компрометировать меня?

Соколов простонал.

— Не убивайте! Месяц без вас — невыносимо!

Она так близко потянулась к нему, что он ощутил тепло ее лица и тонкий запах «Душистого трефеля».

— Вы *этого* жаждете? Хорошо, пусть *это* случится сегодня. Вы где остановились? Пока нигде? Чудесно! Едем в «Большую Московскую» на Воскресенской площади. Только я на минутку загляну домой — кое-чего взять следует.

Прозрение

Номер сняли на сутки, самый лучший и просторный — из четырех комнат: с большой ванной комнатой, роялем, множеством козеток, пуфиков, диванов, с толстенными коврами, глушившими шаги, с картинами в громадных золоченных рамах.

Лакей заставил стол закусками и бутылками. Соколов смотрел на Эльзу, попивая крошечными глоточками дорогое шампанское и с грустью думал: «Господи, и это существо, полное молодой красоты, грации, женственности — убийца? И она, конечно, приехала сюда только с одной целью — лишить меня жизни, ничего плохого ей не сделавшего, самым диким способом! Разум отказывается верить...»

Она много выпила шампанского и с непередаваемым чувством нежности и печали глядела на него. Соколов сказал:

— У вас глаза весенней лани. Если бы вы кого полюбили, то стали самым преданным существом, которое даже в мыслях не изменяет.

Она благодарно взглянула на него:

— Уж я так создана, может в силу своего сиротского детства, что всегда видела смысл жизни в служении другим. Поэтому и пошла учиться на медицинский факультет. — Она глубоко задумалась, потом вздохнула: — Эх, все равно наша встреча первая и последняя. Не скрою, вы мне, Аполлинарий Николаевич, нравитесь сильно. Вы какой-то большой — в своих мыслях и чувствах. Словно Гулливер попал в страну лилипутов. Сегодня я принадлежу вам — до зари. А там простимся... навсегда.

Он не ответил. Эльза торопливо отпила из бокала и продолжила:

— Жизнь моя кончилась в мае нынешнего года. Я даже возненавидела число, когда все это произошло — тринадцатое. У меня была первая любовь. Он намного старше, рассудительней, с величественной наружностью. Дамы почему-то всегда на него оборачивались. Он уверял, что закончит какие-то финансовые дела и мы обвенчаемся. Так продолжалось целых пять лет. И вот, на обычном месте наших уединенных прогулок, на берегу пруда в Нескучном саду, он признался: «Я полюбил другую. Не хочу дальше обманывать!»

— И для вас, Эльза, перевернулся мир?

— От горя я перестала есть, пить, почти не спала. Мне опостылела жизнь. Если лучший из мужчин оказался предателем, то каковы другие? — так думала я. Так пусть будут они прокляты. Но, наверно, во мне зрел душевный поворот. Иначе как объяснить, что сегодня, встретив вас, я поняла, как мой бывший возлюбленный мелок, скучен.

И вдруг сказала:

— Я сейчас вернусь...

Она ушла в ванную комнату. Соколов слышал, как хлещет вода и с ужасом сказал себе: «Ведь я не могу ее арестовать. Она... нравится мне».

Потом она вошла обнаженной, с капельками влаги на лице, еще более прекрасная, чем в одежде. На светло-розовом теле темнел лобок. Она протянула руки, и они задохнулись в иступленном поцелуе.

...Эта ночь стала каким-то фантазмагорическим видением, где необыкновенное счастье перемешалось с неотвратимой трагедией.

Эпилог

Уже под утро, смертельно уставшего, Эльза поцеловала его в губы долгим влажным поцелуем и простым, почти обыденным голосом, сказала:

— Прощай, милый! Как жаль, что мы прозреваем всегда поздно.

Она скрылась в ванной комнате. Соколов, сам себе удивляясь, ее возвращения ожидал без малейшей тени страха. Незаметно для себя он заснул.

...Пробудился Соколов поздно — часов в девять, когда с улицы в открытое окно доносился звон колоколов соседней церкви, неслись крики торговцев-разносчиков, точильщиков и извозчиков. Эльзы рядом не было, хотя ее вещи лежали с вечера на стуле.

Он, утопая крепкими ногами в глубоких коврах, быстро прошел в ванную комнату. Она лежала в громадной черного мрамора ванной, неестественно вытянувшись, с застегнутой на лице эфирной маской.

Рядом на мраморном столике сыщик увидел письмо: «Прости, милый, что я так ушла. Но таким, как я, нет места среди людей. Э.».

Соколов поцеловал записку.

ЧЕЧЕНЕЦ

Сотни людей — искренне скорбящих или просто любопытных — собрались на кладбище Донского монастыря. Хоронили, как писали газеты, «талантливого самородка, кристально чистого человека, безвременно сведшего счеты с жизнью», — Прокофия Шубина. Когда в Большом соборе со стенными росписями самого Баженова близилась к концу заупокойная служба, возле загода приготовленной могилы случилось нечто ужасное, совершенно невиданное прежде. Николай Иванович Прохоров, знаменитый миллионер и владелец мануфактуры, близкий друг покойного, заметил в могиле беспорядок. Находившиеся поблизости могильщики разгребли хвойный лапник и, слегка поработав лопатами, вытащили на свет Божий обнаженный свежий женский труп.

Бригада сыщиков, которую возглавил знаменитый Аполлинарий Соколов, выяснила потрясающую историю. Ее мы вам и поведаем.

Недра биографии

Жизнь замечательных людей всегда любопытна не только современникам, но даже отдаленным потомкам. Каждому хочется из своих сереньких будней сделать нечто этакое, героическое. Вот и устремляются жадные взоры к тем, кто совершил головокружительный прыжок из болота заурядности к сияющим вершинам славы, богатства, почестей.

Пытливый ум биографов не однажды обращался к загадочной личности Прокофия Шубина, пытаясь разгадать истоки его невиданного взлета. Однако их вдохновенные усилия оказались бесплодными. Даже великие пронеры — газетные журналисты, не отыскали первоисточника несметных сокровищ новгородского мещанина и кавалера, почетного московского гражданина.

Но у нас есть преимущество — материалы полицейского следствия, которые были недоступны нашим пред-

шественникам. Это и позволит нам представить штрихи его славной жизни, взлета, а затем и падения в страшную и бездонную пропасть — Вечность.

Предки Прокофия мыкались в Белокаменной, но его папаша Егор, человек беспокойный и выпивающий, по неизвестной причине приперся на берега Волги и Оки — в Нижний Новгород. На его руках вскоре оказался младенец, герой нашего повествования.

Никто и никогда не видел женщину, пославшую в этот прекрасный мир младенца Прокофия. Нет, такая, судя по предыдущему опыту человеческого развития, видимо, была. Но ни ее имени, ни возраста и вероисповедания выяснить не удалось.

Лишь однажды, крепко, по обыкновению, напившись, когда загулял с крючниками, Егор коротко и выразительно отозвался о своей бывшей подруге:

— Простистутка! — И этот пьяница и грубиян никогда ничего к сей характеристике не добавлял. Это и правильно. Женщины лишь по внешности похожи на людей. Не самом же деле это существа совершенно необычные, явно божественного происхождения, а потому легко ранимые даже на большом расстоянии. Сам того не подозревая, Егор обладал первейшим из благородных качеств: о женах, какими бы они нам ни казались, как о покойниках, следует говорить исключительно приятное или вовсе молчать.

Уроки жизни

Папаша-одиночка поменял много занятий: вывозил нечистоты, был уборщиком трупов павших на улицах животных, чернорабочим на каком-то селечочно-копильном производстве, дворником в имении графини Ольги Васильевны Кутайсовой, где размещался приют для малолетних. Наконец, обрел пристанище в качестве уборщика бесплатного ночлежного дома имени купца Бугрова (с его портретом в вестибюле) на 840 коек на Нижнем базаре.

И через все эти годы и мытарства рядом с Егором шел его ребенок. В этой серой жизни он нагляделся много такого, что и взрослому видеть было бы отвратительно. И следствием этого стало то, что поначалу он выбрал неправильный путь жизни. Свел дружбу с худшей частью постояльцев ночлежного дома. Эта рвань наладилась посылать мальчишку на базар — за добычей. И Прокофий крал

все подряд: круг вареной колбасы, шматок сала, гирю с прилавка, кошелек из чужого кармана. Добычу он честно приносил в ночлежку. Оборванцы хвалили Прокофия и учили пить водку.

Был Прокофий застигнут однажды врасплох. Торговцы повергли его в теплую базарную пыль и долго валтузили ногами и кулаками по разным частям юного тела.

Папаша, разделявший со своим отпрыском крошечную клетушку под лестницей, не снабженную даже окошком, тоже все чаще впадал в гнев и при помощи обрывка веревки возмещал его на Прокофии.

Что подействовало спасительным образом, сказать теперь трудно. Но однажды Прокофий, ставший уже ладным белокурым парнем, как бы враз поумнел. Он ушел от папаши-пьяницы, снял у купчихи Ольги Назаровой чердачное помещение с отдельным входом и начал зарабатывать себе кровавые мозоли в нелегком качестве «мартышки» на Сибирской пристани.

«Мартышками», за их исключительную неутомимость и социальную ничтожность, народ прозвал лодочников.

Работа трудная, но зато веселая. Кого только возить не приходится! И купца с тугой мошной в кармане и с девицей на коленях, загулявшего чиновника, желающего «выпить на воде», и темную личность в клетчатой кепке, конфузящегося идти через мост, где полицейские дежурят в его честь.

...Так трудился Прокофий два лета. Силу в руках и спине обрел большую, даже бурлаки на кулачках с ним биться остерегались.

Полезные знакомства

«Трудом праведным не заведешь себе палат каменных», — справедливо заметил русский народ. И хотя трудился Прохор изо всех сил, но богатства себе не составил. Однако деньги на хлеб-соль водились да на развлечения еще оставались. Впрочем, самым главным удовольствием Прокофия было одно — чтение книг.

Когда-то еще в бугровской ночлежке мальчишка свел доброе знакомство с одним из обитателей ее — дворянином по происхождению, химиком по образованию. Эту науку он когда-то преподавал в гимназии, а еще ставил опыты, печатал труды и даже премиями ученых обществ отличался.

Но алкоголь снизвел старичка в ночлежный ад. Прокофий тянулся к бывшему педагогу. Тот с удовольствием занимался с ним. Мальчишка с удивительной легкостью выучился читать, писать, постиг начатки знаний. Особую тягу получил к химии. Однажды у холодного букиниста купил за семик — две копейки — «Основы химии» Дмитрия Менделеева. Педагог помог овладеть ему премудростями формул и внушил:

— Только познав химию, можно достигнуть успехов в промышленности, земледелии и физиологии!

Про земледелие Прокофий не думал, а любил науку вполне бескорыстно, хотя и горячо. Во всяком случае, отыскав на свалке старый шкаф, Прокофий его привел в порядок, втащил на чердак и забивал покупаемыми и читаемыми книгами. Более того: купив реактивов и колб, ставил опыты. Нередко дом заполнялся гнусными запахами, а однажды едва не случился пожар.

Домовладелица Назарова, смазливая вдовушка лет тридцати пяти, добрыми выпуклыми глазами глядела на юношу и мягко увещевала:

— Ты, Прокоша, только домишко мой не взорви! — И потупив взор, добавляла: — И когда Семенов приходит, ты того, не ставь опытов. А то загребет тебя, как какого-нибудь бомбиста. Сейчас много этой шпаны, этих самых революционеров развелось.

Речь шла про жгучего усатого брюнета с шашкой и эполетами — квартального надзирателя, нежно надзиравшего вдовушку раза по три в неделю.

Благое дело

Нижний Новгород со своим водопроводом, трамваем, двумя скотобойнями, телефонной станцией и конножелезной дорогой, с садами и бульварами существовал, казалось, ради единственного дела — ради своей ярмарки, гремевшей на всю Европу.

Едва вода очищалась ото льда, как на Петербургской и соседней Сибирской пристанях начиналось движение. Подъезжают одна за другой десятки подвод, тяжело груженных товарами. Нетерпеливо покрикивают возчики, переминаясь возле своих поклаж, часами ожидая своей очереди, дабы сдать на хранение то, что предназначено для ярмарочной торговли. Возле складов бегают, суетятся при-

казчики, артельщики, конторщики. Щелкают костяшки счетов, без устали пишутся накладные и фактуры, нагружают широкую платформу весов, горой вырастают выгруженные и уже просчитанные и взвешенные товары.

Растет караван речных судов, тесно жмутся друг к другу на пристанях пассажирские и товарные пароходы. Конторские здания, нарочно построенные хозяевами для ярмарочной торговли, начинают отворять двери ставни, окна. Высланные вперед приказчики наводят в своем царстве порядок. Весь город обновляется, прихорашивается, наемные рабочие ремонтируют булыжные мостовые, красят палисадники, переклеивают обои в присутственных и общественных местах.

Особое усердие — хозяев гостиниц, номеров, меблированных комнат трактиров, ресторанов, харчевен: белят потолки, выколачивают пыль из ковров, натирают паркет.

В тот год 15 июля — день поднятия флагов ярмарки — выдался жарким. Сотни людей пожаловали в Старый собор. Здесь шло торжественное богослужение. В первые ряды молящихся, среди членов губернаторской семьи, среди блестящих офицеров, украсивших широкие груди царскими орденами, среди именитого купечества, затесался белокурый парень в простонародной одежде. Молился он истово, так что сам митрополит заметил его и подумал: «Ишь, добронравный какой! А говорят, что у нынешних вера покачнулась. Ан нет!» И умиленный, махнул кадиллом возле Прокофия.

...Уже поздним вечером, когда небо вызвездилось бриллиантами далеких и холодных звезд, Прокофий возвращался из «Американского электрического театра» Талисия домой, на свое прогретое до великой сухости чердачное помещение. Повернув уже на Похвалинскую улицу, он едва не грохнулся, споткнувшись о кого-то, валявшегося на тротуаре.

Наклонившись, в неверном свете дальнего электрического фонаря Прокофий разглядел человека. Тот слабо простонал:

— Ради Аллаха, помоги! Эти свиньи избили меня... Напали шакалы на льва.

Прокофий сморщил лоб: «Что делать? Не бросать же здесь!» Махнул рукой:

— Подняться можешь? Ну, опирайся на мою руку. У меня заночуешь. Тут рядом.

Дома Прокофий помог гостю умыться, постирал его одежду. С трудом двигая челюстями гость ел пшеничную кашу. Перед Прохором сидел восточный человек лет тридца-

ти, узкое лицо было обрамлено короткой курчавящейся бородкой, с узким разрезом небольшого рта. На Прохора глядел единственный глаз, черный и блестящий, как спелая смородина после дождя. Правого ока не было. Его переполосовал толстый шрам бурачного цвета.

Камиль (так звали одноглазого) расстелил у дверей свою немыслимую, много раз латанную бурку, приготовился спать.

Прокофий лег на узкую кровать. Ночью он вдруг пробудился. В мертвенном свете луны, проникавшем в оконце, он увидел Камиля. Тот сидел на голых пятках, надев феску и молитвенно воздев руки:

— Альхам дриляги реббем альями...

На другое утро Камиль сказал:

— Спасибо за приют! Я чеченец. Мой дед был наибом самого Шамиля. Слышал про такого? Отца убили русские собаки... — Он тут же поправился: — Солдаты убили, он промышлял в горах на дороге. Нас было тринадцать детей. Кормить надо было. Я ушел из дома в десять лет. Сейчас убежал из казанской тюрьмы, там меня звали Юлбосаром. Паспорта нет.

Прокофий тяжело вздохнул:

— Поживи несколько дней у меня, поправляйся.

Золотой дождь

Прокофий утром рано уходил на Сибирскую пристань, возвращался вечером, приносил еду. Камиль мыл полы, вытирал пыль, готовил ужин. Уставившись глазом-смородинкой в переносицу Прокофию, участливо спрашивал: «Как сегодня дела? Много возил?» И внимательно слушал, никогда не перебивая. Раны Камиля зажили. И Прокофий все чаще задумывался: «Что делать с чеченцем? Отпустить? Пропадет!»

И вдруг пришла спасительная идея. Дождавшись воскресенья, он, отстояв в церкви обедню, зашел к хозяйке, протянул ей коробку шоколадных конфет:

— Это, Ольга Васильевна, вам — от чистого сердца! Есть у меня дельце... — и он поведал ей всю историю про Камиля, присовокупив к рассказу пятьдесят семь рубликов — все, что скопил. — Это для вашего частного пристава. Пусть Семенов поможет...

Дня через два хозяйка вручила Прокофию паспорт на имя Элдара Галеева, в котором были описаны приметы

самого Камиля: *«От роду ему ныне тридцать лет. Росту двух аршин шести вершков. Лицо узкое, рябое. Нет правого глаза. Наискось по лицу большой шрам. Нос длинный. Волосы на голове и бровях темные, густые. Вероисповедания мусульманского».*

Камиль прижал паспорт к сердцу, торжественно произнес:

— Я твой кунак, Проша! Пока я рядом, ни один волос не упадет с твоей головы. Клянусь!

...Следующим утром, в совсем ранний час, когда над Волгой стоял плотный ночной туман, Прокофий торопился на свой извоз. Пробегая Петербургскую пристань, он вдруг заметил сверток, валявшийся возле мучного склада. Он поднял его, развернул, и сердце учащенно забилося: в кленке лежала кипа крупных ассигнаций, все больше с портретом Екатерины II — сторублевые. Засунув деньги под рубаху, он устремился прочь от этого места.

Пароход бежит по Волге

Про свою находку Прокофий никому не сказал. Лишь навестил отца, заметно постаревшего, ослабшего, с трясущимися руками. Прокофий притащил большую корзину с едой, оставил какие-то деньги.

— Вам, батюшка, в удовольствие от нас с почтением-с!

Прослезился папаша, обнял трясущимися руками чадое свое, хотел что-то сказать, да сипло голос сорвался, так ничего сынок не понял.

И вовремя мальчишка отца навестил. Вскоре тот в одночасье Богу душу отдал, наследнику лишь алтын стертый оставил. Но Прошка, хитрый лис, слушок пустил: «Покойный Егор большие деньги перед смертью сыну передал!»

Народ у Прошки любопытствовал:

— Это чего, правду, что ль, бают, что у твоего покойного отца денег капитал был?

Прошка отшучивался, но не говорил ни да ни нет.

Все-таки народ сомневался:

— Странно сказать: «Капитал!» Откуда он у него? Пятачки на косушку стрелял!

И вдруг народ ахнул: купил Прошка пароходец — двухпалубный, с громадным колесом, капитанской рубкой и салоном для первостатейных пассажиров! По рекам все

больше баркасы бегали парусные, а тут такая техника заграничная.

— Вот тебе и раз! Кто бы мог подумать, что у пьяницы Егора такие деньжищи водились! Коловращение судьбы: мальчишка Прошка возле флачной часовни «мартышкой» у пристани стоял, а теперь большими тысячами помахивает!

— Это безусловно! — соглашались другие. — Только все богатство Прошкино, конечно, темное. Да и сам еще сопливый, как бы в трубу не вылететь.

— В собственную! Глянь, как раз его приобретение по воде дым пускает. Дай-ко табачку понюхать!

— Не жалко, заряжай оба ствола! Апчи!

— Уф, хорошо! За нутро хватает. С фиалкой!

— Табачок-то! С ней самой.

— В трубу, говоришь? Беспременно вылетит. Молодой, да и закваска в нем не та.

— Точно, жидель все. Нам бы этот пароход, мы деньгу хорошую на нем выгоняли бы. А этого Прошку окрутят какие-нибудь хитрые людишки.

— А как же, вон вокруг него хороводится смуглый такой. Небось, татарин...

— Камиль Одноглазый? Сказывают, с острова Сахалина бежал.

— Каторжная морда! Ишь, дружбу свел.

— Связался черт с младенцем. Он его на этот пароход в карты обыграет, а потом зарежет. У них с этим быстро.

Однако Прокофий завистников разочаровал. Дела его в гору шли. Деньги так и текли к нему в карман. И трех лет не прошло, как по воде бегали пароходы, баржи, баркасы, принадлежавшие Прокофию Егоровичу Шубину. И Камиль стал правой рукой его, многими делами заправлял.

— Ты и впрямь мой кунак — самый надежный человек! — говорил Прокофий и секретов никаких от него не держал.

Свел однажды случай Прокофия со знаменитым человеком — владельцем Трехгорной мануфактуры Николаем Ивановичем Прохоровым. Это был блестяще образованный человек, ходивший в английских смокингах, владевший иностранными языками и прекрасными манерами. И еще он был одним из богатейших людей России. Было ему далеко лет за сорок, и трудно понять, что привлекло Николая Ивановича в Прокофии. Потомок крепостных крестьян,

Прохоров, может быть, подсознательно чувствовал что-то родственное в этом симпатичном юноше.

Две недели, пока Николай Иванович был на ярмарке, друзья почти не расставались. Каждый вечер, едва фиолетовая мгла спускалась на землю, «Св. Георгий» зажигал на верхней палубе огни и отваливал от причала. Симфонический оркестр количеством семнадцать маэстро играл Чайковского, Мусоргского и Брамса. Друзья сидели за обильным столом и вели нескончаемые беседы на самые различные и высокие темы. Узнав про увлечение Прокофия химией, Николай Иванович воскликнул:

— Сейчас с молотка идет фабрика лаковых красок Ключе, это в Москве. Вот и приобрети! Дело доходное, перспективное.

— Справлюсь ли? — засомневался Прокофий. — У меня и знаний нет.

— А у кого они есть? — расхохотался собеседник. — Все мы на деле учимся. А я тебе дам отличного консультанта, девица у меня в химической лаборатории — ученица самого Менделеева. Ну? Вот и хорошо. В субботу едем в Москву.

Королева науки

Размах Прохоровской мануфактуры поразил Прокофия. Он с любопытством осмотрел фабрики: бумагопрядильную, ткацкую, ситценабивную, красильню. Побывал в общежитиях для рабочих — благоустроенных домах с водопроводом, канализацией и даже (невероятно!) с электрическим освещением.

Николай Иванович рассказывал:

— Истоки мои — от монастырских крестьян Троице-Сергиевой лавры. Я, так сказать, двадцать первое колено, а род наш проистекает от штатного служителя лавры Ивана Прохоровича. Родился он в последние годы царствования Петра Великого. Я бываю на его могиле — на Драгомиловском кладбище. Мой пращур освободился от крепостной зависимости лишь в 1764 году, а вот его сынок Василий поселился в Хамовниках и торговал... Чем бы ты думал? — Глаза Николая Ивановича озорно блеснули. — Пивом! А нынешнее дело он затеял почти одновременно с рождением нашей гордости национальной — поэтом Пушкиным — в июле 1779 года. Так что не назвать ли нашу Трехгорку пушкинской?

Николай Иванович весело расхохотался, обнажив крепкие зубы:

— Впрочем, хватит мемориев, давай выпьем мадеры! Главное, что мы с братом Сергеем (завтра тебя с ним познакомлю) не осрамились, достойно продолжили дело наших славных предков. Выпьем за предков — твоих и моих! Может, и нас кто лет эдак через сто вспомнит добрым словом.

Прокофий заметил:

— Деяния моих предков куда скромней!

— Вот от тебя твоя фамилия, может, и пойдет вверх!

— Может... Но дед мой родом из Москвы, скорняком у Михайлова на Кузнецком мосту работал. А вот папашу занесло в Нижний. — Взор Прокофия вдруг сделался задумчивым. — Как там мой кавказец с делами управляется? Горячий он дюже, ему бы только врагов с кинжалом воевать: отчаянной храбрости человек!

— Да и предан тебе он, Прокофий! Дело твое хорошо отлажено, поживи у меня недельку. Завтра в «Яр» тебя повезу. Ах, цыганка Стеша, — Николай Иванович сделал восторженное лицо. — Глазищи — во, что черны бриллианты блестят, косища — в оглоблю. Мы с тобой разгул натуре устроим, праздник сердца!

Но судьба уготовила Прокофию сюрприз в химической лаборатории. Николай Иванович представил ему:

— А вот главный инженер твоей будущей лакокрасочной фабрики — Мария Ивановна Грачева. Рекомендую...

Прокофий увидел девицу лет двадцати пяти, совершеннейшую красавицу: грациозную, стройную, с легкой обворожительной улыбкой на смуглом лице. Громадные агатовые глаза глядели на Прокофия весело и словно куда-то мимо него. Прокофий тяжело задышал, промямлил что-то невразумительное и от этого застеснялся еще больше.

— Я хочу показать вам, Прокофий Егорович, лабораторию, — непринужденно сказала Мария. — У нас очень много интересного. — Она еще раз, теперь уже доверительно, как близкому человеку, улыбнулась: — Вообще-то мы в строжайшей тайне держим наши рецепты, но от вас секретов, понятно, нет. Мы первыми в мире разработали изомерию нафтохиновых производных. Как раз в этой лаборатории...

Прокофий был так взволнован, что слова Марии словно повисали в воздухе, не доходили до его сознания. Набравшись духу, он пробормотал:

— Мария Ивановна, давайте сегодня обсудим наши проблемы. Надо вместе поужинать... Николай Иванович в «Яр» приглашает. Что до науки, то вы, уверен, в ней королева!

Парфе из ананасов

Солнце, словно утомленное дневной жарой, уже успело тяжело опуститься за плоские крыши домов, а наша компания, радостная от предстоящего веселья, в двух легких рессорных колясках катила в Петровский парк за Тверской заставой. «Яр» — место безумных оргий, цыганских плясок и прекрасной кухни — встретил новых гостей радушно.

Прохорова здесь все знали, все радостно приветствовали. Метрдотель отвел их на обычное место Николая Ивановича — на обширную террасу, слева от искусственных живописных руин, против эстрады и рядом с фонтаном.

Николай Иванович приехал со своей супругой — милой женщиной средних лет с добрым славянским лицом. Прокофий сел рядом с Марией. И эта близость страшно волновала его и возбуждала воображение. За другими столиками шло оживленное веселье, звучали бодрые тосты, смех. Для Прокофия ничего на свете не существовало, кроме очаровательной соседки.

А возле столика уже суетились два официанта, смахивая белоснежными салфетками несуществующую пыль, а метрдотель, приняв почтительную позу, скороговоркой перечислял:

— Рекомендую-с устрицы — наисвежайшие. Суп сегодня восхитительный — «а-ля тортю». Пирожки к ним валованы, рисоли, тарталеты. Ах, совершенно замечательное шофруа из перепелов. Ну, как обычно — стерлядь паровая. Из жаркого что изволите приказать: птицы, цыплята или фазана с пером-с? Говорите, вальдшнепа? С полной готовностью — во фруктовом гарнитуре...

После второй рюмки Мария взяла руку Прокофия. Тот сразу вспотел. Отчаянно и бесповоротно решил: «Первым богачом стану — все к ногам Марии брошу, но любви добьюсь».

Когда обед подходил к завершению и по предложению супругов Прохоровых компания собралась ехать:

— В кабаре «Летучая мышь» к Никите Балиеву... — Мария отодвинула от себя вазочку и обратилась к Прокофию:

— Разве это парфе из ананасов? Настоящее парфе я сама приготовлю для вас... — Она взглянула на него странно искрящимися глазами.

Почти до утра они вчетвером веселились у Балиева.

...Еще через две недели, устроив дела в Нижнем, Прокофий перебрался в Москву. Поселился он в «Метрополе» — в большом номере из четырех богато обставленных комнат с роялем, громадными картинами в золоченых рамах, бронзовыми статуэтками, толстенными коврами, скрадывавшими шаги, множеством козеток, диванчиков, пуфиков, цветов в кадках и горшках.

Камиль, в качестве то ли заботливого слуги, то ли надежного друга, поселился в небольшом номере по соседству.

Интриги

Затяг Проккофия увенчалась удивительным успехом. Благодаря некоторым маневрам Прохорова, фабрика была приобретена с большой выгодой и отсрочкой платежей на полгода. Уже через два месяца производство стало приносить большие прибыли, появились новые заказчики. Новгородская флотилия тоже работала без сбоев, давала все возрастающий доход.

Мария, по ее желанию, была поставлена заведовать химической лабораторией. Ее отношения с Прохором очень быстро перешли из деловых в интимные. Она относилась к тому разряду женщин, в большом количестве расплодившихся в начале XX столетия, которые любили повторять пошлую фразу: «Жизнь коротка, молодость быстротечна, и я не желаю тратить свои дни на кухню и детей». Выходило, что Господь создал их не для семьи и материнства, а для того, чтобы они торчали в разных конторах и учреждениях.

Ее отец был бедным корнетом. С матерью Марии он познакомился во время маневров в Молдавии, привез ее в Москву и обвенчался. Брак был несчастным — без любви, без каких-либо общих целей. Корнет повздорил с товарищем по полку и был убит на дуэли. Марии тогда шел третий год. Девушка, когда подросла, решила во что бы то ни стало выйти в люди. Она упорно училась и в занятиях химией сделала большие успехи.

Года за три до описываемых событий Мария познакомилась, а потом и сошлась с полковником лейб-гвардии Преображенского полка красавцем графом Гессеном. Любимец

последнего российского царя, он был знаменитым кутилой и покорителем женских сердец. Он было так пленился красотой Марии, что вполне серьезно обдумывал женитьбу с ней. Но по трезвому размышлению понял, что этот мезальянс не понравится при дворе и не будет способствовать его дальнейшему продвижению по службе.

Бывая наездами в Москве, граф неизменно проводил одну-две ночи в объятиях Марии. Он не желал порывать с ней. По этой причине питал ее иллюзии неясными намеками на брак в неопределенном будущем.

Мария в графа была влюблена до безумия, готова была нестись к нему по первому требованию, исполняла его любые прихоти. Но встретив Прокофия, она решила привязать этого простоватого и неиспорченного парня к себе — на тот случай, если не выгорит брак с графом.

Этот любовный треугольник существовал около полутора лет. Прокофий делал брачные предложения Марии, но она, не отвергая их, твердила: «Давай еще проверим наши чувства!»

Она с самого начала невзлюбила Камилля. Тот отвечал ей открытой неприязнью. Однажды случайно он встретил ее на Тверской в компании с полковником. Это был граф. Камилль выследил их, увидел, что парочка вошла в гостиницу «Париж». Камилль бросился к Прокофию:

— Слушай, давай я убью их обоих! Зачем тебе нужна эта плохая женщина! Она тебе изменяет, она тебя не любит! — кричал Камилль, гневно выкатывая единственный глаз. — Не веришь? Идем в «Париж»! Они в угловом «люксе» на втором этаже. Ух, собаки! Резать хочу их!

Прокофий с наивностью неиспорченной натуры не верил в измену:

— Не горячись, Камилль! Я завтра все выясню у самой Марии.

Объяснение

Всю ночь Прокофий не мог уснуть. Его воображение живо рисовало картины измены. Мария представлялась в объятиях незнакомого полковника в самых непристойных позах. Несколько раз он подымался с постели, готовый среди ночи гнать в Сокольники, где снимал для Марии и ее матери в тихом уголке большой флигель. Но вдруг одумы-

вался, представив недоумение разбуженной, потревоженной Марии, и вновь безуспешно пытался заснуть.

Утром он приехал на фабрику и уже издали увидел ее платье массакового цвета — темно-красное с синим отливом, подчеркивавшего бедра и груди и так шедшего ей. С трудом сдерживая волнение, он негромко спросил:

— Ты где вчера вечером была?

Она было вспыхнула, вопросительно взглянула в его глаза и тут же с непринужденной очаровательной улыбкой ответила:

— Вчера? Ах да, приезжал из Петербурга бывший папин командир. Он хлопочет для маман насчет пенсионера... Но ты шпионишь за мной?

Прокофий сразу успокоился, весело предложил:

— Поехали в «Метрополь», позавтракаем.

После ресторана они пошли к нему в номер, и он, как никогда прежде, был страстен. Потом, целуя его в щеку, Мария как бы невзначай спросила:

— Ты позволишь мне сегодня навестить подругу по гимназии? Она болеет. Посижу рядом, поболтаем.

...В тот день — это была среда — ближе к вечеру, их видели последний раз вместе. Прокофий, нежно поддерживая подругу под локоть, выходил с ней из «Метрополя». Он поймал извозчика (швейцар гостиницы назвал номер коляски — 767), помог Марии сесть и долго махал вслед рукой.

Следующим утром горничная обнаружила Прокофия Шубина лежащим на ковре. Слева на груди чернел сгусток крови. В руке был зажат револьвер модели «смит-ивессон».

Доктор Павловский, осмотрев труп, решительно заявил:

— Да, это самоубийство. На сорочке следы пороха.

Начальник сыска Кошко недоумевал:

— Но зачем молодому преуспевающему капиталисту с блестящими перспективами стрелять в себя?

Пока они задавали вопросы, пока Москва только и говорила о загадочной смерти в «люксе» «Метрополя», Аполлинарий Соколов доискивался до причин трагедии. Жеребцова он откомандировал в Нижний Новгород. Николай собирал там сведения о предыдущей жизни Прокофия. Соколов допросил извозчика номер 767. Сухонький старичок из рязанцев охотно рассказал:

— Дамочка от «Метрополя»? Как же, в целости доставил ее в «Дрезден». Господин, который меня подряжал, сказал: «Вези, дескать, в Сокольники». Мы до Лубянской

площади поднялись, дамочка приказала: «Поворачивай, дескать, оглобли. Едем в «Париж», это угол Охотного ряда и Тверской». Я доvez, как положено. Она шмыгнула в гостиницу. Чтoб околеть мне, коли вру!

Соколов отправился в «Париж». Старший коридорный, прожженная bestия Афанасий Фунтов, хорошо знавший Соколова, вытянувшись по струнке, доложил:

— Кто в «люксе» угловом проживал? Полковник Гессен. Они всегда там останавливаются. Телеграммой загодя сообщают, мы для них номерок держим. Дамочка? Да у него не одна, разные к ним заходят, и все как на подбор — первый сорт. Да он и сам — орел из себя! Всегда чаевые дает по-царски.

Соколов достал из кармана фото Марии, предусмотрительно изъятое из вещей Прокофия:

— А вот эта бывала?

— А как же! Непременно-с. И во вторник вечером заходила — до утра осталась, и на другой вечер. Аполлинарий Николаевич, доложу вам, — Фунтов снизил голос, — только когда скандал приключился, она вслед за тем и ушла. Расстроилась, видать, чувствами.

— Какой такой скандал? — с интересом спросил Соколов. — Ты, Афанасий, чего юлишь! Ну, быстро докладывай! А то я тебя, — сыщик поднял громадный кулачище.

Посопев, переступив в задумчивости с ноги на ногу, коридорный вздохнул:

— Мой грех! Признаюсь. От вас, Аполлинарий Николаевич, не скроешься. Дело так было. Дамочка эта самая уже часа полтора в номере была. Вдруг с улицы влетает господин, крупный, ну что твой шкаф. Говорит: «Постучи в угловой «люкс»! А то сам двери разнесу! И скажи: «Телеграмма!» И чтобы я не сомневался, пожаловал мне десять рублей. За такие деньги кто угодно про телеграмму скажет!

— И что?

— Ну, сделал, как приказано было! Только полковник дверь приоткрыл, как мужчина влетел в номер, увидел дамочку, она на постели была, полное неглиже — сам видел в щель, любопытно-с! Господин обозвал ее, полковника по лицу оскорбил и обратно из гостиницы вылетел. Минут через пять и дамочка убежала. А господин полковник на другое утро уехавши на Николаевский вокзал. Сам ему извозчика за тридцать копеек нанимал. Все, ничего другого не было-с! Чтoб на этом месте провалиться.

Таинственные исчезновения

Соколов отправился в Сокольники, добрался до Большого Оленьего проспекта. Замечательные места! Густой лес вокруг, тишина, птички заливаются, жизни радуются. В добротном двухэтажном доме купчихи Жуленковой Мария и ее мать расположились во флигеле.

Сыщика встретила полная чернявая женщина цыганского типа, в каком-то немыслимом заношенном бумазейном платье, лицом сильно схожая с Марией. Это была ее мать. Осипшим голосом она произнесла:

— Где Маша? Я сама волнуясь, ночь нынешнюю ворочалась, не спала. Была вчера у нее на службе, там с четверга никто ее не видел.

— А когда вы ее видели последний раз?

— Дело так было, — у женщины мелко тряслись руки, теперь она говорила сквозь слезы. — В среду она сказала мне, что ночевать будет не дома. Ну, дело молодое, незамужнее — пусть погуляет. Вдруг возле полуночи она вернулась, вся зареванная. «Что случилось?» — спрашиваю. Отвечает: «Ах, какой скандал!» — и больше ни гугу. Утром немного повеселела, говорит: «Авось все обойдется, этот Прокофий влюблен в меня по уши!» И на службу уехала. Больше ее я не видела.

— А почему же вы не заявили в полицию?

Женщина развела руки:

— А чего заявлять? Дело молодое, прежде тоже порой случалось — денечка два-три покружится, покружится, а потом и вернется. А где она, господин полицейский? Цела хоть? А то волнуясь, волнуясь...

Предположения

Соколов отправился в сыск. Исчезновение Марии ему не показалось случайным. Дело в том, что одновременно с ней исчез с горизонта и Камиль. Изложив дело начальнику сыска Кошко, Соколов заметил:

— Ясно, что все эти исчезновения тесно связаны друг с другом.

Кошко возразил:

— Не уверен! Мы выяснили, что чеченец жил по фальшивому паспорту. Понимая, что полиция, занимаясь смертью Прокофия Шубина, может заинтересоваться и

личностью самого Камиля-Элдара, он бежал. Логично? Но загадка в другом: почему скрылась Мария? Да, она виновна в смерти Шубина. Но вина эта не уголовная — моральная. Кстати, Марии все дают самые нелестные характеристики. Она была отличным химиком, но слишком эмансипирована.

— То есть распутна! — усмехнулся Соколов. — Да, особой нравственностью эта девица не отличалась. И симпатии у меня, признаюсь, не вызывает. Не удивлюсь, если она, спасаясь от скандала, сбежала куда-нибудь в Ниццу с богатым купцом.

— Да уляжется вся эта история, успокоятся журналисты. Мария и вернется тогда, — кивнул головой Кошко. — Но чеченца, полагаю, нам больше не увидеть.

Соколов быстро возразил:

— Вот и нет! Если чеченец живой (а с чего бы ему быть мертвым?), то он непременно придет на похороны проститься с другом. Судя по всему, это глубоко порядочный человек. И к тому же горец! Стало быть, честь для него выше страха, выше личной опасности. Камиль был предан Прокофию Шубину.

Кошко скептически усмехнулся:

— Предан — живому! А теперь чеченцу надо думать о своей шкуре. Он уже далеко от Москвы.

На этот раз начальник сыска ошибся.

Прощальная слеза

В церкви густая толпа собравшихся ждала начала отпевания. Вдруг в светлом проеме дверей выросла невысокая фигура в истертой бурке. Это был Камиль. Он шел сквозь толпу, как нож идет сквозь масло. Его горящее око было устремлено на богатый гроб, стоявший на высоком катафалке. Подойдя вплотную к покойнику, он долго-долго всматривался в застывшие в мертвенной желтизне черты лица, потом быстро поцеловал восковой лоб и негромко сказал:

— Прощай, кунак! Я сделал тебе подарок. Теперь ты будешь с ней навсегда вместе. — Из единственного глаза по смуглой щеке бежала слеза.

...Пока шла служба Камиль, застыв в немой печали, сидел на скамейке возле церковной ограды. Он дожидался похорон.

Он не ведал, что в этот момент в могиле обнаружили труп Марии. Когда узнал, было поздно. Сыщики схватили Камилля — это был приказ Кошко.

Труп положили на передвижной, на колесиках, катафалк, накинув сверху рогожу. Когда его перекладывали на телегу, чтобы везти в полицейский морг, рогожа соскользнула. Толпа любопытных увидела обнаженное тело. Под соском левой груди чернело узкое отверстие от кинжального удара.

На этой же телеге, уже в наручниках, в сопровождении двух полицейских, сидел Камилль. Увидав труп, он взвыл:

— Ух, шайтан! Ты и тут Прокошу обманула... Ведьма!

Камилль ни в чем не запырлся. Он рассказал историю своего знакомства с Прокофием, о том, как они крепко подружились. Не скрыл, что люто ненавидел Марию. Он был уверен, что она изменяет Прокофию. Камилль стал следить за девицей. Узнав, что она опять появилась в «Париже», Камилль понесся к Прокофию. Убедившись в коварстве возлюбленной, тот был так потрясен, что решил свести счеты с жизнью.

Гибель друга поразила Камилля нечеловеческой болью. Страстно жестикулируя, он признался Соколову:

— И тогда я поклялся: «Перед лицом Аллаха заявляю: теперь эта женщина всегда будет с тобой, мой покойный друг, мой кунак!» Я знал, где эта женщина живет. Я выследил ее и зарезал. Это было совсем недалеко от ее дома, где густые кусты бузины. Я спрятал эту женщину. Хорошо спрятал. Вчера вечером, когда кладбище было еще открыто, я пришел, увидел, что могила готова, дно застелено хвоей. Я нашел лопату, положил рядом. И вот наступила ночь... От трактира на Преображенке я угнал лошадь с телегой. В телеге было сено. Я съездил за трупом и в сено спрятал.

— А как же на кладбище... ее?

— Через забор бросил Марию, потом — сам. Я в темноте, знаешь, вижу, как барс.

— А закопал плохо! Тебе не жалко Марию?

— Жалко? — Камилль выкатил глаз. — Эта женщина... — Он сжал кулаки. — Из-за нее мой кунак погиб. Я мстил. Она была плохая женщина. А Прокофий был очень хороший человек. — Он замолк, потом тихо сказал: — Жаль, что мать и братьев своих не увижу.

— А зачем же ты сегодня пришел?

Камилль укоризненно покачал головой:

— Как же я мог не прийти! Хоронили моего друга. Понимаешь?

И дальше Соколов сделал такое, что мог сделать только он: подошел к массивному двустворчатому с толстенными стеклами окну, распахнул его. Затем из папки с вещественными доказательствами достал паспорт на имя Элдара Галеева, изъятый при аресте, и положил его на стол. Затем, немного подумав, Соколов достал бумажник и вытряс на стол почти все его содержимое. Выразительно посмотрел на чеченца:

— Убирайся, паразит, в свои дикие горы! Тоже мне — мститель. Коли еще мне попадешься — сам башку откручу.

Камиль, не веря ушам своим, слушал этого громадного и очень красивого русского. Даже подумал: «Такой замечательный человек хорошим бы чеченцем был! Уважаемый...»

Соколов вышел из кабинета, плотно прикрыв дверь.

Когда он вернулся, ни чеченца, ни паспорта не было. Зато деньги лежали на месте.

Соколов поднял глаза на икону св. Владимирской Божьей Матери, висевшую в углу над его столом:

— Прости, Царица Небесная, сие мое служебное нерадение...

Э п и л о г

Когда Кошко узнал об очередной проделке гения сыска, он захлебнулся от негодования. Размахивал руками, не находил клеймящих слов:

— Ты, Аполлинарий Николаевич, понимаешь, что наделал! Да такого никогда еще не было. Отпустить убийцу, беглого арестанта! Граф, тебе это игрушки? Ай-яй-яй! А я что теперь делать должен! Все, терпение мое иссякло: пишу рапорт на имя Яфимовича, изложу твои художества.

Полицмейстер Москвы генерал Яфимович отличался крутым нравом.

Впрочем, Кошко был душевным человеком. Рапорт он не написал, но дабы проучить самоуправца, отстранил Соколова на два месяца от сысканой работы. Дело об убийстве мешанки Марии Грачевой было закрыто за неотысканием преступника.

Камиля с той поры никто больше не видел, он словно сквозь землю провалился. В горы к себе небось ушел.

ГОСТИ ИЗ ПРЕИСПОДНЕЙ

Когда Соколова спрашивали: «Какое самое необычное преступление вам приходилось распутывать?» — то знаменитый сыщик отвечал: «Дело семейки Виноградовых. Кажется, это были выходцы из ада — столько в их кровожадной натуре бессердечия и истинно дьявольской изобретательности».

Стукач

Все началось с обычного письма с почтовым штемпелем «Варшава».

— Это пишет мой давний осведомитель, отпетый разбойник и вор по фамилии Нагель, — сказал Кошко случившемуся рядом Жеребцову. — Я пользовался его услугами в Риге, когда был там начальником сыскной полиции. Я отправился в Москву, а Нагель поехал ловить воровское счастье в Варшаве. Раз пишет, стало быть, дело есть. Я тебя, Коля, выведу на него. Мне-то нынче с информатора-ми заниматься некогда.

— Ну, что пишет этот Нагель? — с интересом спросил Жеребцов. Интуиция ему подсказала, что начинается веселенькое дело. И эта интуиция не обманула.

Кошко пробежал письмо глазами:

— Так, приветы, обязательные вопросы о здоровье... Вот, кажется, главное: «Вчера был в бане, зашел в рыгаловку. Там с двумя шмарами гужевался козырной пахан, известный по кличке Шило, а фумилию евонную не знаю. Шило усадил меня за стол, потому как уважает. Мы вмазали два графина. Он шмарам говорит: «Поехали, щелки, с нами дальше причащаться ко мне на хавиру». Прихилияли мы на Маршалковскую, на второй этаж рядом с чайным магазином Ратынского. Опять штевкили, потом шампурили, и тогда он

шмар прогнал. Я кимарил у него, а утром вмазали бутылку хереса, и он сказал, что есть верное сухое дело...»

Кошко вопросительно посмотрел на Жеребцова:

— Ты, Николай, понимаешь эту блатную музыку? Зашел Нагель в буфет на вокзале, а там...

Жеребцов возразил:

— Я по фене ботаю. Не работают, черти, а херес хлещут!

— Зато у блатных жизнь опасная. Сами про себя говорят: «До смертинки — три пердинки!» Ну, дальше что? Так, Нагель живописует, как Шило у него спросил: «Нет ли надежного ювелира — не в хипеж толкнуть надо рыжье», ну, золотой песок, приисковое золото. Купил он его по счастливому случаю и дешево во время недавнего приезда в Москву. «Если продавец баки не вколачивает, не обманывает, то можно еще купить пять пудов и сделать хороший гешефт!»

— И что Нагель?

— Отвел приятеля к знакомому ювелиру по фамилии Гера, известному скупщику краденого. Тот сказал, что золото высокой пробы и что он готов участвовать в этом деле и как финансист, и как эксперт. Шило согласился. Сам Нагель — охрана и носильщик. Пять пудов золота волочь — не сахар в ступе толочь! О выезде Нагель нас известит телеграммой.

— Интересное дело! — У Жеребцова азартно горели глаза. — Только следует Соколова взять... Уже две недели он скучает у себя в Мытищах.

— Хватит об этом! — резко оборвал Кошко. — Пока самоуправство нашего графа шло на пользу, я терпел. Но что он выкинул в деле об убийстве Марии Грачевой? Отпустил на свободу убийцу-чеченца! Нет, графа надо проучить — для его же пользы. На два месяца он отстранен от дел — ни днем меньше! Будь здоров, Николай. Мне надо писать докладную Яфимовичу — московский полицмейстер, ишь, приказал о всех крупных делах, коими занимаемся, ставить его в известность. Писаря из меня сделали!

Азарт

Уже на другой день дежурный положил на стол Кошко телеграмму: «Выезжаем сегодня ночным номер девяносто тчк Отправление четыре тридцать семь тчк Встречайте».

Кошко радостно потер ладони:

— Не сомневайтесь, голубчики! Радостно встретим! Уж, извините, без оркестра и поцелуев, но потихоньку. Эй,

где короли наружной службы — папа и сынок Гусаковы? И Жеребцова! Срочно ко мне на совещание.

Совещание было коротким. Решено было брать преступников с поличным — в момент сделки. Правда, не было известно — где эта сделка состоится. Возможно, в гостинице, где варшавские блатные останутся.

— А как быть с нашим осведомителем? — забеспокоился вдруг Жеребцов. — Его-то брать нельзя. Судить — безнравственно с нашей стороны, отпустить — провалим его, дружки Шила перо под ребро засунут.

Кошко махнул рукой:

— Сейчас главное — осторожно проследить преступников от Брест-Литовского вокзала до гостиницы. А с Нагелем — жизнь покажет.

— Надо как-то предупредить его, — заметил Гусаков-младший, — чтобы бежал во время ареста, когда в карету станем их сажать — всех участников сделки. Я знаю, как сказать ему...

— Согласен, пусть осведомитель «хвостом пометет»! Кстати, я посмотрел в картотеке: Шило — это Семен Керзнер, четырежды судимый. Когда был совсем шкетом юным, то Сонька Блювштейн, она же Золотая Ручка, привлекла его в свою банду. Соньку суд отправил на каторжный остров Сахалин, а юнец бежал в Варшаву и там обосновался: воровал, мошенничал, ничем не брезгал, коли прибыль шла. Ювелир Роман Гера — рыба хитрая и скользкая. Обманул многих вдов и наследников, по дешевке скупал драгоценности, ибо имеет приятную внешность и знает подход.

— Когда поезд прибывает в Москву?

Кошко раскрыл книгу в бордовом переплете — «Официальный указатель железнодорожных, пароходных и других пассажирских сообщений». Произнес:

— Девяностый поезд находится в пути из Варшавы сорок три часа. Прибывает в Москву послезавтра ровно в девять утра.

Все испытали острый азарт — как на охоте.

Охота

«Дайте мне только описание наружности! И я этого типа выделю из тысячной толпы, найду нужного человека», — говорил Гусаков-старший. И про эту его феноменальную способность знали все.

Вот и теперь, появившись на втором дебаркадере Брест-Литовского вокзала за три минуты до прихода поезда, этот невысокий, седеющий человек в скромном темном пиджаке, с тростью в руке (стиллет), ничем не выделялся из толпы ожидающих. Зато сам он видел все.

Гулко ударил колокол. На путях показалась тяжеленная черная громада паровоза, блестящего маслом, выпустившего дым и пар. И все сразу зашевелилось, задвигалось, заторопилось. Проводники в кителях с золотыми пуговицами, носильщики с бляхами на фартуках, встречающие с цветами... Из вагонных дверей повалил бесконечный поток приехавших, заполнил все пространство дебаркадера: объятия, смех, слезы радости...

Цепкий глаз Гусакова, словно острым крючком, выхватил из этого гвалта и смешения долговязую, узкоплечую фигуру приблизительно-провинциального вида. Провинциальные люди вообще резко выделяются среди москвичей, в первую очередь старомодной тщательностью в одежде. Нагель был выржен в белый широкий галстук, белый жилет, а узкая голова просунута в черный цилиндр, кажется, в тот самый, в котором на дуэли был поражен Владимир Ленский.

Рядом с Нагелем — еще двое. Один — с обильным чревом, громадный, с сальным лицом, с которого катился пот, — Керзнер-Шило. Другой — самый благообразный, с бородкой, с черными маслянистыми глазами, с небольшим баулом в руках, в котором практикующие врачи возят гинекологический инструмент. Это был Роман Гера, ювелир. В бауле лежали складные весы, флаконы с кислотой и восемь тысяч рублей.

Вся эта троица старалась держаться независимо и важно. Варшавские блатные вышли на вокзальную площадь и, не торгуясь, сели в коляску. Нагель постоянно вертел длинной, как у гуся, шеей: он явно хотел убедиться, что сыщики сумели сесть на хвост.

Но он не видел, как папаша Гусаков вспрыгнул в поджидавшую его легкую коляску, в которой уже поджидал его сынишка Иван.

Блатные что-то сказали извозчику, тот угодливо улыбнулся, хлестанул ременной вожжей сытый бок молодой кобылы, и та пошла рысью.

Коляска сыщиков, лавируя среди других экипажей, последовала за ней. Началась гонка. Коляски выкатили на оживленную Тверскую. Многообразие звуков, красок, запа-

хов, пестрая праздничная толпа, звонки трамваев, бодрые крики лихачей, солнечные зайчики зеркальных витрин богатых магазинов, аляповатые вывески второразрядных лавчонок и трактиров — ах, как ты была прекрасна, Москва!

Пролетка с гостями свернула влево — на Тверскую-Ямскую. Сыщики, следовавшие саженей за тридцать, увидели, что гости остановились возле пятиэтажного здания, украшенного лепниной и вывеской —

Меблированные комнаты
«ГРАНИЦА».

Гости отпустили извозчика и прошли вовнутрь. Минут через десять туда же проследовал Гусаков. За конторкой он увидел изящного человека в поношенном фраке, крахмальной манишке и с моноклем в левом глазу. С аристократичной небрежностью он поклонился:

— Сергей Филиппович Тюрин, хозяин-с! Полиция? Очень приятно-с! Постояльцы из Варшавы сняли двухкомнатный номер на третьем этаже. Сколько дверей выхода? Как положено-с — два: парадный — для гостей и черный — для obsługi. На мое полное содействие-с можете положиться!

Посты филеров заняли места.

Чужая роль

Вскоре по прибытии новые постояльцы крикнули в открытую дверь:

— Эй, че-ек! Халдей, беги сюда!

В номер вошел коридорный — молодой благообразный мужчина с жесткими короткими усами, курчавящейся бородкой, спокойными серыми глазами. Он одернул на себе красную шелковую косоворотку, расшитую золотой ниткой по высокому вороту, и вопросительно посмотрел на гостей:

— Что, господа, прикажете!

Гость громадного роста — Шило, скинувший с себя одежду до исподнего, лениво спросил:

— Эй, халдей! А где коридорный, что нас вселял?

— Василий? Он, точно, в коридорной должности состоит. Только у него смена ночная, он уже домой пошел, по семейному делу.

— Держи деньги и тащи нам хавать в номер. И под жабры чего плескнуть.

— Мадеры прикажете? У нас по случаю есть крымская, марочная. Только страсть как дорогая — по пяти рублей...

Шило хохотнул:

— Ну, халдей, ты из-за угла пыльным мешком трахнутый! Пять рублей — «дорогая»! Твоим халдейским мозгом только мою жопу мазать. Это для голодранцев зачуханных — деньги! Тащи пять бутылей. И не забудь моченых яблок.

— Власть ваша, только моченый яблок к мадере не идет. Мадера этой закуски не любит.

— Не твоего ума дело.

— Тогда извольте денег добавить, коли мадеры...

— Эй, Ювелир, дай рабу «капусты», не хватает малость.

— Может, мамзелей распорядиться в нумерок?

— Это обязательно! Да не сейчас, а когда вечером с дела... со службы придем. Приготовь двух марух пофартовой. Ты на Ювелира не смотри. Он мужик только с виду, у него ванька-встанька не работает. Ха-ха! Ну, шевели рогами.

— Слушаюсь, исполним все аккуратно! — и коридорный, сделав тайный знак Нагелю, вышел за двери.

И тут же за ним выскочил Нагель. Коридорный шепнул:

— Кошко сказал, чтобы бежал, когда всех в тюремную карету сажать будут. — И громко, раскатисто на весь этаж: — Слушаюсь, газетки самые свежие доставлю!

Беспрестанно поворачивая худую шею к дверям. Нагель быстро и испуганно прошептал:

— Поедем на двадцать третью версту по Курской железке... Там...

Не dokonчив, Нагель бросился обратно к дверям и скрылся в номере.

Гусаков-сын, блестяще исполнивший роль лакея, облегченно вздохнул.

Гости

Варшавские орлы выпили пять бутылок мадеры и полетели на Курский вокзал. Номер они оплатили за трое суток, сказав Тюрину:

— Малость погужуемся... побудем в Москве.

Билеты взяли до поста «23 верста», это сразу за Царицыно. Паровик, весело пыхтя, нес блатных ребят к их роковой черте.

Кошко, получив по телефону сообщение от «лакея» Гусакова, сразу же отправил на «23 версту» засаду — семь бывалых надежных агентов. Начальник сыска с Жеребцовым сел на тот же поезд, что и варшавяне. Нарядились они дачниками — в светлые костюмы, канотье и парусиновые штиблеты. Объяснил:

— Место там дачное, леса хвойные — благодать! Но есть и кирпичный заводик. Печи дымят, как в крематории.

...И впрямь, сойдя с поезда, Жеребцов увидел торчащую в небо трубу, вагонетки со шлаком, штабель багровых кирпичей. Была, видимо, пересменка. С поезда сошло десятка два людей рабочего вида, с завода же тянулись к станции уже отстоявшие свою смену.

Сыщики легко смешались с толпой. Варшавяне, сухо хрустя шлаком, усыпавшим землю, прошли вдоль стен завода и оказались возле высоченного сплошного забора, за которым выглядывал второй этаж большого дома. Возле металлических ворот с дверной прорезью Шило нажал кнопку электрического звонка. Захлебываясь злобным лаем, загремел цепью волкодав.

Чей-то пропитой голос за воротами цыкнул:

— Заткнись, сукин сын! Кто здесь?

Неожиданно вежливым, даже заискивающим тоном Шило произнес:

— Степан Спиридоныч, это я, из Варшавы. Насчет «рыжего», помните? Согласно уговору, еще надо...

Дверь тяжело заскрипела, в проеме показался старик лет пятидесяти, плешивый, с оттопыренными розовыми ушами. Он широко раздвинул красную пасть:

— Явился — не запылится! А это что за святые угодники с тобой? Меня, дедушку Степу, не обидите? Летите ко мне в гнездышко, голубки! Как раз с сыночками сидим, водку пьем! Проходите, и вы выпьете — чайку! — жидким смешком рассыпался старик, довольный собственной шуткой. Загремел тяжелый засов.

Веселье

...День, утомленный жарой, катился к закату. Где-то на горизонте, над Москвой, громадный раскаленный диск солнца мягко утопал в облаках. Запахло сыростью от пруда.

Жеребцов, прикинувшись простоватым парнем, обратился к железнодорожному кондуктору, размахивавшему на ходу большим красным фонарем:

— Дяденька, нет ли тут какой работенки?

Кондуктор ответно улыбнулся, поставил фонарь на землю, охотно ответил:

— Сколько хочишь! И у нас на посту, и на кирпичном. Нынче народ легкий в мыслях, вот и бегают.

— А вот за этим забором чего? Фабрика?

— У Виноградовых? Вроде и не фабрика, а подряды небольшие берут у Гюртлера, кто на Новой Басманной бетонное производство. Нестандарты выполняют. Сам старик, — кондуктор понизил голос, — в прошлом году с каторги вернулся. Двенадцать годов на царских харчах сидел — за смертельное убийство. Почтальона зарезал... А двое сыновей у него самостоятельные, усердные. Ты, парнишка умильный, может, понадобится, сходи к ним. Они берут людей, когда заказы срочные.

— Спасибо, дяденька, я еще огляжусь!

— И то верно! Чижего там, цемент в ноздрю шибает. А ты парнишка складный, неломаный. Чего ихней пылью дышать?

Кошко тем временем осмотрелся на местности, сказал подошедшему Жеребцову.

— Забор — мортирой не прошибешь, с торца выходит к заводской стене. Там есть ворота, которые запираются изнутри. От Виноградовых идет узкоколейка — для вывоза готовой продукции, прямо на железную ветку, на погрузку. Остается одно: как только дверь откроется, врываемся и всех арестовываем. Вот-вот варшавские блатяки должны появиться.

— Пора уже, есть хочется! — негромко рассмеялся Жеребцов. — Тюремная карета уже стоит у Курского вокзала. Дело за пустяком — повязать их только осталось.

Агенты, обложившие дом, тоже с нетерпением ждали развязки.

В доме шло веселье, раздавался громкий мужицкий смех. Потом стали заводить граммофон. Бархатный баритон знаменитого Михаила Вавича с тоской пел:

Быстры, как волны,
Дни нашей жизни,
Что час, то короче
К могиле наш путь...

Кошко никогда не употреблял простонародных ругательств. Но теперь не сдержался, топнул ногой:

— Ах, сукины дети! Гуляют — сделку отмечают.

— Теперь наши орлы до утра останутся, — заметил озабоченно Жеребцов. — Последний паровик вон прогудел.

— Мы тоже. Только они сытые и на постелях, а мы — на свежем воздухе.

Чистое небо празднично украсилось зеленоватыми хрусталинками звезд. Только тогда в доме стих гам, потух свет. Мир погрузился в сон.

Пустые хлопоты

Следующий день пришелся на воскресенье. Толпы дачников гуляли по сосновому лесу, оглашали светлые просеки веселыми криками дети. Двери не открывались. Кошко зло сказал:

— Пойди, Коля, позвони. Скажи, что работу ищешь. Если дверь приоткроют, врывайся с оружием, а мы — за тобой.

Жеребцов звонил минут пятнадцать. Собака без перерыва злобно лаяла. Наконец знакомый голос бывшего каторжника раздраженно спросил:

— Чего надоть?

— Насчет работенки какой, откройте, Бога ради!

— Пошел вон! Ходют, ходют, покоя нет. Сейчас собаку спущу — узнаешь. Иль из ружья пальну. Ворье проклятое...

Двери распахнулись лишь на другой день — часов в девять в понедельник. Сыщики влетели во двор. Отважному Кошко, ведшему агентов на приступ, громадный пес прокусил ногу. Жеребцов застрелил собаку.

Обыскали весь дом. Нашли на семьдесят три тысячи акций Русского торгово-промышленного банка и восемь с небольшим тысяч наличными.

— А где блатные из Варшавы? — с самым свирепым видом спросил Кошко.

— Знать не можем, — невинно отвечал Степан Спиридонович, а сыновья согласно качали головами. — Никакого золота, как вы говорите, им не продавали. А так они у нас в гостях выпили, песни попели, а ночью мы их через заводские двери и выпустили.

— А почему не на улицу?

— Они говорили, что какие-то плохие люди следят за ними, ограбить небось хотят. Вот и проводили мы их без шума и копоты.

Кошко почувствовал, что у него под ногами поехал пол. Он сердито сказал:

— Не пройдет номер у вас! Всех — под арест. Жеребцов, позвони со станции в полицию, чтобы ищейку прислали. А для запаха пусть из номера, где варшавяне остановились, что-нибудь прихватят.

...Ближе к вечеру привезли черного красавца Фало — ищейку-овчарку бельгийской породы.

Фало резво было взял след — с первого этажа дома, потащил на улицу, но возле цеха, примыкавшего к кирпичному заводу, потерял след. В цеху стояли железобетонные плиты, приготовленные к отправке.

— Похоже, что варшавяне и впрямь ушли через эти двери, — вздохнул вконец расстроенный Кошко. — Ой, надо генералу Яфимовичу сегодня докладывать о деле: он поторопился отправить донесение министру внутренних дел Столыпину. Что-то будет теперь!

Еще раз обшарили дом, подвал, сад, крошечный цех (точнее, навес) по производству нестандартных бетонных изделий. Все было тщетным!

— Может, позовем Аполлинария Николаевича? — в который раз попросил Жеребцов. — Ведь, Аркадий Францевич, дело столь невероятное, даже мистическое, что...

— Ах, перестань! — досадливо махнул рукой начальник сыска, но в его голосе не было прежней непреклонности.

Семейство Виноградовых под конвоем доставили в тюрьму.

Кошко, испытывая отвращение к самому себе, написал докладную записку полицеймейстеру Москвы, в которой был вынужден признать свое бессилие раскрыть преступление.

Яфимович, идеалом которого был Николай I, считал себя чиновником кристальной честности и безукоризненной исполнительности. В тот же вечер он продиктовал рапорт на имя Петра Аркадьевича Столыпина и отправил с курьером в Петербург. Суть рапорта сводилась к тому, что не хватает бюджетных средств на содержание нужного штата сыскающей полиции и по этой печальной причине государство терпит громадные убытки. Так, с приисков воруют золото, а московская полиция, в силу своей финансовой беспомощ-

ности, только что упустила злоумышленников, купивших пять пудов приискового золота. Генерал просил усилить финансирование.

Государственные заботы

Премьер и министр внутренних дел Столыпин с некоторых пор вступили в конфликт с министром финансов России Коковцевым. Последний обиделся на премьера за то, что тот ратовал за передачу мощного Крестьянского банка из ведения Коковцева министерству земледелия. Получив упоминавшийся выше рапорт Яфимовича, на ближайшем заседании Государственного совета, обращаясь прямо к Государю, Столыпин, придав голосу печальные нотки, произнес:

— Наш уважаемый Владимир Николаевич утверждает, что министерство финансов бьется над тем, как увеличить сальдо, как сэкономить каждый рубль. Но почему-то раскрадываются золотые прииски, состоящие в ведомстве министра финансов. Тащат, увы, не фунтами, а пудами.

— Так пусть ваше министерство ловит преступников! — запальчиво проговорил Коковцев.

— Мы и ловим их, вопреки тому, что министр финансов мешает нам делать это, урезая финансирование на полицию.

Государь, которому эта пикировка была не по душе, произнес:

— Бюджет — как одеяло, которое каждый тянет на себя. Да, Петр Аркадьевич, в новом бюджете мы заложим для вас дополнительные средства... но, сделайте одолжение, пресеките хищения с приисков.

Столыпин не проронил в ответ ни слова, но благодарно склонил голову. Через час товарищ (заместитель) министра внутренних дел Лыкошин отправил Яфимовичу телеграмму: *«Незамедлительно примите меры к задержанию преступников зпт торгующих приисковым золотом тчк Результаты сообщите тчк».*

В тот же вечер Яфимович распекал Кошко:

— Дело под контролем у самого Столыпина! Вы проваляли поимку преступников, которых можно было брать голыми руками. Приказываю: в трехдневный срок преступников поймать, золото вернуть государству. Иначе, — генерал выкатил белки, налитые от напряженной

работы и бессонницы кровью, — иначе... — Он не нашел грозных слов, лишь потряс в воздухе волосатыми кулаками.

Кошко сдержал вздох раздражения, но с досадой подумал: «Все-таки придется Соколова затребовать. Хотя и он, я уверен, ничего не распутает в этой дикой истории. Но в любом случае хорошо: не поймает жуликов, спеси у него поубавится. А то слышно повсюду: «Ах, этот гениальный Соколов! Ах, бесподобный российский Пинкертон!»

Афоризмы «медвежатника»

Как помнит читатель, Соколов после дела об убийстве Марии Грачевой был отстранен от служебной деятельности на два месяца. Он наслаждался одиночеством в своем мытищинском доме, жадно вдыхал смолистый запах хвои, читал в первых изданиях оды Державина и «Эклоги» Сумарокова. Вечерами садился за шахматную доску со сторожем Буней Бронштейном. Неожиданно старый медвежатник, «бравший» в свое время многие сейфы России и Западной Европы, оказался способным шахматистом, а рассказчиком он и вовсе был великолепным.

Соколов спрашивал:

— Ну, Буня, признайся: скучаешь по прежней веселой жизни!

— Что значит «скучаю»? — вдыхал старый Буня. — Мы все желаем золотые реки и карманы, полные гелда. А получается иначе... Я, Аполлинарий Николаевич, теперь твердо знаю: лучше маленькая рыбка на сковородке, чем большой таракан за пазухой. Нет, не скучаю...

Зато Соколов после двух недель отлучки от дел начал скучать. Нет, это чувство не было скукой в обычном понимании, скорее, это было беспокойством: «Как они там без меня! Какой шушеры сейчас в Москву только не нанесло! Прежде убийства раз в год случались, а нынче чуть не каждую неделю! Это Государь виноват с его фальшивыми идеями о либерализме, развел демократию... Свобода должна быть для простых честных граждан, а не для убийц и подонков!»

...Он шел по широкой, покрытой толстым рыжим ковром хвои аллее Желтый, спокойный и сухой свет все выше подымавшегося солнца озарял голубой простор между высоченных елей. Вдруг чуткого уха коснулся знакомый звук: «Тр-тр-тх!» Калитка отворилась, и в очках-луковицах на

лбу появился Галкин — пропыленный, белозубо улыбающийся:

— Аполлинарий Николаевич, Кошко просит прибыть — срочно!

Взлетая на ухабах, из которых преимущественно состояли во все времена российские дороги, «рено» понесся к Москве.

Задвижка

Едва прибыв на место происшествия, Соколов приказал:

— С задержанных наручники снять!

Старик размял затекшие руки:

— Наконец хороший начальник разберется! А то безвинных мучают...

— Безвинный человек, покажи, как варшавские ребята твой дом покинули.

— Вышли отсюда, где стоим, с крыльца. Прямиком — к дальним воротам, мимо блоков этих, фундаментных. Ох, черт, отправлять заказчику давно пора! Я им задвижку на воротных дверях отодвинул...

— Покажи!

Старик кряхтел, сопел, чертыхался — заржавевшая от долгого неупотребления задвижка не поддалась. Соколов напрягся, задвижку сдвинул, со скрипом растворил дверь. Удивился:

— А ведь варшавяне и не люди вовсе были — ангелы! Здесь толстый слой нетронутой кирпичной пыли. Стало быть, улетели на небо. Молчишь, убийца? Где трупы, говори быстро! В какие плиты замуровал? То-то собака дальше этих изделий бетонных не пошла. Ну? А то самого замурую!

Старик ехидно улыбнулся:

— А ты, раз такой умный, найди! Их тут, плит этих самых, тридцать семь. Зубило не берет. Что зубило? Снаряд не разбивает! Начинай...

Разоблачение

Соколов приказал Ирошникову:

— Скажи железнодорожникам, чтобы плиты взвесили на грузовых весах.

Плиты на вагонетках отправили на станцию — в двух шагах, — и там выяснилось, что все они весят по 3,4 тонны. И лишь три плиты были легче на сто—сто десять килограммов.

— Удельный вес бетона в 2,4 раза тяжелее человеческого тела, — объяснил сыщикам умный Ирошников. — Как раз — три трупа.

— Докажи! — злобно зашипел старик.

— С удовольствием! — улыбнулся Соколов. — Ты, дед, когда эту славную блатную молодежь бетонировал, был уверен, что они в своих гробах будут лежать до второго пришествия. Ошибся! Поднимай плиту...

На лебедке подняли плиту аршин на пятнадцать от земли, на которой лежали штабелем рельсы. Собравшаяся толпа дачников, железнодорожников и прочих любопытных затаила дыхание. Когда освободили стопор, плита к восторгу зрителей полетела вниз, стеклянными брызгами разлетелась от удара о рельсы.

Любопытные ахнули: из плиты вывалился облепленный кусочками бетона человек в белом жилете и в белом широком галстуке. Вслед за Нагелем таким же образом извлекли из плит трупы Ювелира и Шило.

Эпилог

В Петербург полетела телеграмма Яфимовича на имя Столыпина: «Банда расхитителей рассыпного золота и убийц разоблачена».

Старик Виноградов на суде признался, что в первый раз он продал Шило-Керзнеру настоящее золото, которое сам приобрел у незнакомого человека совсем дешево. Но во время сделки ему пришла дьявольская мысль заманить Шило в дом под видом продажи большой партии золота, самого убить, деньги забрать. Благо, труп было куда спрятать. Едва варшавяне появились в доме старика, тот подмешал им в водку только что появившееся в продаже новое снотворное — кодеонал. Гости впали в крепкий сон.

Еще живыми их втащили в бетонный цех, разместили в форме, обложили арматурой и залили раствором быстро твердеющего цемента. «Эх, жаль не успели плиты отправить заказчику, — сокрушался старик Виноградов. — Тогда бы ни в жисть не отыскать!»

Он был вновь отправлен на каторгу — на девять лет. По четыре года получили его сыновья. Узнав о приговоре, Буня Бронштейн воскликнул:

— А что я говорил? Ведь и впрямь лучше маленькая рыбка, чем большой таракан.

...Старая истина: все наши поступки — хорошие или плохие, находят отзвук в этом мире.

Прошло чуть более десятилетия. В начале 1920-х годов Москва была потрясена ужасными преступлениями Петрова-Комарова. Обещая продать лошадь, он завлекал покупателей к себе домой на Шаболовку. Бывший красный командир убил здесь двадцать девять человек (по другим сведениям — тридцать). Впрочем, об этом я писал в своей «Кровавой плахе».

На суде Петров-Комаров признался, что впервые мысль о подобных преступлениях пришла в его шальную голову, когда он читал отчеты о судебном процессе над семьей Виноградовых.

КОПЧЕННЫЙ

Москву объяла паника. В парковом массиве, прилегавшем к древней усадьбе Стрешневых-Глебовых — в Покровском, за шесть недель июля—августа обнаружили восемь трупов. Маньяк своими жертвами избирал влюбленных. Пока парочка, сидя на садовой скамейке, нежно ворковала о возвышенных чувствах, маньяк тихо подкрадывался сзади и наносил мужчине смертельную рану в область шеи, разрывая сонную артерию. После этого он убивал женщину, вспарывал ей живот и доставал печень. На печени жертвы были отчетливо заметны следы зубов — маньяк «лакомился» ей. Все усилия полиции по поимке преступника закончились ничем. Казалось бы, что и влюбленные должны стать осмотрительнее и не ходить по ночам в опасное место. Но нет! Очередной жертвой маньяка стал один из бесстрашных людей того времени...

Памятное фото

Ясным солнечным утром Соколов сидел в своей громадной квартире на Садово-Спасской, ел бифштекс и читал «Московские ведомости». Его взгляд вдруг выхватил в рубрике уголовной хроники жирно набранный заголовок: *«Очередные жертвы маньяка — знаменитый авиатор Чеховской и его невеста. Полиция бессильна?»*

Соколов пробежал взглядом заметку, перечитал еще раз и пружинисто поднялся с кресла. Он подошел к стене, где в ореховой рамке висело фото моторного аэроплана. Возле крыла стоял молодой человек в летной форме. Это и был Эдуард Чеховской, о котором газета сообщила страшную весть. Бесстрашный авиатор, он летал на аппаратах всех конструкций — от планера Лилиенталя до двукрылого гиганта Мессершмита.

Соколов вспомнил минувший май. Он пришел как-то в частную оперу Сергея Зимина. Шаляпин пел партию коро-

ля Филиппа в «Дон Карлосе». В антракте кто-то тихим, даже нерешительным голосом окликнул его. Соколов обернулся и увидел высокого узкоплечего человека, державшегося весьма скромно. Трудно было поверить, что это внук Николая I и сын Александра III — великий князь Михаил Александрович. Именно он до 30 июля 1904 года — дня рождения цесаревича — был наследником российского престола.

С великим князем Соколов был хорошо знаком еще по Петербургу. Сейчас рядом с ним стоял невысокий, улыбающийся в пышные темные усы человек лет двадцати шести. Даже под фраком угадывалась ладная сильная фигура, а весь облик дышал отвагой. Великий князь после приветствий сказал:

— Вы, Аполлинарий Николаевич, знакомы с Эдуардом Ивановичем Чеховским?

— Ваше высочество, о подвигах авиатора Чеховского я слышан много, но чести быть знакомым не имею!

— Тогда позвольте представить... — Тихий голос великого князя звучал торжественно. Михаил Александрович очень увлекался как развитием авиации, так и дружбой с авиаторами. — Завтра Эдуард Иванович совершит полет на ипподроме.

Не переставая улыбаться, Чеховской бодрым голосом произнес:

— Лечу на новинке — моторном аэроплане братьев Райт. Аппарат хотя несколько громоздок, но, кажется, надежен. Приходите, пожалуйста, Аполлинарий Николаевич! Ваше присутствие придаст мне... отваги. Право!

Соколов хохотнул и, по обыкновению, так громко, что прогуливавшиеся в фойе оглянулись на него:

— Кому-кому, а вашему брату авиатору мужества не занимать! Думаю, проще на матушке-земле медведя голыми руками взять, чем летать по поднебесью в хрупкой «этажерке»! А завтра обязательно приду.

На другой день ипподром был забит до отказа. Первым стартовал на планере «Валькирия» немец Хентцен. Затем на одномоторном аппарате старика Джевецкого в воздух взмыли Сергей Уточкин и его неразлучный друг писатель Куприн. Полет и приземление прошли благополучно.

И вот заключительный номер. К новейшей модели моторного аэроплана конструкции братьев Райт подошел с сияющей улыбкой Чеховской. Фотограф попросил его встать у крыла. Затем — рев мотора, отчаянное дребезжа-

ние всех частей аэроплана, разбег — и еще толком неопробованный аппарат поднялся в воздух.

Чеховской уже сделал три круга над ипподромом, ответственно помахал рукой из открытой кабины, как заглох мотор — видимо, отказало магнето. Когда в небе вдруг наступила тишина, замерли и тысячи зрителей. Катастрофа казалась неизбежной. Винт еще крутился, но с каждым мгновением он терял обороты.

Аэроплан стал терять высоту. Зрители от ужаса окаменели. Было полное ощущение, что через секунду-другую аппарат носом врежется в покрытый жесткой травой газон. Но в последний момент Чеховской сумел все-таки выровнять и посадить машину. Первым к нему подбежал Уточкин, помог выбраться из кабины. Заикаясь, произнес:

— Т-ты в-второй р-раз родился!

Чеховской, как всегда спокойный, улыбнулся:

— Согласен, мое второе рождение сегодня же отпразднуем в «Славянском базаре»! Всех приглашаю.

Великий князь Михаил Александрович и Соколов тоже вышли на летное поле, пожали мужественную руку авиатору и приняли приглашение отпраздновать «второе рождение».

Трибуны рукоплескали, к ногам Чеховского летели цветы. Это был его триумф. Как оказалось, последний в жизни этого — как тогда выражались — крылатого человека.

...Вечером за пышным столом в «Славянском базаре» собрались светила авиации — Уточкин, талантливейший Дженевецкий (доживший, кстати, до девяноста пяти лет и скончавшийся в 1938 году), конструктор и строитель первого русского аэроплана Яков Гаккель, восторженные почитатели — эти больше из купечества, но без их восторгов и тугих кошельков ни тогда, ни ныне не обойтись.

Сам триумфатор явился со своей невестой — блестящей белизной плеч, изящной гибкой фигурой, крупными бриллиантами Ольгой Мамонтовой. Она была так хороша собой, что все невольно замолкли, любуясь ее свежей и победительной красотой.

С бокалом шампанского поднялся демократичный Михаил Александрович, считавший возможным бывать в компании с авиаторами и купцами, но зато и окруженный всеобщей любовью (кроме двора, где такую демократичность не понимали и не одобряли). Он обычным тихим голосом сказал:

— Вы, Эдуард Иванович, счастливый человек, ибо вас любит такая совершеннейшая красавица, как Ольга Михайловна. Да простится мне, ежели я первый тост произнесу не за эту удивительную чаровницу, а за будущее русской авиации — ведь именно ради этого мы собрались тут.

Ольга Михайловна непринужденно отозвалась:

— Ваше высочество, это будет справедливо! Ведь и я теперь имею прямое отношение к полетам — Эдуард Иванович уже два раза поднимал меня в небо! Так что теперь я стала... как это?.. авиатриссой. Вроде знаменитой де Ларош или нашей княгини Долгоруковой.

За столом все зааплодировали, а Куприн, успевший где-то принять рюмку-другую, добродушно пошутил:

— Надеюсь, не на сегодняшнем самолете Чеховской катал вас?

Ольга Михайловна в тон ответила:

— К счастью, братья Райт свой аппарат сделали одностным, по сей прозаической причине мне места не нашлось.

Все дружно рассмеялись, вновь захлопали, а великий князь негромко произнес:

— Ах, что за красавица! И к тому же умна... — И уже обратился ко всем: — Когда-то человечество со многими жертвами и великими трудностями покоряло водный океан. Теперь настал час покорять океан иной — воздушный, сколь заманчивый, столь и коварный. И тут ждут нас жертвы разочарования, но конечный результат — триумф и победа. Давайте выпьем за это героическое дело, ибо оно приличнее всего именно русскому человеку — куражному в храбрости, но смекалистому и расчетливому! Прозит!

Потом звучали тосты за успешный полет Чеховского, за его красавицу-невесту, за новые совершенные модели аппаратов.

Сощуриив хитрые монгольские глаза, бокал поднял Куприн:

— Ты, Эдуард Иванович, летаешь недавно, и твои заслуги по сравнению, скажем, с заслугами Сереги Уточкина не так велики. Но мы очень верим в тебя! В сентябре, как ты помнишь, в Питере пройдет первая русская Неделя авиации. Там, на Комендантском аэродроме, ты о себе и сможешь по-настоящему заявить! Еще раз пьем твое здоровье!

В это время, согласно указанию Чеховского, появился фотограф, который снимал сегодня на ипподроме полеты. Он протянул Чеховскому пачку отпечатков, наклеенных на изящные паспарту. Тот раздал их всем сидевшим за столом:

— На добрую память!

Словно сердце подсказало, что скоро останется от славного молодого человека лишь добрая память, как и о его очаровательной невесте, которой не суждено было узнать ни брачных радостей, ни счастья материнства.

...Соколов словно очнулся от воспоминаний. Сыщик сжал кулаки, произнес вслух:

— Я этого мерзавца-маньяка из-под земли достану, отомщу за вас, мои несчастные друзья!

Слова эти прозвучали как клятва.

Партизанский маневр

Соколов каждое расследуемое дело воспринимал как глубоко личное. Он знал, что существует немало «типов из альбома Чезаре Ломброзо» — вырожденков, от рождения предрасположенных к преступлению. К счастью, не все из них нарушают закон. Но если человек встал на дорогу убийств и крови, то сам по себе он никогда не остановится. Его надо остановить.

— Дело о маньяке ведет Кошко, — сказал Соколов Жеребцову. — И ведет безуспешно. Если бы этого мерзавца поймали после первых убийств, то сохранили жизни остальных невинных жертв. В том числе Чеховского и его невесты.

Жеребцов, которого начальник сыска привлек к поимке маньяка, примиряюще сказал:

— Аркадий Францевич делает все необходимое... Облавы, наблюдения в парке, проверяем дома умалишенных, допрашиваем возможных свидетелей, осведомителей.

Соколов иронично протянул:

— Ну а воз и поныне там! А Кошко в очередной раз выиграла гордость. Вот он и хочет доказать, что обойдется без моей помощи. Чем выше гордость, тем больше трупов в полицейском морге. Кстати, едем к Лукичу.

У Лукича

Лукич был легендарной личностью. Его знала вся Москва. И эту славу ничем разумным объяснить было нельзя, ибо Лукич был всего-навсего сторожем полицейского морга на Скобелевской площади. Поговаривали, что ста-

рик за деньги показывал покойников подгулявшим купчикам. Зрелище не ахти какое, но в это можно верить, ибо с пьяных глаз в мозгах рождаются и не такие глупости.

От сыска в Большом Гнездниковском до Скобелевской площади рукой подать — ходьбы минут десять. Жеребцов, осматривавший место последнего преступления маньяка, на ходу жестикулируя длинными руками, рассказывал:

— Убийца, Аполлинарий Николаевич, почерк не менял: все преступления у него — как под копирку. По следам мы установили, что действует он в одиночку и босиком. Ну, перед тем как напасть, снимает штиблеты — чтоб не услышали, — с простодушной горячностью продолжал Жеребцов. — Ведь как с Чеховским было? Он про маньяка, конечно, слышал. Но не верил, что с ним самим подобное может случиться. В небе летать не боится, английский бокс знает — сам черт не брат! Ну и перед невестой, понятно, выказать себя хотел: мол, я самый храбрый! И сидел он с девушкой на скамейке, недалеко от главной дорожки парка, спиной к густым кустам орешника. Убийца тихо подкрался и первым же ударом расправился с авиатором — ножом полоснул по сонной артерии. Труп девушки нашли в нескольких саженях от Чеховского — она, очевидно, оказывала сопротивление. Ну, вот и пришли...

Вечно пьяный Лукич радушно встретил сыщиков. Лыси на его весело блестела, маленькие глазки совсем заплыли, а щербатый рот изобразил улыбку:

— Милости прошу в юдоль вздыханий и печали!

— Ты опять пьян?

— Так точно, Аполлинарий Николаевич! Служба у меня впечатлительная — противно, но пьешь с горя. Потому как видишь собственными глазами ту мерзость, в которую сам скоро превратишься.

— Чеховской и Мамонтова у тебя?

Лукич с достоинством ответил:

— А как же! У меня за тридцать лет службы еще ничего не пропало. А что про меня говорят, так это все от зависти.

— Положи трупы на препаровальные столы! Коля, помоги Лукичу.

Держа за плечи и ноги, первым внесли Чеховского. Красивое лицо авиатора отображало крайнюю степень удивления, словно до последнего мгновения он не мог

поверить в то, что с ним случилось. На шее зияло черное отверстие с рваными краями глубиной с полвершка.

Соколов, достав из кармана увеличительное стекло, с удивлением произнес:

— Если удар нанесен ножом, то почему края раны ровные, а не резаные!

Жеребцов ничего не ответил. Он отправился с Лукичом в соседнюю комнату за трупом Мамонтовой. Освобожденная от одежды, она легла на мраморную плиту стола и ее волосы разметались в стороны. Еще недавно прекрасное лицо застыло в мучительной гримасе. На руках виднелись порезы и садины — следы борьбы с маньяком. В области подреберья темнел разрез длиной в четыре вершка, который через край зашил шелковой нитью доктор Павловский.

Жеребцов пояснил:

— Маньяк сделал разрез по подреберью до латисимуса — широчайшей мышцы спины, чтобы достать печень. Можете поверить, что она искусана этим вурдалаком.

Соколов коротко выдохнул:

— Кажется, я кое-что придумал. Пошли, объясню на свежем воздухе.

Маскарад

Минуло несколько дней. Опустевший было парк в Покровском-Стрешнево начал вновь заполняться гуляющими. Во всяком случае, в дневное время сюда приходили няни с детьми, спешили по своим делам чиновники, старички, сидя на садовых лавочках, читали газеты и обсуждали последние политические новости.

Но вот когда багряный диск солнца тяжело опускался за горизонт, в довольно глухой части парка остановилась коляска. Из нее вышла парочка. Высокотелый красавец средних лет с короткой, чуть тронутой сединой прической, с густыми каштановыми усами, переходившими в небольшую бородку, под локоть поддерживал даму в модной шляпке с густой вуалью, скрывавшей лицо. У дамы был вполне гвардейский рост. Чуть путаясь в длинном шелковом платье, она проследовала со своим спутником к скамье, стоявшей невдалеке от посыпанной гравием дорожки.

Тихий сиреневый вечер незаметно перешел в августовскую ночь. Парк погрузился в мрачную тишину. И только господин, сидевший на скамье, оглашал пространство громоподобным голосом:

— Послушайте, сударыня, божественного Державина:

Бывало, под чужим нарядом
С красоткой чернобровой рядом
Иль беленькой сидя со мной.
То в шашки, то в картеж играешь...
Прекрасною твоей рукой
Туза червонного вскрываешь.
Сердечный твой тем кажешь взгляд...

Солдат, сенатор и кавалер Державин вряд ли предполагал, что его стихи прозвучат в столь кошмарном месте, обгабренном кровью невинных жертв.

Вдруг до острого слуха Соколова дошел подозрительный звук сломанной ветки. (Предусмотрительный Жеребцов еще днем раскидал вокруг сушняк.) И еще осторожный хруст, и еще... Кто-то осторожно подбирался к лавке, и намерения этого «кого-то» вряд ли были добрыми.

Едва ли не впервые в жизни у Соколова по спине пробежали мурашки ужаса и заломило где-то в области почек. Но он овладел собой и недрогнувшим голосом вновь огласил пустынные окрестности:

Я к крале короля бросаю,
И ферзь к ладье я продвигаю
Даю марьяж иль шах и мат!

Заботливая дама в этот напряженный момент, забывая о собственной опасности, громадной ручищей обняла мужчину за шею. Тот деликатно ручищу снял и нежно пробашил:

— О шее о своей подумай, милый друг!

И в тот же миг сзади на Соколова метнулось что-то темное, страшное. Сыщик едва успел увернуться. Чья-то сатанинская рука, не достав жертву, промахнулась. Соколов навалился на руку, с силой крутанул ее в запястье. Орудие убийства выпало. Жеребцов с небывалой резвостью перелетел через скамью и железной хваткой вцепился маньяку в шею.

Соколов спокойно произнес:

— Вот шах и мат! Осторожней, Коля, не удави мерзавца. Это было бы ему легким концом. Где веревка? Для начала свяжем его — да покрепче!

Возмездие

Через минуту Жеребцов прочно связал маньяку руки за спиной. Соколов зажег электрический фонарь и, даже испытывая острое любопытство, осветил выходца из ада. Перед сыщиками, дрожа всем телом, стоял высокий человек лет тридцати с неестественно удлинненным бледным, скуластым лицом. Карие глубоко сидящие глаза глядели на сыщиков исподлобья — со страхом и ненавистью. Большой нос утиной формы жадно втягивал воздух, словно к чему-то принюхивался. Это уродливое лицо венчалось грубым выпирающим подбородком. На тонкой волосатой шее загнутой мышью бегал острый кадык — вперед-назад.

Жеребцов, насладившись этим зрелищем, разглядывал орудие убийства. С недоумением он протянул его Соколову: — Что это? Какая-то костяшка?

Соколов хмыкнул:

— Анатомию забыл? Это остро заточенная плечевая кость человека! Положи ее этому ублюдку за пазуху. Пригодится как вещественное доказательство. — И с холодным презрением обратился к маньяку: — Ты кто?

Маньяк дрожал всем телом, но за все время не проронил ни слова.

Соколов развел руки:

— Раз не желаешь разговаривать с нами, то мы приступим к делу. Хотя твоя гнусная натура не идет ни в какое сравнение с теми прекрасными жизнями, которые ты загубил, но что можно с тебя получить — я получу.

Спустя несколько минут, испуская истошные крики, маньяк был подвешен за выкрученные руки к толстому суку дуба — обнаженные ступни болтались на высоте чуть меньше сажени. Внизу сыщики разожгли небольшой костер, положив на сушняк толстую сухую осину. Огня было не так много, чтобы зажарить убийцу, но дыма и копоти достаточно, чтобы маньяк мог проклясть свою гнусную жизнь.

Сыщики с чувством исполненного перед человечеством долга покидали парк. Чистая луна, не замутненная облачками, освещала светлую в ночи дорожку. Небо казалось близким, а дрожавшие в легком мареве яркие звезды необычно крупными. Пахло травой и ночной свежестью.

— Слышите, Аполлинарий Иванович, маньяк орет? А ведь мы ушли на полверсты...

— Орет — это хорошо. Значит, пока жив, хотя за такую мерзость господь с нас в любом случае не взыскал бы.

Но где твои хваленые филеры, где полицейские? С такими горе-служаками Кошко еще долго ловил бы злодея.

Жеребцов согласился:

— Да, службу справляют спустя рукава!

Соколов погрозил пальцем:

— Еще раз предупреждаю — не проболтайся!

Жеребцов обиделся:

— Напрасно обижаете недоверием, Аполлинарий Николаевич! Буду нем, как могила.

Когда вышли из парка, увидели ночного ваньку. Соколов по-разбойничьи, вставив два пальца в рот, свистнул.

Ванька встрепенулся, просыпаясь, заторопил дохлую лошаденку. Когда он подъехал, Соколов дал ему рубль и сказал:

— Скачи до ближайшего городского! Скажи, что кто-то самосудом занимается, коптит на костре маньяка, который здесь людей резал. Пусть топают по этой дорожке, найдут.

— В сей секунд все сделаю, ваше степенство! Спасибо за целковик. — И ванька похлестал, погнал тощую старую лошаденку.

Соколов счастливо улыбнулся:

— Сегодня впервые со дня смерти Чеховского я усну спокойно!

Лекция

Городовые нашли, а полицейские врачи отходили маньяка. Уже на первых допросах выяснилось, что зовут его Александр Блаженко, что он «коллега» известному читателям Лукича — служил сторожем морга одной из городских больниц.

Патологоанатом этой больницы рассказал, что Блаженко проявлял неуместную любознательность, выпрашивал разрешение бывать на вскрытиях усопших и даже неоднократно сам брался за реберный нож, резал трупы — и чаще всего в области правого подреберья, где находится печень. Однажды он тайком ампутировал у одного из покойных плечевую кость, из которой выточил страшное орудие убийства.

Блаженко был заключен в общую камеру следственного отделения Таганской тюрьмы. Таких, видать, даже в камере не любят. Его тут же прозвали «копченым» и поместили возле параша.

Профессор Московского университета, столп судебной психиатрии Владимир Петрович Сербский согласился про-

вести обследование Блаженко-Копченого «на предмет вменяемости».

После первого ознакомительного осмотра Блаженко, маститый ученый, сказал сыщикам:

— Пациент, видимо, страдает так называемой «болезненной любовью». Это понятие создал парижский тюремный врач Эмиль Лорен. Он подразумевает под этим понятием любовную страсть, не поддающуюся никакому контролю рассудка и толкающую на самые бессмысленные, порой кровавые преступления. Впрочем, господа, даже та пылкая любовь, которую воспевают поэты, эта любовь болезненна. Классический пример: шекспировские Ромео и Джульетта, если бы они были нормальными, разве стали бы в столь юном, полном физического здоровья возрасте, кончать суицидом? Отнюдь нет! Так что, когда зрители рукоплещут трагедии Шекспира, они приветствуют тем самым психически нездоровых людей.

Эту лекцию профессор читал в Большом Гнездиновском. Сыщики боялись слово из нее пропустить. Вдохновляемый общим интересом, профессор смочил горло аршадом, и продолжал:

— Да-с, господа полицейские, любовь — чувство не простое! История отношений полов кишит самыми жуткими примерами. Скажем, знаменитый английский флотоводец Горацио Нельсон, победитель морского сражения при Абукире. А знает ли кто из вас, почтеннейшие, что этот бесстрашный и мудрый воин в любовном сражении оказался слабым, безвольным и потерпел постыдное поражение? Будучи зрелым мужем он попал в обольстительные сети одной известной авантюристки, стал, по свидетельству известного Шлихтегролля, безвольным исполнителем ее махинаций. Имя этой авантюристки — леди Гамильтон. Властитель морей сделался послушным ребенком. Он с готовностью исполнял все приказы леди Гамильтон и заклеил свое имя ужасающими преступлениями. Ведь даже свою смерть при Трафальгаре он нашел лишь потому, что именно леди Гамильтон настояла на участии этого раба любви в битве.

Переведя дыхание, Сербский вновь с вдохновением продолжил:

— Любовь к противоположному полу, господа, очень часто принимает самые уродливые формы. Только что в научных журналах опубликовали материалы процесса некрофила. Дело было в Париже, судили молодого служителя

морга. Тот признался под давлением свидетельских показаний, что он специально закончил курсы, чтобы служить в морге. Он сказал: «Меня всегда тянуло к женским трупам, это было сильнее меня. Получив доступ в морг, я регулярно совокуплялся с покойницами, причем некоторых из них, молодых и красивых, я полюбил на всю жизнь».

— И как же этого типа разоблачили? — с интересом спросил Жеребцов. — Ведь такого очень трудно поймать во время... преступления!

— Вот именно-с! — Сербский перстом ткнул в сторону любознательного сыщика. — Очень трудно, почти невозможно разоблачить этих больных. Свое дело они творят при плотно закрытых дверях и окнах, а те, над трупами которых надругались, увы, свидетельствовать не могут. Этого, как вы изволили выразиться, типа разоблачили именно потому, что он испытывал к некоторым своим «возлюбленным» слишком пылкую страсть. Заметили, что он является на похороны молодых девушек, жутко рыдает, испытывает искреннее и глубокое горе. Это стало подозрительным. Когда в морг доставили труп шестнадцатилетней девушки, скончавшейся от туберкулеза легких, то устроили засаду. Ну и застали...

И утерев со лба пот, Сербский закончил:

— Так что, любовь действительно многим мутит сознание. И мы знаем слишком много случаев, когда молодая кухарка унижает и всячески третировает своего же господина, порой имеющего мировую славу, или многие на вид приличные дамы, которых мы видим прогуливающимися со своими холеными собачками, с этими же собачками сожительствуют. А количество кровавых преступлений ради болезненной любви — не счесть.

Ошарашенный Кошко с недоумением произнес:

— Так, возможно, и этот Блаженко — тоже «болезненно влюбленный»?

— Не исключаю, что это субъект болен, он сказал мне: «Я страшно ревную *всех* молодых девушек к их ухажерам. Какой-то внутренний голос мне приказывал убивать. Я не мог противиться!» По словам Блаженко, он каждый раз после убийства испытывал радостное облегчение. Когда он пожирал печень женщины, то у него наступала эякуляция — выброс семени.

Соколов усмехнулся:

— Так что, этот бедненький кровосос заслуживает жалости?

Сербский с докторской снисходительностью ответил:

— Уважаемый господин полицейский! Я понимаю ваше душевное состояние, но нельзя давать эмоциям возможность заглушать в нас голос разума. Не сомневаюсь, что по служебному долгу вы помните статьи 353—356 Устава уголовного суда...

Соколов невежливо перебил профессора:

— Да, уважаемый господин ученый, я помню, что эти статьи относятся к предварительному следствию и имеют целью удостовериться в состоянии умственных и психических способностей обвиняемого, и еще я помню, что этот самый Блаженко диким способом лишил жизни десять человек. Ясно как Божий день, что этот выродок ненормален. И вы надеетесь такого вылечить?

— Я обязан провести предварительное испытание этого человека. И ежели у суда возникнут сомнения в правильности установленного нами экспертного заключения, то суд, руководствуясь статьей 692 упомянутого выше Устава, вправе назначить новую экспертизу. И только закрытый суд на основании заключения экспертов определяет мерой пресечения принудительное помещение больного в специальное врачебное заведение для лечения. Когда психическое состояние больного не будет более угрожать общественной безопасности, приличию или собственной безопасности, тогда по представлению врачей-экспертов суд может освободить от дальнейшего наказания нашего пациента.

Соколов слушал этот монолог, покачивая головой и иронически улыбаясь. Теперь с притворным смирением он произнес:

— И этот несчастный больной, выпущенный добрыми дядями на свободу, с одной стороны, станет размножаться, плодить себе подобных (все ублюдки очень любят размножаться со скоростью инфузории), с другой — вновь начнет ползать среди кустов в парке и выискивать новых жертв для своих кровавых развлечений? Жалко, бедняцкого! Пусть немного потешит свою натуру.

Сербский достал массивные карманные часы, открыл крышку и деловито произнес:

— Мне некогда разводить дискуссии, к тому же бесплодные. Днями я заберу этого пациента в свою клинику.

Профессор сделал общий поклон, неодобрительно посмотрел на Соколова и удалился.

Однако намерению Сербского не было суждено сбыться.

Эпилог

Чеховского хоронила, кажется, вся Москва. К Донскому кладбищу пришли сотни людей. Со всей России поспешили прибыть авиаторы. Великий князь Михаил Александрович заказал у молодого, но уже прославившегося своим памятником Гоголю скульптора Николая Андреева надгробие из самого дорогого материала — шведского гранита: печально склонившийся ангел возложил руку на пропеллер. Век прогресса!

Что касается Копченого, то удача прочно и уже навсегда от него отвернулась. Профессор Сербский оформил необходимые документы, чтобы забрать к себе в психиатрическую клинику на Девичьем поле пациента Блаженко. Но накануне транспортировки, во время утренней проверки Копченый был найден под нарами, глаза у него были вытаращены, язык вывалился изо рта, из правого уха натекала струйкой кровь — кто-то задавил маньяка.

Назначили следствие, которое виновных не отыскало. Дело было закрыто.

Понял ли Кошко, кто «получал» с Копченого? Умный человек, наверное, понял, но ничего никогда по этому поводу не говорил. По Москве несколько лет ходили фантастические слухи о «благородном мстителе».

МЯСНИК

Подрываема всякой шпаной, именовавшей себя революционерами, Россия все более погружалась во тьму, окончательно ее поглотившую спустя несколько лет — в октябре 1917 года. В Петербурге, в Москве, в десятках других городов империи едва ли не каждый день раздавались взрывы и выстрелы — так устранялись наиболее честные и толковые политические деятели. Был убит великий князь Сергей Александрович. Во время Водосвятия на Неве одно из орудий конной артиллерии осыпало картечью помост, где со всей августейшей семьей находился Государь. Волей рокового случая в гнусные бездны революционной клоаки пришлось заглянуть и самому Соколову. Заглянуть и ужаснуться...

Приглашение

Эта невероятная и кровавая история началась вполне безобидно, даже приятно. Разбирая служебную корреспонденцию, Соколов попался изящный конверт с монограммой «А. Г.», в котором лежало отпечатанное приглашение:

Княгиня Анна Алексеевна Голицына покорнейше просит Вас пожаловать на ужин по случаю собственного дня рождения, имеющий быть 1 августа сего года в ее доме по Георгиевскому переулку Арбатской части в девять часов вечера.

Здесь же, в конверте, находился сложенный вдвое плотный лист глянцевого бумаги. Соколов расправил его и обнаружил, что это меню ужина: кулебяка слоеная с рыбой, судак, фаршированный крабами, осетры по-русски, филе «жардиньер», форель в шампанском и прочее.

Мелкими неудобочитаемыми каракулями княгиня по-французски приписала: *Дорогой граф! Сделайте радость бедной старухе, навестите ее, оставьте хоть на вечер в покое Ваших разбойников. Обратите внимание: толь-*

ко в Вашу честь я приказала приготовить черепаховый суп, который Вы, уподобляясь невзыскательному пейзажнику, столь любите. Целую...

Соколову было по сердцу это приглашение, напомнившее ему те времена, когда он вращался в высшем свете. Всегда стараясь придерживаться хорошего тона (что не мешало порой разными выходками шокировать избранное общество), он тут же сел писать ответ:

Милая княгиня, мое божество Анна Алексеевна! Спасибо, что вспомнили обо мне. Согласно Вашему совету, устрою 1 августа для «разбойничков» праздник — пусть себе погуляют в Вашу честь, потешатся. За черепаховый суп кланяюсь в ножки. Только прикажите Вашему Жану из Парижа (который вовсе не французский повар, а беглый каторжник и живет по подложному виду), чтобы тщательней спустил кровь из бедного животного и варил бы в настоящей мадере, а не в той, что продается в Охотном ряду за гривенник четверть. Иначе отправлю его этапом на Сахалин. Засим кланяюсь в ножки и целую ручки...

Запечатав сургучной печатью письмо, сыщик отправил его с нарочным.

Кулинарные изыски

Когда в назначенный день Соколов появился в доме княгини, в гостиной было полно народа. Сразу же стихли разговоры, все взоры обратились на сыщика. Подобно толстовской Ахросимовой из «Войны и мира», он был знаменит прямою ума и грубоватой простотой обращения. Но, разумеется, славу его увеличивали сыские подвиги. Хотя никто ему вслух не смел заявить, но все были уверены, что поимка и «копчение» маньяка в Покровском-Стрешневе — дело рук графа, этого *le terrible policier*. Но на этот раз «ужасного полицейского» никто не осуждал, даже газетчики-либералы стихли, прекратили свой визг. Так что, хотя о Соколове в Москве и Петербурге рассказывали анекдоты, но все восхищались его удачью.

Соколов вручил княгине букет громадных роз и попугая в клетке, которого слуга внес вслед за графом. Все ахнули, завидя это громадное, наглое пернатое, столпились любопытным кружком. Дамы, в роскошных платьях и подчеркнута скромных бриллиантах, защебетали:

— Ах, какая милая птичка! Граф, она умеет говорить?

— Как живешь, попка?

Птица вскинулась, распушила цветастый хвост и на всю залу гортанно и явственно произнесла:

— Ж..., ж...!

Мужчины захохотали, дамы застенчиво потупились, делая вид, что не разобрали бранное слово, а графиня, вытирая выступившие от смеха слезы, спросила:

— Граф, это Вы нарочно выучили его мужицким словом? Ох, уморил! Нет, таких подарков я за всю жизнь не получала. Попка, ты мне нравишься!

Попугай вновь распушил хвост, завертелся на жердочке, но на это раз ничего не сказал.

Громче других хохотавший над проделкой птицы человек в штатском с бритым худощавым лицом, похожий на Цезаря, с военной выправкой и искрящимися умными глазами, весело произнес:

— Подарок, разумеется, замечательный, но Миша Хлудов своей молодой жене еще более серьезное подношение сделал. Рассказать?

Миша был примечательной личностью, и Соколов когда-то его знал. Отец Миши — один из богатейших людей в России, собрал громадную коллекцию старинных рукописей и книг, за что попал в энциклопедические словари. Когда в 1882 году старик помер, то юный наследник стал устраивать на отцовские капиталы такие карамболи, что и представить невозможно. По удивительному совпадению, Хлудовы жили в богатом особняке в самом близком соседстве с домом, где родился и рос Соколов — в Хомутовском тупике, недалеко от Красных Ворот. Еще в детстве будущий сыщик наблюдал некоторые чудачества богатого соседа. Так, у Миши была домашняя тигрица, которую он держал вместо любимой собаки, и в крепком подпитии любил кататься на ней верхом.

Дамы стали требовать от худощавого мужчины:

— Павел Григорьевич, миленький, расскажите про Мишино подношение!

Мужчина не стал упрячиться:

— Первые именины молодой жены Миши пришлось на 17 сентября — ее звали Софьей. Гостей, как водится, полный дом. Все ждут праздничного обеда. Вдруг Миша говорит: «Я приготовил своей Софьюшке маленький подарочек. Прошу наверх, в залу!» Все поднялись на второй этаж. Смотрят, несколько рабочих тащат громадный ящик. Стали

гвозди выдирать, крышку открывать. Сам Миша больше других старается, с топором суетится. Наконец крышку подняли, тут все и ахнули: из ящика выполз громадный крокодил. Миша сияет: «Вот, Софьюшка, прими — от всего сердца тебе дарю!»

— И что стало с крокодилом? — любопытствовал кто-то из дам.

— А крокодил откусил тигрице лапу, за это Миша его самолично застрелил, повар жарил крокодилятину во фритюре. Сказочное блюдо, сам ел!

Мужчина, дружески улыбнувшись, обратился к Соколову:

— Ваш подарок, Аполлинарий Николаевич, хорош, но до Мишиного, не обижайтесь, не тянет.

Соколов хмыкнул:

— Хм, придется другой раз сюда доставить живого льва!

Княгиня вдруг засуетилась:

— Господа, вы знакомы?

Мужчина с доброй улыбкой протянул руку:

— Кто не знает знаменитого Соколова! Даже мальчишки играют в «гениального сыщика». Позвольте представиться: Павел Григорьевич Курлов.

Соколов в тон добавил:

— Кто не знает генерал-майора Курлова, товарища министра внутренних дел и командующего Отдельным корпусом жандармов! Мое, так сказать, высокое начальство.

— С недавних пор!

— Сменили Герасимова? Там, говорят, какая-то темная история... Ваши террористы-экстремисты куда хитрей и кровожадней наших подопечных — воришек и ординарных бандитов.

Курлов считался ставленником императрицы, и с бывшим главой российских жандармов у него отношения были, мягко говоря, прохладными. Понятно, что Соколову об этом было известно, но деталей он не знал, да и не интересовался, ибо и своих забот хватало.

Вдруг Курлов сказал:

— Я еще вчера должен был уехать в Петербург, — в субботу делаю доклад Государю. Но, желая встретиться с вами в домашней обстановке, свой отъезд на сутки отложил.

Соколов удивленно поднял бровь, с высоты своего гигантского роста взглянув с недоумением на жандарма.

Тот задумчиво пожевал губами и решительно произнес: — Да, граф, у меня к вам дело чрезвычайной важности! Это дело даже Государю стало известно, хотя я стараюсь его как можно меньше посвящать в нашу кухню. Государь настоятельно рекомендовал мне использовать вас в сложившейся ситуации.

Соколов вновь удивился. Курлов хотел продолжать, но в этот момент княгиня сказала:

— Господа, милости прошу к столу! Аполлинарий Николаевич, обратите внимание на мою племянницу Марию Егоровну, дайте ей руку...

Мужчины и дамы попарно двинулись в столовую.

Волнение крови

Княжна Мария Егоровна была очаровательна своей хрупкостью и особой тонкостью классических черт лица. Казалось, что она постоянно погружена в какие-то собственные, грустные думы. Ее отец и младший брат княгини Анны Алексеевны, отчаянный кутила и игрок, промотал состояние. Княжна считалась бесприданницей. И лишь ее необыкновенная миловидность подавала надежды на то, что девушка сумеет удачно выйти замуж. Под этим «удачным» замужеством подразумевалось, что найдется богатый, независимый человек, который будет настолько легкомысленным, что предпочтет красоту приданому.

Княжна протянула Соколову белую точеную руку в перчатке и с робкой улыбкой посмотрела ему в лицо. Казалось, что она совершенно не понимает своей силы, заключенной в красоте лица, в открытых плечах, в довольно смелом декольте. Сыщик ощутил близость ее тела и у него в груди вдруг проснулось что-то давно забытое, то, что он не испытывал с той давней поры, когда был страстно влюблен в свою невесту, ставшую потом его супругой и так рано ушедшую.

Гости, разбиваясь по парам, проследовали в столовую. Первой шла княгиня, ведомая ее родственником-сенатором. Они и заняли главное место за громадным столом. Карточка с именем Соколова лежала на самом почетном месте — слева от хозяйки.

Прежде чем самому сесть, Соколов отвел молодую княжну на ее место — как раз с противоположной стороны, так что сыщик оказался напротив девушки. Но еще преж-

де, вдруг испытал что-то похожее на легкую робость, он успел сказать княжне:

— Мария Егоровна, вы еще никому танцев не обещали?

— Нет, — ответила она тихо, чуть краснея.

— Тогда позвольте пригласить вас на полонез, вальс, кадрили, падекатр... Что еще нынче танцуют?

Княжна простодушно ответила:

— Шакон, миньон, польку, падепатинер.

— Сдаюсь, — рассмеялся Соколов, — старому коню такая ноша не в пору! — Он поцеловал руку спутницы выше перчатки. Облеченный в новый прекрасно сшитый фрак, в белый с мелкими звездочками жилет и в модный широкий белый галстук, Соколов выглядел, как образец элегантности. И он добавил: — Позвольте, княжна, иметь надежду на три первых танца?

Мария Егоровна покачала головой:

— Но нет же, граф! Вы отлично знаете, что это не по правилам — нельзя отдавать три танца подряд одному кавалеру... Если он только не жених.

— Дурацкие правила! Загодя завидую вашему жениху.

Княжна вновь покраснела:

— У меня нет жениха.

— Но если бы он и был, — быстро ответил Соколов, незаметно для других пожимая ее кисть, — то я... — он понизил голос до шепота, который, впрочем, было слышно в дальнем углу зала, — я отбил вас у него. Или, — он сделал страшные глаза, — застрелил бы на дуэли!

Все, как бывает обычно в начале обеда, двигали стульями, носились ливрейные лакеи, на хорах настраивался оркестр. Соколов, помогая удобнее сесть Марии Егоровне, произнес:

— Тогда мои — вальс и кадрили. Не возражаете?

Княжна белозубо в ответ улыбнулась:

— Согласна!

...На хорах заиграла тихая музыка. Раздались звуки ножей и вилок. Подходя с правого плеча, дворецкий предлагал:

— Дрей-мандера или токайское?

Соколов приказал:

— Шампанское!

Уж так получилось, что княжна за столом сидела точно напротив Соколова. Тот все время поглядывал из-за хрустальной бутылок и вазы с цветами на свою визави. Та под этими взглядами заливалась краской и заметно робела. Это

поведение княжны скоро было замечено на дамской стороне. Некоторые улыбались, снисходительно думая: «Знаем мы все это, когда-то у самих так было. Было, да навсегда, увы, сплыло!»

Подали черепаховый суп. Соколов отведал и восхитился:

— Анна Алексеевна, ваш каторжник и впрямь отличный кулинар!

Княгиня отозвалась:

— Рада угодить вам! А то на самом деле из-за какого-то супа моего бедного Жана этапом отправите в Сибирь.

За столом все улыбнулись.

На мужской половине стола, как обычно бывает, делалось все шумнее и шумнее. Говорили о перемещениях в правительстве, о наглости германского императора и прусского короля Вильгельма II Гогенцоллерна, о разгулявшемся в России бандитизме и революционном терроризме, о Думе, ставшей источником склок и раздоров. Курлов вина не пил совершенно, и чувствовалось, что он испытывает нетерпение. Соколов пил лишь шампанское, и им овладело приятное возбуждение. Он вдруг поймал на себе взгляд княжны, и это наполнило его приятным волнением.

Гости один за другим произносили пышные тосты в честь «незаменимого украшения общества княгини Анны Алексеевны, соединяющей в себе женственность, отзывчивость и радушие», пили за ту, что «стоит на высоте современного положения вещей, когда достоинства личности более не определяются ее половым происхождением». Старенький сенатор Орлов, крестным отцом которого был Алексей Андреевич Аракчеев (о чем сенатор любил напоминать), долго и ни к месту рассуждал «о нынешнем упадке нравов, крушении настоящих государственных авторитетов и возвышении личностей ничтожных», но все же наконец закончил:

— Княгиня! Ваш дом — оплот настоящей и подкупающей обстановки душевного гостеприимства. Пребывая в стенах вашей родовой крепости, я словно вновь погружаюсь в ту атмосферу человечности, которая была свойственна нашему обществу в благословенные времена Императора Николая Павловича! Так выпьем за княгиню Анну Алексеевну! Виват!

Обед подошел к концу. Мужчины потянулись в курительную комнату, в кабинет. Лакеи уже спешили туда с ликером и кофе. Соколов и Мария Егоровна вновь обменялись взглядами и уже улыбнулись как старые друзья.

Жандармские секреты

Курлов и Соколов направились в зимний сад. Шеф жандармов сказал:

— Если то, что рассказывают о вас, Аполлинарий Николаевич, хотя бы на треть верно, то вы рождены для политического сыска. Почему бы вам не перейти в наше ведомство!

— Милый Павел Григорьевич! У вас служат ради чинов, наград, денег, а меня ничего из этого не интересует. Я... свободный художник в своем деле. Да и чувствую личную острую неприязнь к убийцам и маньякам. Вот и охочусь за ними.

Курлов живо подхватил:

— Прекрасно! У меня есть одна задачка, которую мы разрешить сами не умеем. Вы мне можете посвятить несколько минут!

Соколов согласно кивнул головой:

— Слушаю с интересом!

— История сложная, запутанная, я изложу лишь самое необходимое, довольно схематично. Все началось с разоблачения осведомителя «всех времен» Евно Азефа. Негодяй Бурцев сделал это в исключительный вред Империи. Если, не приведи господи, когда-нибудь у нас произойдет революция, то этот горе-правдолюбец должен знать: именно он ее значительно ускорил.

— А что, разве в среде революционеров стало меньше доносчиков?

— Донсчиков мы имеем столько, сколько позволяет наш бюджет: все они поголовно продажны. Уже это говорит о том, что никаких возвышенных идей «за социальную справедливость» у них нет. Но несколько сотен рядовых осведомителей не могут заменить единственного, находящегося в партийной верхушке.

— Конспирация в революционной среде значительно осложняет раскрытие их преступлений, — согласился Соколов.

— Нам повезло: по доносу в 1908 году мы арестовали в Саратове руководителя крупнейшей в империи динамитной лаборатории, бывшего учителя Петрова-Воскресенского. Понимая, что за его кровавые делишки грозит веревка, этот самый «педагог» предложил нам свои услуги. Он клялся и божился, что понял «ошибочность прежних своих верований в спасительность террора», обстоятельно рассказал о явках и запланированных убийствах.

— И этот Петров действительно многое знал?

— Да, именно очень многое, почти все. Дело в том, что он был близок к самому Савинкову, пока тот не соблазнил жену педагога, и они рассорились. Петров, почувствовав веревку на шее, предложил свои услуги Герасимову.

— И тот устроил Петрову исчезновение из тюрьмы!

— Да, для начала поместил якобы на исследование в психолечебницу Сербского, а оттуда только ленивый не сбежит. Петров, казалось, стал кладом для Герасимова. Эсер многое выложил ему, помог разоблачить группы Гофштейн, Каца и Бледногубова. И еще настоятельно рекомендовал некоего типа — Панкрата Луканова, присяжного стряпчего, отсидевшего в тюрьме два с половиной года за составление каких-то подложных документов. Этот Луканов был родом из Граево — местечко на границе с Пруссией, в Ломжинской губернии. В молодости этот стряпчий промышлял там контрабандой, теперь умерли его родители, оставили дом. Вот он и выразил «горячее желание содействовать законной власти» — за мзду, понятно. Петров отправился в Париж в объятия Савинкова, Авксентьева и Чернова — главарей эсеров. С его совета они начали энергично использовать «зеленую тропу» в Граево.

— И Луканов хорошо «содействовал»?

— Еще как! Герасимов через этих двух агентов начал получать массу важнейших сведений о террористах. Успех вскружил ему голову. В своих честолюбивых мечтах он высоко занесся, решил, что ждет его пост товарища министра внутренних дел. Но Государь был недоволен тем, что террористы чувствуют себя в империи вольготно. Он понизил Герасимова, дал ему почти декоративную должность генерала для поручений при министре внутренних дел. Тот откровенно оскорбился... А далее началось такое, во что разум отказывается верить.

— Иди сюда, любезный! — поманил Курлов лакея, выпил шампанского и продолжил: — Герасимов решил физически устранить «обидчика». А им был я, ибо получил от Государя то, на что претендовал Герасимов. Как, Аполлинарий Николаевич, вы думаете, что предпринял этот «слуга престола»? Он вызвал из Парижа Петрова и поручил ему убить меня. Взамен обещал «безнаказанность и много денег». Петров уперся: «Не могу!» Тогда бывший шеф охраны пригрозил: «В таком случае, я предоставлю доказательства эсерам, что ты — предатель, а они на расправу скоры!»

— И что же Петров? — От удивления у Соколова поползла вверх бровь.

— Прибежал к полковнику Карпову — начальнику охранного отделения Петербурга, и все ему рассказал. Дело дошло до Столыпина, тот возмущенно потребовал: «Если и впрямь Герасимов виновен, следует разоблачить его и предать суду!» С этой целью Петрову сняли конспиративную квартиру. Сюда он должен был пригласить Герасимова и продолжить переговоры о моем убийстве. Соседнюю комнату нарочно оборудовали для подслушивания. Петров жил в этой квартире, как дома. И поскольку у него сохранялась патологическая страсть к деланию бомб, то он и продолжал развлекаться этим. Чтобы обсудить последние детали разоблачения Герасимова, к Петрову заглянул полковник Карпов. Именно во время этого несчастного визита бомба и рванула. Карпова разнесло на куски. Петрова лишь оглушило.

— Вы полагаете, что Петров нарочно убил полковника?

— Не я — суд, который приговорил мещанина Петрова-Воскресенского к смертной казни через повешение.

— Но зачем было рвать полковника бомбой, да еще рисковать самому? — продолжал сомневаться Соколов. — Ведь проще было стукнуть его по голове чем-нибудь тяжелым, а самому скрыться.

Курлов сморщил лоб:

— Наверное, граф, вы правы! Но дело не в этом Петрове — он лишь штрих в той кровавой картине, которая проявилась в результате сей этой истории. Речь идет о Луканове. Еще до убийства Карпова, но после нанесения «обиды» Герасимову в Граево вдруг стали исчезать нелегалы. Из двадцати семи человек пятнадцать, работавших под нашим контролем, бесследно исчезли. — Курлов в недоумении развел руками. — Мы вызывали Луканова сюда, устраивали ему проверки — все тщетно. А лучшие люди растворились, как туман на солнце.

— А что говорит сам Луканов?

— Утверждает, что всех благополучно провел через границу, а куда они делись — ни сном, ни духом не ведает. «Я — говорит, — работник честный, что всю жизнь мне начальство приказывает, то все безукоснительно исполняю — без всяких рассуждений. Мне вникать по должности не положено. Я обо всем вам самые точные сведения сообщая!» Он ведь деньги гребет с обеих сторон — и от охраны, и от эсеров. А деньги для этого дяди — главное в

жизни. За них он мать родную зарезал бы, если бы предложили.

В зале заиграл оркестр — начинались танцы. Под звуки полонеза двое в штатском, но с военной выправкой, заканчивали содержательную беседу. Курлов сказал:

— Луканов — ценнейший агент. Благодаря сведениям, которые от него поступают, благополучно прошли путешествия Государя в Полтаву, в Крым и Италию. Очень прошу вас, Аполлинарий Николаевич, в этой истории разобраться. Почти уверен, что здесь с какого-то бока замешан Герасимов. Может, он задался целью разрушить нелегальную сеть? Этакая страшная месть! И делает это через Луканова, который выдает агентов эсерам, а те их потихоньку, без шума убирают. Герасимов вполне мог оплатить эту услугу Луканову.

Соколов произнес:

— Я займусь этой историей. Однако сейчас, Павел Григорьевич, я себя веду по отношению к Марии Егоровне, которая обещала мне танцы, крайне неучтиво. Давайте в нашей занимательной беседе сделаем небольшой перерыв, тем более что виновница нынешнего торжества заметила наше уединение и спешит сюда.

Действительно, старая княгиня мелкими спорами шагами подошла к мужчинам и строго погрозила веером Соколову:

— Граф, да вы просто медведем каким-то стали! Смутили покой моей очаровательной племянницы, та киснет в зале в полной меланхолии, а вы здесь спрятались, заставляете старую женщину вас искать по всему дому.

Соколов, с самым веселым видом, поймал руку княгини, поцеловал с чувством ее и громко произнес:

— Право, Анна Алексеевна, мне стыдно! Тем более что молодую княжну я помню совсем ребенком, а теперь она стала... ах, просто восхитительна! Как ее родитель себя чувствует?

— Егорушка? — переспросила княгиня, и в ее голосе звучали и презрение, и жалость, которые она не желала скрывать даже от постороннего человека — Курлова. — Оставил Марию нищей, такое состояние промотал! А сам болеет все время. Мария почти не отходит от его одра.

— Надо бы навестить Егора Алексеевича! — шумно вздохнул Соколов.

Лицо княгини оживилось:

— Вот-вот, навестите! Он вас, сударь, маленького на качелях качал. — Глаза ее хитро вспыхнули. — Да и в

холостом звании не надоело вам болтаться? Не век же вдовцом ходить. Ну спешите, сейчас вальс начнется...

Соколов последовал совету, направился в залу, на ходу натягивая на свои большие руки белые перчатки. Уже через минуту-другую, вызывая восхищение окружающих, крепко охватив талию княжны Марии Егоровны, лихо вальсировал с нею, словно не чувствуя своего тела. Княжна часто дышала, ее белое платье с розовым поясом подчеркивало прекрасное сложение тела, а зарумянившееся свежее личико светилось счастьем.

В перерыве между вальсом и кадрилию Соколов рассказывал княжне что-то забавное, интересовался здоровьем Егора Алексеевича и обещал непременно уж завтра навестить «больного папеньку».

Когда раздались звуки кадрили, Соколов повел в круг княжну и выделял столь ловкие и замысловатые фигуры, что вновь вызвал общее восхищение — особенно молодых дам, и затмил всех других танцоров. И при этом он успел наговорить княжне кучу милых комплиментов, сравнивая ее и со свежей розой, и с недоступной горной вершиной, сверкающей нетронутыми снегами. В ответ княжна лишь молча улыбалась или простодушно отвечала: «Право, граф, вы смеетесь надо мной!»

Все шесть фигур кадрили закончились. Но дирижер, желая продолжить общее удовольствие, вновь сыграл ритурнель контрданса и громко скомандовал:

— Гран раунд!

Это было его правом — ввести в танец дополнительные фигуры.

И Соколов вновь повел в круг сиявшую восторгом первой любви княжну.

Снотворное

На другой день после полудня Соколов отправился на Поварскую, 26. Здесь в большом доходном доме Мария Егоровна и ее отец снимали просторную квартиру на первом этаже. В помещении пахло камфорным спиртом, лекарством и чем-то тяжелым, чем пахнет всегда там, где долго и трудно болеют.

Егор Алексеевич, которого еще на Рождество видели на балу в Дворянском собрании и который тогда всех поражал своим безудержным весельем и неутомимостью в

танцах, теперь лежал в спальне весь высохший, с заострившимся подбородком, с черными кругами вокруг ввалившихся глаз.

Увидав гостя, Егор Алексеевич слабо улыбнулся бескровными губами:

— Мне Маня сказала, что давеча видела вас у сестры. Ей так понравился вечер, — больной закашлялся и долго не мог перевести дыхание. Наконец, справившись, он сказал дочери: — Вот, а ты, Маня, не хотела идти к сестре, еле заставил тебя. А как у вас дела, граф?

Соколов что-то начал говорить, а Егор Алексеевич устало закрыл глаза и невозможно было понять, спит он или слушает. Вдруг он приподнялся на постели и тихо сказал:

— Граф, а моя свеча почти догорела. Чуть-чуть осталось.

Княжна заплакала и вышла из комнаты. Больной успел сказать вдогонку:

— Маня, дай мне снотворное... Очень горькое, но помогает хорошо. А от люминала и веронала давно никакого толка нет.

Соколов хотел посидеть еще, но больной прошептал:

— Идите к Мане! Я плохо обошелся с ней. Мать ее умерла, когда Мане шестой годок шел. А теперь я оставляю ее без капитала, замуж не успел выдать. Как она без меня будет? Ну, идите...

Когда Соколов увидел в соседней комнате княжну, она что-то капала в рюмку. Объяснила:

— Новое сильное снотворное — некрофин.

Сыщик ощутил резкий кислотовато-горький запах.

Вскоре он раскланялся:

— На несколько дней Мария Егоровна, я по служебным обстоятельствам покидаю Москву. Мне пора идти.

Она печально взглянула на него, с болью произнесла:

— Я буду скучать без вас! Храни вас Господь! — и по-матерински осенила его крестным знаменем.

Гадание

Через Смоленск, Минск и Вильно два неразлучных приятеля — Соколов и Жеребцов направлялись в Граево. В вагоне первого класса приятно и привычно пахло кожей, дорогими женскими духами и паровозным дымом.

В дверь кто-то деликатно постучался. На пороге стоял бравый генерал в форме пехотинца, он был явно навеселе. Бодрым баском проворковал:

— Простите, господа! Меня зовут Семен Ипполитович Обухов. Мы хотим сыграть в бостон, а нас трое, еще одного партнера не хватает. Не желает ли кто из вас партию составить?

Жеребцов вопросительно посмотрел на шефа. Соколов равнодушно произнес:

— Хочешь — играй! Все равно все казенные деньги у меня. Не проиграешь!

Жеребцов и генерал ушли.

За окнами стемнело. Погода испортилась, и наискось по стеклам струились дорожками мелкие капли. Соколов достал из саквояжа единственную книгу, которую взял в дорогу. Это был сборник стихов «Листопад». Несколько лет назад автор — Иван Бунин подарил ее сыщику, сделав дружескую надпись. Соколов наугад открыл книгу и прочитал:

Как жутко сердце замирает!
Как заунывно в этот час
Сквозь вопли бури долетает
Колоколов невнятный глас!

На душе стало как-то неуютно. Подумалось: «Это кто-то из великих любил гадать по книгам, и какой текст попадался наугад — так и сбывалось. Да, кажется, поэт Пушкин. Ладно, он суеверный был, а почему у меня сердце так тревожно сжалось? что дальше в стихе?»

Звучит он скорбью погребальной,
И снится мне: уж не взойдет
Из тьмы холодной и печальной
Ни новый день, ни новый год...

И на пустынном, на великом
Погосте жизни мировой
Кружится смерть в веселье диком
И развеивает саван свой!

— Тьфу ты, Господи! — в сердцах произнес Соколов. Пришла мысль: «И так словно с завязанными глазами в пропасть летишь, не знаешь, где и как приземлишься, а тут страсть такая! Когда в охоту за кровавым маньяком Копченым пошел, я уже себе представлял, с чем столкнусь. Здесь же — нет, не могу разгадать загадку. Все, даже Коля

Жеребцов, уверены, что я полностью лишен страха. Нет, ошибаются! Просто я умею себя в руках держать и никогда не впадаю в панику. Главное — дело честно делать!»

Дверь в купе распахнулась. На пороге появился Жеребцов, раскрасневшийся от азарта, выпитого вина и некоторого огорчения. Шумно вздохнув, произнес:

— Пятьдесят три рублика продул. Генерал играть любит, но не умеет. Так что с этим партнером мне не шибко повезло. Впрочем, нет худа без добра. Их превосходительство едет из Москвы на побывку к брату — как раз в Граево. У них большой дом — генерал очень просит остановиться у них. Тем более, что в этой дыре нет ни одной приличной гостиницы, только постоялый двор при таможене да публичный дом. Ни то, ни другое нам не подходит.

Соколов согласно кивнул головой:

— Правильно, но у генерала остановишься только ты. Я полезу в пасть огненного дракона, пожирающего людей, — остановлюсь у Луканова.

Стратегия

В Граево было темно и печально. В воздухе висела промозглая мга, пахло болотом, дымом кизяка и еще черт знает какой дрянью. Из вагона сыщики вышли порознь. Еще загодя Соколов предупредил:

— Адрес этого Луканова у тебя есть. Если завтра утром я не приду в генеральский дом, то бери жандармов из таможи, арестовывайте Луканова и ищите мой труп.

Жеребцов испуганно перекрестился:

— Господь с вами, Аполлинарий Николаевич!

Соколов спокойно молвил:

— Служба у нас такая! Мое дело — дать тебе указания, на всякий случай. Луканов — штука не шибко простая. Если он действительно корыстный убийца, я сделаю все возможное, чтобы его спровоцировать. По обычному каналу ему сообщили, что я к нему иду, и он знает, что меня следует перевести через границу.

— Но возможно, что Луканов не имеет отношения к исчезновению агентов?

— Вот это мне и предстоит выяснить! Вполне вероятен и такой вариант. Тогда будем искать причины исчезновения агентов в другом месте — пройдем всю цепочку.

Жеребцов, всегда гордившийся дружбой с гением сыска, с довольной улыбкой произнес:

— Это дело нашей чести! — И уже раз в пятый просительно сказал: — Аполлинарий Николаевич, позвольте мне пойти к Луканову — или одному, или вместе с вами? А?

В голосе Соколова прозвучала досада:

— Хватит канючить, Коля! Вдвоем идти бессмысленно. Если Луканов действительно причастен к исчезновению людей, тогда он побоится раскрыться. А пустить тебя одного — прости, нельзя. Это дело не только рискованное, но и ответственное. Твое место — в арьергарде.

...Теперь, когда все было решено и взвешено, Соколов решительным шагом направился на окраину городка. Сверху сыпал мелкий дождь. Где-то в березняке жалобно блеяла овца — видать, заблудилась. В окошках слабо светился свет керосиновых ламп. Еще в Москве по графическому плану Соколов прочно затвердил свой маршрут. Шел он довольно споро, хотя дорожка раскисла, и ноги порой скользили.

Сыщик быстро нашел старый, но крепкий двухэтажный дом, скрывавшийся за высоким забором.

На звон колокольца вышел широкоплечий старик лет пятидесяти с остатками волос, гладко зачесанными назад. Небольшие серые глаза смотрели настороженно. Узнав, кто гость, растянул большой рот в улыбке:

— Проходите, господин хороший! Мне сообщили о вашем прибытии.

Земля вокруг бревенчатого дома густо поросла деревьями и кустарником орешника. Соколов отчетливо услышал вдруг свиное хрюканье.

— Свинок держу, — угодливо обнажил в улыбке желтые зубы Луканов. — Смею заметить, мои окорока самые знаменитые. Покупают охотно обыватели. Даже прозвали «мясником». Желаете в свинарник заглянуть? Экземпляры, доложу, выдающиеся.

Почувствовав приход незнакомца, громадные животные с небывалым остервенением стали бросаться на ограждение, злобно сопя.

— Это не свиньи — тигры натуральные, — покачал головой Соколов.

— Характерные животные. Перекусим, чайком побалуемся — с медом. На свинину тут с местным пасечником меняюсь. Немного отдохнем, а перед рассветом пойдем «зеленую торить».

Соколов оказался в комнате, заставленной геранью, фикусами. Луканов поставил на спиртовку чайник, толстыми ломтями нарезал вареную свинину. Как бы невзначай спросил:

— Мне бы двести марок на рубли поменять! Вам все равно на той стороне менять придется...

— Охотно, — произнес Соколов и достал бумажник, пухло набитый ассигнациями. — Может, больше? Деньги для уплаты агентам у меня.

Глаза Луканова алчно загорелись:

— Будя, пожалуй! Да вы, как вас там величать, чаек пейте, кишочки грейте. Хи-хи!

— А вина или рюмку ликера найдете!

— Обязательно! — И пока Луканов повернулся толстым задом к буфету, Соколов выплеснул чай в горшок с кактусом.

... Вскоре сыщик устало потянулся:

— Что-то спать захотелось, заморился, как почтовая лошадь. Где моя комната?

Луканов радостно засуетился:

— Крепкий сон — залог здоровья! Вот в эту дверку, кладитесь на постельку.

Соколов грузно упал на металлическую кровать, и та вся заходила под его могучим телом. И почти сразу громко захрапел.

Луканов затворил за собой дверь.

Столкновение

Соколов слышал, как кровь гулко приливает к его вискам. Он уже четко понимал, *что* произойдет дальше, но не знал *как* и *когда*. Минуты бежали, а хозяин не появлялся. Где-то снизу негромко хрюкали свиньи, да в соседней комнате под ногами Луканова скрипели доски. Сыщик с ужасом почувствовал, как на него мягкими, теплыми волнами накатывает сон. «Господи, что такое? Не годится так, нельзя спать», — подумал Соколов и поднес к губам чашку и вдруг ощутил знакомый кислотовато-горьковатый запах. Сразу подумал: «Да ведь это тот самый некрофин — сильное снотворное, что княжна отцу своему давала! Луканов хочет усыпить меня. Но нет, бестия, я тебя перехитрю!»

сыщик. — Однажды, когда раскручивал дело Эльзы Бланк, убивавшей мужчин, я не совладал со сном и — это

было в «Большой Московской гостинице». Но тогда Бог меня миловал. Может, подняться на ноги, чуть подвигаться! Сон сразу бы прошел. Увы, нельзя, все дело могу испортить. Но притворяться, что сплю, а самому бодрствовать? Эх, спать, спать хочется...»

Вдруг в слабом свете луны, проникавшем в окно сквозь занавески, Соколов увидал, как хорошо смазанная дверь бесшумно открылась. На пороге стояла фигура — это был Луканов. В руках он держал большую подушку.

Соколов, от которого сонливость моментально отлетела, стал усиленной храпеть, подпуская тонкий подсвист.

Послушав спящего, Луканов осторожно приблизился к кровати. Вдруг он резво навалился на спящего. Но Соколов ударом ноги опередил его, вскочил и еще добавил раз по челюсти — теперь своим громадным кулачищем.

Злоумышленник бездыханный грохнулся лицом в пол.

Соколов достал из кармана моток загодя приготовленной шелковой бечевки, скрутил кисти рук Луканову за его спиной и пошел вниз искать лампу. Она, с горящим фитилем, стояла на обеденном столе. Когда сыщик вернулся, Луканов, злобно скрипя зубами, пытался освободиться от пут. Соколов цыкнул:

— Лежи, гадина! Сейчас тебя убивать буду.

Луканов вдруг вспомнил свои правовые познания:

— Нет такого закона — без суда и следствия! За что убивать?

Соколов с самым свирепым видом оказал:

— Одно тебя спасет: говори, куда трупы дел!

Неожиданно для сыщика, перепуганный до заикания, Луканов сразу же признался:

— Я их свинкам отдавал.

— А кости где лежат?

— Возле ограды, в старый колодец бросал.

— И чисто обгладывали?

— Чего обгладывали?

— Ну свинки твои — трупы в каком виде увидим?

Луканов с нотками гордости сообщил:

— Начисто! Один шкилет оставляли — можно было, так я их в анатомический кабинет в какой-нибудь за недорого продал бы.

Соколов с горькой иронией поддакнул:

— Да, большой прибыль тебе был бы. Пошли к колодецу, где кости лежат. Вставай!

Луканов застонал:

— Ой, веревка, треклятая, до кости врезалась! Ослобоните малость.

Соколов подумал: «Пожалуй, его надо будет в колодец опускать за костями. Вряд ли сбежать сумеет, авось пригляжу за ним внимательней!»

Он развязал веревку и скомандовал:

— Веди к колодцу!

Они вышли в темный двор. Соколов, левой рукой держал лампу, правой схватил за шиворот Луканова. Тот спокойно двинулся в угол двора, но вдруг крутанулся вокруг своей оси — старый способ освободиться — и рванулся в заросли кустов. Соколов ринулся за ним, но зацепился ногой за какой-то пень, грохнулся на землю, заорал:

— Стой, паразит, застрелю! — На ходу он выхватил из кобуры револьвер и пальнул вверх.

Знавший местность как своих пять пальцев, Луканов, с треском ломая кусты и ветви, уходил от погони. Вдруг, к великому его удивлению, раздался истошный крик Луканова:

— Ай, больно!

И веселый голос Жеребцова разрезал воздух:

— Стыдно, дядя, бегать от старших по званию!

Когда Соколов прибежал на голоса, он увидел Жеребцова с генералом Обуховым и двумя жандармами. Луканов лежал на земле. Жеребцов извиняющимся голосом произнес:

— Простите, Аполлинарий Николаевич, вопреки вашему запрету, решили подежурить здесь. И не зря!

Соколов, напуская суровый вид, произнес:

— За нарушение приказа командира будешь наказан!

Эпилог

Соколов вернулся домой триумфатором. Столыпин телеграммой выразил свою благодарность, а из Петербурга позвать герою руку прибыли Курлов и товарищ министра внутренних дел Лыкошин.

Соколов решил покончить со своей одинокой жизнью. Он посватался к княжне Марии Егоровне и получил согласие, ее отец скончался в сентябре, как раз на Рождество Пресвятой Богородицы. Свадьбу пришлось отложить. По прошествии должного срока траура, молодых обвенчал в

Богоявленском соборе в Елохове отец Николай. Больше всех радовалась Анна Алексеевна. В честь торжества ее повар Жан приготовил черепаховый суп. Однако недели через три после свадьбы старая княгиня скончалась. Почти все ее громадное состояние, включая три больших дома в Москве и попугая в клетке, отошло по завещанию к Марии Егоровне.

Попугай, в связи с особой направленностью его речи, был отправлен в ссылку — в мытищинскую усадьбу Соколова. Здесь бывалый взломщик сейфов Буня Мильштейн научил способную птицу задавать вопрос гостям: «По фене ботаешь?»

Но гораздо раньше П. П. Луканов предстал перед закрытым военным судом. Было доказано, что, подсыпав в чай мощное снотворное некрофин, он задушил во время глубокого сна пятнадцать человек. Их трупы он скармливал свиньям, а начисто обглоданные скелеты были вытащены из колодца. Эти кости были представлены суду. Разумеется, Герасимов замешан тут не был.

Убийца был повешен.

...Минут годы. Бестолковая и непоследовательная политика руководителей империи толкнет Россию в кровавые руки интернационального большевизма.

Бывшие шефы охраны Герасимов и Курлов окажутся в городке, что на речке Сене — в Париже. Как заведено, они поспешат сочинить мемуары. Забавно, что вербовку Петрова-Воскресенского каждый из них припишет именно себе. Виновных в развале великой России не найдется.

Порой на разных юбилеях, до которых мы такие охотники, они будут сталкиваться с желчным, высохшим человеком с горящим, безумным взглядом. Это фанатичный «разоблачитель», чье усердие было явно не по его разуму — Владимир Львович Бурцев. Понятно, что жандармы руки ему не протягивали, как, впрочем, и друг другу. Разброд и взаимные обвинения продолжались.

Кровавые дела маньяка с полуинтеллигентным лицом Луканова, казалось, навсегда канули в Лету. Но вдруг оказалось, что у него нашелся последователь. 25 июля 1924 года самая крупная русская газета «Последние новости» опубликовала сенсационную заметку. В ней рассказывалось, что в Восточной Пруссии арестован мясник Ганс Харман по кличке «Толстый Ганс». Этот Ганс был осведомителем политической полиции и имел собственную мясную лавку. Будучи ярым патриотом фатерланда, он по-

весил объявление: «Французам и бельгийцам ничего не продается. Только для немцев!» Ганс сотрудничал с реваншистскими нелегальными организациями и тайком проводил нелегалов через границу. Но некоторых из них — наиболее молодых — убивал. Их кровь он выпивал, а мясо продавал в своей лавке, только доказанных жертв оказалось двадцать восемь.

Знать, нет такого свинства, которое нельзя было бы превзойти.

БАВИЛОНСКИЕ БЛУДНИЦЫ

Своими скандальными подробностями этот процесс затмил все, что когда-либо рождалось в мрачном подполье уголовной России. Творение великого М. Казакова в стенах Кремля — здание Судебных установлений окружала многотысячная толпа любопытных. Дело слушалось окружным судом. В Митрофаньевский зал, славившийся своей изящной отделкой, допускались лишь те, кто имел именной пропуск за подписью градоначальника генерал-майора А.А. Адрианова. Расшитые золотом мундиры, изящные фраки, тысячные платья — вся знатная столица до предела заполнила партер и хоры. Пикантные подробности дела наиболее стыдливых дам заставляли опускать глаза, дочерей не брали.

Высокий покровитель

Переполох начался в субботу ранним утром, едва Кошко прибыл в сыск, как ему позвонил генерал-майор Ефимович, московский полицмейстер:

— Аркадий Францевич, только что у меня была встреча с самим... — и полицмейстер назвал одного из великих князей. — У его старинного знакомого барона фон Гутберга пропала жена. Барон не просил высокого покровительства, просто поведал свою беду в частной беседе. Великий князь счел необходимым принять участие в деле, — он служил с бароном в одном полку — и выразил желание, чтобы поиски пропавшей поручить самому Соколову. Незамедлительно действуйте. Нынче же вечером прошу доложить мне о ходе следствия! Барон живет в Мансуровском переулке. Я звонил ему, он вас ждет. Надеюсь на ваш успех!

Кошко повесил на рычаг трубку, чертыхнулся:

— Нам не хватало сбежавших жен отыскивать!

Он протелефонил домой Соколову, но заспанный голос горничной ответил:

— Барина дома нету! Куда уехал? Не говорил о том. Нет, в Мытищи он не собирался.

Кошко нервно расхаживал по кабинету. Сыщики вообще не любят работать «на подхвате», предпочитая вести дело с самого начала. К Соколову это особенно относилось. Тяжело вздохнув, он приказал Галкину:

— Заводи авто! Едем в Мансуровский.

Таинственное исчезновение

Фон Гутберг занимал второй этаж большого доходного дома. Ливрейный швейцар почтительно открыл тяжелые дубовые двери. Молодой лакей без доклада — видимо, сыщика ждали — проводил Кошко в кабинет. Фон Гутберг был облачен в просторный шелковый с синими полосками шлафор. Увидав Кошко, он поднялся из-за рабочего стола с перильцами, за которыми лежал ворох деловых бумаг, и сделал несколько шагов навстречу. Чуть поколебавшись (ведь перед ним стоял всего лишь сыщик!) протянул руку для приветствия.

Барон был высоким статным мужчиной с красивым величественным лицом, несколько напоминавшим портреты Александра Освободителя. Подвитые густые усы на щеках переходили в серебристые с завитушками баки. По-военному выпячивая грудь, низким приятным голосом проговорил:

— У меня, вы, верно, слышали... неприятность, так сказать, происшествие. — Он нервно прошелся по кабинету, так сжав кулаки, что слышно хрустнули кости. Спыхватившись, пригласил:

— Извините, я взволнован, прошу, садитесь на диван.

Позвонив в колокольчик, приказал лакею:

— Принеси кофе, коньяк и прочее...

И вновь повернул голову к Кошко:

— Значит, пропала моя супруга Генриетта. Жили мы с ней четыре года душа в душу. Как говорят французы, без печали, но с песнями. Год назад у нас родился замечательный мальчик. Генриетта любила тишину и одиночество. Такая, знаете, гетевская Гретхен, вполне романтическая натура. Да, я вам, сударь, не сказал: моя супруга немка, я познакомился с ее добропорядочной семьей во время маневров в Пруссии.

— Вы старше супруги?

— Разумеется, на двадцать один год, но это лишь сплачивало семью, придавало нашим отношениям мудрое равновесие. Мы никогда не ссорились, всегда любили друг друга.

— Так что же, Осип Федорович, произошло?

— У меня есть хорошее поместье в Клементовке, это под Сергиевым Посадом: старинная, но уютная усадьба, пруд, цветники, регулярный сад. Осенние дни стоят тихие и теплые. Неделю назад я отправил супругу в Клементовку. Уехала она вместе с сыном Сергеем. Три дня назад, как обычно в таких случаях, я получил от Генриетты телеграмму: «Вышлите лошадей». — Фон Гутберг положил перед Кошко сиреневый бланк. — У нас хороший выезд.

Кошко с искренним любопытством слушал рассказ:

— И вы тут же отправили лошадей?

— Нет, меня с утра не было дома. Днем я был на скачках, потом с приятелем — важным чиновником из Киева — ужинали в Прогрессе на Чистых прудах до двух ночи. Лошадей послал в восемь утра. Но кучер Ефим вернулся после обеда один... — Фон Гутберг дернул шнурок звонка. Вбежал лакей. — Прикажи Ефиму сюда явиться.

Вошел Ефим, крепкий, высокий мужик с умными глазами, одетый в новую косоворотку и хромовые сапоги, нещадно скрипевшие при малейшем движении. На приказ хозяина изложить суть дела толково объяснил:

— Дело было раннее, субботнее, дорога хорошая. Лошадей не мучил, а доехал до Клементовки в самый аккурат. Думаю, лошадки часик постоят, отойдут, а там — возвратный путь с барыней. Какой там с «барыней». В доме переполох-с — не ночевали они, оказывается. Матрена, комнатная служащая девка, мне говорит: «Дескать, вчерась барыня была в самом добром здравии. Изволила отужинать и по давней привычке пошла прогуляться в нашем парке. Ждали-ждали, нет ее обратно. Собрали всех домашних — дворника, садовника, повара и пошли ее искать. Темно совсем стало, так паклю жгли. Нету как нет! Думали, где в селе припозднилась, все дома обошли — никто не видел. Так и не нашли голубушку. Спозаранку отправили к барину в Москву садовника, а сами опять по селу бегали — точно в воду канула». Я тоже ходил, недолго поискал, да скорей в город — к Осипу Федоровичу. Вот и все! Можно идти?

Высокая нравственность

Фон Гутберг сидел, тяжело опустив голову на руки, и видно было, как горе его давит. Кошко подбодрил:

— Будем надеяться на лучшее! Мы сегодня же усиленным нарядом отправимся в Клементовку. Глядишь, тем временем и появится ваша милая супруга. А сейчас позвольте мне взять ее фото и поговорить с людьми.

Кошко побеседовал с прислугой, с владелицей дома и двумя консьержками, все в один голос заявили: «Красавица первостатейная! И бюст, и осанка — прямо королевская дочь. А из себя — величава и недоступна, гордо себя держала, для всех недосягаема. У нас буфетчик Василий много лет работал, холостой был, как-то выяснилось, что он был замечен выходящим из публичного дома. До барыни дошло, она его при всех срамила «бесстыдником и безобразником», в гневе осенила его пощечиной и в два счета от места отрешила, и верная служба в зачет не пошла. Высокой морали наша Генриетта Оттовна!»

Несмотря на эту лестную характеристику, Кошко все же доверительно допрашивал консьержек, положительных дам солидного возраста:

— А все же, не могла Генриетта сбежать с любовником?

Те аж от возмущения задохнулись, взвизгнули, руками замахали:

— Ах, как вы можете такое говорить — «с любовником»! Даже неприлично! Это истинно святая женщина, полностью отдавшая себя супругу и ребенку.

Кошко вновь отправился в сыск. Его не оставляла надежда найти Соколова, ибо дело представлялось крайне сложным.

Предательство

В Большом Гнезниковском Соколова не было, но зато начальник сыска нос к носу столкнулся с Жеребцовым. Кошко обрадовался:

— Где вы с Аполлинарием Николаевичем пропадаете?

— Я — вот он, — невозмутимо произнес Жеребцов, — а граф мне последнее время почему-то не докладывается.

Кошко стал багроветь от гнева:

— Что за разговоры! Здесь важнейшее дело, сам Адрианов им интересуется, а тут — «не докладывает»! Где, повторяю,

Соколов? Чего глаза заводите, агнца изображаете? Не юлите, Николай, скажите: где граф? — И переходя на совершенно задушевный тон: — Христом заклинаю, очень нужен. Ну?

Жеребцов тяжело вздохнул. Соколов под страхом смертного боя запретил выдавать место сегодняшнего пребывания: хотел отдохнуть телом и душой от кровавых преступлений. Но ему стало жалко начальника сыска, он проговорил:

— Аполлинарий Николаевич в Сандуновских банях. И теперь он мне оторвет голову.

— Не оторвет, — обрадовался Кошко. — Эй, Галкин, заводи свою драндулетку, едем на Неглинную.

Расплата

Пронзительными звуками клаксона разгоняя прохожих и заставляя шарохаться лошадей, Галкин подрулил к Сандуновским баням. Кошко и Жеребцов по витой лестнице поднялись на второй этаж. Пространщик Савватей, маленький верткий мужичок с бельмом на глазу и узким рябым лицом, на кривых ногах заковылял навстречу. Прежде Савватей служил в «семейных номерах». Это были роскошно отделанные цветным мрамором, украшенные фонтанчиками, богатыми коврами, диковинными цветами в горшках, места утонченного разврата. Сюда богатые посетители приводили своих наложниц, наслаждаясь любовью порой прямо в бассейне. Место для пространщиков это было выгодным, за него держались. Но Савватей недавно проштрафился в чем-то и был в наказание переведен в общее отделение.

Сейчас, усиленно кланяясь, Савватей скороговоркой затараторил:

— Счастливого прибытия! Сегодня пар у нас самый отменный, обязательно вам по вкусу придется. Куда расположить вас прикажете? В турецкий зал или в отдельную кабиночку?

— Не суетись, — нахмурил брови Кошко. — Где граф Соколов разместился?

— Вы их превосходительству приятелем будете? Разместились они вот в этом кабинете-с, только сейчас над графом Серега и Васька действуют. Такого богатыря, доложу вам, распарить да помыть, все равно, что гору с места своротить! Ей-Богу! Но мы очень стараемся и в надеждах их никогда не обманываем. Проходите в кабинетец, коли графу Соколову приятелями состоите. Мы Вам очень постараемся.

— Позови-ка, братец, Соколова сюда! — важно пробасил Кошко.

Савватей испуганно замахал руками:

— Извиняйте за такое предложение! У меня одна голова на плечах. Вы уж сами кликнете его. Оне возле окошка в мыльне находятся, там графское место.

Кошко просяще посмотрел на Жеребцова:

— Сделайте еще одно одолжение. Николай, позовите графа...

Жеребцов мелко перекрестился и отважно шагнул в зал, полный влажного пара и обнаженных фигур. Атлетическое тело Соколова занимало едва ли не все пространство громадной лавки. Двое банщиков в коротких передничках усердно терли рельефные мышцы графа. Увидав приятеля, Соколов разомлевшим голосом удивленно спросил:

— Зачем, дитя природы, залетел сюда? Кто ждет — Кошко? Ну, сукин сын, удружил, спасибо. Для глупых начальников что шлюха, что сыщик: должны бежать на зов по первому требованию. — И вдруг, вскочив с лавки, заорал: — Эй, Васька, Серега, хватайте этого мужика под микитки, волоките его в парильню, сейчас его разогреем! Да не дергайся ты, предатель! Уроним — больно будет.

Под дикий хохот мывшихся, Жеребцова — в костюме, при галстукe и в штиблетах — втащили в парилку. Здоровенные банщики намертво держали его, а Соколов, азартно вскрикивая, хлестал приятеля двумя вениками:

— Вот тебе по морде, вот по ушам! А вот и по нежному месту, э-эх! Другой раз будешь друзей выдавать! В бассейн тебя бросить — для охлаждения? Куда побежал?!

Вырвавшись, наконец, Жеребцов в помятой и мокрой одежде выскочил в раздевальню. За ним лениво проследовал Соколов:

— Где тут Кошко? Что случилось?

Секретный разговор

Сыщики прошли в кабинку Соколова. Начальник сыска изложил суть дела, достал фото Генриетты. Соколов хмыкнул:

— Хороша! Черты лица — классические, а выражение... Неприступна, видать, холодна — ну, айсберг! Пусть тут, возле зеркала, постоит.

— Это лицо следует запомнить, — согласился Кошко. — Пригодится.

— Пойду обмоюсь! — сказал Соколов. — Эй, Савватей, возьми у Жеребцова одежду, прикажи, чтоб привели в порядок — высушили, прогладили. И принеси пива мне, а господам сыщикам итальянской «Марсалы».

— Пива — «Калинкин», как обычно? Сей секунд, Аполлинаруй Николаич!

Савватей принес «Калинкина» и «Марсалу», поставил закуску, с любопытством взглянул на фото красавицы и побежал свежими простынями встречать разомлевшего от пара и мытья Соколова.

— Ваш пот — наши старания! — улыбнулся угодливо Савватей. — Очень разгорячены, знать дух нынче крепкий в парилке. С легкого пару без всякого угару поздравить честь имею! Садитесь, ваше превосходительство, на мягкий диванчик, членам отдых дайте. — И опять бельмо оставил на красавицу.

...Когда сыщики собрались уходить, Савватей вдруг горячо зашептал что-то Соколову. Тот слушал, удивленно подняв брови, переспросил и протянул пространщику без меры богатые чаевые — десять рублей.

— Какая щедрость! — удивленно хмыкнул Кошко. — За какие заслуги?

— Да Савватей шепнул мне, что проигрался в лото и крепко нуждается! — отшутился Соколов и посмотрел на Кошко хитрым глазом.

Печальная находка

В тот же день сыщики, пригласив с собою фон Гутберга, покатали на автомобиле к нему в имение. Допрос прислуги ничего нового не дал. Все хвалили красоту и превосходные качества Генриетты. Соколов, пригласив в помощь нескольких селян и местных полицейских, начал тщательный осмотр местности.

В речушке, в густой тени ивняка из-под размытого берега выглядывала рука. Труп вытащили на берег. Соколов сразу узнал Генриетту. Тело приобрело серовато-беловатый цвет, открытые глаза мутно устали зрачки в небо, волосы прилипли ко лбу жалкими прядками.

— Взгляни, Аркадий Францевич, — ткнул Соколов пальцем, — на шее четкие следы пальцев — Генриетту задушили, прежде чем спрятали в воде.

Недалеко от трупa, возле кустов орешника, была сильно примята трава, обломаны ветви. Видимо, здесь и произошло убийство.

Жеребцов указал на четкие следы:

— Вот, уходят в сторону проезжего тракта. Очевидно, убийца, сделав свое черное дело, поспешил скрыться. Но неясны мотивы преступления: полностью отсутствуют какие-либо попытки изнасилования, нет и признаков ограбления — с пальца не сняли два дорогих кольца с бриллиантами.

Кошко задумчиво качал головой: «Сложное дело!», народ возмутился: «Безвинного ангела убили, куда полиция смотрит!», а безутешный фон Гутберг горько рыдал над трупом любимой.

И лишь Соколов, покусывая травинку, равнодушно и спокойно поглядывал на происходящее. Весь его вид говорил: «Тут проблем не будет!»

Труп под присмотром Ирошникова отпраздничали на телеге в морг.

— Что ты, Аполлинарий Николаевич, думаешь об этом? — нетерпеливо спрашивал Кошко.

Соколов чуть улыбнулся:

— Моя нянька, когда я еще жил в Хомутовском ту-пике, учила: «О важном деле никогда никому не говори наперед, а то вся сила в слова уйдет!» Так что пока помолчу.

Под звуки Листа

В Москву сыщики вернулись за полночь. Кошко отправился домой, а Соколов, прихватив с собой Жеребцова, поехал на Остоженку, к Зачатьевскому монастырю. Жеребцов, утомившийся за день, привалившись головой на сиденье, громко похрапывал. Ночное небо было усыпано холодными льдинками звезд. Остановились у двухэтажного кирпичного дома в Нижнем Лесном переулке. На втором этаже в двух окнах желтовато светились окна. Арка была загорожена коваными воротами и изнутри закрыта на большой висячий замок.

Соколов чертыхнулся, с силой рванул заграждение. Во дворе затыкала собака. И тут же появился дворник — рослый мужик с громадной белой бородой. Вплотную подойдя к заграждению, бородатый вежливо поинтересовался:

— Вам, простите за извинение, кого надоть?

— Ирину Францевну Шварц! — сказал Соколов. — Отворяй!

— Как доложить, ваши степенства, прикажете? Может, карточки визитные передать изволите? Без доклада я не имею прав отворять...

Соколов просунул ручищу сквозь прутья ограды и рванул на себя бородатого:

— Отворяй, пока башку тебе, своднику, не оторвал! И не вздумай пикнуть!

Трясущимися от страха руками бородач открыл замок. Соколов спросил:

— Квартира мадам на втором этаже?

— Да-с, по этой лесенке. Там гости...

Поднялись по чистой, освещенной электричеством лестнице. Ступени были застелены ковровой дорожкой. За дверями раздавались звуки вальса Листа — кто-то прекрасно играл на рояле. Жеребцов подтолкнул вперед бородатого:

— Позвони, скажи: «Гости пришли, визитные карточки...»

...Едва дверь осторожно приоткрылась, Жеребцов вставил в щель ботинок и крепко нажал мощным плечом. Пред сыщиками предстала пожилая дама в бархатном платье цвета, который во времена Екатерины называли «цветом бедра испуганной нимфы», с глубоким вырезом, открывавшим старческие, но тщательно ухоженные плечи, и груди. Остатки волос были собраны в пучок и украшены бриллиантовой фероньеркой. Дама испуганно, часто дыша с немецким акцентом сказала:

— Что есть такой? Почему вы врываетесь в мой дом?

Соколов отвечал ей по-немецки:

— Мы — сыскная полиция. Вам придется отвечать как содержательнице притона. И не исключено, что вы оказались замешанной в убийстве. Полная откровенность — вот единственное, что поможет вам, мадам Шварц, избежать сурового климата Сибири. Кто у вас в гостиной?

Оказалось, что за роялем сидел пианист, чье имя гремело в столицах мира. Рядом с пианистом восседала довольно юная особа, супруга богатейшего купца. В спальне обнаружили еще пару: бывший министр и член Государственного совета принимал ласки супруги знаменитого писателя, «властителя дум передовой интеллигенции», как пышно и безвкусно именовали его журналисты.

Тут же был составлен, вопреки протестам и угрозам мужчин, протокол. Всех, кроме хозяйки, отпустили. Мадам Шварц была доставлена в сыскную полицию.

Развлечения

Следствие шло быстрым ходом. Оно дало потрясающие результаты. Выяснилось, что клиентками мадам Шварц были исключительно дамы высшего света, материально преуспевавшие, — жены известных государственных деятелей, первостатейных купцов, деятелей культуры. Всего следствию стали известны имена девятнадцати проституток. Впрочем, таковыми они себя дружно не считали, полагая, что такой термин применим лишь к несчастным существам, населяющим дома терпимости. Их общей точкой зрения было: «Это мы делали ради острых ощущений!» Однако прелестницы получали дорогие подарки, а порой брали наличными или, как выразилась жена писателя, «гонорары».

Легкомыслие этих особ дошло до того, что они согласились для альбома, служившего своеобразной «книгой заказов», сняться в обнаженном виде и в позах совершенно непристойных. (Этот альбом пользовался на суде повышенным интересом среди присяжных).

Пикантность ситуации заключалась в том, что любовники порой были знакомы с мужьями своих наложниц. Это обстоятельство «особенно щекотало нервы». За полтора года до наших событий случилась трагедия. Крупный министерский чиновник вдруг узнал, что с недавнего времени его горячо любимая супруга вошла в штат мадам Шварц. И хотя он сам считал для себя возможным посещать ее заведение, но позора не перенес и застрелился.

Мадам стала с особой осмотрительностью сводить пары. Но в таком сложном и ответственном деле, видать, всего не предусмотреть. Старый приятель фон Гутберга, товарищ (заместитель) Киевского губернатора, навещавший притон, нечаянно узнал, что супруга барона обслуживает клиентов. Киевлянин с бароном встретились на бегах. Узнав новость, барон рассвирепел. Не дождавшись окончания заездов, он понесся к себе в имение. Так случилось, что с Генриеттой он встретился в парке. После недолгих разбирательств барон руками задушил жену, а труп спрятал возле берега.

Из домашних его никто не видел. Он быстро вернулся в Москву и до зари пропьянствовал в ресторане. Теплилась надежда, что все сойдет. Но вмешался случай.

Признание

Кошко недоумевал:

— Как тебе, Аполлинарий Николаевич, удалось столь быстро выйти на притон мадам Шварц?

Соколов смилостивился, улыбнулся:

— Помнишь Савватаея из «Сандунов»? Увидав фото Генриетты, он мне сказал: «А ведь я пострадал из-за этой дамочки, она себя называла Геней. Она к нам в семейные номера ходила с разными мужчинами. Да и не только она. Девицами этими заведует немка Шварц. Она с нами расчеты делает, поскольку ее клиенты не нам, а ей платят — по уговору. Ейное заведение в Нижнем Лесном, я ей два раза забытые здесь вещи отвозил. «Ну а как же ты пострадал?» — «Так однажды у Гени, видать, какие-то нелады с клиентом вышли, так она меня — я как раз простыни собирал, когда ейный мужчина дверями хлопнул, — и позвала. Это нам запрещено, да я на ее тело позарился — ведь все перед глазами! Дошло каким-то манером до хозяина, он меня из «семейных» и вытурил».

... На суде фон Гутберга защищал знаменитый в те годы присяжный поверенный Н. П. Карабчевский. Газеты с восторгом и некоторым даже удивлением отнеслись к тому, что Карабчевский отказался от весьма высокого гонорара. «Это дело имеет столь важное общественное значение, что считаю не в праве связывать себя материальными условиями», — заявил он. В заключительной речи, выйдя на трибуну и обведя притихший зал внимательным взглядом, Карабчевский обратился к присяжным:

— Уважаемые господа! Вы, конечно, помните князя Валковского из бессмертного творения Достоевского «Униженные и оскорбленные». Помните и его рассказ о некоей красавице, которая всех приводила в трепет своей, как писал великий литератор, «недосыгаемой грозной добродетелью».

Голос адвоката звучал задушевно, почти по-домашнему. И по этой причине речь особенно сильно захватила присутствовавших, которые, кажется, и дышать прекратили, боясь нарушить тишину. Карабчевский не спеша отпил воды, взмахнул рукой и уже повернулся к залу:

— И вот когда Правда сбросила с ее ангелоподобного лица покрывало ханжества, то миру тотчас явилась столь омерзительная, гнусная в своем непотребстве сладострастница, что мир, казалось, должен был содрогнуться. И уж во всяком случае, само исчадие ада — маркиз де Сад — вполне мог брать у нее уроки грязного разврата.

Нынешнее дело не простое. Это не частный случай. Это не грошовая проституция, специализируемая так называемыми «бродячими существами» женского пола и вызываемая голодом, забитостью, безвыходностью, необразованностью. Подобные несчастные создания за миску похлебки продают свое издерганное, не знающее покоя и отдыха тело. Такая проституция гнездится у нас, к примеру, в трущобах Цветного бульвара или в каменных норах Сенной площади Петербурга.

Генриетту фон Гутберг в объятия порока толкнул ни голод, ни желание хоть таким безнравственным путем выжить. Она пришла в притон мадам Шварц — гнусное царство вавилонских блудниц, — ради невообразимых оргий, ради распутства, своим цинизмом вызывающих тошноту.

И вновь речь снизилась едва ли не до задушевного шепота, заставившего весь зал напрячь слух:

— Нет, господа, вовсе не преступник этот боевой генерал, не раз смотревший бестрепетно смерти в глаза, готовый отдать за царя и Отечество свою честную, безупречную жизнь. Барон фон Гутберг — это десница Божья, покаравшая зло. И не судить, а жалеть надо этого человека, и так уже много и незаслуженно перенесшего. Сейчас вы, господа присяжные заседатели, удалитесь в совещательную комнату. И пусть ваше решение будет полно здравого смысла, пусть восторжествует высшая справедливость.

Дамы в зале всхлипывали, мужчины аплодировали и присяжному поверенному, и подсудимому.

Суд оправдал барона, зато содержательницу притона Шварц отправил в тюрьму на два года.

ВСКРЫТИЕ

Душным июльским вечером, не спешившим смениться ночью прохладой, возле приземистого домишки прозекторской Яузской городской больницы прохаживался Соколов. В прозекторской, несмотря на поздний час, светились электричеством небольшие окошки. Сыщик то и дело нетерпеливо поглядывал на ворота, явно кого-то поджидая. Но вот на тихой Таганной улице, с каждым мгновением усиливаясь, послышался цокот копыт по булыжной мостовой, затем крик возчика. Сторож распахнул противно заскрипевшие ворота. Запряженная парой сильных лошадей, к прозекторской подкатила мрачная карета. В сопровождении Жеребцова и двух охранников из кареты неловко вылез мужчина. Его руки, несоразмерно длинные по отношению к короткому туловищу, были перехвачены наручниками.

Вся эта странная процессия ступила под своды мертвецкой. Тошнотворный запах формалина и разложения ударил в нос. На низких широких нарах лежало несколько обнаженных трупов. На их лицах навечно застыли мучительные гримасы, возле синих губ — скорбная мина. Открытые глаза бессмысленно уставились перед собой.

Процессия проследовала в препаровальную комнату. Здесь находились два стола, обитые листовым железом, со специальными стоками для крови. Тот стол, что был слева, оставался свободным. На другом лежал женский вскрытый труп. Возле него склонился высокого роста человек с окровавленным клеенчатым передником поверх белого халата. Марлевая повязка закрывала почти его лицо, он поднял глаза на вошедших, кивнул на того, что был в наручниках:

— Этого вскрывать? Раздевайте! Веревку привезли? Привязывайте крепче, будет дергаться.

Через три минуты дрожавший от ужаса мужчина был голым распластан на столе. Человек в переднике реберным ножом деловито обозначил линию вскрытия — от кадыка до лобка...

Гешефт

Старый больной еврей по фамилии Гофштейн в газетах и адресных книгах печатал объявления: *«По самым выгодным ценам покупаю бриллианты, жемчуга и цветные камни. Оплата без промедления».*

Ювелир принимал клиентов прямо у себя дома на Петровке, на втором этаже старого дома. Конечно, у Ф. Лорие или К. Фаберже дело было солидной. Их громадные магазины на Кузнецком в доме номер четыре блистали витринами и золотыми галунами швейцаров, но и большой Гофштейн имел на этом свете свой кусок хлеба. Что ж! В каждом доме свое счастье и каждый кушает свой цимес.

Гофштейн жил не совсем плохо, потому что платил в два, в три раза дешевле, чем стоила вещь, и потом он нес покупку к тому же Лорие или Маршаку на Софийку и получал свой гешефт. Старый Гофштейн не был дураком и порой точно знал, что покупает у какого-нибудь мазурика ворованную вещь. Тогда он платил десятую часть настоящей цены, а вещь переделывал так, что ее просто невозможно было узнать.

Тем не менее раза два-три у Гофштейна были неприятности с полицией. Однако большой ум выручал ювелира: он давал кому надо и сколько надо, и его, обозвав плохим словом, выбрасывали из полицейских дверей. Лучшего и быть не могло, но Гофштейн к старости стал очень всего бояться и по этой причине упускал иногда свою большую выгоду.

Так едва не произошло в тот июльский день, когда к нему пришел какой-то тип в кепи и длинном двубортном пиджаке с оторванной пуговицей.

Тип вежливо снял кепи:

— Это у вас покупают по выгодным ценам караты?

— Это у нас по самым выгодным ценам покупают! — тряхнул седыми пейсами Гофштейн. Ему очень нравились те объявления, которые он печатал, так как под «выгодой» каждый понимал свое.

Тип выволок из брючного кармана массивное бриллиантовое ожерелье, так что у Гофштейна зарябило в глазах от блеска и мелко задергалась какая-то жилка на правой щеке. Но у него все-таки было замечательное самообладание, и поэтому Гофштейн равнодушно произнес:

— Сколько?

— Хочу знать вашу выгодную цену! — хитро ответил тип. И начал врать: — Это от моего деда в наследство осталось. Если вам дорого, могу и к другому пойти.

— Вещичка неплохая, но смотрите, вот желтоватый цвет, вот уголек, да и подбор камней без иллюзии, а тут, кажется, пузырек, — в свою очередь понес галиматью Гофштейн и сразу же решил вещь не упустить. Подумал: «Не менее ста тысяч за нее сорву!», и сразу весь вспотел.

— Как, сударь, будет угодно, могу дать вам просто превосходно: пять тысяч наличными.

Тип протяжно свистнул:

— Фьють! За такие гроши — никогда.

— И сколько вы, интересно, желаете? — кисло протянул Гофштейн.

Тип задумался и решительно произнес:

— Шесть — и ни копейкой меньше.

Гофштейн заворчал:

— Всем хочется выпить мою кровь, но сердце мое доброе, каждому нужен праздник. — Он отмусолил ассигнации. — Тут ровно пять тысяч четыреста. Сегодня больше нет у меня. Приходите завтра после обеда, отдам остальные.

Тип злобно зыркнул глазами, забрал деньги, натянул кепарь на уши и, не прощаясь, ушел.

Явка с повинной

Всю ночь Гофштейн ворочался в постели, тяжело вздыхал,пил сердечные капли, и его голова лопалась от мыслей. Он уже очень раскаивался, что связался с типом и его бриллиантами. Вещь была настолько замечательной, что без крови и шума здесь не могло обойтись. Гофштейн рассуждал: «Этот прощелыга сейчас гуляет где-нибудь в трактире, сорит деньгами, болтает нетрезвые глупости. Конечно, его арестуют, он покажет на меня. И что тогда? Тогда прощай хорошая жизнь и здравствуйте тюремные нары. А что, если сейчас уже придут за мной? Ох, зачем я сделал такую большую глупость?»

С трудом дождавшись утра, он побежал в участок. Выложил перед опешившим дежурным ожерелье и все рассказал. Дежурный позвонил в городской сыск. Уже через полчаса бриллианты Кошко закрыл в свой сейф, а делом этим — явно нечистым! — поручил заниматься самому Соколову.

На квартире ювелира Гофштейна устроили засаду. На третий день загремел звонок и на пороге появился тип с уголовной мордой, в дорогом костюме явно с чужого плеча и кепкой на ушах.

Вошедшего без дальних разговоров схватили, нацепили наручники и отправили в Большой Гнездиновский — в сыскную полицию. Арестованный оказался калачом тертым. Себя называть отказался, но провинциальный акцент гово-

рил о том, что в Москве этот тип — гость. Про ожерелье твердил одно и то же:

— Нашел в Эрмитажном саду, на дорожке лежало...

Соколов приказал Жеребцову:

— Чем терять время на этого типа из альбома Чезаре Ломброзо, проще толкнуться с другого входа: если ожерелье украдено или — что сомнительно! — потеряно, то владелица наверняка подала в полицию заявление. Так что, Николай, проверь и доложи!

Уже на другой день исполнительный Жеребцов стоял перед начальником:

— Аполлинарий Николаевич, обзвонил все участки — такого заявления не поступало. Разговаривал с петербургским начальником сыска Филипповым — тоже нет.

— Тогда иди к Филлеру — это контора на Мясницкой, 32, она дает объявления во все газеты и журналы. Составь текст: «Найдено ценное ожерелье с двумя черными бриллиантами, тремя изумрудами...» Пусть к нам обратится пострадавший.

Едва Жеребцов удалился, как в кабинет вошел Кошко:

— Помнишь, Аполлинарий Николаевич, в Художественном театре играл Леонид Давгаров?

— Как же, в частности, был дублером Станиславского в «Чайке» — Тригорина исполнял. Талант! Да только потом куда-то делся...

— Спился! Начал подвизаться на подмостках всяких балаганов. А теперь вот нашли его труп недалеко от села Алексеевского. Доктор Павловский определил, что его убили с неделю назад. Знаешь чем? Смотри, — и Кошко положил на стол орудие убийства.

— Большой реберный нож, чем в анатомичках трупы вскрывают! — удивился Соколов. — Только конец клинка острием заточен. Убийца — медик!

— Не исключаю! Во всяком случае, нож с профессиональной точностью убийца всадил под левую лопатку — в сердце. Отпечатки пальцев, к сожалению, не обнаружили.

Свидетель

На другой день в нескольких газетах появилось объявление: «Найдено ожерелье...» И уже вскоре в здании сыска раздавался рокочущий баритон знаменитого трагика Митрофанова. Актер поведал следующее.

Жил он в собственном доме на 1-й Мещанской. После смерти супруги остался вдвоем с трехлетней дочерью Машей. Восемь дней назад нянька, как обычно, гуляла с Машей по саду. На минуту-другую нянька отлучилась. Когда вернулась, ребенка нигде не было. Зато лежало подметное письмо: «Господину Митрофанову». Вполне каллиграфическим почерком извещалось, что за дочерью можно прибыть завтра ранним утром на условленное место — недалеко от села Алексеевского, что за Крестовской заставой. Иметь при себе бриллианты, оставшиеся от покойной супруги, — в обмен на дочь. Красными чернилами было начертано: «Если о нашей сделке узнает полиция, то мы ребенка умертвим».

Митрофанов печально вздохнул:

— Что оставалось делать? Я решил пожертвовать фамильными драгоценностями и выкупить Машу. В шесть утра я был на указанном месте — это недалеко от Ярославского шоссе, там повалена громадная ель. Едва я пришел, как словно из-под земли вырос долговязый человек в маске. Он отрывисто произнес: «Вы бриллианты полностью принесли?»

«Вот все, что есть...»

Голос хотя был сирым от пьянства, но — невероятно — мне показался знакомым. Человек почти выдернул у меня из рук сверток и кивнул на кусты орешника, что были в саженях пятнадцати: «Там!» После этого он свистнул в два пальца. Из кустов вышел какой-то мужчина. Похитители направились в глубь леса, к Сокольникам. Я же бросился в кусты и увидел там спящую Машу, мою Машу! — На глазах актера блеснула слеза. — Дочь была здорова и невредима. На бриллианты я махнул рукой, хотя кроме этого ожерелья отдал кольца, три золотых браслета, серьги...

Соколов внимательно посмотрел на актера:

— А вам не показалось, что человек в маске — Давгаров?

— Леня? — Актер так и подскочил. — Ах, теперь я наконец понял — это был именно он, его фигура, жесты, куляция, голос... Какой негодяй! Да, он знал про бриллианты моей супруги: в них она бывала в театре.

— Судьба наказала его: Давгаров убит в ста саженях от того места, где вы с ним встретились. Скажите, а вы смогли бы опознать того, второго мужчину?

Митрофанов задумчиво покачал головой:

— Нет, я видел его лишь издали, а главное — был так взволнован!

Скелет

— Теперь осталось припереть к стене убийцу: он должен признаться в преступлении и отдать остальные бриллианты! — произнес Кошко, когда актер ушел. — Давай, Аполлинарий Николаевич, допросим вместе.

Арестованный тупо смотрел в пол и на вопросы ничего не отвечал.

Кошко вновь пытался воздействовать на логику:

— Ты зря молчишь — хуже будет! Повторяю: нам известна вся картина преступления. Когда получили бриллианты, ты решил ими завладеть один. Реберный нож — это для вскрытия трупов — всадил под лопатку шедшего впереди Давгарова. Вот этот нож, на нем отпечатки твоих пальцев. Покайся в содеянном, тогда и суд к тебе отнесется со снисхождением.

В ответ — молчание. И так — битых два часа.

Наконец. Кошко рассвирепел, вскочил, с сердцем произнес:

— Делай, Аполлинарий Николаевич, с этим животным что хочешь! — и вышел из кабинета.

Соколов спокойно собрал со стола бумаги, умиротворенно произнес:

— Молчишь? Ну и молодец. Я тебя допрашивать не буду. Я тебя сегодня же употреблю на пользу науки. Ты, молчун, скелеты видел? Вот из тебя сегодня сделают скелет и отдадут студентам. Сначала выпотрошат содержимое, а потом положат в специальный чан и будут вываривать, пока кости — до самых мельчайших! — не освободятся от мяса. А твой скелет замечательный: у тебя руки особое развитие имеют — ниже колен болтаются. Ты — чудо природы! И сам анатомическим ножом ловко действуешь — вон как Давгарова разделал.

Арестант впервые за все время проявил признаки внимания и в доказательство того, что слушает, чуть пошевелил ушами. Вдруг сильным голосом произнес:

— Закону такого нет — скелеты из живого делать!

Соколов лениво отозвался:

— Ты давно плюнул на все законы — Божеские и человеческие. Живешь все равно без паспорта, без прописки, без имени. Так что твоей персоной никто не поинтересуется. А скелет станет для науки полезным и знаменитым. И табличку повесят: «Известный вор и убийца». Все, сегодня встретимся в прозекторской. Эй, Николай Иванович! Рас-

порядись, чтобы в анатомичке Яузской больницы приготовили необходимое для вскрытия.

Жеребцов, давно привыкший ко всяким штучкам обожаемого начальника, на сей раз удивленно поднял брови:

— А кого вскрывать?

— Вот этого!

— Так он еще живой!

— Какая разница? Живой — мертвый.

Жеребцов хмыкнул и отправился выполнять приказ.

Признание

Главный врач Яузской больницы статский советник Березкин долго не мог уразуметь того, что говорил ему Жеребцов. Поняв же, долго и заразительно хохотал. Сделал необходимые распоряжения и крепко пожал Жеребцову руку:

— Если этот человек от страха умрет на препаровальном столе, то это все равно пойдет на пользу людям!

...И вот убийца и грабитель лежал на столе, а вокруг с реберным ножом — тем самым, которым было совершено преступление — прохаживался человек в окровавленном переднике. Прочертив линию от кадыка до лобка, он поднял руку, чтобы сделать первый надрез, и вдруг страшным голосом гаркнул на окружающих:

— А ну, назад! Сейчас кровь струей брызнет, всех зальет.

Преступник мелко задрожал, выпучивая белки с красными прожилками, в немом ужасе широко открывая щербатый рот и издавая что-то вроде шипения. Человек в переднике ножом нажал на подбородок:

— Голову не опускай! Извиняй, придется с полчаса потерпеть. Зато внутренности свои посмотришь — не каждый день такое удастся. Ну, прощевай, на том свете, может, свидимся...

Дикий вопль наконец прорезал ночную тишину — это у вскрываемого появился голос. Он, ерзая спиной по металлической обивке стола, орал:

— Не надо, как на духу... все скажу! Родился в Чердыне, а ушел из пермской тюрьмы, содержался за убийство! А этот самый Давгаров... сам меня подговорил... Ножик медицинский? Давно уж у меня. Спер у врача сак, а он там...

Колбасу я им резал. Бриллианты? Каморку мне на время предоставил инженер Шухов, дом номер сорок семь на Смоленском бульваре. Там в подвале под половицу и засунул, чтоб мне провалиться!

«Патологоанатом» сдернул маску с лица — это был, конечно, Митрофанов. Соколов с чувством пожал ему руку:

— Свою роль вы исполнили с блеском! — и повернулся к Жеребцову: — Николай, отвяжи этого.

Жеребцов, исполняя приказ, ворчал на убийцу:

— Что ж ты, паразит, всю мебель медицинскую обделал? А еще из себя героя корчил. Мой тряпкой стол.

Э п и л о г

Суд отправил беглого убийцу на Сахалин — на двадцать лет.

Вся эта история сделала счастливым лишь одного человека — старого Гофштейна. О нем написали газеты, а из полицейской кассы ювелир получил в награду двести рублей — премия за помощь в поимке преступника.

Гофштейн чуть ли не каждому показывал газеты, при этом не упуская случая сказать:

— Эти двести рублей помогут моей бедной старости, как мертвому кадило. — И обязательно добавлял: — А все-таки приятно.

В его голосе звучали нотки довольства собой.

ШОК

Страшное преступление было совершено невиданным до того способом. Преступник полагал, что разоблачить его будет невозможно, что это выше сил человеческих. Но против ада зла восстал гений великого сыщика.

В глухом ущелье

Три недели свадебного путешествия промелькнули сладостным мгновением. Аполлинарий Соколов со своей очаровательной супругой побывал в Париже. Молодые бродили по большим бульварам, поражались величию Пантеона, любовались мельницей Монмартра, отыскивали книжные редкости у букинистов на набережной, входили в заманчиво сверкающие двери фешенебельного ресторана «Максим».

Супруги сорили деньгами, вращаясь в вихре развлечений и удовольствий. Казалось, что, очутившись в столице мира, Соколов забыл обо всем на свете и пребывает в состоянии постоянного праздника.

— А не съездить ли по давней привычке на юг, на берег Лазурного моря? — спросил однажды Соколов, и они отправились вначале в захолустные Канны, затем перебрались в более цивилизованную, наполненную русскими туристами Ниццу.

Сухо шуршали листья пальм, пряно пахло диковинными цветами, и прибой, оставляя темную полосу на желтом песке, накатывался на берег. Однажды отправились на прогулку в гористую местность, поросшую высоченными соснами и вековыми дубами. День был ясным, желтый свет спокойно ложился на землю, покрытую густым ковром хвои.

Соколов, увлекая за собой Мари, поднимался по узкой каменистой тропинке все выше в горы. Уже давно переста-

ли попадаться группы туристов, которых здесь испокон веку великое множество.

— Посмотрите, Аполлон Николаевич, да не сюда, левее, прямо против скалы — какой-то дом. Зайдем? — с любопытством сказала Мари.

Соколов охотно согласился:

— С удовольствием! Может, перекусим там, если хозяйева окажутся гостеприимными.

Они пошли вверх по тропинке, винтом взбиравшейся к вершине горы.

Мрачное открытие

Каково же было удивление путников, когда они увидели сильно обветшавший пустующий дом. Над входом, колеблемая ветром, на одном гвозде болталась облезлая вывеска:

*Постоялый двор
«Свидание друзей».*

Путники, пораженные неожиданным зрелищем, замерли.

Соколов потянул за руку Мари:

— Очень любопытно! Заглянем вовнутрь! Во всем этом чувствуется какая-то тайна.

Двери и окна дома были распахнуты, едва путники ступили на скрипучие доски порога, как стая летучих мышей с отвратительным писком вылетела из помещения. Поломанный стол, битые черепки посуды, паутина по углам — полное запустение. У покосившейся каменной печи валялась ржавая лопата со сломанным черепком.

Соколов, вдруг что-то вспомнив, негромко произнес:

— Господи, да это ведь тот самый печально знаменитый постоялый двор, где орудовали супруги-убийцы Роже. Лет десять назад об их «подвигах» писали все судебные хроникеры мира.

Мари с ужасом посмотрела на мужа:

— Вы говорите это серьезно?

Соколов невозмутимо продолжал:

— Вполне серьезно! К примеру, место этой лопаты в каком-нибудь криминалистическом музее. Именно ею, тут, в подвале, Роже закопали более десяти трупов.

Мари потянула мужа за руку:

— Ах, пойдите скорее отсюда! Здесь так мрачно, словно обитают души несчастных жертв.

Они вновь оказались на тропинке, которая, судя по всему, в давние времена была проезжей дорогой. После мрачного постоянного двора, под солнечным вечереющим небом дышалось особенно хорошо.

— Так что же это было? — спросила Мари.

Соколов, покусывая травинку, неспешно рассказывал:

— Туристов в этих краях, как ты, Мари, знаешь, всегда было много. Некоторые, неприхотливые к удобствам и не располагавшие большими средствами, останавливались порой на постоялом дворе «Свидание друзей». Но время бежало, и постоялый двор становился менее обитаем. Туристы стали предпочитать другие гостиницы и отели, где было менее экзотично, но более комфортабельно.

Страшная ночь

К этому времени сменился прежний владелец «Свидания друзей». Новый — бывший мясник из Нанта, решил несколько оживить свой доход. Он стал убивать богатых туристов, случайно забредших к нему. Жена стала его добротной помощницей. Местная полиция сбилась с ног, но на след преступников напасть не могла. Наконец, пропал крупный негодяй из Марселя — родственник кого-то из правительства. Тогда-то и был из Парижа командирован сюда один из лучших французских сыщиков Бернар, всегда предпочитавший работать в одиночку.

— И он разоблачил супругов-убийц? — нетерпеливо спросила Мари.

— Сейчас узнаешь, моя любопытная прелестница! — улыбнулся Соколов. — Целыми днями Бернар опрашивал местных крестьян, бродил по окрестностям, тщательно обыскивая местность, пытаясь отыскать хоть какие-то следы пропавших. Однажды Бернар забрел на эту гору. Он провел напряженный день, страшно утомился, хотел есть и спать. К собственной радости, наткнулся на постоялый двор «Свидание друзей». Его встретили хозяева — гориллообразный молодец Роже и его супруга, чернявая вертялая особа лет тридцати пяти, крайне невзрачная и неряшливая.

— Вина дадите? — спросил Бернар.

— Почему только вина? — ответил Роже. — Накормим ужином и постель предложим. У нас тихо, спокойно, так что забудетесь крепким сном.

Бернар согласился. Его действительно сытно накормили. Вечер сгустил сумерки. Роже провел гостя наверх, в небольшую угловую комнату. Это было что-то вроде чулана, где стояла разного рода хозяйственная утварь и разные тряпки, припасы: два венских стула, колченогий стол, ржавое ведро, кули из-под муки, что-то вроде армяка синего сукна, плюсовый картуз, поярковая кучерская шляпа, прочая дрянь.

— Скажите скорее, миленький Аполлинарий Николаевич, что-то случилось с этим Бернаром? — волновалась Мари.

Соколов погладил ее руку:

— Какая ты, милая, чувствительная, однако! Сейчас узнаешь. Всякая профессия вырабатывает какие-то особенные свойства характера. Все мы, сыщики, занимающиеся вечной погоней за преступниками, с годами заражаемся особого рода недоверчивостью к обстоятельствам, острой наблюдательностью и осторожностью. Вот и Бернар, когда хозяйка застелила ему постель на каком-то узком ларе, пожелала «спокойной ночи» и ушла, внимательней, чем прежде, оглядел комнатушку. К удивлению своему, в углу он увидел вторую едва приметную дверцу, на которой висел рваный халат. Дверца открывалась вовнутрь. Бернар — на всякий случай! — пододвинул к дверям стол, а на него поставил ведро. И лишь после этого, задвинув на внутреннюю задвижку и другую дверь; улегся спать.

— Стало быть, следовательно боялся, что ночью могут к нему тайком войти? — спросила Мари. — Но разве такое возможно?

— Ах, милая женушка, ты чиста, как ангел, и не понимаешь, что на свете много злых и корыстных людей. Бернар поступил разумно. Ибо среди ночи раздался страшный грохот. Это под напором двери упал стол и загремело ведро. Бернар выхватил из-под подушки револьвер, вскочил на ноги, заорав: «Кто тут? Застрелю!» Но кругом царили тишина и ночной мрак. Бернар зажег свечу, выглянул в открытую дверцу: вниз вела крутая лесенка и не обнаружилось ничье присутствие.

— И что же это было? — у Мари от волнения чуть подрагивала нижняя губка.

— Этот же вопрос ранним утром Бернар задал хозяевам. Они непонимающе взглянули на него: «Знать не можем, месье! Это, должно быть, наш кот, вон в углу сидит. Он, здоровяк, по ночам по дому шастает!» Бернар, не распутовав дела, отправился в Париж — по железной дороге.

Вещий сон

Ночной поезд и выматывающие тревожнения последних дней располагали к крепкому сну. Но сон был тяжелым, кошмарным. Бернару казалось, что он вновь оказался в верхней комнатухе постоялого двора «Свидание друзей» и какой-то мужчина, молодой, с длинными черными усами спит на ларе. Бернар тут же вспомнил, что видел это лицо на фотографиях, переданных в полицию для опознания — это пропавший негодник. Внезапно распахнулась скрытая дверца в темном углу, та самая, которую загоразивал Бернар. Осторожно ступая босыми ногами, вошел гориллообразный хозяин. В его руке блеснул длинный, остро отточенный нож. Сзади, оскаливая словно волчью пасть, по крысиному тихо двигалась хозяйка, держа в руках неяркий фонарь. Хозяин приблизился к спящему, поднял для удара нож. Вдруг спящий пробудился и резво вскочил на своем ложе. На его груди желтовато блеснула мадонна на толстой золотой цепочке. Хозяин хотел левой рукой толкнуть спящего, но невольно задел цепочку, отчего та разорвалась. И он успел с жуткой силой всадить нож в грудь негодника. Тот дико вытарашил глаза, захрипел, вспыхнул пламенем и под звуки мяукающего воя провалился куда-то вниз, под пол.

— Какой ужас! — Мари даже перекрестилась. — И этот сон что-то означал?

Соколов вполне серьезно продолжал:

— Бернар, как он мне рассказывал, проснулся весь в мокром поту, в висках стучала кровь. Кругом царила ночь, и поезд с каждым мгновением приближался к Парижу.

— Так что же случилось дальше?

— Бернар вернулся на службу — ни с чем. Имя негодника было помещено в печальный список без вести пропавших, а дело закрыто.

Пропавший маэстро

Прошло несколько месяцев и Бернар в одной из газет прочитал: *«Знаменитый художник Паоло Рэне на прошлой неделе отправился с друзьями на юг Франции, в Приморские Альпы. Здесь он был намерен сделать несколько набросков с натуры. На другое утро по прибытии Рэне отправился к одному из ущелий, привлеченный его первобытной дикостью, чтобы писать его. Но далее случилось*

нечто непонятное. Художник не вернулся ни к обеду, ни к ужину. Бросились искать его, сообщили в полицию. Какой-то пейзажник, погонщик мулов, показал, что видел человека в холщовом картузе недалеко от постоянного двора «Свидание друзей». Именно такой картуз носил Рэне. Хозяин, опрошенный следователем, заявил, что художник действительно приходил к нему перед обедом, заказал вино, выпил, расплатился и ушел в сторону ущелья. Знаменитого художника больше не видели — ни живого, ни мертвого. Общественность требует от полиции распутать этот таинственный клубок».

— И Бернар вспомнил свой сон? — Мари еще плотней прижалась к Соколову.

— Да, Бернар взял с собой нескольких бравых сыщиков, отправился на вокзал, и с ближайшим поездом они отправились на юг Франции. Уже ранним утром они прибыли на место, разбудили следователя, который вел дело об исчезновении Рэне и Бернар задал вопрос: «Вы допрашивали хозяев постоянного двора «Свидание друзей»? — «Разумеется, но эти люди невиновны, как агнецы. Более того: они, зная, что у меня нет ордера на обыск, по своей охоте провели меня по всему дому, чтобы я убедился в их невинности». — «Прекрасно! Но сделайте это для меня, оформите у прокурора ордер на обыск. И будьте уверены, что эти херувимы враз превратятся в исчадие ада».

— Бернар так поверил своему сну!

— Да, Мари, и он не пожалел об этом. Представь себе картину: сыщики врываются в постоянный двор. Бернар машет револьвером и кричит в лицо хозяев:

«Руки вверх, убийцы! Куда трупы спрятали?»

Хозяева поначалу опешили, но постепенно начали приходить в себя, заявляют:

«Господа полицейские, это с вашей стороны ошибка и попрание нашего французского достоинства. Мы вынуждены будем жаловаться».

Тогда Бернар хитрым взглядом зыркнул на хозяина и строго говорит:

«Зачем же ты, душегубец, золотую цепочку с мадонной на свою волосатую шею нацепил, коли она тебе, прохвосту, не принадлежит?»

Хозяин задрожал, но отвечает:

«Ваша, месье, неправда: это еще мой покойный папаша мне завещал».

Бернар как рявкнет:

«Не лги, сукин сын! В полицейском участке дожидаются разъяренные родственники негоцианта и художника, сейчас мадонна будет опознана, а тебя они разорвут на части. Снимай цепь! Ну вот, конечно, повреждение. А дело было так: когда негоциант уснул ты со своей женой потихоньку вошел в верхнюю комнату. В руках у тебя был длинный нож с узким клинком, а жена шла за тобой с маленьким фонарем. Негоциант приподнялся на ларе, ты дернул за цепочку и порвал ее. Кто спаял рваное звено?»

Хозяин постоялого двора криво усмехнулся:

«В Ниццу ездил! Но откуда вы все знаете?»

«Куда трупы дел?»

«Негоцианта мы пытались сжечь в дальнем углу двора, но оказалось, что тело очень плохо горит, только дыма много и жареным мясом на всю округу воняет. Мы костер по этой причине затушили, а полуобжаренный труп зарыли в подвале нашего дома. Туда же закопали и этого, в холщевой кепке. Но, умоляю, скажите, откуда вы узнали всю картину... события? Словно, господин полицейский, сами присутствовали при делах этих?»

Бернар буркнул: «Во сне увидал!»

Убийца ему не поверил. Он отправился в подвал — показывать, где трупы жертв лежат.

Мари тяжело вздохнула, словно освобождаясь от оцепенения:

— Чем же вся эта жуткая история закончилась?

Соколов просто ответил, словно речь шла о самом обыденном:

— Справедливым возмездием: убийцу положили на машину доктора Гильотена.

Через часа полтора супруги Соколовы вернулись в свою гостиницу.

Экспресс

На другое утро, прогуливаясь по Приморскому бульвару Ниццы, Соколов вдруг ласково заглянул в глаза супруги:

— Мари, ты удивишься, но я страшно соскучился по дому, по кривым московским улочкам, по борщу из трактира Егорова, по забавному Буне с его непристойным попугаем...

— И, конечно, по Коле Жеребцову, по Сандуновским баням и по разбойникам, которых надо ловить! — весело, по-девичьи непринужденно расхохоталась Мари.

Соколов, преодолев некоторую нерешительность, для него несвойственную, вдруг признался:

— У меня, Мари — ты только не удивляйся! — ощущение, что московским сыщикам предстоит решать какую-то небывалую задачу. И я должен быть там!

— Что, фантазии, Аполлинарий Николаевич? Вещий сон Бернара?

— Скорее, это предчувствие. И я ему верю.

— В любом случае, сегодня же на вокзал! Мне тоже скучно здесь...

...В тот же вечер экспресс понес Соколовых к белокаменной.

Дела будничные

На другое утро Соколов спозаранку прибыл в сыскную полицию. Дворник Абросим, подметавший тротуар, радостно улыбнулся, оставив метлу и сдернув с лысой головы картуз, улыбнулся беззубым ртом:

— Здравия желаю, ваше превосходительство!

Дежурный, сидя в приемной и не слыхав приближения Соколова, чьи шаги скрыл толстый ковер, до глянцевого блеска натирал бархоткой сапоги. Увидав Соколова, вскочил, вытянулся во фронт и широко улыбнулся:

— Со счастливым прибытием, Аполлинарий Николаевич! Прикажете чай поставить? Самовар как раз шумит...

— Не надо! Дай сводки происшествий.

Соколов бегло просматривал сводки за две минувших недели. Ничего интересного он не обнаруживал:

«24 августа в три часа пополудни в универсальном магазине на Петровке «Мюр и Мерелиз» в отделении «Золота и серебра» посетитель попросил показать ему золотой перстень с двумя бриллиантами и одним изумрудом, всего стоимостью 217 рублей. Получив оный, посетитель бросился бежать и попытался смешаться с толпою, но возле выходных дверей на Петровку, как раз напротив отделения «Галантерея», был схвачен посетителями и передан в руки полиции. Похитителем оказался прибывший из Ревеля мещанин, 18-летний Илья Захаров Зак».

И далее:

«25 августа у квартировавшей на Шуйском подворье вдовы майора Мессаревой была украдена шкатулка с

деньгами 1767 рублей и ломбардным билетом в 492 рубля 12 копеек серебром. Сотрудник Городского сыска Жеребцов, сообразив обстоятельства дела, открыл, что подозрение падает на приходившего к госпоже Мессаревой родственника ее купеческого сына Алексея Иванова Зуева. Благодаря принятым Жеребцовым мерам, та шкатулка с означенными деньгами и билетом была найдена у воспитанника Воспитательного дома Дмитриева, которому передал ее, шкатулку, Зуев. Последний был доведен убеждениями Жеребцова до полного признания в краже. Более того, под этим воздействием указанный Зуев признался в том, что в прошлом году на второй день Рождества похитил из Храма Татианы Мученицы при университете, что на углу Никитской и Моховой, большой образ Николая Чудотворца из киота в массивном серебряном окладе и продал неизвестному господину купеческого вида в Охотном Ряду..»

Переложив это донесение, Соколов усмехнулся, представив сцену допроса: полный доброжелательства, сочетавшейся с мужицкой хитростью, Николай Жеребцов и испорченный мальчишка Зуев, успевший, наверняка, за свой короткий век много нашкодить. «Коли тащит у своих, — подумал Соколов, — стало быть, последний подлец из такого вырастет! Что еще у них тут без меня случилось?»

На фирменном бланке торопливым почерком было начертано:

«По секретному дознанию начальника летучего отряда филеров Гусакова-старшего, открыто, что в Костянском переулке Сретенской части во владении купчихи Нинель Куравлевой скрывалось двое беглых солдат, один из которых — Липкин, составляет фальшивые паспорта. Гусаков-старший распорядился послать под видом беглого заключенного Бутырского замка Гусакова-младшего, который и познакомился с составителем фальшивых видов Яковым Липкиным, беглым рядовым Тенгинского полка. Последний предложил изготовить ему вид за 10 рублей ассигнациями. Получив деньги, Липкин велел дожидаться его в ближайшем трактире Алексашина, а сам отправился на колокольню Высоко-Петровского монастыря, где и составил вид. После сего с означенным фальшивым видом возвратился в трактир, где полицейскими чинами при добросовестных свидетелях и был взят. При Липкине оказались данные ему деньги и еще другой фальшивый вид. По указанию

сакова-старшего, на указанной колокольне был произведен обыск и обнаружены там чернильницы, печать резиновая, печать для сургуча, пять перьев и семь листов почтовой бумаги обычного вида и формата. Липкин во всем повинился тут же и в знак полного раскаяния в содеянном назвал еще пять человек, коим он. Липкин, изготавил за деньги или водку фальшивые виды».

Полистав остальные сводки. Соколов не нашел в них ничего любопытного: мошенничество на Сухаревском рынке, пять карманных краж, самоубийство, выдворение из города за беспаспортное жительство, торговля в неустановленном для того месте, пожар, наезд пьяного лихача на инженера Вячеслава Познякова, дебош в «Праге» какого-то поэта-футуриста Крученых...

Соколов устало потянулся:

«Нет ничего интересного? Зачем я вернулся без нужды и времени? Вот тебе и предчувствие! Нет, на сей раз оно меня обмануло...»

Вдовец

Вдруг дверь со стуком распахнулась и прямо в объятия Соколова влетел геркулес со смуглым, точно вечно загорелым лицом, залихватски закрученными усищами, весь дышащий мужеством и большой физической и нравственной силой — Коля Жеребцов.

— Наконец-то, — счастливо проговорил он, и, кажется, на глазу геркулеса сверкнула слезинка радости. — Господи, будто сто лет не виделись, миленький Аполлинарий Николаевич!

Стараясь скрыть волнение. Соколов нарочито ворчливым тоном произнес:

— Ну что, знаменитый разоблачитель юного воришки Зуева, как тут дела у вас двигаются? Я проглядел сводки, обычная мелочевка...

Жеребцов быстро возразил:

— А вот и нет! — Поколебавшись, проговорил менее решительно, — быть может, и не напрасно. Позавчера в седьмом часу вечера я как раз прибыл в сыск, а тут как тут квартальный Мясницкой части вваливается. Докладывает: «В доме Севрюговых наследников, это строение четыре по Большому Козловскому переулку, обнаружен утопленный труп молодой особы. Бйная фамилия Анна

Шитикова, 25 годов от роду, женатая на мещанине Григории, который возле дверей входа дожидаются».

— Коля, ты короче умеешь докладывать?

— Так я вам, Аполлинарий Николаевич, не докладываю, а рассказываю. А это громадная разница. А если короче, то со слов этого Григория Шитикова произошло следующее. В мае сего года он женился на богатой купчихе-сироте двадцатипятилетней Анне Волоцкой. Девушка красивая, развитая — даже трудно понять, что она нашла интересного в Григории Шитикове, человеке во всех отношениях заурядном, да к тому же и бедном. Возможно, ей хотелось поскорее ввернуть свой капитал в надежные хозяйские руки. Во всяком случае, в мае они обвенчались. Анна наняла для ремонта своего дома на Большой Полянке рабочих, там закипели строительные дела. А на это время сняли небольшую, но удобную квартиру в Большом Козловском.

— Молодые мирно жили?

— По отзывам соседей, никаких скандалов у них не происходило. Только замечено было, что Шитиков патологически жадный человек. Он экономил на всем — на извозчике, на еде, ходил в каких-то обносках. Бывший каптенармус, делами он коммерческими не занимался, нигде не служил, а существовал на капитал супруги. А тут — жена забеременела. Шитиков, как утверждает их дворник Артем, соседка-художница Серебрякова требовал: «Надо делать аборт!» Даже на людях не стеснялся говорить.

— В купечестве такую гнусность категорически отвергают! — заметил Соколов.

— Анна так и считала, а плод изгонять отказалась. И вот, Аполлинарий Николаевич, главное: в прошлый понедельник Шитиков вместе с супругой посетил две конторы. Первая — страховое общество «Заботливость», на Лубянке в доме номер один. Жизнь свою Анна застраховала на максимальную сумму — двести тысяч рублей. Оттуда они отправились в нотариальную контору Либермана на Сретенке, где Анна составила завещание. Я побывал у Либермана, снял копию. Вот она: «Все мое имущество как недвижимое, так и движимое, в чем бы таковое ни заключалось и где бы таковое ни находилось, я завещаю в собственность мужу моему мещанину Шитикову Григорию Исаевичу...»

— А как, Николай, ты докопался до этого документа?

— Все очень просто! Чтобы составить формальные документы, нужны свидетели — два человека. Анна Шитикова пригласила художницу Серебрякову и гостящую у нее

тетку. Они мне и рассказали все: и про страховку, и про завещание.

— Ловко!

— А как же! — самодовольно улыбнулся Жеребцов. — Ведь я ваш ученик, Аполлинарий Николаевич. Впрочем, тут и ловкости никакой не потребовалось. Но в чем подозрение — так именно в этих двух документах. Только составили их, а уже ровно через неделю завещательница утопла. Где? Смешно сказать — в ванне. Зато вдовцу остается в утешение почти полмиллиона! Дело нешуточное. Завтра похороны.

— Вы уже дали разрешение на них?

— Дадим! — Жеребцов повернулся к окну и весело добавил: — А вот как раз и наш богач идет — за этим разрешением!

— Пригласи его сюда, в мой кабинет. Познакомимся с ним поближе.

Удивительная предусмотрительность

В сопровождении Жеребцова в кабинет Соколова вошел среднего роста, крепкий в плечах человек, с бычьей шеей, с черной шевелюрой на крупном цыганистом лице. По-военному вытянулся:

— Здравия желаю, господин полицейский! Позвольте получить разрешение на кладбище по случаю похорон моей супруги Анны Шитиковой.

Соколов вперил в него стальной взгляд серых глаз:

— Что случилось с покойной?

— Причина смерти? — Шитиков судорожно сглотнул. — Самый что ни есть я теперь на свете несчастный человек. Прикажите доложить по порядку? Анна, супружница моя любимая, изволила лежать на кушетке и читать книгу покойного писателя Чехова. Прекрасные, замечу, рассказы. Вы не изволили читать? Настоятельно рекомендую-с.

Соколов слегка подбодрил Шитикова:

— Не от рассказов же погибла ваша супруга!

— Никак нет, по другой, совершенно неожиданной причине. Стало быть моя Аннушка лежит на кушетке и вдруг говорит: «Гришаня, послал бы, что ль, дворника Артема к хохлу, что у Красных ворот торгует, арбузик астраханский кушать желаю!» А надо вам, господин полицейский заметить, что промеж нами, то есть мною и

Аннушкой, любовь самая чувствительная. По этой нежной причине я отвечаю: «Разве Артем сумеет арбузу выбрать! В арбузах, как в женщинах — надо уметь с понятием разбираться!» Это я так пошутил, значит. И я пошел к Красным воротам, это как перейдешь трамвайную линию, значит, хохол Никифор торг имеет. А мы квартиру сымаем рядышком — в Большом Козловском, строение четыре, это владение Севрюговых наследников. Окна спальни как раз в сад епархиального Филаретовского училища выходят.

Жеребцов, выставив длинную ногу в громадного размера штиблете, нетерпеливо ей дрыгал. Соколов же был более терпелив. Он старался никогда не перебивать вопросом рассказ допрашиваемого. Для него стало ясно: Шитиков не шибко искретен, отсюда неуместное многословие.

Тот, попросив разрешения закурить, жадно втянул дым папиросы, и продолжил:

— Ходьбы, если вам, господин начальник, тот околоток знаком, всего ничего. Пять минут туда — пять минут взад. Вышел я на крыльцо, а там возле дверей входа одноглазый черт (это в шутку я его так называю) — дворник Артем пыль метлой гоняет. Я ему, между прочим, говорю: «Супруга моя на кушетке отдыхает с книгой писателя Чехова, а я вот за арбузом бегу!» И тут же ходу — желание Аннушки выполнять. Я на ногу спорый. Минут десять всего отсутствовал — спешил любимой жене удовольствие доставить. Купил арбуз в пуд — восемь гривен не пожалел. Еле доволок. Вертаюсь домой, а возле крыльца Серебрякова — это художница из третьей квартиры. «Милости просим, говорю, отведать! Приглашаю к нам в гости!» Подходим к дверям, а из-под их — вода потопом. Поставил я арбуз на лестницу и стал в дверь долбить. И художница кулачком старается, помогает. Стучали, стучали — молчок! Крикнул я дворника Артема, тот ломиком дверь — раз! — а там в ванне в натуральном виде в воде с головой Аннушка, а ейные ножки наружу пятками сияют.

— Супруга уже мертвая? — спросил Соколов.

— Так точно, ваше превосходительство! Мы её быстро, значит, из воды достали, качали, качали — только вспотели зря! Как же я теперя жить буду? Нет в жизни счастья без Аннушки!

— Состояние какое осталось после Анны?

Шитиков неопределенно пожал плечами:

— Как сказать, есть малость... Тысчонок сто пятьдесят.

— Жизнь Анны застрахована?

— Слава тебе господи! В прошлый понедельник в обществе «Заботливость» застраховал ее, так, малость — двести тысяч.

— Завещание на вас записано? А когда составили его?

— Да в прошлый понедельник.

— Удивительная предусмотрительность!

— Сама она настаивала, сердце, поди, чувствовало!

— Как давно в браке состоите?

— Венчались-то? А как раз на день Иоанна Богослова, то есть восьмого мая. Такая промеж нами любовь чувствительная была, что все вокруг завидовали, а всего и пожили вместе малость — три с половиною месяца. Уж слюбились мы крепко!

Тем временем Жеребцов протянул разрешение на похороны:

— Пожалуйста, Григорий Исаевич!

Гости неожиданные

Когда Шитиков удалился, Соколов начал в глубокой задумчивости мерить шагами кабинет. Появившимся Кошко и доктору Павловскому сказал:

— Совпадения удивительные и весьма подозрительные. Женат этот дядя всего ничего, записывает на себя громадное состояние жены и тут же страхует ее жизнь на максимальную сумму — двести тысяч. А дни этой жизни, как выясняется, уже сочтены: двадцатипятилетняя здоровая женщина погибает самым странным образом.

Кошко вздохнул, понимаяще кивнул головой:

— Вполне согласен с тобой, Аполлинарий Николаевич! Мы внимательно осматривали и место происшествия, и тело убитой — ничего подозрительного не обнаружили.

— Жертвы насильственного утопления всегда отчаянно борются за свою жизнь, — заметил Павловский. — Они заставляют сильно повозиться убийц, прежде чем те сделают свое страшное дело.

Жеребцов пробасил:

— Ее тело чисто, как ангельская душа, — ни ссадины, ни синяка.

Соколов повернулся к Павловскому:

— Григорий Михайлович, можно ли на вскрытии различить насильственное утопление от ненасильственного?

— Увы, современная наука до таких тонкостей еще не дошла! У Анны Шитиковой при наружном осмотре были

обычные признаки утопления: вокруг рта и носа розоватая мелкопузырчатая пена, кожные покровы в результате спазма капилляров бледнее, чем обычно, увеличение объема легких... Очень похоже, что смерть наступила во время обморока, когда Анна брала ванну. Она была на третьем месяце беременности. А в таком состоянии женщины порой на краткое время теряют сознание. Дело обычное! А тут подобное случилось в ванне. Роковое совпадение!

Соколов уже принял решение. Он решительно произнес:

— Когда множество трагических совпадений клонятся к выгоде одного человека, то на него пора надевать наручники. Пока мы не выясним, как умерла Анна, это дело закрывать нельзя. Тем более, что этот тип чего-то недоговаривает, крутит. Неуместно свою нежность к покойной подчеркивает.

— Мы должны руководствоваться фактами, а не эмоциями, — возразил Кошко. — А факты не говорят о виновности Шитикова.

— Значит, эти факты плохо искали. Едем все вместе к безутешному вдовцу! Галкин, заводи свою драндулетку.

...«Рено» рванул по бульварному кольцу.

Следственный эксперимент

Когда сыщики ввалились в квартиру Шитикова, тот остолбенело разинул рот. Соколов голосом провинциального трагика произнес:

— Есть сведения, что вашу супругу убили бандиты знаменитой шайки Ласенера! Прделаем следственный эксперимент, и вы, сударь, нам поможете. Задвигайте штору, осмотрим покойную. А то возле окон любопытные толпятся.

Шитиков вздернул нос:

— Не позволю! Уже осматривали. И потом, как мужу, мне неприятно, когда на мою голую жену посторонние мужчины смотрят.

— Мы не посторонние, мы полицейские. Раздевайте труп!

Бедную Анну, лежавшую на столе в дешевеньком гробу, подняли чужие руки, сняли с нее кисейное подвенечное платье. Еще не тронутое разложением, тело сохраняло прелестные формы не рожавшей женщины — крепкие мячики груди, стройные ноги. Соколов тщательно осмотрел тело — оно было поразительно чистым.

— Господин Шитиков, проводите нас в ванную!

Сыщики вошли в небольшую продолговатую комнату. Справа — крошечная раковина в форме ракушки, у торцовой стены — небольшая, только для сидения ванна.

— Легче утопиться в луже, чем в этом тазике! — удивился Соколов. И с усмешкой взглянув на Шитикова, добавил:

— Сейчас, сударь, вы получите возможность снять с себя все подозрения в смерти вашей супруги. А эти подозрения, признаюсь, меня терзают. Вы, помнитесь, сами вынимали супругу из ванны?

— Безусловно! Хотел привести в чувство. Мне помогала художница Серебрякова и дворник Артем.

— Вода в ванне была теплой?

— Какой чудак полезет в холодную? Таких не встречал.

— Когда вы уходили за арбузом, супруга собиралась мыться?

— Нет! Мне даже непонятно, зачем она полезла в воду.

— Прекрасно! Включайте газовую водогрейку и заполняйте теплой водой ванну. — Соколов взглянул на циферблат своего золотого «Павла Буре».

Кровь вдруг отлила от лица Шитикова. Он торопливо чиркнул спичку, сломал ее, еще раз — горелка вспыхнула, нагревая воду, заключенную внутри колонки в металлическую спираль. Минут через пять Шитиков крутанул кран. Соколов подставил под струю палец.

— Рано, вода еще холодная.

Только минут через десять вода нагрелась, еще десять минут ушло на заполнение ванны. Кошко приятно заволновался. Жеребцов улыбался. Соколов произнес:

— Господин Шитиков, пожалуйста, разденьтесь и сядьте в ванну. Нет, исподнее снимать — лишнее.

Шитиков сел на ягодицы, поджав под себя ноги. Торс выше плеч возвышался над краем ванны. Он вопросительно взглянул на Соколова. Тот приказал:

— А теперь покажите то положение, в котором вы застали Анну! Только руками себе не помогайте.

Сколько Шитиков ни ерзал задним местом по дну, сколько ни сопел так он и не сумел с головой погрузиться в воду: форма ванны была такой, что, даже потеряв сознание, в ней утонуть было невозможно.

Соколов с любопытством наблюдал эту картину. Потом вонзил стальной взгляд в Шитикова:

— Как же твоя жена успела за десять минут утопиться? Тем более в такой ванне? Может, любезный, покажешь, как ты топил супругу?

Тот резко поднялся, разбрызгивая воду, и вылез из ванны:

— Коли, господин полицейский, на меня есть доказательства, судите, а так просто подвергать себя, невинно-го, оскорблениям я решительно не позволю!

У Шитикова отобрали паспорт и подпиской обязали о невыезде. Похороны несчастной Анны состоялись на другой день.

Разгадка

Минула неделя. Вдовый Шитиков начал обивать пороги высших московских сановников, требуя прекратить «угнетение» его личности. Он сумел пробиться на приемы к городскому голове Гучкову, к градоначальнику генералу Адрианову и добрался до Бордевы — начальника управляющего канцелярией генерал-губернатора. Кошко получил нахлобучку от начальства «за самоуправство», вернул паспорт Шитикову и снял с него ограничения на передвижение.

В тот же день вдовец понесся на Лубянку в дом номер один — оформлять в обществе «Заботливость» свои двести тысяч рублей страховки. Согласно правилам, процедура оформления продолжалась тридцать дней.

Соколов не находил себе покоя. Он перечитал всю литературу об утопленниках, допытывался у известных патологоанатомов о признаках удушья вследствие насильственного утопления. Но главное — мучительно размышлял: можно ли утопить человека, не оставив признаков насилия?

Но толку от всего этого не было, и чувствовал себя сыщик оскорбленным: какая-то мразь, выходило, его может запросто дурить. В канун того дня, когда торжествующий вдовец должен был явиться на Лубянку за страховкой, Соколов спал плохо. Кошмары мучили его. Вдруг привиделось, что улыбающаяся Мари принимает ванну. К ней стремительно подошел со злым красным лицом Шитиков, схватил Мари за ноги и резко дернул на себя, та ушла с головой под воду и больше на поверхности не появлялась.

Соколов поднялся с постели. Сердце его бешено колотилось. Проснулась и Мари, зажгла ночную лампу. Соколов рассказал ей ужасное сновидение. Мари немного подумала и вдруг, вскочив босыми ногами на ковер, обняла мужа и сказала:

— Может, это как у Бернара — вещий сон?

Она побежала в ванную, и Соколов услышал, как тугой струей хлещет вода. Потом Мари произнесла:

— Все готово, попробуем!

Соколов вошел в ванную комнату с твердым убеждением: сейчас наступит решение загадки. Мари перекрестилась и легла в воду. Соколов резко дернул жену за ноги. Она ушла с головой под воду, не подавая признаков жизни. Соколов поспешил выхватить ее из ванны, положил на ковровую дорожку, пытаясь привести в чувство. Минут десять, обмирая от ужаса, он бился за ее жизнь. Наконец, Мари с трудом вздохнула, приоткрыла глаза. Соколов плакал от радости — и за спасенную жизнь любимой, и за разгаданную тайну необычного преступления.

— Да, именно таким образом Шитиков отправил на тот свет свою супругу! — говорил на другой день Соколов. Сыщики слушали и от удивления качали головами: история эта им казалась неправдоподобной.

Малолетний убийца

Но вскоре они были вынуждены поверить в нее. Когда пришедший за страховкой Шитиков был арестован, он рассказал следующее. Детство провел недалеко от городка Чугуева, что в Харьковской губернии. Летом мальчишки целыми днями бултыхались в реке Северный Донец. Однажды Шитиков, ему тогда шел одиннадцатый год, играя на реке, дернул соседского семилетнего мальчика за ноги. Тот в мгновение ока захлебнулся, и его утянуло на дно. Малолетний Шитиков никому об этом не рассказал и смерть мальчишки объяснили несчастным случаем. Прошел год. Шитикова так и подмывало повторить на ком-нибудь страшный опыт. Его терзал вопрос: всякий ли утонет, если резко дернуть за обе ноги сразу!

На этот раз жертвой стала восьмилетняя девочка: едва гадкий мальчишка дернул на себя, она, как и в предыдущем случае, потеряла сознание и на поверхности более не появилась.

Женившись не по любви, а по расчету, Шитиков решил враз стать обладателем громадного капитала. С этой целью он застраховал жену и убедил ее составить завещание в его пользу.

В злополучный день, он налил в ванну воды и, словно играя, рывком дернул на себя Анну за ноги. Та ушла под воду.

После этого, он как ни в чем ни бывало вышел из дому, поговорил с дворником, рассказав ему выдумку о том, что «Аннушка лежит на кушетке и просит арбуз». В это время женщина уже лежала мертвой в ванне. Но, на взгляд Шитикова, он имел «железное доказательство» собственной невиновности.

В то время мировая криминалистика подобных случаев убийств не знала. И преступление могло бы сойти с рук, если бы на голову Шитикова не опустился бы меч возмездия в лице Аполлинария Соколова.

Эпилог

Раскрытие убийства Анны Шитиковой вызвало острый интерес в среде российских криминалистов. Что касается судебных медиков, то оно заставило крепко задуматься над возникшей проблемой: убийство подобным образом не оставляло следов на теле жертвы и состояние тогдашней науки не позволяло отличить это утопление от ненасильственного.

Доктор Григорий Павловский, давно друживший с академиком Павловым, пригласив однажды Соколова, направился в гости к знаменитому ученому, для чего нарочно приехали в Петербург. Тот устроил им радушную встречу. Выслушав гостей, Иван Петрович сказал:

— Известно, что нервы глазного яблока и лицевые нервы имеют особую связь с дыхательным и сосудодвигательным центрами. Энергичное раздражение этих зон может вызвать внезапную смерть. В нашем случае быстрое проникновение воды в рот и в нос вызвало шоковое состояние и моментальную потерю сознания.

Когда прощались, знаменитый физиолог и Нобелевский лауреат с чувством пожал руку сыщику:

— Вы, Аполлинарий Николаевич, сами того не подозревая, сделали первые шаги в весьма таинственную область нервной регуляции человеческого организма. Теперь слово за нами, за учеными!

(Замечу: теперь ученые разработали надежную методику распознавания подобного убийства.)

Суд на Шитиковым вызвал оживление в публике: к зданию Сената в Кремле собирались тысячные толпы. Адвокат Смирнитский в заключительном слове сказал нечто неожиданное:

— В наше трагическое безвремение убийство на Руси стало явлением вполне заурядным, обыденным. Причин такому печальному явлению много и в первую очередь назову очевидное — падение нравственности. Перестали бояться Бога, перестали бояться греха. Что такое зазрение совести, многим нынче совершенно неизвестно. С подобным явлением следует бороться беспощадно, бороться всем миром, всеми доступными средствами, в том числе карательными. Если чувство добра не сумели ребенку привить домашние, то суду лишь остается наказывать порок.

Но, господа присяжные заседатели, господа судьи, преступник, стоящий сейчас перед вами и страшно сожалеющий о содеянном, этот не ординарный преступник, я сказал бы, особого высшего порядка. Именно Шитикову общество стало невольным должником: его злодейство по отношению к собственной супруге (к тому же беременной!) дало толчок к открытиям в науке — и в криминалистике, и в физиологии... Это мы признать обязаны!

И далее, основываясь на таком странном доводе, Смирнитский просил у суда снисхождения к «бескровному убийце». Суд приговорил Шитикова к десяти с половиной годам каторги.

Но история наша вдруг нашла продолжение.

Спустя четыре года, некий Джорж Смит предстал перед судом в Англии. Он обвинялся в убийстве трех (!) своих жен: по методике Шитикова — в ванне и тоже с корыстной целью.

Смита приговорили к повешению и приговор был приведен в исполнение.

Увы, дурные примеры весьма заразительны!

Подполковнику милиции Н. В. Паншеву и капитану А. М. Соколову

ЗАГРОБНЫЙ ГОЛОС

Трудно сказать, чего в этом преступлении больше: нахальства злоумышленников или наивной простоты тех, кого они дурачили. Оказалось, что издеваться над здравым смыслом не только весело, но и весьма прибыльно. Дельцы процветали до той поры, пока на их пути не встал знаменитый сыщик.

Газетные новости

С утра в сыске было весело. Жеребцов смеялся столь громко, что его раскатистый голос доносился, кажется, до Тверского бульвара. Он показывал Соколову свежий номер «Утра Москвы» и, с трудом переводя дыхание, говорил:

— Вы только посмотрите, Аполлинарий Николаевич, что тут написано: «Россия может гордиться своим знаменитым сыном! Всемирно известный медиум, уроженец Одессы Георгий Блиндер без посторонних приспособлений освоил полеты высоко в небо». И, ха-ха, иллюстрация: этот самый одессит взмыл, растопырив руки, выше вершины Казбека! Умора!

Соколов, на мгновение оторвавшись от деловых бумаг, бросил взгляд на газету:

— Шарлатан!

— Конечно, шарлатан, да только, как пишут в газетах, знаменит он на весь мир. Его ученые специально наблюдали и убедились в совершенно необычных способностях Блиндера. Вот, Аполлинарий Николаевич, послушайте: «Сотни, тысячи людей в Европе и Южной Америке стали очевидцами тех чудес, которые совершает этот человек. В Бразилии он прошел сквозь прочную кирпичную стену, предварительно осмотренную представителями полиции и вообще всеми желающими. В Португалии Блиндер выпил безо всякого вреда для собственного здоровья около литра

расплавленного серебра. В Патагонии полчаса летал не применяя никаких приспособлений над горами, а затем трое суток пролежал в могиле и вышел из-под земли вполне здоровым, но только побледневшим». Каково? — Жеребцов с любопытством смотрел на шефа.

— Жулик! — коротко ответил Соколов. Но, помолчав, добавил: — Конечно, мир непознаваем. И еще многим чудесам нам придется удивляться. Одно то, что мы сейчас, Николай, можем сидеть с тобой тут и вести умные беседы — уже чудо из чудес. А когда из семечка вырастает громадное дерево — разве это не чудо!

— Нет, я не в глобальном масштабе хочу глядеть на эту проблему! — горячился Жеребцов. — Мне интересней другое: что может человек сделать своими силами? Да что там далеко ходить! Тот же Георгий Блиндер — выше Кавказских гор парит. Ведь это многие видели!

Теперь пришла очередь хохотать Соколову:

— Какая, ха-ха, наивность! Ох-хо! Артист без рекламы, все равно, что дама без пустячка, того, что у дочерей царя Никиты отсутствовал! Коля, не отвлекай меня от дела. Из Дрездена приезжает мой старый знакомец — знаменитый профессор-криминолог Вейнгарт.

— Который помог разоблачить банкира-афериста Ивана Трахмана!

— Тот самый! Он сейчас изучает историю смертных казней, и я готовлю ему материалы по России. Долг платежом красен!

Тайны великого чародея

Соколов углубился в свои бумаги, а Жеребцов, утонув в громадном кожаном кресле, читал газеты. Вдруг он, что-то вспомнив, встрепенулся:

— Простите, Аполлинарий Николаевич, но ведь вы сами говорили, что по сей день поражены тем, что показал в Москве знаменитый американец, когда сюда приезжал? Ну, Гарри Гудини!

Соколов, вновь отбросив бумаги, оживился:

— Ах, этот сын раввина Мейера Вейса из городка Эпплтон, что в штате Висконсин, эмигранта из Российской Империи! Зимой 1903 года он приезжал в Москву. Я жил тогда в Петербурге. Устроители гастролей отыскивали меня: «Помогите разоблачить трюки Гудини! Он творит такое,

что ум за разум заходит». Я человек азартный, согласился: «Не проведет на мякине!»

От Николаевского вокзала меня напрямик доставили к Бутырской тюрьме. Там уже Гудини дожидается. Познакомились мы. Симпатичный, крепкого сложения, глаза умные: «Если бы мне ваших, сударь, денег было бы не жаль, то я поспорил: ни одного моего трюка не разоблачите! Еще человек такой не родился, кому это под силу».

Усмехнулся я: «Посмотрим!» Глаз не спускаю, слежу за каждым его движением.

Провели Гудини в камеру на третьем этаже. Надели какие-то допотопные кандалы, в которых сам Емелька Пугачев содержался. Закрыли в древний амбарный замок. Были надежные такие, не на ключ — винтом закрывались. И цепями связав по рукам и ногам, на нары положили. Большой специалист по вязанию старается — корпусной Засядько.

После этого вышли все из камеры, на висячий замок ее закрыли. Ключ начальник тюрьмы себе в карман опустил. Расселись мы у камеры, разговор ведем, посмеиваемся над бедным арестантом: «Опростоволосился!»

Вдруг корпусной Засядько снизу прибегает, лица нет на нем, трясется: «Ваше благородие, заключенный жидок из этой камеры, что вы охраняете, убег. На улице стоит, требует: «Открой!» Прикажете допустить?»

Бросились к камере, а там — только железо на полу валяется! А в это время и сам улыбающийся Гудини появился: «Что плохо за порядком смотрите? Так все страдальцы от вас разбегутся!»

С высокой колокольни Страстного монастыря медленно потянулся медный гул: звал он к вечеру.

— Старушки в церковь, а мы — в Охотный Ряд, в трактир Егорова, — обрадовался Жеребцов, обладавший особым свойством организма: у него всегда был волчий, ненасыщаемый аппетит.

— И то — дело! — согласился Соколов, убирая служебные дела в сейф.

Они вышли на вечно незатихающую и праздничную Тверскую улицу. Соколов, поддавшись воспоминаниям, говорил:

— Позвонил мне в декабре девятьсот третьего года известный тебе первостатейный купец и фабрикант Абрикосов. Говорит: «Потому мы как старинные приятели и даже друзья, приезжайте фокусы Гудини смотреть. Мнится мне, что он дурит честную публику, ну а уж от вашего ока укрыться ему невозможно будет!»

— И вы поехали?

— Обязательно! После случая с Бутырским замком я пребывал прямо-таки в расстроенных чувствах: или я рассудком тронулся, или в этом мире все устроено не так прочно, как мне казалось. Прикатил я на Красносельскую улицу к кондитерской фабрике. Заведение колоссальное, тысячи полторы рабочих. В управлении инженеры и все начальство собралось. Столпились, как у нас водится, вокруг знаменитости. А сам Гудини — человек невысокого роста, но сложения очень крепкого, на красивом бритом лице — умные глаза, так и впился в меня взглядом, выделил из толпы. Я без переводчика перекинулся с артистом двумя-тремя фразами, представился, сказал, что хожу ошарашенный после его тюремного трюка. Гудини вежливо в ответ: «Я не знаю, граф, кто вы по профессии, но вижу по вашему лицу, что и вы — человек неординарный. И если мы оба что-то можем делать, так сказать, сверхъестественное, то только по той простой причине, что нам помогает сам Господь». Сказал он это весьма серьезно, и я с ним согласился.

Жеребцов, размахивая при ходьбе длиннущими ручищами, с нетерпением спросил:

— Ну и чем у Абрикосова удивил Гудини?

Соколов шел некоторое время молча, предаваясь своим воспоминаниям. Потом с избытком еще удивлением сказал:

— Да, сударь ты мой, удивил меня вновь этот очаровательный человек! Такое он выкинул коленце... В конторе Абрикосова стоял громадный сейф английской работы. В верхнем ящике — громадная сумма наличности, закрытая отдельно на секретный замок. Снизу — вместительное отделение для отчетных бумаг. Бумаги эти на пол сложили и Абрикосов делает широкий жест рукой:

— Милости прошу, господин фокусник! Уговор помните? Если сумеете без посторонней помощи открыть изнутри сейф и оказаться снаружи — я плачу на спор двадцать тысяч рубликов, если у вас ничего не получится — то вы мне, извините, проигрываете две тысячи. Если хотите, можем ставки удвоить!

Переводчик слова эти в точности перевел Гудини, тот улыбнулся и отвечает:

— Я понимаю, господин Абрикосов, ваше состояние: вы уверены, что мои деньги уже лежат в вашем кармане. Но вы не ведаете того, что знаю я: пари обязательно будет за мной, вы сполна расплатитесь со мной, хотя деньги не вы

мне дадите, а я вам протяну их целую кипу. Так что не будем вас разорять!

Помотал головой Абрикосов. Умный человек, но ничего из слов Гудини не понял.

Согнулся фокусник (хотя мне так называть его даже неловко), протиснулся в сейф. Ему бухгалтер Михайлов помогает. За Гудини медленно тяжеленную бронированную дверь наглухо закрыли.

— Уговор я помню, — улыбнулся Абрикосов, — через пятнадцать минут мы этого американца отопрем и денежки он мне выложит. Но мне они капитал не составят, мы их в «Яре» прогуляем, а что останется — нищим раздадим.

В толпе шушукуются, посмеиваются:

— Хоть говорят фокусник этот америкашка и знаменитый, но человек совершенно глупый. Был бы умным, не стал такое пари держать. Этот металлический комод не то что изнутри, снаружи не открыть, хоть из пушки в него пали. Не задохнулся бы там! Хоть и американец, а все равно человек — жалко.

В это время в контору влетел весь бледный бухгалтер Михайлов. Он посмотрел, как Гудини в сейф засунули, и отправился к себе, сидел в своей комнатухе и баланс составлял. «Мне, — сказал он, — недосуг этим баловством забавляться!»

Лепечет что-то Михайлов, ничего не разберешь. Абрикосов его успокаивает:

— Иван Аполлонович, ты чего перепуганный?

Тот немного справился с собой и отвечает:

— Вы америкашку в сейф замкнули?

— Замкнули!

— И пока не отмыкали?

— Никак нет, сейчас отопрем, а то задохнется! Дышать-то нечем...

— Ничего не задохнется, он возле палисадничка на свежем воздухе прогуливается!

Кто к окну бросился, кто сейф помогает Абрикосову отмыкать. И все по словам Михайлова устроилось: сейф — пустой, а Гудини в садике на свежем воздухе променады делает. Переполох был ужасным. Более того: он из верхнего закрытого на ключ ящика несколько пачек денег вынул, а теперь Абрикосову протянул их.

Жеребцов покачал головой:

— Вот вы, Аполлинарий Николаевич, были свидетелем этого необычного случая. Как его объяснить?

Соколов мило улыбнулся:

— Не могу объяснить! Более того, кто-то из купцов, улыхав от Абрикосова, что тот целый капитал проиграл Гудини, вошел в азарт и тоже заключил с ним пари. На этот раз условились следующим образом: Гудини пробудет в небольшом несгораемом шкафу с двумя герметически закрывающимися крышками, полчаса. Доступа воздуха — никакого! И если Гудини не задохнется до обморока, то купец выкладывает американцу сто тысяч, а если обомрет или станет кричать о помощи — то фокусник столько же отдаст купцу. Шкаф поставили посреди комнаты и расселись вокруг него.

— И что же?

— Понятно, что Гудини выиграл. Перед тем, как он втиснулся в эту металлическую коробку, его тщательно обыскали — ничего не нашли. Да и то, искать особо нечего: он на сей раз был в одном трико. Прошло полчаса. Публика беспокоится: небось, говорят, нашему американцу капут, задохся до смертельного исхода. Открыли обе дверцы, а тому хоть бы что. Вылезает свежий и в улыбке зубы показывает:

— Там три дырочки в стенке есть, заделайте их — на случай наводнения.

— Чем он их проделал? Ведь сталь такого шкафа только автоген берет!

— А это вновь загадка! Выиграл Гудини сто тысяч. Может и нынешний гость не хуже американца работает? Одеситы — народ не промах, на ходу подметки режут. Он что, и впрямя летать собирается? Или будет раскаленное олово пить?

— На этот раз, к сожалению, нет. — Жеребцов вынул из кармана газету и на ходу заглянул в нее. — Вот как сам маэстро ответил: «Да, я при помощи магических сил могу взмыть выше Храма во имя Христа Спасителя и трижды облететь вокруг старушки-Москвы. Или могу опуститься без приспособлений на дно морское, то бишь на дно Яузы или Москва-реки и пробыть там без дыхания более трех часов. И для меня сделать это столь же легко, как для вас съесть пару куриных яиц. А то что просто, для уважающего себя артиста — скучно. Ныне все свои энергетические ресурсы я сосредоточил на изучении высших тайн в медиумической, то есть анимизической и спиритической, области. Мне уже удалось доказать объективность силы, проявляющейся не только таинственными стуками (это доступно многим), но и гораздо более осязательными результатами.

Соколов ехидно улыбнулся:

— Все ясно! Будет вызывать духов — обыкновенная морочка голов наших светских... — он замаялся, подыскивая подходящее слово. — Эти медиумы — обычные шарлатаны, хотя среди них попадаются очень ловкие. Толстой в «Плодах просвещения» очень ярко вывел эту публику.

В этот момент сыщики подходили к гостеприимному трактиру Егорова.

— Так почему, Аполлинарий Николаевич, вы не верите в чудеса Блиндера?

— Потому что я их не видел. И дай-то Бог, чтобы не пришлось мне на этого одессита надевать наручники, которые он вряд ли сумеет снять.

Гений с Молдаванки

В тот день газеты и впрямь вышли с громадными заголовками: «Проездом из Нью-Йорка в Харбин: три сеанса великого медиума!», «Рожденный на Дальнической улице, Блиндер прославился на весь мир!» и прочее.

Вдова купца-миллионера, почетная гражданка Горисовская жаждала быть причастной к знаменательному событию. При горячем содействии чиновника городской Думы и хорошей мзды (а в какой Думе не думают об этом?), она была допущена к мировому светилу в пятикомнатный люкс «Метрополя». Халат едва охватывал безразмерную волосатую грудь маэстро. Манеры его были величественны, а голос властным:

— Я имею сведения, что вы радушно зовете меня ставить сеанс в ваших апартаментах? Так будьте известны, что я согласен, только поехали посмотреть!

Почетная гражданка предоставила для такого важного дела свою пятикомнатную квартиру справа на втором этаже в главном, первом подъезде. Маэстро облюбовал просторную гостиную с фикусами и картинами на стенах — Кипренского, Федорова Толстого, Венецианова.

Маэстро ткнул пальцем:

— Это вызывает во мне большой восторг! У нас на Молдаванке был Шмуль Коганович. Тот тоже здорово рисовал. Но спалился на мокрухе. Это дверь куда? В соседнюю комнату? Эй, Изольда! Срочно купить материала и всю стену с дверью задрапировать. Чтоб без сомнений. И эта дверь скрипит? Смазать!

— Слушаюсь! — Изольда была ассистенткой, очень миниатюрной, но по-змеиному ловкой. Если у Изольды что и выступало, так это только нос.

Звездопад у Земляного вала

Солнце, весь день радостно блестящее на золотых церковных куполах, свалилось за Сухареву башню. Сливки общества, сумевшие обзавестись билетами по сто рублей, стекались к дому три по Садовой-Черногрязской. То и дело подкатывали лихачи на лакированных колясках, и все в коже и очках шоферы подвозили своих хозяев на шикарных авто.

На втором этаже в квартире справа царило нетерпеливое ожидание. Поэт Валерий Брюсов, нервно вздергивая голову, говорил, обращаясь к знаменитому басу, солисту Императорских театров:

— Если верить газетам, то маэстро Блиндер является феноменом, появление которого перевернет материалистическое учение.

— Да и черт с ним, с учением, — гудел бас. — Но билеты... таких цен даже на мои концерты не бывает.

Владелица дома Марфа Абрамовна Горисовская, облачившая себя в невиданной красоты шинероялево платье с размытыми цветочными узорами, ухватив за руку Изольду, громко протестовала:

— Дорого? Зато мило. Народ жидкий пошел, а прежде колесом ходили на разные фасоны и копейки не считали. Я вот и от денег отказалась, бесплатно фатеру предоставила. Пуцай! Зато нынче на всю Белокаменную прославлюсь.

Красавец и сердцеед Константин Бальмонт, гордо неся на голове обширную шевелюру, явился со знаменитой синематографической звездой. Звезда поцеловалась с басом — старые друзья! Всем остальным добродушно кивнула хорошенькой головкой. Весело спросила:

— Это точно, что медиум летать будет? Ах, как увлекательно! Такое необходимо заснять для синема. — На глубоком декольте сказочно искрилось стотысячное кольцо.

И лишь как вековые дубы, стояли вдоль стен, не шелохнувшись, богатые гости — купцы-миллионщики.

Вдруг разговоры на полуслове оборвались. Кто-то цыкнул на лакея, разносившего шампанское и нечаянно звякнувшего фужерами. Благоухая дорогим одеколоном «Рояль-Ралле», в новом фраке, хорошо сидевшим на круп-

ной фигуре, орлиным взором пронзая присутствующих, появился маэстро Блиндер.

Хозяйка первой бросилась к маэстро:

— Наконец-то! Хорошо ли мой Савелий довез вас? Я ведь его жучила-жучила: «Ты, дескать, Савелий, мужик бедовый, смотри, вези господина Блиндера с опаской, чтоб ему, сердечному, было не тряско!»

Маэстро не обратил внимания на старушечьи слова, прошел с Изольдой вдвоем в гостиную. Скоро Изольда всех пригласила занять места.

Бас, развалившись в удобном кресле, поиграл лакированными штиблетами, и прогудел:

— Неужто правда, что вы, господин Блиндер, летать умеете?

Маэстро строго взглянул на баса:

— Если вам любопытно интересоваться, я таки умею магнетической силой подымать себя в эфир. И это не какие-нибудь необузданные мысли. Об том написано в газетах. И это для меня так просто, как для вас, уважаемый бас, исполнять об блохе.

— А все-таки! — не унимался бас.

— Вы вызываете во мне недоразумение! Вам надо, чтобы я порхал воробьем? Мне это легко, а потому скучно. Так будьте известны, что я теперь изучаю астральную энергию, в которой обретаются духи. Все мои силы направлены на проявление той духовной сущности, которая есть носитель высших тайн физической субстанции. Сегодня я буду медитировать великого Бенвенуто Челлини. Это был такой в Италии скульптор, ювелир и авантюристический субъект.

Блиндер вздохнул, вытащил из фрачных брюк громадный фуляр и утер враз вспотевшее лицо.

В это время вскочил со своего места схожий с парикмахером Брюсов и заговорил, словно залаял в нос:

— Напрасные придирки! Коль червь сомнений вас терзает, любимец оперной публики, так таите сомнения в своей обширной груди. А я — человек нового века, я верю в прогресс и в науку. Верю в загробный мир и в полеты на луну. Еще в восемьсот девяносто восьмом году я написал:

Мне снится прошлое. В виденьях полусонных
Встает забытый мир и дней, и слов, и лиц.
Есть много дум, погибших, погребенных, —
Как странно вновь стоять у тайных их гробниц
И мертвых заклинять безумными словами!
О, тени прошлого, как властны вы над нами!

Брюсов победно и упоенно взмахнул рукой к потолку и затем весь повернулся к Блиндеру:

— Вас — поклоняясь, — приветствую я! И Трешу... Хозяйка возмутилась:

— Полно вам трепыхаться! Не расстраивайте их милость. Безобразничать в моем доме не след. Может и впрямь они существуют, эти самые незримые существа. А порхать из моих окон никому не позволю, это вам не чинзелевский цирк. — И ласково посмотрела на Шварца: — Ваше благородие, сделайте милость, руководствуйтесь по-своему!

Рыжий Бальмонт неожиданно, по-детски громко расхохотался. Все невольно улыбнулись. Напряжение сразу спало.

Блиндер галантно поклонился хозяйке:

— Разумное слово ваше, Марфа Абрамовна!

Любвеобильный Бальмонт, неприлично близко склонившись к кинематографической звезде, что-то шептал ей — нежное. Жена градоначальника сердито смотрела на баса. Тот прикрыл тяжелые веки, удобно развалился в кресле. Блиндер воспользовался наступившей тишиной. Не выходя из важного тона, он провозгласил:

— Я вам выскажу несколько мыслей! При медиумических явлениях многие слышат, я извиняюсь, таинственные стуки. Но эти медиумы могут разорваться себе на части, но дальше своего нахальства они не получают. Потому как у меня сегодня будет объективность силы с абсолютно наглядными результатами. Сегодня я вызову дух великого философа жизни и ювелира Челлини. Чтобы относительно сомнений, так попрошу закрыть на ключ эту дверь, которая растворяется наружу в прихожую. Веревка есть? Нету, так сейчас будет.

Медиум и веревочка

— Извините, коллега, позвольте взять для использования вашу веревочку?

Бас громыхнул смехом:

— Ха-ха, у меня нет «веревочки»! Виноват, но как-то не ношу с собой. «Веревочка»! Ох, уморил, право, ха-ха!

Блиндер надулся и важно выдохнул:

— Так уверяю вам, что у вас веревочка есть!

И остолбеневшие от удивления зрители увидели замечательную картину, способную поразить любое воображение:

маэстро всем показал пустую ладонь, затем запустил ее за пазуху баса и вытащил метра два бечевки. Бас, словно очнувшись от сна, покрутил головой. Все захолопали в ладоши, племянница градоначальника и богатые купцы, прежде хранившие гробовое молчание и смущавшиеся от умных речей, захолопали в ладоши, а Бальмонт даже крикнул: «Браво!»

— Я попрошу вас, Изольда, — повернулся маэстро к помощнице, — покиньте нас и для чистоты сеанса выпроводите всех этих слуг из квартиры.

Бас поинтересовался:

— А что делать с веревкой?

— Я попрошу вас, коллега, на крепкий узел привязать ручку двери, а другой конец держать надежно в руках. Чтобы вы на меня не имели грешных мыслей.

Вдруг Блиндер высоко поднял левую руку:

— Если я доверчив к людям, так это не значит, что меня надо лишать фамильного перстня с чистой воды бриллиантом!

Все недоуменно посмотрели на руку медиума. Действительно, только что все видели массивный золотой перстень на указательном пальце. Теперь его не было.

Маэстро первый раз за вечер улыбнулся.

— Я делаю грех, но я немного пошутил и использовал свою магнетическую силу. Господин поэт, — обратился Блиндер к Брюсову, — я, конечно, извиняюсь, если вас это не сильно огорчит, возьмите кое-что из правого сюртучного кармана. Не из моего, а из вашего собственного. Взяли? А теперь покажите и пусть все удивятся. С помощью высших тайн человеческой природы я на дальнее расстояние без физического приложения отправил свой бриллиант в сюртук уважаемого поэта.

Бас вновь грохнул смехом, так что чуть задрожали в оконных переплетах тонкие стекла:

— У-ха-ха! Уморил!

Блиндер грустно посмотрел на него:

— Я скорблю о невеждах! Надсмеялся может каждый, а следует учить дивные свойства проявлений духовной сущности. Дайте, поэт, мой бриллиант. Вы постигли высших тайн. А я изучал опыты профессора Рейхенбаха. Он делает предметам различные движения на дальнем расстоянии.

Хозяйка, с горящим взором внимавшая маэстро, восторженно воскликнула:

— Я уповаю на вас, Георгий Исаакович!

Тот продолжал:

— Замечательные люди признают силу сверхъестественных явлений. У знаменитого писателя Толстого есть книжка «Плоды просвещения». Так для меня специально в библиотеке Изольда выписала умные слова. — Маэстро достал листик бумаги и громко прочитал: «Медиумическая энергия известна человечеству давным-давно: предсказания, предчувствия, виденья и многие другие — все это не что иное, как проявления медиумической энергии. Явления, производимые ею, известны давным-давно. Но самая энергия не признавалась таковой до самого последнего времени, до тех пор, пока не было признано той среды, колебания которой и производят медиумические явления». — Голос маэстро зазвучал победительно, словно это он сам открыл то, что сделает счастливым все человечество:

— «И точно так же, как явления света были не объяснимы до тех пор, пока не было признано существование невесомого вещества, эфира, точно также и медиумические явления казались таинственными до тех пор, пока не была признана та несомненная теперь истина, что в промежутках частиц эфира находится другое, еще более тонкое, чем эфир невесомое вещество, не подлежащее закону трех измерений!»! Каково! — глаза Блиндера горели счастьем.

Кинозвезда иронически улыбнулась:

— Дорогой Георгий Исаакович! Ведь в пьесе Толстого эти слова вложены в уста профессора-шарлатана. И автор всем произведением опровергает медиумов и прочую загробную чертовщину.

Блиндер помахал в воздухе толстым пальцем:

— Вот, видите: сам профессор говорит! А профессора опровергать нельзя. Профессор — ученый, он сам кого угодно опровергнет! Хозяйка и купцы захлопали в ладоши:

— Правильно, опровергнет!

Кинозвезда, нервно дернув шейкой, отчего колье красиво заискрилось, нетерпеливо сказала:

— Хватит теории! Пора к делу переходить!

Блиндер, как полководец перед сражением, оглядел полеристалища:

— Итак, к ручке дверей привязана веревка. Дорогой коллега, пожалуйста, держите ваш конец, чтобы удостовериться: к нам посторонние не входили! Прошу соблюдать тишину и не надо надсмехаться. Никто не разговаривает, все держатся по кругу за руки. Итак, выключаю свет!

Кинозвезда легкомысленно хихикнула:

— Мы ничего не перепутали! Для этого тоже нужна темнота?

Все улыбнулись. Даже сидевшие как замороженные купцы зашевелились. Блиндер обиделся:

— Я вам выскажу для чего. Потому как темнота есть необходимое условие проявления медиумической энергии. Известная температура есть условие проявлений динамической и химической энергии. Вы же не можете в холодной воде, извините за выражение, сварить яйца? Так и тут — условие. И, смею заметить: ни в коем случае невозможно отцепляться от рук, для вызова духа круг должен быть замкнутым.

Бас хохотнул:

— Тушите! Я уже держусь! — и он погрузил в свою громадную лапищу узкую ладошку кинозвезды.

Наступила крошечная темнота. В окно с Садового кольца несся глухой шум движения толпы, крики извозчиков, звон идущего по маршруту Курский вокзал — вокзал Александровский (через Мясницкую и Тверскую) трамвая номер один.

Блиндер каким-то взволнованным, изменившимся голосом провозгласил:

— О великий и просвещенный Бенвенуто, сын маэстро Джованни Челлини, родившийся в божественной Флоренции в знаменательном одна тысяча пятисотом году от Рождества Христова, потомок великих предков, обитавших в Валь д'Амбра, где у них было великое множество владений, тот самый Челлини, которого Божественное Проведение наградило золотыми руками, утонченным роскошным вкусом и безошибочным глазом! Пусть твой неизреченный дух явится к нам, потому как к вашей личности наблюдаем большой интерес!

Бежали минуты. В комнате все напряженно молчали. Лишь с улицы неслось разухабистое пение чьей-то хриплой глотки: «Ах, о чем голубка Маша понапрасну слезы льешь?» Гости стали потихоньку шушукаться: «Не явится!»

И вдруг глухой, могильный, но явственно разбираемый голос, произнес:

— Приветствую вас, о досточтимые москвитяне!

Блиндер торопливо, словно боясь, что дух проследует куда-то дальше, произнес:

— Мы любопытны узнать: кто вы?

— Я дух того, кого вы желали видеть. Я свято душу свою блюл те годы, что по земле ступал. И славу роду своему весьма я приумножил.

Гости испустили звук ужаса.

— Рук не распускать, соблюдайте силу магического круга! — И задушевно: — О великий флорентиец! Позволь тебе задать вопросы?

— Задавай!

— Твой любимый город?

— Возрос талантом я в доблестной Тоскане!

— Твоя последняя работа!

— Незавершенная бронзовая статуя Юоны для принца Франческо.

— А гости спросить вас могут?

— Пожалуй! Но только рук не отпускать, иначе слабнет связь.

— Любезные гости, можете вопросы задавать духу великого Челлини!

Бас сказал:

— Итальянец Бенвенуто, если ты и впрямь загробный дух и ведаешь нашими, никому не нужными делишками, ответь, кто из солистов императорского Большого театра сейчас заброшен гастрольями на чужбину?

— Собинов поет на родине моей в «Ла скала». Успех большой, но у тебя был больше.

— Ты меня приятно удивил, скажу честно: я потрясен. Может, Челлини, ответишь на прощанье, от какой партии я недавно отказался?

— От партии Вотана в опере великого Рихарда Вагнера «Валькирия». Для этого надо ехать в Киев, а ты связан контрактами с Большим и Мариинкой.

Бас крикнул:

— Браво, Челлини!

Соседка баса, кинозвезда, явно смущаясь, торопливо произнесла:

— Меня будут снимать в «Крейцеровой сонате»?

— Наверяд ли, но там сыграет роль скрипача Трухачевского тот, чьей любви добиваешься.

— Я, добиваюсь?! — в голосе кинозвезды звучала обида. — Все добиваются мой любви. А все-таки, кого имеешь в виду?

— Юнца Мозжухина!

И тут же обвалом посыпались вопросы от купцов:

— Взять на триста тысяч облигаций Городского кредитного Общества? Дом где строить — на Балчуге или в Сокольниках? Дочь отдать за Степку Морозова, аль нет? Пьет ведь сукин сын!

Но дух Челлини более не желал отвечать. Великий художник начал шалить. Первой крикнула кинозвезда:

— Ой, кто за грудь хватает? Ах, какой нахал!

И тут же Брюсов откликнулся:

— За волосы, за волосы дергает!

Блиндер стал наводить порядок:

— Господа, прошу не волноваться и не шуметь! Нельзя нарушать проявлений пертурбации.

Бас:

— Нет, просто невероятно, какая-то дьявольщина! так и свихнуться недолго.

Брюсов:

— А если, господин медиум, сейчас свет зажечь?

— Это будет бесчестный поступок перед вызванным мною духом. Он, уверяю вас, никогда не вернется и станет мстить. Челлини — ах какой необычный человек, я всех об том предупреждаю.

Кинозвезда:

— Господин медиум! А *он* ограничится только тем, что за перси хватает меня? Или могут возникнуть и другие желания?

Бас:

— Ха-ха! Наша знаменитая синематографическая актриса станет матерью от самого... Бенвенуто Челлини! О-хо-хо!

Блиндер:

— Повторяю: дух флорентийца отличается неординарностью проявлений! Та будьте известны, иметь дитятку от такого великого человека — замечательная радость!

Теперь хохотали уже все.

Сеанс закончился сам собой.

Включили свет. И тут началось главное.

Скандал

Когда Шварц дал команду отпустить руки и зажег свет, все оживленно поднялись из-за стола, враз заговорили, перебивая и не слушая друг друга.

Бальмонт, одной рукой вытирая платком пот со лба, а другой удерживая Брюсова, говорил:

— Ведь один такой сеанс опрокидывает все материалистическое учение! Я всегда верил в загробную жизнь и потусторонний, неразгаданный мир. Вы согласны, Валерий Яковлевич?

Брюсов согласно кивнул головой:

— Безусловно и категорически! Мир наш огромен и пока действительно неразгадан. Но передовая наука... — Вдруг поэт лихорадочно шарить по карманам:

— Куда, куда делось?

Бальмонт сочувственно спросил:

— Что-нибудь случилось?

— Еще как случилось! Я где-то потерял свое портмоне, а там — больше трехсот рубликов.

Все повернулись к Брюсову:

— Быть может, дома оставили?

— Отнюдь нет! Я сегодня у владельца «Скорпиона» Полякова получил аванс.

Вдруг медведеподобный купец, облаченный по случаю торжества в новенький фрак, заревел:

— А где мой бумажник? Вот тут, в брючном кармане заднем... Это что же такое? Там деньги лежали, а не какие-то «триста рубликов»! Вертеп разврата! Десять тысяч!

В этот момент истошный крик самой высокой ноты разрезал воздух. Это кинозвезда хватала себя за шею, заглядывала под стол:

— Где мое бриллиантовое кольцо? Сто тысяч стоит! — она затряслась в рыданиях.

Бас даже испугано перекрестился:

— Чур чура! Точно — дьявольщина.

Бальмонт покачал удивленно головой, обратился к Блиндеру:

— Это что же получается, Георгий Исаакович? Знаменитый итальянский скульптор по карманам лазит? Как какой-нибудь «Коляна Фортовый» с Сухаревского Рынка!

Маэстро гордо вскинул подбородок:

— Так будьте известны, что я вас предупреждал: Челлини — субъект необычный. При телесном существовании он обвинялся не только в кражах и даже и в убийстве! Каждый, извиняюсь, культурный человек это знает!

Купец:

— Грабеж! Полиция!

Бас, убедившись в сохранности собственного портмоне, вновь пришел в веселое расположение духа:

— Bravo, bravo! Стало быть, родившийся четыреста с лишним лет назад Бенвенуто Челлини мог и убить?

Блиндер поморщился:

— Вы говорите ужасные случаи! Но если хотите спокойней, то надо вызывать дедушку Крылова. Это был в старину

такой писатель, так он уже помер и его можно вызывать. Вот он ведет себя культурно и ничего не позволяет.

Все замолкли, с удивлением слушая слова маэстро. Первым не выдержал бас и раскатился громовым хохотом:

— «Дедушка Крылов!»! Ух, не могу! О-хо-хо! «Покойный писатель!»! Он уже почти семьдесят лет покойный! Ах, ведет себя на вызовах спокойно! Нет, ста рублей за такое представление не жалко. Всю тысячу отдать можно.

Вдруг Бальмонт поднял руку:

— Минуту тишины, господа! Что вызывают духов — я знал, и даже был на медиумическом сеансе у интендантского генерала Лифарева...

Хозяйка спросила:

— Это у которого малолетнего сыночка электричеством насмерть убили?

— У того самого!

— Совершенно ужасное происшествие! Я электричество после такого случая запретила бы вовсе. Или, эти самые, авто. Мой дворник-татарин под колесо попал...

Бальмонт холодно заметил:

— Позвольте я закончу мысль, Марфа Абрамовна!

— Заканчивай, заканчивай, милый человек! Я ведь это так — к слову получилось. Просто ты сам упомянул про электричество.

— Так вот, мы сегодня наблюдали совершенно сверхъестественное и вызывающее полное доверие зрелище.

Бас хохотнул:

— Какое же зрелище — в темноте! Это не синема.

— Пусть по вашему, уважаемый артист, — не зрелище, а явление. Но при всем уважении к Бенвенуто Челлини, следует заявить: пропажа предметов материальной культуры несомненна. Мы должны ответить на два вопроса. Первый: мог ли посторонний войти сюда?

Присутствующие начали шумно обсуждать этот вопрос, а купец, у которого пропал «капитал», заявил:

— Мы ведь не дураки какие, тоже понятие имеем. Духу мои тыщи — как мертвому кадило, не помогут. Или, сказать, дамочкины бриллианты — на себя не наденет, потому как надевать не на что: нет выи. Но посторонним здесь невозможно было находиться. Дверь на запоре — я только что самолично дергал, да у вас, знаменитый бас, шнурок от дверей на руку надет. Так что никто посторонний войти возможности не имел.

Бальмонт воскликнул:

— Вот оно, это я и спрашивал! Стены задрапированы, дверь на надежном запоре. Рук никто не разжимал? Стало быть, посторонних во время сеанса не было! И со всех сторон застрахованы от злого умысла.

Брюсов ехидно бросил:

— Были не посторонние — были потусторонние!

— Остается допустить, что именно дух флорентийца покусился — в роде шутки, у него характер всегда был легкий, игривый! — забрать наши ценности, — сказал Бальмонт. — Вот мы ответили на два моих вопроса: первое — посторонних не было, второе — кроме духа никто предметы забрать не мог.

Пострадавший купец укоризненно сказал:

— Игривый он или нет, а вот если не вернет, то — большой безобразник и следует вызвать городского и составить протокольчик-с!

Тем временем желающие продолжали осматривать гостиную — все кадушки с фикусами, простучали стены. Все было прочно, оставалось верить, что произошло чудо.

Открыли двери, выпили с подносов шампанского.

Вскоре явился городской. Долго тарашил глаза, крутил усищи — не мог понять, чего от него хотят важные господа.

Затем городской тщательно осмотрел помещение: ничего подозрительного, как и ценностей, обнаружено не было. Что и было записано в протоколе, после чего все разъехались: кто в театры, кто на преферанс, кто в рестораны и трактиры. Обычное московское житье!

Лишь синематографическая звезда в сопровождении Бальмонта отправилась в Большой Гнезниковский, где сделала заявление в сыскную полицию. Утром это заявление легло на стол Соколова. Он гаркнул:

— Почему еще ночью мер не приняли? Быстро в «Метрополь»! Только вряд ли Блиндер ждет нас!

И как всегда, великий сыщик оказался прав, прислуга доложила:

— Постоялец «люкса» еще после полуночи выбывши! Со всем своим багажом. И очень торопившись, видать, на поезд поспеть желавши.

Соколов приказал:

— На всякий случай, предупредите ювелиров насчет кольца!

Прошло несколько дней. Но стотысячное кольцо никто ювелирам на продажу не приносил. Только синематографи-

ческая звезда навестила два раза Соколова и со слезами умоляла:

— Я готова встать перед вами на колени: только вы один способны отыскать мое кольцо, помогите!

Радужная встреча

Пока в Москве вызывали духов, дрезденский криминалист Вейнгарт удобно разместился в купе первого класса «Норд-экспресса». Стремительный поезд нес его к старой столице российской империи. Соколов встретил радушно старого друга. Не жалея времени, великий сыщик знакомил гостя с постановкой сыского дела в России, он показал свою гордость: карточный алфавит на всех преступников, а также фотоальбомы с их изображениями и отпечаткам пальцев. На особых фото — татуировки, мужские и женские.

На соседней церкви протяжно загудели колокола.

Соколов встрепенулся:

— Все, пора к трапезе! Отправляемся к Егорову! — блестящее знание немецкого языка помогло сыщику в общении с другом.

Они пешком отправились в Охотный Ряд. Витрины в несколько этажей, прочные здания с лепниной, своеобразие толпы, легкий бег колясок — все пришлось по душе Вейнгарту.

В трактире на втором этаже у Соколова был свой стол. Лакей Семен заботливо суетился возле уважаемого клиента:

— Меню вашему, Аполлинарий Николаевич, попутчику предоставить? Что, не понимает по-русски? Удивительно даже, чего тут понимать! Вы, по обычаю, пристрастны к рыбному? Сегодня из икорки получили агуевскую, но аппетитней советую от Соловникова зернистую — рупь с двугривенничком-с! Селедочку вы уважаете с картошечкой. Нынче как раз подвезли залом. Даже против лососины не уступит — толщиной в руку-с! Почки телячьи демиглас. Семгу двинскую, высокую — не отвергните, Аполлинарий Николаевич? Сладкое мясо Бравури. Царский студень из стерлядок-с. Извиняйте, пальчики оближите! Грибки соленные белые, рыжики, разного набора? Хорошо, все и принесу. Окрошечку, по обычаю, сборную рыбью? Водочки анисовой — сразу большой графинчик-с? При вашей, хехе, кумплектации, это, извиняйте-с, что слону в жопу дробинка. Водички куваки? Ну, от расстегайчика у нас еще никто не отказывался, если какой малохольный.

— Ты, братец, действуй побыстрей!

— Это у нас как обычно — одна нога здесь, а другая уже на кухне, потому как вы посетитель для нас не чужой. А насчет горячего еще подумаете? У нас выбор нынче есть...

Соколов решил сделать приятное гостю, он приказал:

— Вон, в бассейне, видишь во-он тот красавец плавает? Так прикажи его крабами фаршировать.

Семен склонился с сачком над большим бассейном и выловил требуемого осетра. После чего «приговоренное животное» было стремительно отправлено на кухню.

Вейнгарт оказался компанейским человеком, даже скорей на русского похож, чем на немца.

Под грибочек и селедочку хорошо текла беседа. Вейнгарту захотелось сказать другу что-нибудь приятное. И он сказал:

— Слава, Аполлинарий, о ваших подвигах далеко идет! Говорят, что еще не было дела, которое бы вы не распутали. Выпьем за ваши успехи и славу. Впрочем, сначала за успехи, а уж потом — отдельно! — за славу. Прозит!

Соколов вздохнул:

— Уф! Нашлось-таки кое-что такое, что выскользнуло из рук... — И он рассказал про «медиума» и пропажу подарка великого князя — стотысячного колье. — И ведь как легко облапошивал! Ведь даже такие умные люди как поэт Брюсов и знаменитый бас, даже они поверили, что этот аферист Блиндер с духами общается.

Вейнгарт хитро улыбнулся.

— Медиум? Такой крупный, вальяжный? На левой руке золотой перстень с бриллиантом? Да, он действительно русский, родился в Одессе. Вы можете мне не поверить, но этот «вызыватель духов» — мой сосед. Он живет недалеко от Цвингера — знаменитой картинной галереи. У него небольшой, но миленький домик. И у нас он знаменит не меньше, чем в Италии мастер бельканте Энрико Карузо. К нему приезжают ото всюду. Он имеет неплохой заработок. Вызывает духи Гете, Шиллера и усопших родственников. Но у нас в воровстве замечен не был. Иначе ему пришлось бы плохо. Воров мы изводим беспощадно. Думаю, что шалит он лишь во время гастролей, как у вас. Его фамилия Шварц.

— Шварц? Нет, если это действительно он, то у нас он разъезжает под именем Блиндера — это, думаю, настоящее. Впрочем, купить фальшивый паспорт столь же легко, сколько несложно выпить кружку сбитня.

Подумав, Соколов добавил:

— Конечно, вроде удивительно, что об этом преступнике я узнаю случайно. Но это вполне соответствует моей теории: злой рок рано или поздно сыграет злую шутку со злоумышленником! Господь долготерпив, но нераскаявшегося лиходея всегда карает. Спасибо за доброе известие, дорогой гость, Александр! Выпьем за ваше процветание и успехи в нашем городе столичном!

Прекрасный вечер дополнили двое слуг, тащивших на серебряном подносе в сопровождении самого хозяина — Егорова, громадного фаршированного осетра. Егоров вежливо поклонился.

— Мы себя в отношении вас, Аполлинарий Николаевич, хорошо понимаем и, желая потрафить не только вашему драгоценному аппетиту, просим принять от меня лично в подарок — рыбку, по приказу вашему из бассейна достатую!

— Спасибо за уважение!

Соколов, по просьбе Вейнгарта, перевел этот диалог. Тот в восхищении проговорил:

— Какая широкая душа у вас у всех! Хотел бы я родиться в России.

Пожива для лиходеев

Соколов, понятно, рвался на берега Эльбы — в Дрезден, чтобы разоблачить опасного шарлатана. Но отъезд мог состояться лишь через неделю: Вейнгарт подробно ознакомился с организацией сыска.

Соколов с удовольствием показывал ему разные разделы картотеки:

— Вот грабители, вот убийцы, карманники, вот взломщики. И очень много аферистов.

— Вот как? Почему?

— Мы, москвичи, как и вообще русские, отличаемся расположением к любому человеку, первого встречного считаем чуть ли не родным братом.

— Так это прекрасно! Так Христос учит!

— Да, Александр! Но всякие пройдохи используют эту доверчивость нам же во вред. И причины тому самые веские, сложившиеся веками. Да и то сказать: наш город последние полтора века отличался тихостью, почти полным отсутствием сколько-нибудь серьезных преступлений. До отмены крепостного права в Москве за год совершалось не

более трех—пяти убийств, и были года, когда их не было ни одного.

Вейнгарт заметил:

— Нет, жители крупных городов Германии таким похвалиться не могут!

— Но тихие времена и для нас, кажется, прошли. Дай Бог, коли не навсегда! Но, Александр, вернемся к нашей картотеке. Приходит к нам потерпевший. Мы просим его ознакомиться с альбомом той категории, к которой должен принадлежать преступник. Потерпевший разглядывает эти фото — в профиль и в анфас. Снято по системе Бертильона. Здесь пальцевые отпечатки и описание примет.

— Но ведь нужен особый навык, даже профессионализм, чтобы по мимолетному впечатлению отыскать кого-нибудь...

Соколов согласился:

— Конечно, и в этом — главная сложность, тем более, что далеко не всегда потерпевший видел преступника — как при тайных кражах.

— Зато аферистов вылавливать удобно — пострадавший всегда знает их в лицо.

— Но аферисты — народ в преступной среде, я сказал бы, наиболее умственно развитый, коварный. Они тщательно обдумывают свои делишки, прежде чем приступают к ним. И даже задержав заведомого плута, далеко не всегда удается схватить его с поличным, доказать его вину. Не случайно «аферистка века» — Софья Блювштейн, она же легендарная Сонька Золотая Ручка, начинала воровкой «на доверии».

У Вейнгарта удивленно вытянулось лицо:

— Что это такое — «на доверии»?

Соколов раскатился смехом:

— Ха-ха! Вот, дорогой коллега, у нас есть такие преступления, какие вам не снились! С легкой руки Соньки Золотой Ручки очень распространенным стала следующая афера. Представьте себе большой столичный вокзал, масса ожидающих поездов. Входит расфуфыренная дама. Носильщик тащит за ней чемодан. Дама острым приметливым взглядом выхватывает богатую пассажирку, желательно с ребенком.

Вейнгарт заинтересовался:

— А почему с ребенком?

— Да потому, что ребенок часто хочет писать! Дама подкатывает к пассажирке, здороваётся непременно по-

французски и просит со всей деликатностью: «Разрешите здесь сесть, я вам, пардон, мадам, не помешаю? Мерси!» Пассажирке наоборот — такая изящная компания только в удовольствие. Завязывается непринужденная беседа. Дама сообщает, что она — графиня, княгиня, жена или члена Государственного Совета, или министра и что у нее в чемодане чуть ли не фамильные бриллианты. И по этой причине, как заявляет дама, она очень просит новую знакомую посмотреть за чемоданом, пока она сходит прогуляться до туалета.

— И что дальше? Неужели?..

— Вот именно — «неужели»! Когда дама возвращается, выясняется, что ребенок, услышавший про туалет, срочно захотел туда же. Теперь настает очередь пассажирки просить: «Графиня (княгиня), будьте любезны, посмотрите минутку за моими вещами!» — «О, сударыня, не беспокойтесь! Хоть целый час! Можете и в буфет сходить! Там вкусные эклеры. Дитя, ты хочешь эклеров? Молодец! Проси маму».

Вейнгарт улыбнулся.

— Дальше картина ясна: пассажирка возвращается, но ни «графини», ни вещей нет! А вот немец никогда с незнакомым человеком свой багаж не оставит. Или сдаст в камеру хранения, или потащит за собой — хоть, извините, на унитаз! Неужели у вас много таких доверчивых?

— Сколько угодно! И, чаще всего, мошенники не рядятся «под графинь». Это ведь и не так просто. Облапошивают в самом простонародном одеянии и без французских междометий. Хотите опыт сделаем? Зайдем в любой подъезд большого дома. И если удастся пройти мимо консьержки, поднимем половички: обязательно под некоторыми из них лежат ключи от квартир. И воры это знают. Попробуй, в какой-нибудь захолустной Рязани или Кимрах обворуй квартиру! Тут же найдут воришку и так его поучат, что он и до суда не доживет. А Москва или Петербург города огромные, у нас с приезжими в летний период почти до полутора миллионов человек набегают. Здесь и пожива!

— Тогда понятно, почему аферист нашел у вас столь добрую почву для своих козней! — покачал головой Вейнгарт. Подумал, добавил: — Да и у нас, впрочем, доверчивых хватает.

...Пришел, наконец, тот день, когда Соколов вместе с Вейнгартом сели на Брест-Литовском вокзале в уютное, приятно пахнущее кожей и паровозным дымом купе. Гулко

и неожиданно ударил колокол, лязгнули буфера, задрожали в настенном шкафчике фужеры.

Через несколько минут, все более набирая скорость, овеванный черной косматостью дыма, поезд уже неся по городским предместьям.

Настроение Соколова было превосходным.

Он еще не ведал о тех трудностях, с которыми ему предстояло столкнуться.

Шлагбаум

Дрезден встретил сыщика ночной свежей прохладой, запахом трав и цветов, и старательным оглушительным пением соловьев в привокзальном парке. Верный привычкам, Соколов отправился в знакомый ему отель «Континенталь», это в Альштадте — Старом городе.

С нетерпением дожидаясь утра: хотелось побыстрее встретиться с глазу не глаз с Блиндером-Шварцем.

Но неприятности поджидали его в лице городского прокурора. Сонный господин с длинным цветастым носом в прожилках, говоривший о пристрастии его обладателя к Бахусу, кисло улыбнулся узкой щелкой рта:

— Дать вам санкцию на обыск и арест господина Шварца? Это ваша шутка? Господин Шварц — почтенный бюргер и налогоплательщик. Среди его друзей много высокопоставленных лиц и даже фрейлин Герда — дочь министра внутренних дел Саксонии. Я не желаю портить отношений с министром. А какой у вас обвинительный материал против господина Шварца? Голословные обвинения?

— Но он организовал кражу стотысячного колье! Я приехал, чтобы разоблачить этого вора и афериста. Наверное, хватит морочить головы добрых граждан!

Прокурор вновь ехидно растянул в подобии улыбки сильные полоски губ:

— Конкретно, граф, какие вы обвинения выдвигаете против господина Шварца? Якобы, способствовал похищению стотысячного колье? А кто провел экспертизу этого колье? Вы не допускаете, что это всего лишь красивые стекляшки?

— А деньги? У купца Лапикова и известного поэта Брюсова именно во время сеанса исчезли деньги — более десяти тысяч рублей. Это целое состояние!

— Кто докажет, что они эти деньги не потеряли, не проиграли в карты, не потратили, извините, на проституток?

Соколов вдруг испытал острую охоту хватить кулачищем по этой яйцеобразной голове. «Следуя прокурорской логике, пусть потом доказывает, что это не сам стукнулся!» — подумал со злостью сыщик, но преодолел в себе «коногвардейскую» привычку. Вместо этого ровным голосом произнес:

— Я ведь не предлагаю этого типа без доказательств бросить в камеру! Но обыск и другие следственные мероприятия провести необходимо.

— Мы с вами ходим по кругу! Если желаете, пусть ваш друг Вейнгарт вызывает его в комиссариат под каким-то предлогом, а там вы и зададите господину Шварцу интересующие вас вопросы. Извините, я очень занят!

И он надменно выкатил острый подбородок, с миной сожаления развел сухими руками с подкрашенными ногтями на длинных узловатых пальцах.

Соколов, гневно раздувая ноздри, медленно поднялся с обитого розовым бархатом кресла, презрительно растянул резко вырезанные губы:

— Вы, герр прокурор, изволите издеваться надо мной! Какие такие предлоги, какой комиссариат? Детская наивность! Матерого афериста вдруг заест совесть, и он по своей охоте расскажет о своих преступных похождениях? Такого еще не бывало!

Прокурор, видимо, решил проявить непоколебимую твердость духа. Он помотал головой:

— Я вам, господин Соколов, все сказал!

— Но ведь вы, герр прокурор, несете ахинею! Такого подлеца, как Шварц, доказательствами припрешь к стене, так он и тогда как гад скользкий вывернется. А вот по плечи в землю вобьешь — тут и повинится!

У прокурора дрябло затряслись щеки, очки в тонкой золотой оправе сползли на красный мясистый нос, тяжело нависший над бледной щелью рта. Он театрально воздел вверх руки, запричитал:

— Ах, эта Россия — несчастье цивилизованной Европы! В этом государстве хватают невинных людей, закапывают живьем в землю, чтобы те оговорили себя. И меня толкают на этот мерзкий путь, меня, который чтит законы, как Святое писание!

Отбросив в сторону попавшееся под ногами тяжелое кресло, так что оно грохнулось на вощеный паркет, Соколов скорыми широкими шагами покинул кабинет:

— Весьма глупый человек!

Хитрая задача

Соколов пешком отправился в комиссариат к Вейнгарту.

Ему сразу сделались постылыми и скучными чистенькие улицы, газончики с аккуратно стриженной травкой, умильные личики прихожанок и пухлые от постоянного употребления пива физиономии бюргеров, чинно, словно напоказ, выходящих из кирх, и даже старые здания и общественные постройки с претензиями на изысканность архитектурного стиля — «отечественного рококо».

Вейнгарт, выслушав Соколова, расхохотался, обнажив крепкие длинные зубы:

— Прокурор — это всего лишь мелкий пакостник. Он, Аполлинарий, наслышан о вашей известности, вот и рад хоть в чем-то проявить свою власть, сделать гадость. Давайте, граф, выпьем по рюмке шнапса, приличная харчевня рядом, за углом!

За обедом Вейнгарт продолжил:

— Когда я служил еще в прокурорском надзоре, я этому господину неоднократно был вынужден указывать на его юридические оплошности. Прокурор, как всякая бездарность, весьма болезненно воспринимал справедливые замечания. И вот когда вышел из печати мой труд «Уголовная тактика», ныне переведенный на несколько языков, дошло до анекдота: прокурор начал сочинять какие-то пакостные рецензии и анонимно рассылать их по редакциям.

Соколов, поддев вилкой жареные колбаски, задумчиво посмотрел в потолок:

— Что делать? Как обойти препятствие в лице этого ничтожества? Ведь я, признаюсь вам, Альберт, с пустыми руками отсюда не уеду.

Вейнгарт стукнул опустошенной им кружкой пива по столу, весело воскликнул:

— В этом нет сомнений! — И хитрый огонек зажегся в его глазах: — Как говорим мы, немцы, золотая мысль обязательно посетит вашу голову! Преступник не уйдет из сетей.

Соколов, как шахматист над трудным ходом, напряженно задумался. Потом решительно произнес:

— Безусловно, Альберт, вы правы! Я этому зверю пасть порву.

Вейнгарт удивился:

— Странно выразились вы — «пасть порву»...

Соколов потеплевшим вдруг голосом сказал:

— Это сравнение я привел невольно. На память пришла давняя история, случившаяся в канун Рождества, когда я служил еще в Петербурге. Был я подполковником Лейб-гвардейского Преображенского полка, сам Государь знал меня и отличал, вероятно, больше за заслуги моего батюшки, члена Государственного Совета, нежели за мои собственные.

Как бы то ни было, но я оказался в числе приглашенных на Рождественский бал, который давала Августейшая семья в Царском Селе.

Моим спутником был Великий князь Андрей Владимирович, красавец-мужчина, любитель костюмированных балов, куражный до безумия.

Должны мы были ехать по железной дороге, да опоздали на последний поезд — в половине шестого.

— Не беда, — говорит Великий князь, — до Царского каких-то двадцать две версты, а лошади у меня отличные. По морозцу, под ясной луной — часа не пройдет, долетим с наслаждением!

Возражаю:

— Дорога не велика, но волки шалют, много их нынче развелось. На той неделе фельдъегеря загрызли.

Великий князь хитро щурит глаз, меня подначивает:

— Вы, граф, не боитесь ли?

Спокойно отвечаю:

— Только за вас, Императорское высочество!

Разговор этот проходил в апартаментах Андрея Владимировича в Зимнем дворце.

Он дернул за шнурок. Тут же появился камердинер.

Великий князь распорядился:

— Пусть Аверкий закладывает тройку. И медвежьи шубы прикажите снести, а то морозец нынче хваткий.

Накинули эти самые шубы мы поверх шинелей, сели в легкие розвальни, и ямщик, коренастый ярославец Аверкий с дремучей бородой, погнал тройку.

Лошади и впрямь хороши, весело дробят крупной рысью по укатанной дороге, только взвивают круп да мечут снежными комьями вверх из-под задних, сверкающих серебром в лунном свете копыт. Студеный ветер туго бьет в лицо, режет глаза, слезу выбивает. Эх, красота!

Так большую часть пути мы пролетели, вдруг Аверкий стал притормаживать, бороду к нам поворачивает:

— Ваши сиятельства, вон, у края леска на дороге... стоят, — и кнутовищем показывает.

Луна светит ярко, хорошо в ее свете видать трех матерых волков, спокойно сидящих на дороге и нас поджидающих. Лошади хрипеть начали, понесли каким-то диким галопом вбок, чуть розвальни не перевернули.

Волки тем временем зашевелились, неспешно двинулись нам навстречу. Только сквозной изумрудный, страшно красивый блеск в глазах их светится.

Великий князь в азарт пришел, выпростал из-под медвежьей шубы руку, в ней пистолет. Я шашку оголил, надеюсь, что с ней сподручней будет.

Великий князь кричит:

— Гони вовсю!

Сани между тем бьются из стороны в сторону, мотаются по колее, и Аверкий уже не в силах совладать с совершенно ошалевшими лошадьми.

А волки уже рядом с нами несутся, не отстают, смрадное дыхание их открытых пастей на лицах ощущаем. Один из волков прыгнул было в сани, да спутник мой грохнул ему прямо в морду из пистолета, тот так кубарем и покатился по дороге, ранен или убит — того уже разбирать некогда.

Другого я шашкой по спине полоснул, он на две части и развалился. А вот третий, бежавший слева от саней и выпавший на миг из нашего внимания, прыгнул на Великого князя, повалил его, вцепился зубами в грудь, к горлу подбирается.

Признаюсь, что вгорячах я едва не рубанул волка шашкой, да вовремя опомнился: мой спутник и зверь сплелись в едином клубке. Так и Великого князя недолго пополам перерубить! Что делать? Вставил шашку в ножны, да схватил волка за горло. Про моего деда рассказывали, что он однажды на охоте, когда медведь на него из берлоги вышел, уже без зарядов остался. Так он медведя руками задушил. Правду сказать, дед крепче меня был, цепи рвал и ладонью полуторавершковые гвозди в стену вгонял.

Вейнгарг с восторгом внимал Соколову. Он с нетерпением спросил:

— Ну, схватили, граф, волка за шею! А что дальше?

Соколов положил в рот какую-то котлетку, без особого аппетита сжевал ее, вытер салфеткой усы:

— Не желаю, Альберт, ранить ваше национальное чувство, но немецкая кухня против российской никак не устоит. Вот к нам опять придете, так я вас снова к Тестову свожу. Помните, какие расстегаи там, на всю Россию знаменитые! Да, вы про волка любопытствовали? Придушил его малость, а потом схватил за пасть да порвал ее. У меня его шкура по сей день под роялью лежит. А Рождественский бал был восхитителен: государь, императрица, изысканный ужин, музыка, танцы, юные красавицы в роскошных туалетах...

Вейнгарт с нескрываемым изумлением смотрел на Соколова. Тот вздохнул:

— С той поры и прижилось это выражение — «пасть порвать». Теперь надо порвать пасть этому двуногому хищнику. И кое-что я, кажется, придумал. Мой ход будет простым. И визы прокурора не понадобятся.

— Все гениальное просто!

— Согласен! Я попробую попасть к Блиндеру-Шульцу на медиумическое собрание. Вы, Альберт, кстати, бывали на таких Сеансах.

Вейнгарт фыркнул:

— Увольте, граф, это место для психопатов!

— Жаль, а то ваш зоркий глаз наверняка бы заметил кое-что замечательное. По рассказам очевидцев я себе составил картину происходящего. И, кажется, проник в нехитрые тайны явления духов. Уверен, что одна стена гостиной задрапирована. Или, возможно, есть в комнате потайной вход. Хотя в дом проведено электричество, но, весьма вероятно, именно в гостиной медиум отказался от этого блага цивилизации.

— Bravo, граф! — Вейнгарт с восхищением хлопнул в ладоши. — Да, побывавшие на сеансах утверждают, что в гостиной медиум пользуется исключительно свечами.

— Почему не держит электрического света? Ясно, что боится: вдруг кто-то во время сеанса включит его! Бог даст, скоро вырвем у этого змея ядовитое жало.

Томительное ожидание

Дом Блиндера был расположен почти напротив Цвингера — картинной галереи. Утром в дверь постучала почтенная дама. Это была сотрудница секретной полиции. Когда юноша-слуга допустил даму к медиуму, она сказала:

— Мой родственник, богатый негоциант из Парижа, находясь проездом в Дрездене и прослышав о ваших, господин Шварц, необыкновенных способностях, хотел бы побывать на сеансе.

— Но я не думаю в ближайшие дни устраивать сеанс!

— Родственник очень просит вас, господин Шварц! — посетительница подпустила в голос слезу. — Когда еще занятому человеку представится подобный случай! Быть в Дрездене, это значит посетить картинную галерею и великого Шульца. — Дама сделала паузу. — Родственник за деньгами не постоит.

Блиндер-Шварц важно произнес:

— Во время сеанса у меня большие энергетические потери. Так это будет стоить... — медиум закрыл тяжелые веки. — Это будет стоить три тысячи пятьсот шестьдесят пять марок. (В архивном полицейском деле названа именно эта несуразная цифра!)

Дама вздрогнула, но справилась с собой, угодливо улыбнулась:

— Родственник хочет общаться с духом самого Наполеона!

Лицо Блиндера-Шварца приняло значительное выражение. Он важно покачал головой:

— Таки об этом надо говорит сразу, а вовсе не по порядку. Если Наполеон, так на тысячу марок стоит дороже. Сеанс назначаю в пятницу, пусть приходит в девять вечера.

...До сеанса оставалось три дня. Соколов наслаждался досугом и красотами сказочного, четырехсотлетнего города. Он прогуливался по мосту Августа, приходил в Нейштадт — Новый город, любовался колоритными торговками в допотопных шляпах и туфлях на толстой деревянной подошве, стук которых о брусчатку был слышен за версту. Побывал в Гроссэргартене — замечательно ухоженном парке, съездил и в Саксонскую Швейцарию — совершенно сказочное место с водопадами, дикими зарослями и благоустроенными тропинками.

И целый день провел в картинной галерее, расположившейся недалеко от Брюлевской террасы. Выглянув в громадное окно, Соколов долго смотрел на изящный, словно игрушечный домик, видневшийся слева — владение бывшего одессита, скрывавшего тайну, которую следовало разгадать.

Последний сеанс

И вот наступил долгожданный день. Сыщик подкатил к подъезду дома медиума на авто — взял напрокат. Два электрических бра освещали крыльцо. Дверь перед Соколовым открыл худощавый молодой человек с прыщеватым лицом и оттопыренными ушками. Он вежливо поклонился и провел гостя на верх. Здесь в ожидании сеанса томилось человек десять, преимущественно дамы почтенного возраста.

Собравшиеся, напустив на себя ужасно умный вид, вели беседу о «чудесах и чудесном».

Дама в большом тюрбане с перьями задушевым тоном рассказывала:

— Прошлый раз, во время сеанса у господина Шварца, я почувствовала явственное прикосновение к руке. Такое, знаете, легкое, как дыхание грудного младенца. Я вначале испугалась, а уж потом поняла: это к доброму известию.

Внимательно слушавшая ее женщина в шелковом черном платье и с такими же черными, с маслянистым блеском глазами, оказавшаяся женой прокурора, удивленно спросила:

— И что, неужто оправдалось?

— Представьте себе: от сына на другой день пришло известие, что его полк переводят из Пруссии в Берлин. Только тогда я поняла значение этого прикосновения.

Немного помолчали. Женщина в черном произнесла:

— Да, я верю, очень верю в духов. Еще в прошлом году, когда я нарочно ездила в Данциг на сеанс знаменитого медиума Вотера, так я задала духу вопрос: «Где мой первый покойный муж — в аду или раю?» И что бы вы думали? Дух явственно ответил: «Ваш муж в раю, но он очень скорбит, что изменял вам с блондинкой!»

Дама в тюрбане задумчиво покачала головой:

— Очень много удивительного в этом неосознанном мире. А что, насчет блондинки, это верно?

Дама в тюрбане горько вздохнула.

— Самое загадочное, что действительно было! В семьдесят пятом году, когда мы отдыхали в Висбадене. И там на водах попала русская графиня Людмила Петракова. Мой Карл не устоял. И вправду сказать, очень хороша была. Все мужчины вокруг нее увивались. Даже сам эрцгерцог... Но только Карл оказался ловчее других. Я хотела уехать, но простила потом. И вот вдруг тайный голос говорит: «Очень скорбит...» Но ведь никто не знал о блондинке.

Дама в черном посмотрела с интересом на Соколова:

— Это вы, господин, из Парижа? Какой замечательный город, только вы, французы, очень насчет женщин предпримчивые.

Соколов галантно ответил:

— Это, медам, не порок, но большое достоинство! Истинная красота должна быть вознаграждаема вниманием.

Появился слуга. Он торжественно провозгласил:

— Милости просим в гостиную!

Соколов вошел в просторную гостиную. Здесь все было приспособлено для сеансов: никакой лишней мебели. Вокруг круглого стола — десятка полтора венских стульев. Окна плотно зашторены. В углу — большой книжный шкаф старинной работы. Рядом со шкафом — маленький столик с трубой, напоминающей граммофонную.

Сыщик внимательно посмотрел на шкаф. Затем подошел к трубе. Задержался возле нее лишь мгновение — не больше! И прошел к ближайшему стулу, опустился на него. Стул весь застонал под непомерно тяжелым телом.

И вот, воздев к потолку обе руки, вошел Блиндер-Шварц. Как опытный актер, умело играя голосом, то понижая его, то повышая, важно заговорил:

— Приятно, что в Дрезден к нам знатные гости приезжают! Сегодня по просьбе нашего французского друга месье... извиняйте, как зовут? — месье Леблана мы вызываем дух Наполеона, что французскому сердцу всегда ласкает сердце! Двери — на запор! И на веревочку, вот кончик, месье, как вас, Леблан, в ручки себе извольте получить! Чтоб сомнений не возникало. Дамы, господа, взялись за руки, так, магический круг готов? Сегодня будем узнавать высшие тайны природы. Это относительно Наполеона, так начальник Штутгартской полиции господин Крейнхаген, очень хорошо мне знакомый, рассказывал, что недавно Наполеон явился ему во время отдыха в Клейн-Клусмане. Наполеон десять минут задавал вопросы о политике и потом бесследно исчез. Мы надеемся на успех.

Медиум обвел глазами присутствующих:

— Все готово? Эй, Иохим, вы двери прочно закрыли?

За дверями раздался голос молодого человека.

— Так точно, герр Шварц!

— Тушу свет, — медиум задул оба канделябра. — Круг прочный? Данке шон. О великий и непобедимый маршал Наполеон! Призываем дух твой...

Когда медиум закончил призывы, минуты полторы стояла тишина. Только соседка Соколова — дама в тюрбане, громко сопела. И вдруг из трубы раздался голос:

— Это я, дух великого Наполеона, явился на ваше требование!

Медиум задал несколько пустяковых вопросов. Наполеон складно отвечал, почему-то на немецком языке.

Дамы страстно переживали каждое слово загробного гостя, ахали и обмирали от страха едва ли не каждое мгновение.

Наконец дошла очередь до «парижского негоцианта». Медмум предложил:

— А теперь, месье Леблан, вы можете задать несколько вопросов, что вас интересует.

— А по-французски можно?

Медиум возмутился:

— Это в высшей степени неделикатность! Господин Наполеон не позволит себе в присутствии дам-немок говорить на непонятном им наречии.

Тогда Соколов, с трудом сдерживая улыбку и стараясь казаться грозным в этой смешной ситуации, рыкнул:

— Скажи-ка, сукин-сын, именующий себя Наполеоном: куда твой пройдоха-хозяин дел уворованное у знаменитой актрисы бриллиантовое кольцо?

С этими словами Соколов зажег электрический фонарик, лежавший у него до этого трогательного момента в кармане, и осветил трубу и стоящего возле нее молодого человека, все лицо которого было перемазано сажей. Ею сыщик еще прежде успел «зарядить» трубу. Дверца книжного шкафа была распахнута — там шел потайной ход.

Публика была изумлена до последней степени. Поначалу все решили, что фигура возле трубы — сам материализовавшийся Наполеон, а сажа — естественный продукт гиены огненной, в которой по всем нравственным законам должен находиться убийца-маршал. Но разглядев, что это всего лишь слуга Шварца, которого оставили за дверями и который непонятным образом попал в комнату, изумление сменилось всеобщим яростным гневом. Дама в тюрбане вскочила со своего места и с криком:

— Жутье проклятое! — стала громадным ридикюлем долбить голову слуге.

Медиум стоял как громом пораженный. Все случившееся было для него столь неожиданным, что он никак не мог прийти в себя.

Наконец поняв, что рука возмездия достала его, он метнулся к открытому окну, рванул в сторону шторы и сиганул вниз. И почти сразу с улицы послышались крики: «Стой!», «Стрелять буду!» Но все это заглушил истошный вопль самого медиума:

— Ай, ногу сломал! Больно, помогите!

Соколов подошел к окну. Гости тоже вплотную подвинулись к подоконнику. На земле, беспомощно распластавшись, лежал медиум. Рядом стояли Вейнгарт и двое полицейских. Их Соколов предусмотрительно пригласил к месту драмы или, если хотите, комедии.

— Что с тобой, Блиндер! — весело крикнул по-русски Соколов. — Небось опять какую-нибудь шутку выкинуть хочешь? Идти можешь! Ничего, тебе помогут. — И опять перешел на немецкий. — Пожалуйста, внесите этого типа в дом. Я пока на подручного наручники надену.

Чистосердечное признание

Блиндера втащили в комнатку возле кухни, что на первом этаже. Его положили в кресло, и он постоянно стоял и корчил рожи:

— Ах, зачем я пытался бежать! Ах, мне так больно!

Слугу отправили в комиссариат, а Соколов стал допрашивать медиума.

Соколов. Меня интересует кольцо, которое ты похитил у актрисы в Москве.

Блиндер. Я не знаю, о чем вы интересуетесь.

Соколов. Не валяй дурака. Я из тебя вытрясу душу, но получу то, что ты украл во время сеанса на Садовой-Черногязской. То кольцо — подарок синемаграфической звезде великого князя. Отдай чужое добро!

Блиндер. Что вы мне говорите, даже жалко слушать! Я ничего не брал. Не суетитесь ко мне.

Соколов. Не думаешь ли ты, Блиндер, что сыщик Соколов из Москвы сюда на прогулку по Старому городу приехал. Не испытывай мое терпение!

Блиндер (после паузы). Так вы... это Соколов. Тот самый?

Соколов (весело). Ты, Георгий Александрович, догадливый. Ну, рассказывай на немецком языке, а господин Вейнгарт сделает нам услугу, запишет твои показания. И мы

обойдемся без международного скандала. Ты ведь не хочешь международного скандала? А то тобой, любезный одессит, могут заинтересоваться и в других просвещенных государствах, а не только в России.

Блиндер. Я отдам вам, господин Соколов, эту... эти цапки, скажу как родному папаше всю правду и вы меня отпустите!

Соколов. Нет, но обещаю, что судить тебя будут только за колье. Остальное я копать не буду. И никто копать не будет. Обещаю за твоего будущего следователя. Когда ты начал свои художества.

Блиндер. Я вам выскажу, что прочитал когда-то об американце Гудини. И мне стало завидно. Мне захотелось также. От цепей освободиться я не мог. Но духов... Почему не вызвать, что публика этого так требует, что отказать ей трудно. В Москве мальчик открывал дверь за обивкой и проползал, как какой-нибудь уж между полом и драпировкой. Ну и отвечал в трубу.

Соколов. Откуда он знал разные тонкости, этот мальчик? И почему мальчик, если это девочка — Изольда?

Блиндер. Пусть ваша личность знает, что это был Ванька Сорокин.

Соколов. Этот вундеркинд? Сначала гимназист-отличник, а потом известный вор-карманник?

Блиндер. Таки это я вывел его в люди. А чтобы каким-то неприятным случаем его не опознали, надел на него парик и по чужому виду он жительствовавал. До начала сеанса он обычно терся среди гостей и запоминал разговоры. А память у Ваньки такая, что в цирке показывать его можно. Я его бы сюда взял, мне здесь культурно жить нравится, хотя в Одессе лучше. Но там полиция имеет до меня большой интерес.

Соколов. И что же ты Ваньку не взял в Дрезден?

Блиндер. А он по-немецки не знает, а мне сеансы нужны. Туточнего нашел, но послабее Ваньки будет и по карманам «щипать» не может.

Соколов. А как же полеты над Казбеком?

Блиндер (перестает стонать и даже улыбается). Я вам выскажу, что газетчики любят насчет лапши им на уши повесить. Особенно, если дать немного гелда.

Соколов. Так где, Георгий Александрович, колье?

Блиндер. Может даже вы, господин Соколов, никогда не нашли бы. Возле крыльца электрический фонарь. Эти цац-

ки в нем, возле лампы в желобок положены. Я не успел их продать. Берите, раз вам так это нужно. У меня сломана нога. Я хочу врачебной помощи. А цацки — дело наживное!

Э п и л о г

Колье и впрямь лежало в одном из двух канделябров, что возле входных дверей. Оно было завернуто в клеенку и протиснуто в фарфоровый стаканчик. Признаемся, что место необычное и найти колье там было бы делом не совсем простым.

Блиндер был помещен для оказания первичной помощи в местную тюремную больницу. Затем его должны были этапировать в Москву, где по месту преступления было бы следствие и суд.

В тюремной больнице умный врач с золотым пенсне на носу поставил диагноз:

— Перелом шейки бедра!

Блиндер громким стоном демонстрировал правильность врачебного заключения. Однако уже через день пациент опроверг диагноз, исчезнув без стонов и неведомыми путями из лечебного учреждения. Для Соколова он оставил лаконичную записку с добрым пожеланием: «Зай гезунд!»

Прокурор назначил следствие, которое ни виновных, ни способа побега не раскрыло. Отметим справедливости ради: следствие дотошностью не отличалось. Впрочем, поговаривали, что к побегу каким-то боком был причастен сам блюститель законов — прокурор. А почему бы не уважить просьбу любимой супруги!

Но больше всех о медиуме скорбели достопочтенные дамы, любительницы спиритических сеансов. Более того: общим стало мнение, что несчастный узник напряг свои таланты и ушел сквозь стены, как это умел делать Гудини. Бывший одессит исчез навсегда, следы его более нигде не прослеживаются.

Пострадал лишь слуга Иохим: он получил три месяца тюремного заключения. Поклонницы Щварца носили бедному мальчику передачи: красное вино и апельсины.

Что касается самого Гудини, то он по какой-то причине ужасно невзлюбил спиритов. Везде, где они ему попадались (а в те времена такого рода шарлатанство стало явлением распространенным), Гудини разоблачал вызывателей духов

со всей беспощадностью. Даже российские большевики, из всех чудес любившие лишь одно — Великую Октябрьскую революцию, отдали дань восхищения Гудини. В 1927 году тиражом пять тысяч экземпляров в Московско-Ленинградском издательстве «Кинопечать» они выпустили в свет любопытную книжечку с описанием чудес американского еврея, которая называлась «Гарри Гудини разоблачитель спиритов». Сам же герой умер после одного из сеансов в 1926 году. В могилу он унес великую тайну своих подвигов.

Что касается квартиры на Садовой-Черногрязской, где Блиндер совершил «кражу века» у синемаграфической звезды, то она на некоторое время стала московской достопримечательностью. Более того: именно в ней родился автор этих строк. Бывают удивительные случаи!

Но много прежде Соколов вернул несказанно счастливой синемаграфической звезде ее кольцо. Звезда пылко поцеловала в губы сыщика и была готова на большую благодарность. Однако Соколов благородно сей порыв отклонил.

ДУШИТЕЛЬ

Москва находилась в счастливом ожидании. Близился день прибытия Их Императорского Величества Императора Николая Александровича со своей Августейшей супругою Александрой Федоровной. Чтобы испортить народный праздник, черные силы политического терроризма замыслили самые страшные преступления. С коварством кровавых маньяков пришлось столкнуться и Аполлинарию Соколову.

Тревожная новость

Благоуханная летняя ночь царила над Москвой. Со страшной беспредельности бархатного неба беззвучно скатывались холодные слезинки падающих звезд.

В этот волшебный час в доме Соколова тревожно зазвенел телефон. Дежурный сыска, тщетно стараясь сохранить обычную бесстрастность тона, торопливо доложил:

— Господин полковник, тут история вышла. Сам господин губернатор Владимир Федорович Джунковский сказал вам приехать... Убит Доброво.

Соколов не поверил, думал, что ослышался. С начальником губернской канцелярии он был в самых милых отношениях и частенько встречал его, по делам службы бывая у всеобщего любимца — полковника Джунковского. Он спросил:

— Адрес?

— Овчинниковская набережная, владения братьев Поповых. Убитый снимал у них во дворе большой флигель. Да вы знаете, это рядом с пароходным обществом «Ока». Шофер Галкин давно выехал к вам, поди, уже ждет внизу.

Петля

«Рено», издавая отвратительные звуки рычащего мотора и по всему маршруту следования вызывая нервный собачий лай, подкатило к ажурной ограде владений Поповых. Городовой, стоявший на страже у ворот, вскинул руку к козырьку. Широкая дорожка, усыпанная мелким гравием и заботливо усаженная цветущими лилиями, оставив слева дом Поповых, вела к одноэтажному строению Доброво.

Здесь, возле резного крыльца, сыщик увидел многочисленных чинов полиции охранки и губернского правления, хотя, как выяснилось, расследованием занимался лишь уголовный сыск в лице Кошко.

Послышались сдержанные голоса: «Соколов, сам Соколов прибыл!» Навстречу уже спешил губернатор. Круглое, словно налитое кровью лицо трудно было назвать красивым, но глаза светились умом и весь благородный облик дышал простотой и душевностью. Он потряс руку Соколова:

— Кошко полагает, что дело уже распутано, но я настоял на вашем приезде. Скорый визит Государя требует особой тщательности в делах. Кстати, вы удивитесь: убийца Доброво — знаменитый Левицкий.

— Художник?

— Вот что делает ревность! Мой управляющий канцелярией был известный ловелас. О его амурной связи с красавицей Маргаритой — женой Левицкого, знала вся Москва.

— Прежде в таких случаях вызывали на дуэль! Это ведь оскорбление крайней, третьей степени.

— Безусловно! При неверности жены муж считается оскорбленным. И ему принадлежало право выбора оружия и рода дуэли, хотя сами условия дуэли решались секундантами. — Джунковский был горячим поборником восстановления дуэли во всех ее прежних, столетней давности, правах. Все споры в благородном обществе решались благородно и чисто. А теперь — эта дикость! Душат соперников прямо руками. Впрочем, Аполлинарий Николаевич, пройдите в дом, на место происшествия.

Под мощным телом сыщика жалобно закрипели ступени крыльца. В просторной прихожей обращало на себя внимание громадное зеркало в ореховой раме и на двух высоких тумбах. Слева была распахнута дверь в мраморный туалет. Они прошли в гостиную, служившую одновременно и рабочим кабинетом.

Три окна с раздвинутыми портьерами выходили в заросший кустами сирени и орешника сад. В простенке стоял секретер. Он был открыт, а пол густо усеян какими-то бумагами. Возле стены с распахнутой дверцей находился большой сейф. Здесь тоже были брошены какие-то бумаги. Ящичек для ценностей оказался пустым.

Главное же, что сразу бросилось в глаза Соколова и даже несколько поразило его, это была фигура самого Доброво. Он сидел в глубоком кресле, стоявшем возле стола, и словно безмерно утомившись, лбом упирался в массивную крышку. Можно было подумать, что Доброво мирно дремлет. И лишь руки безжизненно свешивались вниз.

Соколов заглянул ему в лицо и увидел леденящую кровь картину, глаза покойника были вытаращены, из полуоткрытого рта выглядывал кончик языка, а на бритой щеке застыло несколько капель темной крови, скатившейся из уха.

Доктор Павловский приветно улыбнулся Соколову и показал на шею убитого:

— Задавлен полужесткой петлей! Смотрите, Аполлинарий Николаевич, странгуляционная полоса равномерно глубокая и расположена горизонтально — на уровне щитовидного хряща.

— А петлю обнаружили?

Павловский кивнул в сторону Жеребцова, проводившего обыск с двумя ассистентами-помощниками. Жеребцов бодро ответил:

— Ищем, Аполлинарий Николаевич! Главное, что убийца выгреб все ценное.

Джунковский грустно покачал головой:

— Есть непосредственный свидетель преступления — дворник Еремей Прошкин. Я послал за ним.

Высокий гость

Соколов припомнил последнюю свою встречу с начальником губернской канцелярии. В кабинете Джунковского недели полторы назад собрались важные лица. Был приглашен и Соколов.

Из Петербурга прибыл большой гость — товарищ министра внутренних дел Александр Иванович Лыкошин. Лыкошин был высокого роста, с громадной залысиной, открывавшей чистый лоб, с тяжелым взглядом умных серых глаз. Товарищ министра был поразительно похож на

Императора Александра III, что давало повод острякам для задулисных шуток.

Глухо откашлявшись, Лыкошин всех обвел свинцовым взглядом и медленно произнес:

— Мой приезд, не скрою, вызван единственной целью: хочу лично удостовериться и доложить правительству, что у вас, господа, обстоит все успешно в подготовке к прибытию в Москву Государя Николая Александровича с его Августейшей супругою.

Лыкошин начал, словно давая возможность каждому поглубже проникнуться теми мыслями, которыми он делился. Затем еще медленнее произнес:

— Этот приезд в столь тревожное для великой России время накладывает на всех нас громадную ответственность. Более смутного и беспокойного времени, чем нынче, Россия не переживала ровно триста лет. Мы во все века гостеприимно открывали двери каждому, кто стучался в наш дом. В силу природной сердечности, мы предполагали: тот, кому мы дали приют, заплатит нам добром, будет честно трудиться и не расшатывать устои этого самого дома. Увы, мы жестоко просчитались! Иноземцы и иноверцы, подобно опасным паразитам, попав в здоровый организм, стали для нас смертельно опасными. Анархисты, фанатики, психические больные — а их число катастрофически увеличивается, — всякие неудачники и бездельники, именующие себя «революционерами», могут пойти на самые страшные преступления, чтобы вызвать в государстве кризис, чтобы создать у правительства, у власти паралич и воли, и мысли.

Лыкошин остановил свой взгляд на Джунковском:

— Преступность разрастается с ужасающей скоростью. Убийства стали обыденным явлением. Армия ослаблена враждебной пропагандой. Чиновники, словно крысы, растаскивают казенное добро. Чуждые духу Отечества, пастыри ложными учениями запутывают наш простой народ, разлагают православие. Вы согласны со мной, Владимир Федорович? Вас волнует то, о чем я говорю?

Тревожные ожидания

Джунковский поднялся, словно собрался говорить длинную речь. Но ограничился несколькими фразами:

— Очень волнует, Александр Иванович! Полвека, скажем, назад в Москве тяжкие преступления были крайней

редкостью. Я нарочно просматривал статистику: в иные годы при покойном Императоре Николае I в Белокаменной убийства случались два-три раза в год. Редко — пять! И совершали их, как правило, случайные люди, пришлые. Каждый дом, каждый обыватель находился под благодетельным покровом полиции. А как отменили крепостное право, чуть дали послабление с паспортной системой — так и началось. Грабежи, убийства, разбои — каждую неделю случаются у нас. Да и как им не быть, если в старую столицу всякий сброд сходится со всех окраин!

Лыкошин недовольно поморщился:

— Мы собрались здесь не для того, чтобы обсуждать социальные беспорядки двадцатого столетия. Министерство внутренних дел своей сметой доходов и расходов предусмотрело все ваши проблемы. Государь утвердил смету, составленную, господа, исключительно в ваших интересах.

Немного подумав, собрав морщины на громадном открытом лбу Лыкошин, щеголяя блестящей памятью, начал перечислять:

— Вы просили содержание на четыреста восемьдесят околоточных надзирателей и на три тысячи четырехсот шесть городских? Просили! И мы назначили на их жалование и на наем квартир без малого полтора миллиона рублей. Начальник вашей сыскной полиции, — Лыкошин бросил взгляд на Кошко, — получает чуть меньше, чем вице-директор Департамента Российской полиции — четыре тысячи годового содержания. Большие суммы отпущены на все полицейские службы — от участкового управления — а в нем вести сорок служащих! — до адресного стола и архива. Всего на денежном довольствии состоит пять тысяч три полицейских! Я не ошибся? А еще армия секретных сотрудников, платных агентов! Так что, господа, не будем жаловаться на тяжелую жизнь. Будем дело делать.

Лыкошин вновь выпил зельтерской, платком вытер со лба пот и взглянул на полицмейстера Яфимовича:

— Владимир Михайлович, доложите, какие меры вы принимаете для произведения в городе порядка?

Поправив генерал-майорский мундир, устало глядя сквозь седые лохматые брови, нависшие над глазами, Яфимович долго и обстоятельно докладывал о деятельности «Комиссии по выработке мер охраны во время пребывания в Москве Государя».

— Впрочем, — добавил Яфимович, — у господина Доброво я вижу сейчас в руках перечень мер, которые мы

составляли при участии всех заинтересованных служб. Огласите, пожалуйста, Михаил Сергеевич!

Доброво, весь лощенный, дородный, вечно жизнерадостный и остроумный, бодро стал докладывать — почти на память, лишь изредка заглядывая в свои бумаги:

— Уже теперь установлено усиленное наблюдение за деятельностью существующих в Москве преступных политических партий и организаций, в особенности партии социал-революционеров и других с террористическим направлением. Ликвидация таковых должна быть подготовлена до приезда Государя — в течение ближайших трех недель.

Далее: усилено выяснение неблагонадежного элемента, находящегося в столице.

Лыкошин выразительно поднял палец:

— Это в первую очередь! И что делается с этой целью?

— Целая система мер! — резво откликнулся Доброво. — На каждом из вокзалов учреждено непрерывное дежурство полицейских надзирателей и филеров. Причем, подобраны самые опытные и осведомленные люди, имеющие опыт политического сыска. Все они не только знают на лицо возможно широкий круг революционных преступников, проходивших по наблюдению, но и способны распознавать революционера на основании специфических особенностей последнего, его поведения.

— Тут, безусловно, следует обратить особое внимание на приезжих элементов из интеллигенции, — заметил Джунковский.

— Да, конечно! Полицейские надзиратели обязаны следить за всем, что делается в общих залах вокзала, буфете, парикмахерских и уборных. Ведь именно тут — мы это знаем по прошлому опыту! — подрывные элементы устраивают конспиративные свидания, переодеваются, приклеивают бороды.

Лыкошин вновь помахал пальцем:

— Не упустите из виду багажные отделения! Именно сюда порой сдают на хранение оружие и динамит. Весной этого года в Санкт-Петербурге на Финляндском вокзале багажный кондуктор обратил внимание на небольшой чемоданчик, который сдавал какой-то молодой еврей. Чемоданчик был неподъемным. Чемоданчик вскрыли: в нем, как вы, коллеги, догадались, находился динамит! Установили

наблюдение, но загодя динамит заменили кусками простого мыла. Еврейчик по фамилии Лакшин через день вернулся, взял чемоданчик. Его проследили. И что же? Лакшин привел филеров на Гончарную. Сделали обыск, обнаружили целый арсенал взрывчатки и оружия. Более того, тут же находилась известная террористка Швейцер. Вот что такое сугубое внимание! Правда, Швейцер бежала. Есть агентурные сведения, что она сейчас в Москве — готовит теракт на Государя. Учтите это!

Тут дружно начали вспоминать разные любопытные случаи из охоты на политических преступников. Совещание уже шло четвертый час.

Наконец Джунковский подвел итоги разговоров, поблагодарил Лыкошина и добавил:

— Слава Богу, у нас не какая-нибудь захолустная Швейцария! Наше Отечество порядком держится! Не только на вокзалах, но и в меблированных комнатах, в гостиницах, в каждом частном доме мы установили строгое наблюдение. Ни дня без прописки! Первые наши помощники — дворники, лакеи, гардеробщики. Беспаспортных, нарушителей правил прописки и всех бездельников, болтающихся в столице — в арестантские вагоны и вон из Москвы, до самой Сибири, — и обратился к Доброву. — Михаил Сергеевич, ты что-то добавить желаешь?

— Мы, государственные чиновники, — сказал Доброво и на его лице появилась озабоченность, — являемся лакомой приманкой для террористов. Ведь каждый из нас по сути дела полностью незащищен. Всякое такое убийство нагнетает на общество страх, приближает те великие потрясения, о которых говорил Петр Аркадьевич Столыпин. Вот почему столь важны меры по изначальному пресечению террора.

...Вечером того же дня в «Славянском базаре» на Никольской губернатор Владимир Федорович Джунковский дал ужин в честь высокого гостя — товарища министра внутренних дел Лыкошина.

Один за другим звучали, как всегда у нас бывает, пышные цветастые тосты.

И лишь Доброво сказал очень коротко и удивительно просто:

— Выпьем, господа, за то, чтобы счастливо пережить визит Государя!

Сердце, видать, чувствовало надвигающуюся беду.

Поздний гость

Соколов в сопровождении Джунковского и Кошко вышел на порог. Утреннее свежее солнце, пробив густую зелень сада, золотыми пятнами разбрызгалось по земле. Обильная роса облила высокую, некошенную траву.

Возле крыльца в позе терпеливого ожидания стоял невысокий мужичок с невзрачным рябоватым лицом, с белесыми бровями и в изрядно выгоревшей ситцевой в синий горошек рубашке, перевязанной кушачком. Завидя начальство, мужичок торопливо сдернул с головы холщовый картуз, поясно поклонился.

Джунковский объяснил:

— Это тот самый Еремей Прошкин, местный дворник. Доложи господину, что ты видел этой ночью?

Дворник, прищурившись, блеснул хитроватым глазом:

— Делать предисловие? Или сразу, как я убийство обнаружил?

— Говори толком, не отвлекайся!

— Стало быть, с предисловием! — дворник задумчиво, ощутив вдруг важность собственной персоны, почмокал губами и начал рассказ тем заученным тоном, который появляется после многократных повторений одного и того же. — Сижу вчера себе на poste возле ворот на лавочке. Темень уже наступила, потому как фонари зажгли. Думаю насчет самовара, потому как Лушка, Поповых горничная, давно поставила и дымом в мою сторону пахнет. Эх, думаю, знать пора свою душу удовлетворить, хотел было идти чаевничать с вареньем, клубничное нынешней варки, да как раз к воротам коляска парой запряженная подлетает.

— Номер видел? — спросил Кошко.

— А как же без номера? — возмутился дворник. — Как учили, так и делаю. Первей всего нумерок на задке разглядел — шесть сотен семьдесят шесть. А тут чуть мне не на голову господин спрыгивает. Высокий, усы вверх густо закручены, а сам в громадной бархатной шляпе с перьями. Строго так говорит, словно енерал какой:

«Тута владения Поповых?»

Докладаю по всей форме:

«Так точно, ваше превосходительство!»

Тогда господин командует:

«Стало быть, здесь живет действительный тайный советник Доброво? Беги к нему, доложи: художник Левицкий желает видеть!»

И кучеру приказывает:

«А ты жди!»

Доложил я Михаилу Сергеевичу про художника, а он весь как мелом облился — белый стал, а руки затряслись. Торопливо так отвечает:

«Скажи, что меня нет! Или, лучше, что я сплю, — подумал чуток и махнул эдак ручкой. — Зови! А сам, Еремей, сиди возле ворот».

Сразу я понял: разговор секретный! Ишь, не желает, чтоб я слышал, к воротам отсылает, будто сам не знаю, где мне по положению находиться следует.

Провел я художника к Доброво, а к воротам не вернулся. Уж очень меня любопытство одолело: чего он так перепугавшись? И так меня разобрало, что я под открытым окном присел, слушаю. Сначала они благородно так говорили, по-французски, а потом на наш язык перешли и друг другу обиды выкрикивали. Особенно художник старался: «Я за Маргариту не стерплю! Презираю, лицо смажу, собственными ручками задушу!» Интересный вот такой разговор. А тут Лушка кричать меня начала: иди, мол, Еремей, чай поспевши! И искать пошла и возле под окном заметила. Я ей руками знаки подаю, иди, дескать, послухай, а она лишь глотку дерет: «Самовар, самовар!» Потому у нас обычай — поздний самовар. Так из-за Лушки я и не выяснил обстоятельств дела, пошел чаевничать.

Выпил я два стакана с сахаром и вверх доньшком на блюдечко опрокинул. Вышел от Лушки — она под лестницей живет, в двухэтажном. Глянул, и на сердце облегчение — нет коляски. уехал скандалист! А у господина Доброво свет горит. Думаю: польщу их благородию, скажу «спокойной ночи», они очень культурность всякую уважают и на водку дают. Постучал я в дверь деликатно — молчок! Сильнее — снова тишина. Я уже так долбил, что вон на Спасской башне, видать, слышать было. Подергал за ручку — изнутри задвинуто. Сумнение меня разобрало. Неужто гость чего позволил? Да ведь не подлец он собственной персоне! Пошел к окошку, а их превосходительство вот так — нехорошо как-то об стол облокотились. Побег к Лушке, она вникать умеет, потому как умная. Говорит: «Залезай, толкни его, может уснувши», а сама возле окошка переминается.

Влез, в личность их глянул — а изо рта язык кровавый торчит, глаза на лоб вылезли. Заорал я, побег сообщать. Все! — дворник Еремей утер фартуком лицо.

№ 676

— Левицкого арестовали? — спросил Соколов.

— Он сбежал из дома, — ответил Кошко. — Сейчас у него обыск делают. Извозчика тоже ищем. — В тоне начальника сыска явно звучало раздражение: сами, мол, не дураки, кое-что умеем!

И в этот момент, словно по велению Мефистофеля, у ворот остановилась легкая коляска. С нее слезли трое — извозчик и двое агентов.

— А вот и человек номер шестьсот семьдесят шесть! — потер руки Джунковский. — Весьма любопытно будет тебя послушать, — обратился он к извозчику. — Как зовут?

— По фамилии мы Николаевы, а кличут Коляном, — закал парнишка лет девятнадцати, похожий чистым лицом и копной волос соломенного цвета на сказочного Ивана-царевича. — Рыбинские мы! Наше хозяйство в Сорокиной слободке, супротив как раз вокзала. А пока тут, на отхожем промысле.

Кошко твердо следовал правилу: для начала всегда полезно нагнать на допрашиваемого страху. По этой педагогической причине он изобразил самый свирепый вид и произнес:

— Говори только правду, если не хочешь в Сибирь, куда отправлю тебя вместо Сорокиной слободки. Ты вчера возил художника Левицкого?

Извозчик спокойно, не обращая внимания на зверское выражение лица начальника сыска, с легкой улыбкой не знающего за собой никакого греха человека, отвечал:

— Это в шляпе, что ль? Меня он подцедил на Мясницкой, против дома генерала Черткова, прямо возле посудного магазина Кузнецова. Я так понял, художник живет там, в двухэтажном домишке. Погнал меня сюда как раз. Ехал все ругался.

— Кого он ругал?

— Да всех, городского, меня, пролетку, которая нам преградила... Но больше всего поминал какую-то Маргариту, обзывал ее «изменщицей» и грозил: сдам, дескать, ее, Маргариту, на Трубной площади в самый дешевый

публичный дом. Но приехали сюда, я подождал художника, и он мысли переменял, потому как еще больше рассердился. Гони, говорит, на Николаевский вокзал, надо на ночной поезд успеть. Поеду к себе в Клин, имения у меня там. Буду, говорит, Маргариту собственными руками казнить. И все по спине кулаком меня шпинял. Беспokoйный седок попался, но, следует правду молвить, заплатил отменно — «синенькую» дал. Такое даже от господ купцов, из ресторанов которые, редко бывает. Хотя на поезд он все равно опоздал. Сказал, что уедет с номером восемь, что в шесть утра идет.

Кошко рванул из жилета цепочку часов:

— Как бы, дурак, и впрямь жену не прикончил! Ему теперь все равно. Скоро отходит восьмой поезд? Где телефонный аппарат тут? Надо дежурного предупредить, пусть Левицкого задержит.

Джунковский согласно кивнул:

— Да, протелефонировать следует! Чтобы потом по всей России и Европе его не разыскивать. Только я сам лучше поговорю — с дежурными жандармами. Вот уже и пригодились усиленные наряды, которые сами ставили. Где телефон, в доме Поповых?

Дежурный жандарм заверил губернатора:

— Вы, Владимир Федорович, не сомневайтесь! Восьмой поезд Москва—Клин отходит в шесть двадцать семь. Мы его весь перешерстим, а Левицкого вам доставим.

— Ваши агенты его узнают?

— Как не узнать, когда на газетных лотках его фотографии по пятачку за штуку продаются. Сейчас заберем десятку и раздадим своим сотрудникам.

Джунковский вернулся повеселевший. Спросил извозчика:

— Тебя арестовать для важности? Или сам приедешь в сыскное управление?

— Да уж чего вам, начальству, беспокоится! — белозубо улыбнулся извозчик. — Под арестом русскому человеку хоть и привычно сидеть, да только кто ж за моими двумя животными присмотрит? Лошади — они, как малые дети, догляда требуют. Когда прикажете прикатить?

В разговор вмешался Кошко:

— Нынче же в пять часов по полудню быть в Гнездиновском! Иначе — Сибирь! Как пособнику...

Извозчик еще раз улыбнулся и заспешил по гравиевой дорожке к воротам: там, отмахиваясь хвостами от назой-

ливых мух, стояли две лошади, запряженные в лакированную коляску и вожжами привязанные к каменной коновязи.

...В воротах на извозчика едва не наехала санитарная крытая повозка — для перевозки трупов. Санитары вошли в дом и через минуту-другую вышли с носилками, покрытыми простыней.

Жеребцов перекрестился:

— К Лукичу в гости поехал!

Действительно, убитого повезли в полицейский морг, что на Скобелевской площади. А зрителем там был, как помнит читатель, пьяница Лукич, порой сдававшийся на уговоры подгулявшей публики и за рубль показывавший знатных мертвецов.

Побежали томительные минуты. Ждали, когда с вокзала доставят преступного художника. По настоянию Кошко, его решено было допросить именно здесь — на месте злодеяния!

Отец и сын Гусаковы вот-вот должны были закончить обыск на Мясницкой, в квартире и мастерской Левицкого, но никто всерьез не рассчитывал найти там компрометирующих убийцу доказательств.

Однако... Об этом, впрочем, расскажем в своем месте.

«За» и «против»

Соколов задумчиво глядел на Кошко:

— Ты, Аркадий Францевич, и впрямь уверен, что Левицкий — убийца?

— А что, есть другое мнение? — с вызовом произнес Кошко. В присутствии губернатора начальнику сыска очень хотелось показать свое, если не превосходство, то, скажем, начальническое достоинство.

Соколов спокойно продолжал:

— Знаменитый художник, чьи картины украшают крупнейшие галереи мира, уличает в измене свою красавицу-супругу, которая лет на двадцать моложе его. По дуэльному кодексу, нанесено оскорбление крайней, третьей степени. Но дуэли нынче не в чести (к сожалению!). И вот художник начинает себя вести не как дворянин, а как отпетый негодяй. Он хладнокровно обдумывает злодеяние, запасается ременной петлей, которую подло набрасывает сидящему к нему спиной Доброво. Такое возможно? Нет,

конечно! Что случается у ночлежной рвани, то невозможно благородному и талантливому человеку.

Второе: где вы видели убийцу, который, прибыв с кровавыми целями, сообщает свое имя дворнику? Убийцы себя не афишируют.

Третье: если Левицкий убил Доброво, то кто закрыл внутреннюю дверь! Преступник? Нет, дверь закрыл сам Доброво, а затем уж его убили.

Четвертое: рылись в служебных документах. Левицкому они не нужны. И уж совсем он не мог опустошить денежный ящик — эта гнусность не для него. И последнее: чтобы задушить человека, надо иметь совершенно испорченную натуру, быть закоренелым злодеем. То, что мы знаем о Левицком, говорит: это человек возвышенной натуры, неспособный к преступлению.

Джунковский с восторгом и удивлением слушал гениального сыщика.

Зато Кошко снисходительно улыбнулся:

— Уважаемый коллега, граф Аполлинарий Николаевич! Никогда не сомневался, что таланты твои весьма разнообразны. Ты можешь стать великолепным защитником, за пояс заткнешь Спасовича, Арсеньева, Кони и прочих звезд адвокатуры. Если ты, граф, на суде произнесешь столь пламенную защитительную речь, то присяжные развесят уши и вынесут оправдательный приговор. Присяжные — они в суде люди случайные, непросвещенные, простецкие. Главное — жалость у них вызвать, а еще лучше — слезу пробить. Ты так и делаешь, опираешься не на факты, а почву зыбкую — нравственную сторону вопроса, оторванную от реальной действительности.

Соколов устало произнес:

— Любезный командир, говори, пожалуйста, по существу вопроса!

— То, что я говорю — все имеет прямое отношение к раскрытому нами убийству. Левицкий — человек чрезвычайно одаренный, с этим я спорить не стану. Прекрасно! Но еще Чезаре Ломброзо научно доказал, что талант и помешательство тесно связаны между собой. Великий итальянец приравнивал моменты творческого вдохновенья к эпилептическому припадку, но не судорожного, а психического характера, к так называемому психозэквиваленту. В литературе такими были Гоголь, Достоевский, Тургенев, Андерсен, Шопенгауэр и другие. А Гаршин! Впрочем, перехожу к другому аспекту нашей дискуссии.

— Сейчас ты станешь говорить о том, что всякий страстно влюбленный — это безумец?

Кошко подхватил:

— Вот-вот! Именно это, то, что ты сам, Аполлинарий Николаевич, утверждал не единожды. Но влюбленный, пораженный ревностью — это опасный безумец. Сколько самых опасных, самых неоправданных поступков совершено людьми в таком состоянии! Вспомни того же Отелло! Или, герой нам всем гораздо более близкий — убийца-ревнивец Поздышев из толстовской «Крейцеровой сонаты». Помнишь, как он, узнав об измене жены, опрокинул ее навзничь, душит и думает о том, какая у нее жесткая шея? А тут — ременная петля! И душит не горячо любимую жену, а подлого, как ему кажется, соблазнителя. Нет, дорогой коллега, задушит ревнивец и ничего, кроме громадной радости, от этого дикого преступления не испытает.

Джунковский слушал, боясь пропустить слово начальника сыска.

Между тем Кошко продолжал:

— Что следует из того, что Левицкий сообщил свое имя дворнику? Он из убийства и не собирался делать тайну. Теперь он спешит к своей зеленоглазой прелестнице с осиной талией — Маргарите. Если ему не помешают, он убьет и ее, а уже потом спокойно отдаст себя в руки правосудия.

— А зачем Левицкий в бумагах рылся? — заинтересованно спросил Джунковский.

Кошко с апломбом отвечал:

— А как же! Они убийцу интересуют более всего. Как всякий ревнивец, он спешит причинить боль прежде всего самому себе. Вот он и ищет новых доказательств измены, в первую очередь, любовных писем Маргариты. Деньги взял? Это неизвестно, были ли в кассе Доброво деньги.

Теперь губернатор с восторгом глядел уже на Кошко. И в этот момент...

Торжество начальника сыска

События, как в приключенческом фильме, развивались любопытно и стремительно. К воротам подкатил на рысаке (благо для полиции бесплатно!) Гусаков-младший. Весело крикнул:

— Гусаковы зря не потеют! Весь дом Левицкого перетряхнули, а вот доказательство его преступления, нашли!

Он достал свернутый в трубочку листок ватмана размером с двойной тетрадный. Соколов взглянул в него и увидел рисунок. С потрясающим мастерством рисовальщика карандашом была изображена мертвая голова Доброво: глаза безумно вытаращены, рот открыт и из него высовывался язык, из уха бежала струйка крови, а чьи-то две мускулистые ручищи намертво вцепились в шею.

Кошко с видом победителя усмехнулся, посмотрел на Соколова и патетически воскликнул:

— Какой гнусный цинизм — задавить и рисовать! Ведь для этого надо иметь каменное сердце. А ты, Аполлинарий Николаевич, пытался мне доказывать, что гений и злодейство — не совместимы. Нет, дорогой граф, очень совместимы. И примеров тому — тысячи.

В этот момент послышались под чьими-то шагами звуки шуршащего гравия. Кошко резко повернулся:

— Ба, трогательная встреча — сам знаменитый маэстро, господин Левицкий!

В сопровождении трех жандармов по дорожке шествовал Левицкий. В бархатном сюртуке, с громадным белым бантом, пышными кудрями, выбивавшимися из-под широкополой шляпы, он был похож на Питера Рубенса.

Один из жандармов протянул Джунковскому фото:

— Обнаружили в кармане арестованного!

Это была фотография Доброво с его обширным автографом. Джунковский вслух прочитал:

«Маргарите, восхитительному творению природы!

*Пройдет весна, и этот день пройдет,
Но весело бродить и знать, что все проходит,
Меж тем как счастье жить вовеки не умрет,
Покуда над землей заря зарю выводит
И молодая жизнь родится в свой черед».*

— Где вы это взяли, господин Левицкий? — спросил Джунковский.

Левицкий налился кровью:

— Нашел в шкатулке у своей жены! Но вас это не касается. Прекратите!

В разговор вступил Кошко:

— Это вы разделались с Доброво?

— Да, я уничтожил, раздавил этого бесчестного соблазнителя! — глаза Левицкого пылали гневом. — Но попросу в мои семейные дела не лезть!

Кошко победно улыбнулся:

— Отконвоируйте задержанного в Таганскую тюрьму. Чистосердечное признание!

Несчастливого Левицкого поволокли в камеру.

Соколов стоял в стороне и молча наблюдал эту сцену. По его лицу пробежала легкая усмешка.

Находка для эсера

Джунковский тряс руку Кошко:

— Поздравляю! И сегодня же прикажу во всех газетах дать информацию о прекрасной работе сыска, а то привыкли полицию ругать...

Тем временем Соколов, подзвав дворника, о чем-то расспрашивал его. Беседу он продолжил, гуляя по странному маршруту — вдоль ограды. Затем приказал Жеребцову:

— Отвези-ка этого блюстителя уличной чистоты в сыск да запири в подвале!

Кошко возмущился:

— Что за произвол, Аполлинарий Николаевич? Дворник с таким желанием помогал следствию... И потом: убийцу мы уже арестовали!

— Нехорошо людей давить, а для пользы Империи задержать причастного к преступлению — любезное дело! — И к губернатору. — Владимир Федорович, спать нам сегодня не дали. Так поехали в трактир Егорова, утешим наши чрева!

...После завтрака Соколов отправился в сыск. Дежурному приказал:

— Подними ко мне задержанного дворника и принеси бутербродов с пивом, пусть поест.

Привели дворника, который имел самый несчастный вид. Выпив пива, пришел в хорошее состояние духа. Сыщик сказал:

— Ты правильно сделал, что признался мне. Расскажи подробней!

Дворник, словоохотливый человек, затараторил:

— Намедни пил я чай в трактире Борегара. Один там, с козлиной бородкой и на носе пенсне, водочкой меня угостил, расспрашивал про Доброво. С кем живет, да держим ли собак. Ну, я и скажи, что собак не держим, а господин Доброво — одинокий, все вечера по службе старается, с бумагами сидит. Вот и все!

— По твоей вине, раб Божий, погиб действительный статский советник. Я должен тебя отправить в Сибирь. Но если сможешь мне найти козлотородого, то ничего тебе не сделаю.

...Соколов нарядился под купца с золотой цепочкой через живот. Вместе с дворником он начал обходить трактиры, рестораны, гулянья.

Наступил пятый день поисков.

Силовой прием

Ресторан Никитина «Прогресс» помещался в доме под номером пять на Чистопрудном бульваре. По преданию, в этом доме когда-то жил с родителями маленький Саша Пушкин, а сейчас это было веселое заведение.

Субботним вечером один за другим сюда вошли два человека. Первый, невзрачный и тщедушный, сел возле прохода. Второй — в одежде купца, а по виду атлет и с властным взглядом генералиссимуса — заслужил внимание лакея:

— Ваше благородие, вам нынче покушать или погулять? Можно в кабинетце замечательное веселье устроить-с. Барышни у нас фасонистые.

— Есть хочу, и прилюдно, — прогудел атлет.

— В уголок уютный желаете-с? Под пальмой?

— Так там нетрезвый человек!

— Это не человек, а тьфу, вещество одно! Эй, Харитонша, подсоби! — и лакеи выбросили «вещество» из трактира прямо на тротуар.

Лакей стяхнул руки и вновь изогнулся:

— Не желаете ли желудку праздник сделать — суп из раков? Это у других гостю в рот смотрят, а мы всегда потрафляем-с. Прикажете на рыбное сделать ударение? Икорка, балычок, устрицы, угри копченые — нежные, подлецы, как поцелуй красотки! Нынче хороший человек — большая редкость. Настоящие пьяницы все повымерли. Это прежде — гуляли, так земля ходуном ходила, а нынче — пустые хлопоты и одна, прости Господи, политика! Ай, господин хороший, куда вы? Зачем стол с посудой переворачивать? Караул! Полиция!

Пока лакей жаловался на упадок трактирных нравов, Соколов вдруг заметил, что дворник Еремей поднялся со своего места и проследовал к столику, стоявшему недалеко от буфета. За столиком сидел коренастый человек с козли-

ной бородкой и в пенсне. Увидав дворника, козлотородый недовольно поморщился и на приветствие Еремея не протянул ответно руку.

Дворник, как было условлено, вынул носовой платок и вытер себе шею.

Козлотородый звериным чутьем почувствовал неладное, настороженно оглянулся. Вдруг он уловил взгляд Соколова, рывком поднялся и рванул к выходу.

Соколов бросился вслед, опрокинув на своем пути столик и лакея. Он понимал, что в темном Харитоньевском переулке, куда выходила дверь и где на каждом шагу были проходные дворы, улизнуть очень просто.

Козлотородый имел преимущество в расстоянии. Он уже достиг дверей, но как по заказу в этот момент их проем загородил тот самый пьяница, которого еще недавно швырнули на тротуар как «вещество».

Столкнувшись лбами, оба покатались на пол. Соколов был рядом, когда козлотородый ухитрился выхватить из кармана револьвер и направил его на сыщика. Мгновенье и Россия потеряла бы гения сыска. Но тот с разбегу, словно заправский футболист, ногой выбил оружие убийства. И тут же так закрутил назад преступную руку, что козлотородый заорал самым диким голосом.

Лакей, рассчитывавший на хорошие чаевые (которые, кстати, шли в общую кассу и делились поровну), огорченно вздохнул:

— Вот и загул — сплошная меланхолия с битьем посуды.

Тайные замыслы

Как выяснилось, козлотородого звали Николаем Давидовичем Милютиним. Страшный на свободе, оказавшись в Таганской тюрьме, он раскис до неприличия. Понимая, что его, как убийцу, ждет петля, он без устали повторял:

— Господин следователь, а если я хорошо помогу вам, можно мне рассчитывать на снисхождение? Все, все расскажу, без всякой утайки. Жизнь у меня была самая тяжелая. Отец — пьяница, бил нас, и детей и мать нашу, до полусмерти. У меня душа кровоточит...

— За что, Милютин, были судимы первый раз?

— За эти, как их, экспроприации.

— Так и говорите: за бандитские налеты и грабежи. Нам ведь это известно.

Выяснилось, что вступив три года назад в партию эсеров, он специализировался на убийстве государственных чиновников. Милютин всегда душил ремнем, который за минуту до преступления выдергивал из собственных брюк. У него даже была партийная кличка — «Душитель». Убивал в Питере, Киеве, Харькове — всего семь трупов. И всегда дело обставлял столь ловко, что уходил «с концами».

Террористическая группа из пяти человек, которую Душитель возглавлял, специально прибыла из Харькова в Москву, чтобы совершить серию кровавых актов и устроить покушение на Государя.

Случайный разговор в трактире Борегара с болтливым дворником стал приговором для Доброво. У этого высокопоставленного губернского чиновника бандиты надеялись найти какие-нибудь документы, которые помогли бы определить маршруты следования Государя во время его визита в Москву. Ибо именно во время такой поездки замышлялось убийство. Надежды террористов хоть и не полностью, но оправдались. Среди записей Доброво, террористы обнаружили одну: это о поездке на Поклонную гору — длинную в долгих шесть верст. Террористы правильно прикинули, что никаких охранных сил не хватит, чтобы обезопасить государя.

Естественно, что следователь задал вопрос:

— Каким образом вы совершили убийство Доброво?

Милютин рассказал, как он со своей подручной Марией Швейцер два дня вели разведку, сквозь ажурную ограду наблюдая то, что происходит во владениях Поповых. Был составлен план преступления, по которому Милютин проник в дом через одно из открытых окон и спящего Доброво душил, а все обнаруженные в доме бумаги уносил.

Еще накануне, улучив момент, когда в проулке никого не было, на дальней стороне ограды убийца «фомкой» отогнул один из прутьев, устроил себе лаз.

На другой день вместе с наступлением темноты злоумышленник спрятался в густых зарослях орешника, что рос невдалеке от флигеля. Приезд мужа-ревнивца натолкнул убийцу на мысль изменить план действий. Он видел из засады, что свидетелем скандала стал старый знакомый — дворник Еремей, который теперь наверняка бы показал как на убийцу именно на Левицкого.

— Хотел одним выстрелом двух зайцев убить! — признался Милютин. Дворника позвала чай пить горничная. Вскоре, оскорбив «действием» ловеласа, покинул дом Ле-

вицкий. Убийца, выждав момент, когда Доброво пошел закрыть за незванным гостем входную дверь, вскочил в окно и спрятался за шелковую портьеру.

Доброво вернулся в гостиную. Явно удрученный скандалом, он тяжело опустился в кресло, стоявшее возле стола. Не мешкая, Милютин подкрался сзади и ремнем задушил начальника управляющего губернской канцелярии.

И тут же, едва смертные конвульсии утихли, убийца бросился к сейфу. Он был открыт. Милютин выгреб все ценные бумаги и наличные деньги. Затем лихорадочно стал собирать деловые бумаги.

В этот момент раздался стук в дверь — пришел дворник. Пришлось спешно бежать — вновь через окно.

— Я ведь собрался уехать обратно в Харьков, — вздохнул убийца, — да в газетах появилось сенсационное сообщение: «Знаменитый художник убивает крупного чиновника!» Товарищи по партии настояли, чтобы я остался в Москве: впереди было много серьезной работы, мы ожидали самодержца.

— Где теперь ваши товарищи?

Убийца назвал все адреса. Но задержать удалось лишь Марию Швейцер, любовницу Милютина и, как выяснилось, ближайшую подругу другой опасной террористки — Фани Ройтер. Они жили под одной крышей в районе Патриарших прудов.

Были произведены и другие аресты. Все это способствовало успешному визиту Государя в Москву. Джунковский примерил вожаделенные генерал-майорские погоны.

Э п и л о г

Уже в день ареста Милютина, художник Левицкий с извинениями был выпущен из заключения. Хотя еще прежде объяснил следствию: «Утверждая, что я «уничтожил» Доброво, я имел в виду уничтожение моральное, ибо оскорбил его по лицу. О том, что он убит, я узнал лишь во время следствия». Соколов утешил художника:

— Ваше счастье, что вы были под стражей. Террористы, желая спрятать концы в воду, планировали убить и вас. А это было бы большой потерей для русской культуры.

— И лично для меня! — нашел в себе силы пошутить художник.

Что касается террористов, Милютин был приговорен к повешению, но ловкий адвокат сумел так затянуть исполнение приговора, что подошло великое торжество — трехсотлетие Царствующего дома Романовых, и Государь в числе прочих преступников заменил Милютину смерть пожизненной каторгой. По десять лет каторги получили Швейцер и Фани Ройтер.

Большевистская революция возвысила из этой троицы лишь одного — Николая Давидовича Милютину. Будучи близким человеком Троцкого, он занимал важные посты в народном хозяйстве, успел потрудиться и в доблестном ЧК. В середине тридцатых годов Сталин расстрелял его — как «врага народа». И это было истинной правдой — все эти типы с партийными билетами в карманах были врагами русского народа.

Где-то сгнила на Соловках и Швейцер, все-таки добившаяся своего — свержения «проклятого самодержавия».

С Фани Ройтер, она же Фани Каплан, случилась очень странная история. Почти полностью потеряв зрение, даже в туалет пробираясь на ощупь — вдоль стен, она в августе 1918 года была обвинена в покушении на бесценную жизнь великого Ленина и якобы расстреляна. Обвинение абсурдное, да и политика вообще — дело темное, нередко уголовное.

Что касается изумрудоокой Маргариты, то вся эта история с Доброво так сильно на нее повлияла, что стала для нее хорошим уроком. Маргарита родила маэстро двух очаровательных сыновей. После захвата власти большевиками, они уехали в Париж. Маргарита теперь уже до конца жизни оставалась верна Левицкому. Супруги жили в согласии, тосковали по прежней России и были похоронены на русском кладбище Сент-Женевьев де Буа под Парижем. Впрочем, за истечением срока аренды земли, их захоронения были аннулированы. Печальная проза жизни!

СЕКРЕТНЫЙ СОТРУДНИК

При необычайных обстоятельствах задержали человека, связанного с кровавой бандой революционеров. Все усилия дознавателей зашли в тупик. На помощь призвали самого Соколова. И тут знаменитому сыщику пришлось столкнуться с совершенно невероятной ситуацией.

Подозрительная личность

На дебаркадере Саратовского вокзала в Москве, недавно открытого и позже переименованного в Павелецкий, царила та шумная суета, которая всегда бывает с приходом поезда: улыбки и радостные крики, торопливо снующие кондукторы с фонарями, промасленные машинисты, сцепщики в рукавицах, носильщики, согнутые тяжелой поклажей.

Из вагона II класса поезда 181 Саратов—Москва сошел молодой, весьма элегантный человек с тщательным пробором и в модном сюртуке с золотыми пуговицами. Пышные темные волосы львиной гривой спадали на плечи. В его руках был небольшой фибровый чемодан.

Пассажир тут же попал в поле зрения заинтересованных по службе лиц. Но его благородный облик никак не совпадал с теми типами, фотографии которых заполняли полицейские альбомы. Так что, бдительное око наружной службы было перенесено на другие подозреваемые персоны. И это было ошибкой!

Тут как тут возник Сидор Муштаков — носильщик в фартуке с бляхой:

— Счастливого прибытия, ваше степенство! Позвольте вам насчет чемоданчика послабление сделать-с!

Пассажир мгновение колебался, но потом все же произнес:

— До извозчика, пожалуйста, только, Бога ради, осторожней!

Носильщик с привычной легкостью подхватил чемодан, крикнул:

— Эка тяжеленный! А на вид, право, не скажешь.

— Книги там! Я вам хорошо заплачу, только бережней...

Тут видавший виды носильщик задумался: «Чего сюртук так переживает?» Он вспомнил приказ начальства: «Выявлять и сообщать о подозрительных!» И в этот момент, словно нарочно, в поле зрения оказался ловкий филер Калязин. Носильщик вспомнил, что совсем недавно тот угостил его водочкой по поводу собственного дня рождения. «Долг платежом красен! — подумал носильщик. — Может это так, одно предисловие, а вдруг и впрямь — в чемодане левариционные прокламации!» Он многозначительно подмигнул Калязину.

А дальше началось такое, о чем носильщик сначала с удовольствием, а потом со страхом вспоминал всю свою жизнь, окончившуюся в славную годовщину великого Октября 1935 года, когда он упился насмерть.

Крупный улов

Калязин считал себя человеком счастливым. Кем только не пришлось ему побывать: пространщиком в Селезневской протонародной бане, смотрителем биологического музея, сторожем в Елоховском ломбарде, продавцом воздушных шариков, сторожем морга!

— Но сделал свой карьер, в люди вышел! — хвалился он в кругу семейных. — Потому как — в чердаке есть малость! — и он немилосердно стучал себя по лбу.

Уловив сигнал носильщика, Калязин встрепенулся, приосанился и подскочил к пассажиру в сюртуке:

— Наше вам почтение! Вы, случаем, поклажу не перепутали? Это точно ваш фибровый багаж? А то чемодан кожаный богатый забыл кто-то.

У пассажира затряслись губы, он дотронулся до плеча носильщика:

— Идите, идите! Спасибо, но я ничего не оставлял.

Калязин, увидав волнение пассажира, почувствовал азарт охотника.

— Нет уж, позвольте убедиться! И не следует меня руками хватать. Я при исполнении. Пройдемте сюда. — И вынув свисток, Калязин дунул в него, как в охотничий рог.

Тут же подскочили еще трое сотрудников и повели в небольшое помещение в левом крыле вокзала, которое называлось «*Конторой жандармского отдела на железной дороге*».

В тот день в конторе было довольно многолюдно.

Коллеги, завидя Калязина с задержанным, который еле двигался на ватных ногах, и страшная бледность проступила на его лице, заинтересовались:

— Важную птичку поймал! Прокламации опять, поди?

Чемодан был поставлен на стол. Калязин долбанул по нему кулаком:

— Открывайте!

И вот крышка была откинута. Поднаторевшие в проделках революционеров, расплотившихся вдруг словно тараканы за печкой, сыщики ахнули и невольно отпрянули от страшного содержимого, которое сразу же распознали.

В чемодане находились две больших стеклянных банки, слегка оплетенные лозой. Сквозь просветы, в лучах ярко бывшего в окно солнца проглядывала маслообразная желтоватая жидкость — нитроглицерин.

Все находившиеся в конторе — филеры, жандармы, носильщик — с изумлением и некоторым страхом замерли. Первым пришел в себя Сидор Муштаков. Он с ненавистью посмотрел на задержанного:

— Ну, сиволдай! — и плюнул себе на ботинок.

Калязин растянул рот в улыбке:

— Подсолнечное масло везешь — теще блины жарить! А? — филер вплотную подступил к пассажиру. — Нет! — вдруг рявкнул Калязин, словно со стороны любуясь своей неустрашимостью и предвкушая награды, которые теперь посыпятся на него. — Нитроглицерин тут, курва! — и он с размаху хрястнул пассажира в ухо.

Пассажир схватился за голову, возмутился:

— Как вы смеете!

Калязин повернул ладони с растопыренными пальцами вверх, поднес их к самому лицу пассажира:

— Смею! Взрыватели, — он нецензурно выругался. — Вешают вас, вешают, а выходит, что мало — надо

больше! А на вид — благородный, сроду не подумаешь! Ух, Иуда, Россию-матушку продаешь! С жидами да поляками, поди, схлестнулся? Но ничего, вздернут тебя в два счета. Кому вез, отвечай! Чего нахмурился! Я те нахмурюсь...

Пассажир гордо поднял подбородок:

— Вы от меня больше ни слова не добьетесь!

Крепкий характер

На пассажира надели наручники, поймали на площади какого-то ваньку и в сопровождении Калязина отправили эту делегацию на Воскресенскую улицу — на допрос в жандармскую полицию железной дороги.

Но сколько ни бился ее начальник Ипполит Сыч, желчный стареющий мужчина, стеснявшийся своего 48-летнего возраста, он ни единого слова за два дня интенсивных допросов из пассажира не выжал.

Обыск задержанного тоже ничего не дал. Кроме упоминавшихся банок с нитроглицерином, обнаружили в чемодане фото двух девочек-близняшек, сидевших в шелковом кресле тесно прижавшись друг к другу. Детям на вид было чуть больше года: громадные счастливые глазенки, банты на белокурых волосах.

— Детишки, поди, ваши! — спрашивал Сыч. — Похожи! Вот подрастут, узнают, за какие делишки их папашку за шею вздернули. Ишь, и фирму ателье снизу отрезал, чтоб по этому признаку не нашли. Приобщим фото к уголовному делу! Так и будем молчать? Напрасно! Выдайте нам сообщников, так жизнь вам сохраним.

Пассажир сидел словно окаменев: опустив печально голову, плотно сжав губы.

На третий день приказом генерал-губернатора Гершельмана дело перешло в ведение начальника охранного отделения хитрого полковника Евгения Сахарова.

Напрасные хлопоты

Сахаров, поджарый мужчина, неустрашимо ходивший в атаку со штыком наперевес в русско-японскую кампанию, добродушно улыбался, и только серые щели глаз смотрели холодно и умно:

— Кофе будете пить! Или чай предпочитаете! — вежливо обращался он к пассажиру. — Я ведь могу понять вас, революционеров. Сам смолоду нигилистом был. Сколько вокруг безобразий: чиновники народ обкрадывают, в правительстве бездарей полно. Надеялись на народных избранников, что в Государственной думе, а там — сборище лентяев и недотеп. Но разве взрывы и убийства — правильный путь! Убили великого князя Сергея Александровича, оставили детей сиротами. Сидит теперь на его месте Гершельман. Разве что переменилось! Совсем нет! А грех великий — убийство. Тем более, вы ведь, знаю, христианин — крест на груди носите. Разве я говорю не так? Опровергните!

Пассажир продолжал молчать и кофе не пил, бутерброды не ел.

Сахаров ежедневно докладывал о ходе следствия генерал-губернатору.

Гершельман ярился:

— Безобразие! На носу — визит Государя в Москву, а тут террористов — как поганок возле болота! Неужели вы, Евгений Вячеславович, опытный следователь, не можете заставить говорить этого щенка! Для нас всех это может кончиться катастрофой.

Сахаров наливался гневом и решительностью и вновь ехал в Бутырки. Позабыв обычное хладнокровие, он долбил кулаком стол:

— Ваше фото и ваши отпечатки пальцев, господин Икс, разосланы во все крупнейшие города Империи! Мы установим вашу личность, но тогда для вас все будет кончено. Ваше молчание обличает в вас труса!

В ответ — гробовая тишина. Сахаров скрипел зубами от ярости, хотя в глубине души крепло неосознанное уважение к человеку хрупкой наружности, но железного характера.

Наконец за дело взялся генерал-губернатор.

— Я сам еду в Бутырку, коли вы такие беспомощные! У меня он быстро разговорится, — проговорил он с самым решительным видом, усаживаясь в служебный «бенц».

...Приезд столь высокого и необычного гостя наделал в тюрьме много переполоха. Предупрежденный по телефону, начальник тюрьмы капитан Парфенов, как обычно, благоухавший перегаром, со всей своей свитой со страхом и низкими поклонами встретили генерал-губернатора.

Ровно тридцать пять минут (время засек педантичный Сахаров) тот всячески убеждал:

— Проявите благоразумие, спасите свою жизнь. Выдайте нам сообщников, и вы обретете свободу. Когда мы разоблачим вас сами, будет поздно. Проводник поезда, на котором вы приехали в Москву, нам доложил, что вы сели на поезд в Раненбурге. Туда уже выехали наши агенты с вашим фото. Кольцо вокруг вас сжимается. Даю вам последний шанс...

Пассажир, безучастно сидя на грязных нарах, всем своим отрешенным видом выказывал высокой персоне полное равнодушие.

Гершельман взорвался:

— Висеть будешь, сукин сын!

...Генерал-губернатор, с самым мрачным видом расправляя бакенбарды, вновь сел в сияющий свежим лаком «бенц» и отправился восвояси.

Палочка-выручалочка

Сахаров, разместившийся рядом, деликатно молчал. Но когда авто выкатило на Тверской бульвар, набрался духу и высказал вслух заветное желание:

— Может, включим в следственную группу полковника Соколова?

Генерал повернул упитанную фигуру и прищурил глаз:

— Может, вообще вашу контору упразднить, а вместо нее одного Соколова заставить бороться с терроризмом в Москве! Толку, уверен, больше будет. И большая экономия средств.

И уже подъехав к генерал-губернаторскому дому, сказал Сахарову, почтительно распахнувшему дверцу «бенца»:

— Передайте руководство следствием графу. И учитесь у него!

Расцветший от счастья Сахаров поддакнул:

— Так точно! Сергей Константинович, мне граф напоминает шахматного гроссмейстера, который с необыкновенной легкостью решает этюды, которые для него сочиняют преступники.

Гершельман отеческим тоном произнес:

— Посоветую: расположитесь в соседней камере и по тайной связи послушайте, как Соколов поведет допрос. Какую каверзу он заготовит террористу? А?

Паника

Соколов приказ генерал-губернатора принял как должное. Ранним утром следующего дня он входил под мрачные своды Бутырской тюрьмы. Сыщик поднялся на второй этаж в небольшую продолговатую комнату со столом возле зарешеченного окна и табуреткой в углу для заключенного — в следственную камеру.

Он не знал, что в соседней камере уже с нетерпением поджидали допроса Сахаров и нарочно приглашенный Кошко. Несколько кирпичей из кладки стены были вынуты в незапамятные времена, якобы еще по приказу Екатерины Великой, и укреплена труба с широким раструбом — примитивное устройство для подслушивания, работавшее, впрочем, безотказно: не только разговоры — шелест разрываемой бумаги был отчетливо слышен.

И далее господа любопытные услышали нечто такое, что глубоко изумило их и даже возмутило.

Не подозревавший никаких каверз, Соколов приказал привести молчуна. И вот вошел убитый горем человек, никак не похожий на пламенного революционера с безумными горящими глазами — на тех шизофреников, которые фанатично верили в свои бредовые идеи. Лицо вошедшего хранило печать особой задумчивости и даже отрешения от внешнего мира, которое порой бывает у людей, одухотворенных творческой идеей.

Соколов вежливо поднялся из-за стола:

— Позвольте представится: верный слуга Его Императорского Величества, в прошлом конногвардейский полковник, а ныне сыщик граф Аполлинарий Николаевич Соколов.

Сахаров и Кошко с жадным любопытством ловили каждое слово великого сыщика. И вдруг они услышали такое, что ввергло их в столбняк изумления. Это случилось после того, как Соколов сказал:

— Мое дело — ловить уголовных преступников, а не допрашивать политических террористов. Но ваше молчание ввергло охранку в смятение. Почему-то, боюсь ошибочно, командиры решили, что я сумею разговорит вас, сударь. И мой долг заявить вам: дознаватели, угрозами и запугиваниями добиваясь от вас признаний, нарушают закон. Ваше право — выбор позиции: вы можете говорить или молчать. Я принес соответствующий том законов и заложил те страницы, текст которых может пригодится

вам. К примеру, на странице пятой: *«Обвиняемый не должен быть источником доказательств против самого себя. Он не служит объектом уголовного процесса, а является в этом процессе одной из сторон с самостоятельными правами».*

Заключенный с изумлением смотрел на этого громадного человека, с породистым красивым лицом, вглядывался в светло-серые умные глаза, источавшие искренность и душевное тепло.

Соколов ободряюще улыбнулся:

— Вы знаете, сударь, чем порядочные следователи отличаются от негодяев? Первым нужна лишь истина, а последним — признание, добытое любым способом. Впрочем, послушайте комментарии к приведенной мною статье: *«Обвиняемый не обязан высказываться или сознаваться, может даже вовсе не отвечать на поставленные дознавателем вопросы. Что касается следователя, он не должен домогаться сознания никакими способами, ни прямыми, ни косвенными, а самый допрос ограничивается предъявлением обвиняемому улик, дабы он имел возможность изложить и свои объяснения».*

Соколов говорил мягко, доброжелательно, так как мог бы говорить толковый адвокат, но уж никак не следователь:

— Если меня, сударь, отстранят от ведения этого дела, то вам полезно будет знать вот это, я заложил страницы.

Соколов полистал увесистый том:

— Вот, сударь, комментарии к законам. Это может быть вам полезно: *«На отказ обвиняемого от ответов следователь должен смотреть не как на ослушание или неуважение, а как на пользование своим законным правом».* И в дополнение к этому тому я передаю вам книгу Макалинского «Руководство для судебных следователей». Из нее вы узнаете много необходимого о своих правах и уловках следователей.

Солнце широким снопом било в окно, ярко освещая террориста. Соколов ясно читал на его лице сложную гамму чувств: от сомнений до глубокой симпатии к новому следователю. Вдруг сыщик разглядел нечто такое, что едва не заставило его вздрогнуть. Поражен он был приятно и до чрезвычайности.

Тогда Соколов сказал:

— Держите! — и протянул по одной книге, жадно вглядываясь в протянутую террористом кисть. — Изучайте,

и скоро мы с вами встретимся. Кажется, сударь, я преподнесу вам сюрприз — приятный!

Террорист был смущен и растроган. Соколов подал ему руку, террорист ответил теплым пожатием.

Едва террориста увели, как в камеру Соколова влетели Кошко и Сахаров, набросились с упреками:

— Мы желали учиться у сыщика, которого всем ставят в пример как образцового, слушали допрос. А что получается? Предательство? Полезные советы для противодействия следствию?

Соколов сграбастал коллег в объятия и так прижал их к своей обширной груди, что они испустили дружный стон.

— Подслушивать — грешно! — сказал он смеясь. — Но никому не болтайте о том, что услышали. Бог даст, дело скоро раскроем.

Начальники недоуменно переглянулись:

— Граф, вы изволите шутить? Это невероятно...

В храме музыки

Денек у Соколова выдался бурным. Поймав на улице лихача, Соколов подбодрил его кулаком по спине:

— Гони, кобылий командир, на Большую Никитскую!

Через пятнадцать минут сумасшедшей гонки, остановились у детища Николая Рубенштейна — консерватории. Сыщик направился в класс скрипки к легендарному педагогу — Гржмали. Протянул фото, предусмотрительно взятое из уголовного дела:

— Вам лицо это знакомо!

Старый Гржмали, близоруко шурясь, взгляделся в тюремное фото и удивился:

— Батюшки, никак это Казарин? Почему полицию интересует этот прекрасный юноша, питомец самого Ауэра! Вениамин Казарин закончил, вы знаете, Петербургскую консерваторию. Закончил с блеском! Ауэр ставит его в один ряд с такими яркими талантами, как Полякин, Хейфец, Эльман, Цимбалист. У нас Венечка давал концерт в нынешнем мае. Успех полный! Скажите, а вы не родственник того самого Соколова — знаменитого сыщика! Ведь о нем та-акие истории вся Москва рассказывает!

— Однофамилец!

— Ну и хорошо! А Казарин переехал к своей юной супруге в Саратов. Там хотят консерваторию открыть. Ве-

ниамина пригласили преподавать. Кстати, у нас сегодня будет вся Москва, играет соученик Вениамина — Ефрем Цимбалист. Ах, прекрасный дар!

Соколов надолго задумался. Потом решительно произнес:

— А нам два кресла, Иван Войцехович, найдете! Я хочу прийти с Казариным.

— О, в таком случае отдаю два своих места в директорской ложе! Начало ровно в девять.

Соколов вновь помчался в Бутырскую тюрьму.

Признание

— Забираю у тебя своего подследственного! — заявил Соколов Парфенову. — Давай, запрос напишу.

— А кто конвойные! — удивился начальник тюрьмы.

— Разве я не сойду за них? — хохотнул сыщик. — Прикажи доставить сюда заключенного, да живей!

...В канцелярию привели Казарина. Цвет его лица успел приобрести серый цвет, какой обычно бывает у тюремных сидельцев, а сам он был погружен в глубокую меланхолию.

Соколов бодро проговорил:

— Вениамин Александрович, вы получаете увольнительную! Пошли!

Заключенный вздрогнул, услышав свое имя.

Но он не сдвинулся с места, словно парализованный своим разоблачением. Парфенов грубо толкнул Казарина в спину:

— Чего кочевряжишься! Иди, коли приказано!

...Для начала сыщик привез Казарина на Петровку, 2. Здесь в громадном универмаге «Мюр и Мерилиз» Соколов подобрал для скрипача приличный костюм, манишку, модный шелковый галстук. Арестант тут же переделся, зайдя в специальную кабину для примерок.

Соколов выдернул из жилетного кармана золотой «Павел Буре»:

— Через полчаса, Вениамин Александрович, мы будем наслаждаться игрой вашего приятеля Цимбалиста! Так что, до консерватории успеем дойти не спеша, порадоваться видом вечерней Москвы.

Казарин оторопело взглянул на сыщика. И вдруг впервые за все дни заточения произнес слова — хриплым, застоявшимся голосом:

— Зачем, зачем все это — костюм, консерватория? Чтобы мне было трудней уходить из этой жизни? — он безжизненно опустил на чугунную тумбу коновязи.

Соколов терпеливо молчал. Потом он поймал на себе взгляд Казарина — растерянный и страдальческий. Казарин вдруг вскочил с тумбы, в каком-то стремительном порыве схватил громадную руку Соколова:

— Я все, все вам расскажу! Эти люди разбили мою жизнь, они опозорили меня и моих детишек — Инессу и Татьяну. Да, я дал клятву молчания, но... — он рванул ворот рубахи, расслабил узел галстука. — Но они обманули меня.

Прохожие стали оглядываться на эту бурную сцену. Соколов взял спутника под локоть, они пошли в гору — по Кузнецкому переулку.

— Да, я все расскажу вам, история короткая и глупая! — уже спокойно произнес Казарин. — Лишь один вопрос: как вы узнали, что я скрипач?

Соколов расхохотался:

— А вот это будет пока моей тайной. Я ведь вроде фокусника, которому не стоит разоблачать свои секреты. Объясню все позже. Слушаю...

Казарин говорил спокойным, будничным тоном, будто повествовал не о себе, а ком-то другом, совершенно ненужном и скучном человеке:

— Все случилось из-за скрипки работы Батова. Не слышали о таком? Гварнери, Амати — это знает каждый! Но Иван Батов — чудо из чудес, его скрипки менее знамениты, но нисколько не хуже. Первым стал на Руси инструменты дивной работы создавать! Только в пятьдесят пять лет от крепостной зависимости освободился — при Александре Благословенном в 1822 году.

Каждый скрипач мечтает играть на хорошем инструменте, да мне о многом думать не приходилось — родители бедны, кстати, живут в Москве за Крестовской заставой. Спасибо, что помогли консерваторию закончить. У самого семья — жена Валентина, милейшее и добрейшее существо, да две дочурки-близняшки, обеим по году.

И вдруг два случая подкатили, и оба невероятных. Недели три назад ко мне вдруг пожаловал один дядя, назвался местным помещиком Кузьмой Шалаевым. Фигура уморительная: ростом и повадками — истинный медведь, косолапый, ручищами за все зацепляется, цвет лица кале-

ный. Точно Собакевича Гоголь с этого дяди писал. В руках Кузьма держит футляр скрипичный. Объясняет:

— Имел честь слышать, что вы музыкант. А у меня, извините, иная слабость — картишки-с. Тут с одним разбойником сразился, так тот, мошенник, все мне спустил, в том числе и вот это, — протягивает мне скрипку. — Вещичка старинная, пять тыщ тянет. Взять не желаете! Позвольте заметить, что у них это семейная реликвия. И мастера фамилия, — полез гость в карманы, долго шарил, бумажку вытащил, прочитал: — Иван Андреич Батов, стало быть. Берете! А то в Питер отвезу, там с руками оторвут.

Взял я в руки скрипку — и впрямь клеймо Батова. Прошелся по всем регистрам — звучание мощное, чистое, необыкновенное богатство обертонов. Настроил, заиграл — прямо-таки живой человеческий голос звучит. Живая, истинно говорю — живая скрипка, душа у нее есть! Решил: все отдам — скрипку не упущу! Дядя согласился месяц ждать. Да где капитал собрать? Заложили дом. Валюшка продала колечки-браслетики золотые, подписал я кучу контрактов на концерты — вдоль по всей матушки Волге. Все равно на скрипку не хватает! А из головы не выходит она у меня, каждую ночь снится: вдруг ее кто другой перехватит или дядя этот сам в карты проиграет? Вообще, род помешательства.

Приехал на концерт в Царицын. Успех совершенный! Познакомился я с певицей. Мария Школьниковна зовут ее. Тоже моим талантом восторгается. Говорит:

— Это хорошо, что вы из Саратова! Мы с братом тоже там хотим на некоторое время обосноваться. Не подскажите ли, кто сдает там домики? Я хочу на химика учиться, брат поможет готовится.

Я возьми да ляпни:

— Да у нас второй этаж пустует. Если деньги вперед за три месяца внесете, то занимайте.

Она на другой день после меня приехала, деньги отдала. Поставила условие: «К нам не поднимайтесь, чтобы чистоту опытов не нарушить!» Прикатил и брат Марии — толстый, курчавый. Целыми днями они опыты ставили. Изредка мы вместе чай в беседке пили. Мария узнала о скрипке, говорит:

— Пятьсот рублей желаете заработать? — И объяснила, что следует в Москву срочно две банки реактивов отвезти.

— Это очень ценные реактивы. Я не могу доверить их случайному проводнику. Да вам ведь все равно в Москву по делам ехать, что ж от хороших денег отказываться. Не резон!

Согласился я. Мария предостерегает:

— Только осторожно — чтоб стеклянная тара не разбилась!

— А кому отдавать?

— Как приедете в Москву, сразу же на извозчика садитесь и поезжайте на Ходынское поле. Около Царского павильона — это рядом с летным полем, вас будет ждать человек. Он сам подойдет к вам и заберет у вас чемодан и даст полтысячи рублей.

— А как он меня узнает?

— По чемодану!

— Имя человека!

Мария подумала и недовольно поморщилась:

— Захар зовут, да какое это имеет значение! Самое главное — осторожно доставьте и никому о нашем деле не говорите. Даже Валентине.

Потом Мария помялась и заявила:

— Это очень важно, чтобы никто не знал, кто дал вам чемодан. Деньги вы получите хорошие и мне нужна гарантия.

Удивился я:

— Какая гарантия! И зачем такие предосторожности!

— Это уж мои заботы — «зачем»! Поклянитесь вашими детьми, что никогда и ни при каких обстоятельствах не скажете про наш уговор?

Удивился я еще больше, но твердо сказал:

— Не беспокойтесь, даже под страхом смерти не скажу, раз вам так хочется. Ну, клянусь. Честное благородное слово!

Казарин тяжело вздохнул:

— Ну а дальше вы, Аполлинарий Николаевич, все знаете!

Фото на память

Соколов испытал странное чувство. Это было и сострадание к этому хорошему доброму человеку, и ужас перед теми, кто с легкой совестью послал его на заведомую гибель. Сыщик размышлял: «До какой степени

надо выродиться, забыть и Бога, и всякую совесть, чтобы очерствить свою душу, полностью потерять всяческую жалость к ближнему, как сделали люди, которые называют себя «революционерами» и которые якобы борются за «народное счастье», загодя обрекая тысячи людей на страдания и смерть. Нет, пока жив, сделаю все возможное, чтобы спасти Россию от этой погони, от этой заразы, старающейся поразить нравственной проказой как можно больше людей. И многие уже поверили этим лживым идеям. Не только те, что вынуждены проживать в черте оседлости, но и такие благополучные буржуи, как Максим Горький или миллионер Рябушинский. Господи, просвети их!»

Вслух Соколов произнес:

— Спасибо, Вениамин Александрович, за откровенный рассказ. Ваша доверчивость, перешедшая в преступную наивность, толкнула вас на гибельный путь. Но я вижу: вы отлично понимали, что идете на страшное преступление.

— В том-то и дело, что нет! — горячо возразил Казарин. — Не знал этого!

— Разве! Мне понятно, что любовь к детям заставила вас взять с собой их фото, но ведь на паспорту название ателье отрезано явно с конспиративной целью? Когда нет дурных помыслов, тогда не предпринимают таких мер.

— Нет, все не так! — решительно возразил Казарин. — Мария, когда увидела, что я фото беру с собой, потребовала, чтобы я оставил его дома. Я категорически возразил:

— Нет, не надо мне ваших денег и не надо командовать моими чувствами! Я эту фотографию всегда вожу за собою.

Тогда она взяла фото и отрезала название и адрес ателье. И повторила:

— Я верю вам, вы слово свое сдержите и никогда и никому не скажете о нашей сделке.

Вот тут я почувствовал себя явно не в своей тарелке. И рад был бы отказаться от этой самой «сделки», да стыдно стало поворачивать вспять. И когда меня арестовали, я твердо решил молчать и на суде, и до суда. Я размышлял так: «Коли такая беда случилась со мной, то пусть мое молчание поможет моей семье избежать позора!»

Соколов задумчиво потер переносицу:

— Вы поняли, почему Мария взяла с вас клятву молчания, почему она боялась, что вас быстро опознает полиция?

— Думаю, ей надо было выиграть время, чтобы в случае моего провала убраться подальше от Саратова.

Соколов согласно кивнул головой:

— Именно так! Дело опасное, Сибирью пахнет, а то и петлей. Вот и принимали всевозможные меры предосторожности. Сами, понятно, не рискнули переправлять нитроглицерин — и схватить могут, да и взрывается он легко, на куски разорвет. Вот и облюбовали вас для этой цели. Уверен, что кто-то из сообщников следил за вами на вокзале, предупрежденный Марией, она наверняка отправила шифрованную телеграмму. Так же и он, этот сообщник, отправил телеграмму о вашем задержании. Впрочем, скоро мы все это выясним.

Спутники вышли на Большую Никитскую и сразу же перед ними открылось величественное здание консерватории.

Большой сбор

То и дело подкатывали экипажи, рессорные коляски, автомобили, толпились жаждавшие попасть на концерт.

Едва Соколов со своим спутником прошел через служебный подъезд, как к ним поспешил радушно улыбающийся Гржмали. Он обнял Казарина:

— Милый Веничка! Страшно соскучился по тебе. Как в Саратове, когда консерваторию откроете! Где концертируешь!

Словесный водопад прервал Соколов:

— Иван Войцехович, куда прикажете сесть!

Гржмали изумился:

— Как куда! Вы мои гости, я за вами оставил два кресла в директорской ложе. У нас сегодня большой сбор! Сейчас молодой Цимбалист, доложу вам, господа, в большой фавор у публики вошел. Вся Москва сочла долгом явиться на его концерт. Тем более, — старый профессор понизил голос, — Ефрем уезжает в Америку. Когда еще его увидим! Сегодня даже военный губернатор пожаловал. Будет сидеть в своей ложе справа от сцены — как раз напротив вас. Вас сейчас проводят!

Капельдинер, величественный старик с седыми баками, повел гостей. Соколов хмыкнул:

— Хм, представляю те острые чувства, которые переживает Гершельман, увидав заключенного Центральной тюрьмы в директорской ложе да еще рядом с сыщиком!

Амурные радости

Вдруг чья-то рука легко дотронулась до плеча Соколова. Сыщик увидел Жеребцова в непривычном взору наряде — новом фракном костюме с белой гвоздикой в петлице и с широкой улыбкой. За его руку держалась стройная худенькая девушка лет девятнадцати. Ее темные волосы были зачесаны в пучок, а главную прелесть лица составляли большие агатовые глаза, подернутые печалью и оттененные густыми ресницами.

Явно гордясь красотой спутницы, Жеребцов весело проговорил:

— Позвольте, Аполлинарий Николаевич, представить мою невесту — Танечку Ермоленко, дочь генерал-майора Виктора Сергеевича.

— А, — протянул Соколов, — это из военного министерства! Очень приятно, скажите поклон вашему батюшке. В бытность мою в Петербурге мы были знакомы. Помнится, он состоял в свите Его Императорского Высочества Николая Николаевича.

Переглянувшись с Жеребцовым, Танечка сказала:

— Аполлинарий Николаевич, мы приглашаем вас на нашу помолвку.

Жеребцов быстро дополнил:

— В канун Рождества Пресвятой Богородицы седьмого сентября в храме Петра и Павла, что на Новой Басманной.

Соколов улыбнулся:

— Ну, Николай, ты хитрец! Ни словом не обмолвился о своем счастье...

Жеребцов прыснул смехом:

— Пока вы меня с поличным не застали! — И к невесте: — Танюша, извини наши полицейские шуточки.

Соколов поцеловал тонкую изящную кисть девушки:

— Танюша, надеюсь, что скоро будем часто видеться. Мне хотелось бы, чтобы вы подружились с моей Марией Егоровной. Дома я бываю мало, впрочем, как и ваш жених,

даже сегодня не вышло взять ее с собой. Служба! А вы — дружите. До скорого свидания!

Величественный капельдинер продолжил шествие.

Прощальная песня

Казарин, еще утром изнывавший в тоске по дому, по детям и по музыке, словно в счастливом сне воспринимал все произошедшее, ту странную и неожиданную перемену, которую внес в его жизнь этот громадный человек — Соколов, и которого он в силу его профессии должен был бы ненавидеть, но теперь он любил его как самого близкого. С Казариным то и дело раскланивались попадавшиеся по пути следования незнакомые люди — завсегдатаи филармонических вечеров, его помнили и восторгались им.

Они удобно разместились в ложе.

Зал был полон. Богатые женские туалеты, важные мужчины, золотые эполеты, звуки настраивающихся инструментов, сдержанный французский и русский говор, бинокли и лорнеты — обычная театральная атмосфера.

Соколов негромко произнес:

— Узнаете вашего знакомца? В ложе напротив, с эполетами — Гершельман. Он волком смотрит на нас и что-то объясняет сидящему рядом поручику, вот этому, с длинной кадыкастой шеей. Адьютант, полагаю.

Из-за кулис к рампе выкатился невысокий круглый человечек, откашлялся, потер пухлые ручки — это был ведущий. Он сказал несколько слов о «юном гении» Ефреме Цимбалисте, представил его и дирижера — маститого Василия Сафонова.

Оркестранты осветили люпитры.

Ведущий бархатно пророкотал:

— Никколо Паганини. Концерт номер один для скрипки с оркестром ре мажор, сочинение шесть. Аллегро маэстозо...

Ефрем Цимбалист днями уезжал в Америку. Он знал, что в последний раз играет перед соотечественниками, и скрипка в его руках словно ожила, пела волшебным голосом.

Затем Цимбалист играл композиции Петра Ильича — концерт для скрипки и «Размышление». Зал неистово рукоплескал.

Ведущий объявил перерыв.

Скандал

И тут же, словно ждал за дверью, в ложу стремительно вошел юнец с длинной шеей и погонями поручика. Вытянувшись перед Соколовым, он решительно и довольно громко, так что многие в зале повернули головы, произнес:

— Господин Соколов, их превосходительство Сергей Константинович приказал вам срочно к нему явиться в ложу!

Соколов, развалившись в кресле и поигрывая носками изящных штиблет, лениво и по своей привычке говорить исключительно громко, произнес:

— А ты скажи Сергею Константиновичу, что я слушаю концерт. Если завтра понадобится, пусть сообщит мне. Адью!

Глупый адъютант разволновался так, что его кадык, как загнанная в угол мышь, заметался туда-сюда. Он враз осипшим голосом продолжал настаивать:

— А все-таки, граф, вам лучше явиться к их превосходительству сейчас же! Вы ведете себя вызывающе, придя в публичное место с государственным преступником.

Соколов сочувственно покачал головой:

— Ну?!

Адъютант еще больше вытянул шею, вскинул подбородок:

— И вы осмелились демонстративно сесть в директорскую ложу!

Все, кто не успел выйти из зала, с улыбками и с нескрываемым любопытством следили «за этим ужасным графом». Даже Гершельман поднялся с кресла и, упершись в обитый бархатом барьер, уставился рачьими глазами на происходящее.

Соколов тем временем с любопытством разглядывал адъютанта, решившегося на столь необдуманый шаг. Сыщик ласковым тоном произнес:

— Как же ты, маменькин сынок, смеешь мне дерзить! Вваливаешься в ложу, шумишь на весь зал. Стыдно, право. Извинился бы, что ль!

Поручик, ощущая себя важной персоной, возмутился и аж притопнул ножкой:

— Как, вы мне, адъютанту их превосходительства, посмели сказать «ты»?! Да как вы, милостивый государь, такое себе позволяете? — взвизгнул адъютант. — Да я прикажу вас арестовать! Да я... требую сатисфакции.

Соколов печально вздохнул:

— Да и я не против постреляться с кем-нибудь равным мне! А ты, мальчик, какая мне ровня? И угрожаешь к тому ж. Нет, тебя надо малость поучить. Потом сам же спасибо скажешь.

Сыщик медленно поднялся с кресла. Зал замер. И вдруг Соколов медвежьей хваткой сграбастал адъютанта и с такой силой швырнул его в дверь, что она с треском распахнулась. Адъютант, как боксер после тяжелого нокаута, остался лежать на полу.

Зал ахнул. Гершельман гневно сжал кулаки. Бледный капельдинер поспешил прикрыть дверь в ложу.

Соколов отряхнул ладони:

— Какая молодежь бесцеремонная пошла! — и опустился в кресло.

Успех

Пятнадцатиминутный антракт закончился, но в зале еще весело обсуждали происшествие. Ложа генерал-губернатора опустела.

Далее случилось еще одно неординарное происшествие — такой уж, видать, выпал вечер. Едва притушили свет в зале, как раздались дружные крики:

— Просим Казарина! Пусть Казарин сыграет! Казарин! Ка-за-рин! Ка-за-рин!

Василий Илларионович Сафонов повернулся лицом к публике и сказал:

— Да, я тоже слышал, что в зале находится этот замечательный скрипач! Мы не простили бы себе, если бы упустили такой счастливый случай. Вениамин Александрович, пожалуйста, подымитесь на сцену!

Казарин, приятно пораженный общим вниманием, вопросительно глянул на Соколова. Тот одобрительно улыбнулся:

— С Богом!

Через минуту Казарин стоял на сцене, низко раскланиваясь с рукоплескавшими зрителями, помнившими его триумфальное выступление на этой сцене в мае. Из-за кулис появился Цимбалист. Он в руках держал скрипку. Друзья сердечно обнялись. Казарин принял скрипку и обратился к залу:

— Спасибо, дамы и господа, за память! Так получилось, что уже две недели я не брал в руки инструмент,

руки мои загубели. Мне доставляет большую радость вновь играть вам, но я прошу вашего снисхождения. — Он что-то спросил у Сафонова, тот согласно кивнул. И вновь Казарин обратился к залу: — Людвиг Ван Бетховен, романс номер один соль мажор.

Заключенный, на краткое мгновение вырвавшийся из тюремных стен, играл столь вдохновенно, что каждый сидевший в зале понял — творческая сила всегда идет лишь от Бога. Затаив дыхание, зал внимал страстной игре.

Даже выдавшие виды меломаны не могли припомнить такого успеха, с которым скрипач исполнил «Цыганские напевы» Сарасате. Публика поднялась с мест, сгрудилась возле сцены, бесконечно аплодировала, раздавались крики «бис!», к ногам Казарина летели цветы.

Бегство

Пока зал ликовал, в ложу к Соколову вошел Жеребцов. На его бесхитростной физиономии была написана озабоченность. Наклонившись к уху сыщика, Жеребцов взволнованно выпалил:

— Аполлинарий Николаевич, у входа жандармы... вас ждут, хотят арестовать. Я вышел покурить, а среди этих... мой знакомец, земляк. Вот сказал мне. Что будем делать?

— Много их! — в голосе Соколова зазвучал азарт.

— Десятка полтора, пустяки, отобьемся.

Соколов перебил:

— Это не беда, отобьемся и прорвемся, да куда девать нашего виртуоза! Надо и о нем подумать. Если мы заварим бучу, то его никак не спасем.

Жеребцов, мечтавший о драчке с жандармами, несколько разочарованно произнес:

— Тогда сейчас же забрать нашего каторжника и — аля-улю! — через черный ход на Средний Кисловский. Оттуда — на Новую Басманную.

Соколов удивился:

— Что там?

— Моя невеста, генеральская дочь живет — Танюша. Я говорил с ней, она будет рада приютить вас на несколько дней. Там искать не догадаются. А потом я достану всем

фальшивые паспорта и мы, — Жеребцов вздохнул, — уедем жить за границу.

— Нет, братец, захолустная Швейцария или шумный Париж — узко там моей натуре, как в клетке, задохнись! Вот, кончил играть — пойду встречу его за кулисами, если уже с наручниками моего маэстро там не поджидают.

Соколов поднялся с места, шепнул Жеребцову:

— Мне есть где спрятаться, не беспокойся! Кошко на концерте? Прекрасно! Найди его, скажи, пусть незаметно сегодня в «Париж» придет. Дежурный коридорный поможет ему меня отыскать! Не волнуйся, отобьемся и прорвемся, — повторил Соколов понравившуюся ему поговорку.

Погоня

Пока жандармы простодушно поджидали Соколова со спутником у выхода из консерватории, те пробрались к дальнему выходу. Ошеломленный неожиданным успехом, Казарин мыслями пребывал еще на сцене, крепко прижимая к груди охапку цветов.

Они, наконец, оказались у массивных дверей, ведущих в Средний Кисловский переулок. Соколов толкнул дверь, она была закрыта на массивный внутренний замок. Сыщик раздраженно сказал:

— Да бросьте эту зелень, не до этого сейчас! Вот, как в мышеловке оказались.

Он подергал дверь, покрутил в замочной скважине гвоздем, который поднял с пола — все тщетно. Вдруг Соколов поднял вверх палец:

— Тсс!

Где-то в коридоре, которым они прошли, в отдалении слышались сдержанные голоса — то погоня шла по следу. Голоса приближались.

Соколов выдернул из кобуры револьвер, вставил его в замочное отверстие. Грохнул выстрел, полетела пыль, Казаринов испуганно сжался. Сыщик с размаху высадил дверь, и они оказались в едва освещенном переулке. Здесь, рядом с шумными улицами, царила провинциальная тишина. С Верхнего Кисловского свернула запряженная парой коляска. В ней сидел загулявший человек, весело горланивший недавно вошедшую в моду песенку:

Башня Брюсова стоит
Рынок Сухарев смешит.
Башню лесом обложили
А потом совсем забыли.
В думе гласные лишь спят.
Да за делом не глядят...

Соколов выскочил на дорогу и страшным голосом гаркнул:
— Стоять! Полиция!

Испугавшийся горлопан тут же замолк, а возчик еще сильнее хлестанул лошадей. Соколов, с опасностью для здоровья, уцепился на ходу за коляску, чуть не перевернув ее, треснул кулаком по голове возчика:

— Стоять, сукин сын! — и сам натянул вожжи.

Кони захрапели, встали на дыбы, но Соколов сдержал их. Он вытряхнул пьянчужку из коляски, подхватил Казарина и крикнул:

— Но, шалые, пошли! Гони, говорю!

Жандармы, выскочив вслед за беглецами, увидели лишь удаляющуюся на бешеной скорости коляску.

...Через три минуты скачки они выехали в Охотный ряд. Соколов вынул из кармана какую-то ассигнацию, швырнул возчику:

— Пошел прочь!

Еще через минуту они вошли в гостиницу «Париж».

На первом этаже возле конторки Соколов увидел давнего знакомого — коридорного Афанасия Фунтова. Это был отпетый проходимец, любитель чаевых, балагур и вполне преданный полиции и лично Соколову человек.

Фунтов вскочил с табурета, быстро и низко кланяясь:

— Честь какая, сам граф Аполлинарий Николаич изволили пожаловать. Чем прикажете, ваше превосходительство, для вас нынче расстараться?

— Чего шумишь, глотка луженая! Скажи-ка, Афоня, угловой «люкс» свободен?

Обезьянья физиономия Фунтова изобразила гримасу, долженствующую обозначать улыбку:

— Дак была б «люкса» занята, для вас, Аполлинарий Николаич, мы б постояльцев оттедова вытряхнули! Провалиться мне на этом месте.

— Прикажи ужин в номер подать, а прибудет Кошко — к нам проводи! И ни одной живой душе — в штатском или военном — не докладывай, что я тут, иначе! — Соколов поднес громадный кулачище к носу Фунтова.

Заговор

Не прошло и часа, как явился мрачный Кошко. Он буркнул:

— Граф, чего ты чудишь! Зашиб адъютанта генерал-губернатора, его в Лефортовский военный госпиталь отправили, а он, между прочим, племянник товарища министра внутренних дел Лыкошина. И вас, господа хорошие, ищут уже по всей Москве.

Соколов сграбастал в объятия начальника сыска:

— В поле ветра ищут! Как говаривал покойный Тургенев, для *контенанса* пропустим по рюмочке.

Они подошли к отдельному столику, на котором стояли сорта десяти водки в запотелых бутылках и обычная закуска — омары, черная икра, селедка, сыры.

Сердце всякого истинно русского человека смягчается при виде уставленного едою стола. Вот и Кошко выпил померанцевой, крикнул и умироотворенно сказал:

— Надо что-то придумывать, ведь тебя, граф, хотят под военный суд подвести. Гершельман не пожелает из-за тебя с Лыкошиным ссориться.

Соколов съел две столовые ложки икры — на закуску, и распорядился:

— Для почину — выпить по чину!

— Все придумано! Эй, виртуоз, тоже слушай... — и он изложил план действий.

Кошко захлебнулся от восторга:

— Гениально!

Казарин, погруженный в безысходное горе,пил одну рюмку за другой. И вскоре, откинувшись на спинку кресла, крепко уснул.

Соколов отечески улыбнулся:

— Такой крутой поворот в жизни — не выдержал! Пусть немного поспит, а затем гения смычка приведем в чувство и приступим к делу. Для торжества нашего справедливого дела требовалось, Аркадий Францевич, только одно — твоё содействие. Теперь мы им заручились...

— И наша победа неотвратима, как восход солнца! — с пафосом воскликнул Кошко. — Это больше всего меня восхищает, граф, в твоём стратегическом плане. А куда поставили белые грибки? Вот они, — и начальник сыска нанизал на вилку шляпку.

— Но это только в том случае, — Соколов строго посмотрел на Казарина, — если юный маэстро исполнит свою

партию без фальши. — Он подумал малость и хлопнул громадной ладонью по колену, отчего случился звук, как при стрельбе из мортиры:

— А зачем нам испускать судьбу? Давай отправим Казарина в Саратов испускать вину перед Отечеством и лично передо мной: пусть поможет опознать террористов. И вообще, здесь ему негоже болтаться, как навозу в проруби. Кстати, Аркадий Францевич, в этот славный волжский город надо незамедлительно командировать бесстрашного жениха — Жеребцова, а в помощь придадим ему многоопытных Ирошника и Павловского.

Казарин, вдруг пробудившийся окончательно, впал в меланхолию:

— Что я наделал? Может, развязать этот тугой узел сразу — пулю в лоб?

Соколов строго, как директор гимназии нашкодившему учащемуся, погрозил пальцем:

— Насчет стрельбы ничего сказать не могу, но выпороть, сударь, вас придется!

Казарин обиделся:

— Это вы, Аполлинарий Николаевич, в каком смысле — «выпороть»?

— В самом прямом — по жопе!

Соколов открыл двери, гаркнул так, что электрические лампочки заморгали:

— Эй, Афоня! Фунтов! Тащи быстро бумаги да чернильницу.

...Вскоре закипела горячая канцелярская работенка.

Личное дело

Утром генерал-губернатор был зол, как черт. Он распекал подчиненных:

— Почему беглецы еще не пойманы? На вокзалах тщательно идет проверка? На квартире Соколова у Красных ворот засаду не снимать, так пусть и сидят двенадцать человек, меньше никак нельзя! А в Мытищах графа тоже не было? Надо было в ложе его хватать! Подумаешь — «скандал»! Да, теперь его уже и не поймаешь. Небось с фальшивым паспортом куда-нибудь в Париж катит.

Вдруг вошел немолодой, седоватый адъютант Тарасов. Неожиданно и невольно для себя каким-то робким, овечьим голосом сказал:

— Ваше превосходительство, в приемной... граф Соколов! Он требует допустить его к вам. Я пытался ему возражать, так граф страшает своей шашкой, голову, говорит, снесет мне, если срочно не доложу.

Гершельман скрипнул зубами:

— Ну, наглость!

Подумал-подумал, потер руки, да приказал:

— Явился сдаваться, это хорошо! Допусти его. Отсюда — напрямиком под военный суд. Без церемонии! И связи в Петербурге не помогут.

Соколов вошел саженными шагами, как всегда улыбающийся, довольный жизнью, бодрый и свежий:

— Здравия желаю, Сергей Константинович!

Гершельман сухо поклонился, руки не подал и вообще глядел исподлобья:

— Где вы, граф, изволили скрываться всю ночь?

Соколов невозмутимо отвечал:

— Ваше превосходительство, я занимался служебными неотложными делами на конспиративной квартире. Вместе с моим секретным агентом Казариным мы разрабатывали план поимки террористов, протягивающих свои кровожадные шупальца к Москве.

Глаза генерал-губернатора опасно вылезли из орбит:

— Се... секретный сотрудник скрипач Казарин?!

Ни одна мышца не дрогнула на мужественном лице сыщика:

— Так точно, ваше превосходительство! — голубые чистые глаза смотрели на генерал-губернатора с невинностью младенца. — И мы уже раскрыли бы змеиное гнездо эсеров, если бы железнодорожные жандармы не поступили бы столь опрометчиво, арестовав нашего агента.

Генерал-губернатор медленно выдохнул:

— А почему он не доложил об этом при задержании?

— Мой приказ был — молчать! Это очень ценный агент. Как вы, ваше превосходительство, учили, соблюдаем строжайшую конспирацию.

Генерал-губернатор отупело смотрел на сыщика. Чуть собравшись с мыслями, выдавил:

— Не скрою, граф, у меня есть некоторые сомнения... — И вдруг его глаза хитро загорелись: — Агент! Стало быть, на него было своевременно заведено личное дело! Прекрасно! Адьютант Тарасов! Садитесь на мое авто и отправляйтесь в сыск к начальнику. Привезете личное

дело агента... — генерал-губернатор вопросительно посмотрел на Соколова: — кличка!

— Скрипач! Из Саратова.

— Выполняйте! И пусть Кошко ко мне явится. А вы, граф, посидите у меня в приемной!

...Через пятнадцать минут адъютант Тарасов привез Кошко и залитый сургучной печатью пакет. Гершельман с явным любопытством разорвал его, вынул синюю папку. На обложке каллиграфически было выведено:

Московское сыскное отделение

ЛИЧНОЕ ДЕЛО

секретного агента Скрипача

№ 519

Начато 17 мая 19.. года. Кончено...

Генерал-губернатор раскрыл папку, прочел опись документов:

— Характеристика, обязательство, материалы изучения, врачебное заключение... Хм, даже справка бухгалтерии и расписка Скрипача о получении ста пятидесяти рублей — аванса за будущие заслуги. Щедро однако!

— Так фигура не простая! Из интеллигенции мало кто сотрудничает с нами. А Скрипач — из идейных побуждений, — объяснил начальник сыска.

— А почему решил к вам прийти, а не в саратовское охранное отделение?

— Ему доставляет удовольствие сотрудничать именно с легендарным графом Соколовым. Эстет!

— Я его понимаю, но тогда вам следовало встречать Скрипача на вокзале!

— Он не сумел дать телеграмму. Дело в том, что в начале Школьниковова повезла его в Раненбург, она не сообщила о конечном пункте поездки. Там подручный ее передал Скрипачу нитроглицерин и посадил его на поезд 181. Только в вагоне Скрипач начал догадываться об опасном содержимом чемодана. Поезд отошел в один час сорок минут ночи. До Москвы всего триста двенадцать верст. Среди ночи на коротких стоянках бегать искать телеграф? А если кто влезет в чемодан? Или сам отстанет от поезда? Последствия могли быть самыми катастрофическими. Вот и лег Скрипач спать, а в десять часов сорок пять минут — точно по расписанию! — прибыл в первопрестольную, чтобы известить нас по телефону, но не успел: его задержали.

— И что дальше?

— Сегодня в шесть сорок утра со 184 поездом мы направили бригаду сыщиков в Саратов. Возглавляет ее лучший ученик графа — Жеребцов. Вот бухгалтерские документы по оформлению им командировочных. Вместе с агентами командирован и Казарин — для опознания. Мы действовали оперативно, ваше превосходительство!

Гершельман расхохотался, обнажив два ряда крепких зубов:

— Прекрасно сработано! Упомяну вас в месячном отчете министру. А Соколова может к награде представить?

Кошко поморщился:

— Не надо! Граф утверждает, что служит исключительно ради собственного удовольствия.

Генерал-губернатор распушил баки, тихо восторгнулся:

— Граф Соколов — великий чародей!

— Так точно! — охотно закивал головой Кошко.

Зацепка

Жеребцов вернулся из Саратова несколько удрученный:

— Террористы, как и следовало ожидать, успели спрятаться в самую темную щель! Очень жаль, ибо с помощью жены Казарина — Валентины, в саду обнаружили тайник в дупле дуба. Там без малого полпуда порошка желтого цвета — мелинита, сильного взрывчатого вещества. Так, видимо, торопились, что не сумели с собой утащить.

— Или не захотели, — вставил Соколов. — А в доме?

— Ни-че-го! Вот только эти газетные вырезки, да еще сняли отпечатки пальцев с трех брошенных под кроватью пивных бутылок «Хольстен».

Соколов поправил приятеля:

— Плохо разбираешься, Николай, в газетной технологии. Это газетные оттиски до верстки — гранки. Употребляются только профессионалами. Немецкое пиво? Тоже зацепка не плохая. Так что, поздравляю. А главное — эта революционная шантрапа стала моими личными врагами.

Кошко поддакнул:

— Тогда им следует готовиться к этапу в Сибирь.

Все расхохотались.

Эпилог

Об охоте Соколова за бандой Школьниковой — наши следующие рассказы.

А пока что, Ефрем Цимбалист после концерта в консерватории навсегда покинул Россию — уехал в Америку. Господь отпустил ему долгий век. Великий скрипач пережил всех героев этой истории и умер в 1985 году, вознесенный на вершину славы.

Что касается любезного Отечества нашего, то ему швыряться своими талантливыми детьми — дело обычное.

В поместье Соколова, что в Мытищах, по завершении всех этих опасных, но увлекательных приключений, был устроен шумный праздник. Но прежде чем усадить друзей за стол, сыщик осуществил давнее обещание Казарину: тот был за свое легкомыслие порот.

Экзекуцию осуществил бывший взломщик сейфов и рецидивист, а ныне верный сторож добра знаменитого сыщика, Буня Мильштейн.

Во время застолья после третьей рюмки Казарин потребовал:

— Аполлинарий Николаевич, вы когда-то обещали открыть секрет: как вы узнали, что я — скрипач!

— Каждая профессия откладывает свой отпечаток. Во время нашей первой встречи я заметил у вас слева на шее, под подбородком, эллипсообразное темное пятно. Желая проверить свою догадку, я нарочито медленно и под вашу левую руку подал вам две криминалистических книги. Несколько мгновений мне хватило разглядеть на кончиках ваших пальцев характерные метки — крошечные вмятины, которые бывают только у профессиональных скрипачей, как и темное пятно на шее.

Гости в восторге захлопали в ладоши, а умный Евгений Сахаров провозгласил:

— Выпьем за юную и прекрасную супругу Аполлинария Николаевича — Марию Егоровну, которая дает вдохновение гениальному сыщику!

Кто-то вспомнил о курьезном происшествии. Спустя несколько дней после событий на вечере Цимбалиста, Жеребцов вошел в кабинет Соколова и, едва сдерживая смех, произнес:

— Аполлинарий Николаевич, пришел ваш старый знакомый — адъютант генерал-губернатора. Он решительно требует удовлетворения.

Соколов недовольно поморщился:

— Зачем ты меня отвлекаешь всякими пустяками? Разрешаю, сам удовлетвори его.

Спустя несколько мгновений под окном раздался звук хлесткого удара. Соколов выглянул в окно. У входа в сыск лежал тонкошей поручик. Его обидчик Жеребцов пытался привести нокаутированного в чувство.

И на этот раз шутка сошла с рук. Генерал-губернатор Гершельман все-таки был умным человеком.

ВОЗМЕЗДИЕ

Граф Соколов, столкнувшись с теми, кто высокопарно именовал себя «борцами за счастье народное» — революционерами, ужаснулся их крайней безнравственности и кровожадной жестокостью. Террористка Мария Школьникова стала его личным врагом, и он поклялся отомстить ей. Но дело приняло совершенно неожиданный оборот.

Рука providения

Соколов любил железную дорогу. Равномерное дрожание вагона, ритмичное постукивание колес на стыках, горьковатый запах дыма, захолустные полустанки с любопытно глазящими бабами и детьми, переходящий рельсы кондуктор с красным фонарем, таинственно-влекущее лицо незнакомки, мелькнувшее в окне встречного поезда — все это приводило в приятное состояние духа, помогало сосредоточиться на своих мыслях.

И на этот раз, взяв по обыкновению отдельное купе в вагоне первого класса, устланное коврами, с душем и прочими удобствами, он стоял у открытого окна. Вечер давно сгустил сумерки, но за дальним лесом уходящий день посылал прощальный привет — ярко и розово светила заря. Путь сыщика лежал в старинный город смутьянов — Стеньки Разина, Пугачева, Федьки Шелудяка, вольнодумца Радищева, в город рыбный и хлебный — Саратов.

Гений сыска всегда загодя просчитывал все варианты предстоящего дела и неизменно выбирал единственно верный. Но вот уже замелькали предместья Саратова, а Соколов все еще пребывал в нерешительности. В сложном и запутанном деле террористки Марии Школьниковой он никак не мог найти ту нить, держась за которую он придет к успеху.

Поезд, подавая короткие гудки, скрипя тормозами Вестингауза, лязгая металлическими блинами буферов, закончил, наконец, свой бег. Едва сыщик сошел на перрон, как к нему бросились комиссионеры, загалдели:

— Сударь, позвольте вас разместить в «России»! У нас всегда солидный клиент останавливается.

— Ваше благородие, врет он все! У них только немцы останавливаются, потому ихняя улица и называется Немецкою. А вам, господин прибывший, самое изящное место в «Центральной». Нам скоро электрический свет проведут.

— Правильно, для того и проводят, чтобы клопов сподручней ловить было! Клопы-то у вас со спичечный коробок — чтоб ослепнуть мне! В прошлом году даже один постоялец ночью в одном исподнем сбежал — испугался, что до шкелета сожрут. У себя в «России» мы клопов даже в самом мизере не держим.

Соколов зорко выделил из толпы важного бородатого мужика в кучерской шляпе и в синей плисовой рубахе на пояске. Заметив к себе внимание, мужик снял шляпу и вежливо поклонился:

— Ваше превосходительство, сделайте себе наслаждение — остановитесь в «Метрополе». До Александровской улицы доставлю вас с бережением. По городу ездить замечательно, а в пригород — я больше ни ногой.

Соколов любопытствовал, усаживаясь в легкую рессорную коляску:

— Что так?

— Однажды, еще зимой, один подрядил меня за Покровскую слободу ехать. Места там глухие. Ну, сдуру я и попер. А он завез меня к лесочку, а там его дружки-разбойнички уже дожидались. Всю выручку отняли, хотели и самого жизни решить, чтоб лошадь забрать. Как вывернулся, не знаю!

— А куда начальство смотрит?

— А начальство это совсем не касается. Всем разбоем заправляет Кузьма Шалаев. Широкий он человек! Когда в городе пропивает добытое — земля под ним качается. Если, к примеру, в карты посадит вас играть, так всего как липку обдерет. Шулер знатный. А недавно по канделябрам в нашем ресторане стрельбу устроил, имущества на тысячу рублей испортил. Начальники все купленные у него, делится он с ними. Вот и позволяют куролесить.

Соколов поразился мудрости провидения. Кузьма Шалаев был тем самым человеком, который предложил купить

скрипку Вениамину Казарину, что стало причиной многих бедствий последнего. Читателю, впрочем, памятна наша предыдущая история.

— Тебя как зовут? Николай Коробко? Подряжаю на весь день. Сейчас мы пойдем вместе завтракать в ресторан.

Опасное путешествие

Ресторанный швейцар было схватил за рукав извозчика:

— Куда прешься!

Соколов цыкнул на него, и тот сразу сделался ласковым.

За обедом сыщик сказал Николаю:

— Дело нам с тобой, раб Божий, предстоит серьезное, государственное! Может, с риском связанное. Мы с тобой сейчас отправимся в логово тех, кто тебя обидел, к самому Кузьме Шалаеву. Знаешь, где его усадьба?

Николай побледнел:

— Как не знать, да кто по своей воле черту на рога полезет? Убьют нас там, закопают, и никто никогда не отыщет. А у меня трое детишек, да старики. Кто, барин, кормить их будет?

— Не трусь, отобьемся!

Вскоре коляска выкатила за Покровскую слободу. Начались места глухие. Через полчаса езды Николай показал кнутовищем:

— Смотрите, во-он гнездо Кузьмы открылось! На самом пригорке, возле реки стоит. Сказывают, заманивает туда игроков в карты, обирает, а некоторых и вообще никто больше не видит. Эх!

— Стой снаружи, жди меня! Да не вздумай уехать!

— Не сумлевайтесь, своему слову я владелец!

За оградой раздался злой собачий лай. Выскочил лакей с жидкой бородашкой, в немыслимой ярко-красной малахайке:

— Чего надоть?

— Скажи хозяину, что я приехал скрипку покупать!

Лакей исчез, но вскоре появился вновь. Он впустил Соколова во двор, представлявший целое хозяйственное царство: приземистая конюшня, прокопченная баня, кухня, дровяной навес, псарня, куда двое молодцов в голубых куртках и высоких сапогах загоняли злобно рычавших волкодавов.

Сам же хозяйский дом представлял забавное смешение средневековой крепости с крошечными высокими окошками с сельским ампиром — четырьмя колоннами на фронтоне, увенчанными причудливыми капителями.

Широкая натура

Гостиная была заставлена клетками с птицами, цветами в горшках, граммофоном на комод, сисястой русалкой в золотой раме на стене. Владелец этого богатства, барственно развалясь на кожаном диване, курил вонючую сигару. Он долго молча разглядывал гостя, потом вдруг вскочил на толстые короткие ноги, облапил Соколова, норовя мясистым ртом поцеловать его в самые губы.

— Скрипку Батова захотел купить, музыкант? Одобряю! Молодец! Одна такая на всем свете. Как тебя зовут? Кто тебе про инструмент сказал? Машка? Давно, поди? Она мне насоветовала какого-то скрипача-трепача. Он, сукин сын, меня мурыжил-мурыжил, да так и не приехал. Но ни за какие сокровища не отдам скрипку, ежели со мной не пообедаешь. Эй, Клеопатра! Где ты, шельма?

В гостиную впорхнула смазливая блондинистая девица лет двадцати с небольшим, бойко спросила:

— Чего, барин, прикажете?

— Тащи еду — яшницу с ветчиной не пережарь, как вчера, башку снесу, вина побольше, посмотри чего из французских.

Клеопатра удалилась, лукаво поглядывая на Соколова и выразительно покачивая широкими бедрами.

Кузьма повернулся к Соколову:

— А ты, стало быть, играешь на этой... как ее... скрипке? Молодец! А я охотник, стрелять мне равных нет. Если какая, к примеру, грубость мне, то я тут же: «Извольте к барьеру!» Двадцать раз стрелялся, десятерых, как зайцев, подстрелил — на смерть. Я очень горячий, терпеть не люблю, ежели мне дерзят.

Клеопатра внесла вина. Кузьма заорал:

— А где монтерей? Опять псарей поила, все вылакали? — К Соколову: — На передок, вишь, горячая, так одного меня ей мало, она холопов моих привечает. Ну, я тебе задам, дай только музыкант уедет! — он погрозил кулаком. Внимательно посмотрел на Соколова: — А ты был у Машки на Большой Садовой нынче?

Соколов устало зевнул:

— Смотря где на Садовой: она в двух местах там снимала...

Кузьма удивился:

— В двух? Не знал! Ну, там, где дорога к кладбищу? У купчихи Прозоровой. Обещала приехать ко мне, да все нет ее. А промеж нами такая уж любовь, эх, слаще малины. Гостила как-то у меня, так мы с ней, хе-хе, дубовую кровать сломали, рассыпалась под нами! Вот как, потому чувства. Это тебе не на скрипке играть. Тут сердце нежное потребно.

— А ты где с Марией познакомился?

— Она тебе не сказала? В синематографе смотрели «Соньку Золотую Ручку». Как она на каторге сахалинской. Ты чего, музыкант, мало пьешь? Красного божеле под бифштекс желаешь? А ты, музыкант, деньги на покупку привез?

— А как же! — Соколов вынул из заднего брючного кармана пухлый бумажник. — Вот они, пять тысяч.

Стрельба

Кузьма почесал задумчиво нос, похожий на средних размеров кабачок, и на своей бесподобной, цвета меди физиономии изобразил ангельское простодушие.

— Хороший ты все-таки человек! А желаешь, так и скрипку приобретешь, и капитал сохранишь?

— То есть?

— Давай в картишки перекинемся, ты и выиграешь! Сердце мое — вещун, говорит, что нынче тебе, музыканту, фартовая карта припрет. Я во сне медведя видел — к проигрышу! Это верно тебе говорю. Да и кучеру прикажи своему, пусть во двор въезжает как в родной, в яслях овса полно, животную надо покормить.

— Нечего его баловать! А в карты — с удовольствием.

Кузьма расцвел:

— Ты мужик бедовый, оставишь меня без портов. Э-эх, участь моя горькая, да играть охота смертная! Эй, Клеопатра! Скажи, чтобы лошадь музыканта во двор завели.

Соколов жестко произнес:

— Ты, любезный, моей лошадию не командуй! Пусть стоит там, где я приказал.

Кузьма начал горячиться:

— Вот, ты мне грубишь! По твоим речам вижу — не уважаешь ты меня. От этого я свирепый делаюсь. Мне стрелять захотелось. Как я метко бью, знаешь? — Он полез в нижний ящик дивана, вынул лакированный деревянный ящик, достал оттуда длинноствольный пистолет:

— Видал? «Бергман-Байард» — автоматический. Туза ставлю в дальний угол. Громкий бой у него, ты, музыкант, в штаны не напусти. Ты хоть корпуленции громадной, да сдаешься мне робким. Прицеливаюсь...

Раздался выстрел, приятно запахло порохом. Кузьма заорал:

— Дыра! Точно я попал! Давай, скрипач, я тебя научу. Это тебе не на струне пикивать, тут голову иметь надо. Научу, и мы с тобой на пари постреляем.

— Может, не надо?

— А, ты опять меня сердишь? Надо, музыкант, обязательно надо. Где твои пять тысяч? Правильно сосчитал? Верно! Вот скрипка — ставим на кон. Что это за мужчина, если он стрелять не умеет? Так, предмет один. Ты со мной не задирайся. Я как что, так сразу прошу к барьеру! Ставлю три карты — в дальний угол. Монета есть? Кидай, мой орел. Спасибо, мне выпал жребий — первый. Тебе же лучше — на меня посмотришь, поучишься. Стреляю...

Кузьма долго целился, в две карты все же попал. Самодовольно произнес:

— Держи мой револьвер! Зажмурь левый глаз...

Соколов спросил негромко:

— Может, право, не стоит судьбу искушать?

Кузьма аж ногами затопал:

— Опять за свое! Тогда я кон забираю. Ну, держи шмайссер, — Толстые слюнявые губы Кузьмы расплылись в ехидной улыбке.

Соколов запустил руку под левую полу пиджака и вынул из кобуры пистолет:

— Я предпочитаю из своего полицейского «Дрейзе» стрелять! Это модель 1910 года, мощный патрон девятимиллиметровый. Любезный, стань подальше, к дверям, и подбрось карту вверх. Что же ты, храбрец, дрожишь? В тебя я не попаду. Хотя за твою наглость очень хочется маленькую дырку в твоём лбу оставить. Ну, повыше кидай, к потолку!

Грохнул мощный выстрел. Карта, медленно кружась, опустилась на пол. Кузьма торопливо наклонился к ней, поднял, с ужасом проговорил:

— Попали!

— Кидай еще!

Кузьма подкинул карту еще раз, и еще раз: все три выстрела угодили точно в мишень!

Старый шулер был огорошен, раздавлен, убит. Он глубоко вздохнул:

— Надо было партию расписать!

— Результат обещаю тот же! — коротко ответил Соколов. — Как и в шахматы, на шпагах или в игре бабками. Мужчина должен во все игры ловко играть, особенно в любовные.

Футляр со скрипкой он бережно завернул в холстину, которую принесла служанка. Приказал:

— Кузьма, проводи меня!

— Сам дорогу найдешь!

— Не выйдет у тебя, пройдоха! — широко улыбнулся Соколов. — Я во двор, а ты на меня псов спустишь? Иди вперед, а то застрелю!

Соколов, конвоируя Кузьму, вышел за ворота, сел в коляску. Кузьма стал канючить:

— Отпусти меня, куда я поеду на ночь глядя? Выиграл — такое счастье твое, я без претензий.

— Иди! — И к извозчику: — Погоняй!

Ловушка

Дорога по открытому пространству крутой петлей уходила вниз. Коляска весело подпрыгивала по ухабам. Соколов нежно держал скрипку. Впереди зеленела луговина, за которой в полуверсте начинался большой лес.

Соколов оглянулся и увидал, что возле открытых ворот усадьбы уже нетерпеливо гарцует верхом Кузьма, очевидно, в нетерпении поджидая остальных, чтобы устроить погоню.

— Зачем доверился! — в сердцах воскликнул Соколов. — Лучше поверить ядовитой змее, чем негодяю. Гони, Коля Коробка!

Сзади уже рвалась погоня с дикими криками, с угрожающим свистом. Грохнули выстрелы, пуля сбила с головы ямщика шляпу. Впереди всех, все более обгоняя кавалькаду, скакал со своим шмайссером Кузьма.

— Давай, давай в лес! — торопил Соколов. — Молодец, сворачивай влево, в кусты.

Извозчик так лихо выполнил маневр, что коляска едва не перевернулась. Соколов спрыгнул на траву, крикнул:

— Снимай, болван, вожжи! Да быстрей! Привязывай конец к дереву, покрепче! Хорошо!

Схватив другой конец вожжи, сыщик стремительно пересек дорогу. Тут же из-за поворота показался Кузьма, беспощадно погонявший шпорами лошадь. Когда он поравнялся с Соколовым, тот резко поднял вожжу. Кузьма, как скошенный, слетел с лошади и беспомощно распростерся в дорожной пыли.

Сыщик выскочил на обочину. Впереди, размахивая ружьем, скакал лакей в красной малахайке. Соколов выстрелил и пробил его правое плечо. Лакей выронил оружие, дико взвыл от боли, конь его развернулся поперек дороги. В этот момент в него врезались остальные. Началась куча-мала.

Соколов еще грохнул своим «Дрейзе» — теперь вверх. Эти выстрелы, вид раненого товарища, а еще больше — тело их предводителя на дороге, привело погоню в замешательство. Всадники не менее стремительно, чем прежде, обратились вспять.

Соколов поднял с земли шмайссер и осторожно завернул его в носовой платок.

Тем временем Кузьма пришел в себя. Он сиганул в ближайšie кусты и не разбирая дороги рванул в чащу. Сыщик выстрелил в воздух.

— Стой, убую!

Но след плута уже затерялся в чащобе.

Извозчику Николаю за все муки и простреленную шляпу Соколов подарил сто рублей.

— Спасибо, ваше высокоблагородие! Устал я от города, от всех этих неприятностей. Нынче к себе в деревню уезжаю. С такими деньгами не пропаду!

Затем Соколов отправился к Казарину.

— Держите, маэстро, скрипку, мой подарок!

Музыкант от счастья лишился на время дара речи.

Кровавый след

Дом купчихи Прозоровой стоял на пустыре, чуть в стороне от Большой Садовой. Сама хозяйка отбыла на макарьевскую ярмарку торговать зерном, а ее замещал дворник Савелий. Это был худощавый мужичок лет сорока пяти,

стройный, чистенький, с бегающими глазками под выцветшими бровями.

— Где Мария Школьникова проживает? — строго спросил Соколов.

Дворник посмотрел на небо, на сапоги со сморщенными голенищами городского, на летающую стаю голубей и сказал:

— Это студентка которая? Вход к ним со двора. Она заплатила вперед до конца месяца, да куда-то, видать, уехавши. Дней десять уже не видать ее. И братец ее исчез. Толстый такой. Он меня все за пивом посылал в немецкую лавку, что на Московской площади.

Городовой, грузно ступая, по приказу Соколова фомкой отодрал петлю, на которой висел большой амбарный замок. Сыщик вошел в помещение. За ним было двинулись остальные, с любопытством вытягивая шеи.

Соколов цыкнул:

— Моя профессия хороша до той поры, пока на место преступления не пригнали коров. Не уподобляйтесь, любезные, стаду, не топчите следы преступников!

Все отхлынули к воротам.

В большой комнате царил полумрак, окна были закрыты плотными шелковыми шторами. В углу валялось десятка два пустых бутылок пива «Хольстен». Возле стены стояла большая металлическая кровать с шишечками на спинках. Возле кровати на полу — множество кровавых пятен. Он приподнял покрывало. Одеяла и простыня отсутствовали. Зато волосяной матрас был густо залит застывшей в рыжие лужицы кровью.

— Ой, кровищи! — дворник, стоявший на пороге в качестве понятого, с ужасом схватился за голову.

Городовой стукнул его локтем под ребро:

— Молчи, не мешай их высокоблагородию!

Соколов повернулся к городовому:

— Из ближайшего ателье доставь фотографа. Пусть возьмет необходимое: аппарат, треногу, пластины. В случае сопротивления разрешаю применить силу — физическую. Живо!

Последний приют

Первым прибыл в золотом пенсне, во фраке, соломенном канотье, чем-то неуловимо похожий на пиявку меесье Лаверн — фотограф. Нервно поглаживая маленькие, завитые кверху усики, он попытался возмущаться:

— У меня, пардон, сеанс! Меня ждет с семьей губернский предводитель коллежский секретарь Ознобишин! Я протестую... — лепетал он с сильным акцентом.

— Подождет, невелика фигура. Фотографируй место убийства! — по-французски сказал Соколов и так посмотрел в глаза месье, что тот сразу же замолк и приступил к работе.

Чуть позже прикатили в одной коляске жизнерадостные и румяные приятели, гулявшие совместно по случаю выходного — полицмейстер Дьяконов и тюремный доктор Субботин, исполнявший роль эксперта. Хмель из праздничных голов вылетел при первом взгляде на место преступления.

Соколов объяснил:

— Судя по цвету крови и обстоятельствам дела, убийство совершили недели полторы назад. Труп завернули в простыню и одеяло: жертва, видимо, находилась в постели. Окна закрыты изнутри — значит, в помещении был близкий жертве человек, которого впустили в дверь, возможно, сожитель. В лампе полностью выгорел керосин, стало быть, убийство совершено ночью. Очевидно, убийца напал неожиданно: кровать с места не сдвинута, борьбы не было. А вот отпечаток следа ноги — в засохшей лужице крови. Где труп? Думаю, поблизости. Внимательно осмотрим местность!

По сломанным веточкам, оборванным головкам цветов, сдвинутому с места большому камню, лоскутку материи, оставшемуся на кусте шиповника, сохранившемся следам ног, Соколов определил место перемещения трупа.

— Ясно, волок по земле один человек! Прямоком на кладбище, благо оно рядом, через этот проем в стене, — объяснил Соколов. — А вот и могилка новопреставленной. Тихий, заброшенный кладбищенский уголок!

В канаве лежал завернутый в одеяло труп Марии Школьниковой. Сверху он был закидан сухими ветвями, завядшими цветами с могил и, словно в насмешку над трагедией, на труп свырнули большой венок с железными проржавевшими листьями.

Одеяло развернули. Тело молодой женщины пострадало от грызунов. Вместо глаз зияли черные дыры. Были обглоданы и губы: белые зубы навеки застыли в диком оскале. Медик Субботин приподнял подбородок трупа: на шее виднелся глубокий надрез, вызвавший обильное кровотечение.

Смирившийся со своей участью, фотограф, которому дал указания Соколов, установил треногу и делал снимки.

Полицмейстер Дьяконов — налитый силой мужчина при громадных усах, наводивший ужас на обывателей, распорядился:

— Отправьте труп в университетский морг!

— Надо снять отпечатки пальцев, убийца много наследил: и в комнате, и вот, смотрите, многочисленные пятна на этом одеяле, — распорядился Соколов. — Заодно и с этого шмайссера, — Соколов достал из кармана завернутый в носовой платок трофейный «Бергман-Байард». — Для пополнения вашей картотеки. Ключ к раскрытию преступления почти всегда находится на месте происшествия.

Полицмейстер пошевелил усами:

— Извините, полковник, но это блажь — отпечатки пальцев! Тьфу, глупость полная! Мы без всяких отпечатков ловим того, кого положено ловить. Эту чушь немцы придумали.

Соколов с сожалением посмотрел на полицмейстера:

— Во-первых, не немцы. Благодаря идентификации, которую произвел в Японии знаменитый Фолдс, в 1879 году был спасен невинный человек, которому едва не отрубили голову по ложному обвинению в убийстве. Его отпечатки пальцев не совпали с теми, которые были обнаружены на месте преступления. Позже был пойман настоящий преступник. Впрочем, есть претенденты и на более раннее использование идентификации, китайцы, к примеру. Во-вторых, не следует, господин Дьяков, выставлять напоказ свою серость.

Полицмейстер насупился:

— На сей предмет есть разные точки зрения! Тот же Конан Дойль изобразил идеального сыщика — Шерлока Холмса. Этот сыщик, если вы, полковник, обратили внимание, никогда не использует в своей работе отпечатки пальцев, даже внимания на них не обращает.

— И что в этом хорошего! Его герой порой идет сложным путем, вместо того чтобы легко и быстро разоблачить преступников.

— К примеру?

— Сколько угодно! Так в рассказе «Приключения черного Петера» женщина утверждает, что была связана тремя мужчинами. Преступники сели за стол, выпили вина и совершили грабеж и убийство. Шерлок Холмс хитрыми умозаключениями приходит к выводу, что рассказ женщины — ложь. А ведь для ее разоблачения достаточно было снять «пальчики» с трех стаканов и бутылки, стоявших на

столе: на них не было никаких отпечатков, кроме отпечатков самой преступницы. Хотя, замечу, Конан Дойль талантливый писатель, которого полезно читать и сыщикам, и экспертам. Не зря этот писатель занимался судебной медициной в Эдинбурге. Так что, господин Дьяков, от науки порой бывает польза.

Дальнейшие события показали, что гений сыска, как всегда, оказался прав.

Эпилог

Отпечатки пальцев в комнате Марии и на шмайссере оказались идентичными. В доме Кузьмы Шалаева произвели обыск. Сам он куда-то пропал, но в саду обнаружили своеобразную братскую могилу. В ней лежали семь трупов разной степени разложения. Главным пособником преступлений Кузьмы был тот самый лакей в малахайке, который гнался за Соколовым. Убивали заезжих денежных людей, опытных картежников, которых не сумел обыграть Кузьма.

Клеопатра, которую, как выяснилось, по паспорту зовут Манефой, была саратовской мещанкой и наложницей Кузьмы. Именно она, ревновавшая Кузьму к Марии Школьниковой, открыла тайник, едва полицейские вошли в дом. На чердаке, в стропилах находился массивный золотой браслет, украшенный полусотней изумрудов и бриллиантов. Некогда дочь Петра I — Императрица Елизавета преподнесла его супруге лейб-медика Лестока.

Сменив нескольких хозяев, браслет попал, наконец, к харьковскому генерал-губернатору. Банда социал-революционера Милютин-Душителя, известного нашим читателям, вырезала всю семью губернатора, похитила ценности.

Милютин, не догадываясь об истинной стоимости браслета, сдал его в революционный общаг. Когда партии понадобились деньги, через Марию Школьникову браслет продали Кузьме, выложив за браслет деньги, он затосковал: рубль в чужих руках оскорблял его. Явившись в ближайшую ночь к Марии, якобы на любовное свидание, он ее зарезал, забрал свои капиталы. Желая хотя бы на время скрыть убийство, Кузьма сволок труп на кладбище (в помещении, разлагаясь, он запахом быстро бы привлек к себе внимание), а на дверь для отвода глаз навесил замок.

Лакеи убийцы ни словом не обмолвились о том, что пытались убить Соколова, справедливо полагая, что это

усугубит их наказание. Все они были отправлены на каторгу. Клеопатре-Манефе «за недоносительство» выпало смирительное наказание — год тюрьмы. Учили ее помощь следствию.

Самого Кузьму Шалаева нашли почти через месяц. Убегая от Соколова, он грохнулся в глубокую яму, сломал ногу и выбраться наверх не сумел. Смерть его была ужасной. Муравьи, лисы, мыши сделали свое дело: скелет убийцы был идеально чистым и его отправили в местный университет на кафедру анатомии — служить студентам и для пользы науки. Много любопытных нарочно являлись поглазеть на эти кости.

Соколов отправился искать того, кто постоянно незримой тенью стоял за всеми этими преступлениями — брата Марии Школьниковой. И здесь его ожидало нечто ошеломляющее. Близилась заключительная сцена жуткой истории.

ДВА ГРОБА

Король сыщиков, граф Соколов продолжал охоту за кровожадными преступниками — революционерами. Когда уже казалось, что сыщик вот-вот схватит злодеев, ему доставались лишь трупы — Мария Школьникова, Кузьма Шалаев... Но агентурные сведения убеждали: на Николая II во время его посещения Москвы готовится покушение. Вот почему был нужен живой свидетель. И Соколов решил достать его во что бы то ни стало. Наступил финал кровавой трагедии.

Утренний чай

Жарким, раскаленным, словно сковородка, утром, на террасе дома скрипача Казарина собрались московские сыщики — Кошко, Жеребцов, начальник охраны Евгений Сахаров, фотограф Ирошников. Местную власть представлял короткошей и с торчащими усами полицмейстер Дьяков. Стройная, с удивительно красивыми ногами супруга музыканта Валентина Прокофьевна разливала из гудящего самовара чай.

Когда Соколов появился в Саратове, Казарин сразу же предложил:

— Милый Аполлинарий Николаевич, сделайте милость, остановитесь у нас. Мы так будем рады, весь второй этаж пустует!

Соколов улыбнулся:

— Вспомнили мудрость: свято место не бывает пусто? Только что террористка Школьникова со своим братцем, или кто он ей там приходится, готовили в этих комнатах бомбы, а теперь — «милости просим!». Нет, в «Метрополе» я себя чувствую хорошо. Тем более что скоро жду сюда своих славных коллег, негоже мне от них отдаляться.

Заметив огорчение на лице скрипача, добавил:

— Но с удовольствием всей компанией будем приходить к вам на завтрак! Заодно станем проводить утренние совещания. Не боитесь скомпрометировать себя связями с полицией? Пойдет слух, что на нас работаете.

Казарин возразил:

— Так ведь не на германских шпионов! Революция для России — самая страшная болезнь, бороться против нее — святой долг каждого порядочного человека, к тому же у меня личные счеты с этими господами-смутьянами.

Соколов согласился:

— Лучший враг — враг, сидящий за решеткой!

...Так и повелось, что ежедневно по утрам бригада московских сыщиков собиралась в самом укромном месте, которое только можно придумать, — на терраске дома скрипача. Здесь никто не мог их наблюдать или подслушивать.

Сегодня докладывал о своей экспедиции в Раненбург Жеребцов. У него был победный вид:

— Признаюсь, выявить следы братца в этом городишке было не очень просто. Чуть не каждый домишко довелось обойти. И нашел! — Взор Жеребцова горел огнем. — Недалеко от рынка в доме торговца скобяными изделиями Григорьева снимает две комнаты некий Роман Львович Козелец, мещанин города Митавы Курляндской губернии — высокий курчавый молодой человек. Он бывает в доме редко — все время в каких-то разъездах. Но к нему в комнаты, даже в его отсутствие, наведываются неизвестные типы.

Самым внимательным слушателем Жеребцова был нарочно приехавший начальник Московского охранного отделения Сахаров. Рядом с ним сидел, развалиясь в плетеном кресле, Кошко.

Жеребцов продолжал:

— Этот Козельцов как раз отсутствовал. Я произвел у него лимитное мероприятие номер один — негласный обыск. Нашел несколько революционных брошюрок и три фунта, — Николай сделал эффектную паузу, — мелинита. Понятно, изымать не стал, чтоб не спугнуть. Снял, разумеется, отпечатки с пальцев и со следов ног. Последние весьма характерны: остроносые штиблеты длиной пять с половиной вершков — поболее двадцати девяти сантиметров, каблуки чуть стоптаны вовнутрь, на левом не хватает гвоздя.

— Идентифицировать удалось? — Стальной взгляд Соколова впился в Жеребцова.

— Да, и есть повод для удивления! Отпечатки пальцев совпали с теми, что мы обнаружили в доме купчихи Прозоровой — на пивных бутылках «Хольстен», там, где была убита Школьникова, и... в этом самом доме, где мы сидим и куда к ней заходил этот самый Козелец.

Соколов поинтересовался:

— Запрос в Митаву отправил?

— Телеграфом, и уже получил ответ, — Жеребцов достал из кармана сиреневый бланк: — «Мещанин Роман Львов Козелец выбыл в 1902 году в Харьков, где, по слухам, учится в университете». Я выяснил, что из университета, где он изучал медицину, Козелец был отчислен в связи с расстройством психики. Лечился в клинике. Его нынешнее местонахождение неизвестно.

Полицеймейстер Дьяков пошевелил усами:

— Еще как известно! У нас где-то обретается, да только вот как взять его! Ведь ксива, простите, документ у него, поди, фуфловый, э-э, то есть фальшивый.

Бдительный полицеймейстер

Аристократичный Сахаров поморщился:

— Что за язык у вас, дорогой полковник! Словно всю жизнь на блатной малине провели.

Полицеймейстер недовольно буркнул:

— Я ведь не в институте благородных девиц танцы преподаю! А говорю дело: вид на жительство у преступника фальшивый! Так?

— Ясно, что фальшивый! — усмехнулся Соколов. — А у тебя в Саратове этот тип и вовсе действовал под носом, а ты, Николай Павлович, его не замечал? Но теперь есть возможность отличиться. Прекрасная зацепка — германское пиво «Хольстен». Это не «Калинкин», которое вся матушка-Русь пьет. Этот «Хольстен» на любителей, на гурманов. Специально поставляют, дорогое, стало быть!

Дьяков сделал умное лицо:

— Мы, граф, предприняли все необходимое! У нас только одна лавка торгует «Хольстеном» — на Московской площади. Владелец ее — германский подданный Эрнст Шнабель. По всем сведениям — добропорядочный молодой человек. Он нам дал исчерпывающий ответ, очертил, так

сказать, круг — девятнадцать человек назвал, постоянных потребителей этого напитка. Я сам допрашивал Шнабеля. Спросил: «Высокий, курчавый молодой человек пиво у вас покупает?» Торговец затруднился с решительным ответом, но твердо обещал тут же оповестить полицию, ежели таковой в лавке появится. Более того, — в тоне зазвучала гордость, — вызвался стать нашим осведомителем.

Кошко взглянул на Дьякова:

— И что, проверили всех подозреваемых?

— Этих девятнадцать покупателей? А как же! Отпечатки пальцев сняли и с покупателей, и с их семейных. Даже слуг в их домах не забыли: а вдруг злоумышленник среди горничных, репетиторов, лакеев или поваров? Откатали «пальчики» почти у трех сотен человек! Не шутка, доложу вам.

Соколов расплылся в улыбке:

— И как же вы отпечатки пальцев снимали у обывателей! Насильно, что ли?

Дьяков самодовольно усмехнулся:

— Зачем «насильно»? Мы не какие-нибудь узурпаторы. Хоть в провинции живем, а у нас все по закону добровольно. Нашего тюремного доктора Субботина — он главный специалист по дактилоскопии! — одели в белый халат, он капюшон на голову надвинул и заявил подозреваемым: «В нашем городе возможна холера! Так что извольте для вашего покоя по новой методике анализ холерный сделать!» Ну и откатал у всех! — Дьяков выкатил глаза, понизил голос: — У некоторых даже снял отпечатки ступней. По новейшей системе Уайльдера.

— Результат каков? — Соколов едва не расхохотался.

Картотеку отпечатков пополнили, глядишь, и пригодится, а виновного, этого самого, курчавого, — нету-с! — Дьяков, обращаясь лишь к Соколову как к самому важному лицу, со вздохом добавил: — Этот самый революционный элемент, я уверен, уже давно сбежал за границу. Они, сукины дети, все говорят, что, дескать, матушку-Россию ужасно любят, а сами предпочитают жить за рубежами. Проходимцы, тьфу!

Соколов охотно согласился:

— С этим не спорю!

Ободренный полицмейстер вдохновенно продолжал:

— Я, граф, к чему речь веду: сколько дней и ночей стережем дуб со взрывчаткой, всех лучших «наружников» на это дело бросил, а толку нет. Никто за мелинитом не явится!

Жеребцов ехидно усмехнулся:

— Так там с полпуда его хранится! Такое богатство террористы не бросят. Этим мелинитом губернаторский дворец на воздух поднять можно.

Дьяков сплюнул:

— Тыфу, типун вам на язык, Николай Иванович! Вы говорите совершенно неуместное. Подумали бы, прежде чем так выражаться!

Соколов вступился за приятеля:

— А это, господин полицмейстер, уместно, когда у тебя под носом орудует банда политических преступников, а ты и усом не ведешь?

Усы Дьякова произвольно пошевелились.

За столом раздался дружный смех.

Соколов внушительно произнес:

— А ты, Николай Павлович, точно ли самых лучших людей поставил сторожить взрывчатку?

Полицмейстер развел руки:

— Без сомнений! Самые проверенные, самые недреманные, дело в другом: город без должного наблюдения оставлен. У меня один Жираф чего стоит!

— Жираф? Это что — фамилия?

— Кликуха такая — у него шея очень продолговатая. А фамилия его Кох. Его способности удивительные. Пойдет, к примеру, на базар, взглянет бегло и городовому: «Арестуй-ка вон того, в чуйке! Карманник небось, глаза то вороватые». Приведут того в участок, а он ни в какую: «Такими делами не занимаюсь!» Тогда его Жираф в кутузку сажает. Тот посидит, посидит. Жираф с ним душевно побеседует, и — порядок! Во всем, подлец, признается: «Хотел в карман влезть!» Более того, и на суде во всем повинится. Вот такой у нас Жираф — замечательный! Я ему двойной оклад положил, потому что троих стоит.

Похмелье

Вдруг полицмейстер от удивления разинул рот:

— Ба, сам Жираф сюда прется? Что случилось?

По дорожке из глубины заросшего сада стремительно шел, слегка пошатываясь, человек в клетчатом гороховом пиджаке, в модном соломенном канотье и с тонкой тростью. Он снял шляпу и грациозно расшаркался:

— Гутен морген! — Заметив на столе бутылки, вдруг перешел на жалобный тон: — Позвольте мне как благородному человеку, претерпевшему от судьбы, просить рюмку хереса.

— Ты, скотина, пьян! — Дьяков затопал по доскам террасы слоновьими ногами.

Жираф сделал скорбный вид:

— Считаю делом служебной чести, ваше превосходительство, доложить, что нынче ночью неизвестный злоумышленник спер из охраняемого объекта вещество! — И, заметив, что полицеймейстер делается похожим на разъяренного быка, поспешно добавил: — Сперли отчасти, почти половина осталась.

Дьяков прыгнул с крыльца, с размаху хрястнул кулаком Жирафа в лицо:

— Я тебя, сволочь, в Сибирь отправлю! В рудники! К тачке прикую! Иди, подлец моей жизни, показывай.

И полицеймейстер с неожиданной прытью устремился в дальний угол сада.

За ним потянулись остальные.

Крепкий сон

Еще на подходе к «объекту» опытный взгляд Соколова разглядел в кустах, где полиция устроила засаду, несколько бутылок, весело блестевших в лучах утреннего солнца.

Накануне у одного из филеров случился день рождения. Уставшие от бесплодных дежурств ребята решили малость отдохнуть. В силу российской привычки выпивать столько, сколько поместится в организме, не рассчитали силы и замертво уснули на боевом посту.

Это обстоятельство стало счастливым для террористов. Из дупла выгребли фунтов десять мелинита. Но когда пересыпали его, порошок желтоватого цвета частично попал на землю. Пробудившийся Жираф в ожидании смены пошел к дубу помочиться. То, что он увидел, привело его на грань помешательства. Тяжелое состояние психики усугублялось жутким похмельем.

Именно эти две причины, соединившись вместе, помутили сознание и помешали ему замести следы, заставили доложить всю правду о тяжком служебном проступке.

Дьяков задумчиво почесал потылицу:

— Мне только не совсем ясно, почему злоумышленники не утащили все вещество?

Жеребцов хохотнул:

— Кто-то из «наружников» в кустах громко храпанул, вот и напугал террористов!

Соколов улыбнулся шутке:

— Множественное число здесь неуместно! Шаги на земле четко запечатлелись: опять остроносые ботинки, на правом каблуке не хватает гвоздя. Такие же следы мы обнаружили у Марии Школьниковой в доме купчихи Прозоровой. Они принадлежат братцу убитой террористки. И его никто не пугал, к счастью для нас.

Сыщик обратился к Ирошникову:

— Юрий Павлович, дай мне сантиметровую ленту.

Соколов что-то измерил на земле, затем, подняв голову вверх, некоторое время делал подсчеты. Потом уверенно произнес:

— Рост «братца» сто восемьдесят один сантиметр. При нем фибровый чемодан, в который он загрузил мелинит. Размер чемодана по параметру двенадцать сантиметров на сорок.

Дьяков с недоверием посмотрел на «столичную штучку», как он про себя окрестил знаменитого сыщика:

— Вы, Аполлинарий Николаевич, знать этого не можете! Зачем мистификация при исполнении служебных обязанностей!

Тут уже все не выдержали, расхохотались. Соколов добродушно произнес:

— Все просто, дорогой коллега! Размер отпечатка ноги — двадцать девять сантиметров шесть миллиметров. Один сантиметр я отнял — это рант обуви. Размер ноги россиянина составляет 15,8 процента от роста, а у женщины на три десятых меньше. Я произвел несложные арифметические действия и с большей точностью узнал рост террориста.

— А про чемодан как выяснили? — произнес озадаченный Дьяков.

— Смотрите сюда, вот четыре глубоких вмятины округлой формы — как от штырей. Но это не штыри, а чемоданные ножки, удлиненной — на конус — формы. Это характерный признак для фирмы «Гецель и Сыновья», которые специализируются на выпуске исключительно фибровых чемоданов. Традиционно для Гецеля, ножки отстоят ровно на три сантиметра от угла. Измерив расстояние меж-

ду ножками, я выяснил один из параметров чемодана. Логично?

Дьяков спросил потеплевшим голосом:

— А из чего вы заключили, что злоумышленник действовал совершенно спокойно! И почему это, как вы выразились, к «счастью»?

Соколов ткнул пальцем вниз:

— Да вот, смотрите сами: ширина шага менее шестидесяти сантиметров. Человек такого роста, как «братец», ходит гораздо шире. Но здесь шел осторожно, боясь шуметь. Иными шагами будут на дороге...

Стараясь не затоптать следы, сыщики выбрались на проезжую дорогу тихой Садовой улицы через лаз в ограде, которым пользовался террорист. Возле ограды снаружи виделось несколько четких следов узконосых ботинок, со стоптанными каблуками и без гвоздя в левом. Размер шагов стал сразу же значительно шире — преступник спешил покинуть опасное место.

— Жаль, что следы теряются, — произнес Соколов. — Ты, Николай Павлович, — он повернул лицо к полицмейстеру, — прикажи допросить всех ночных извозчиков. Возможно, кто-то из них подвозил рослого молодого человека с фибровым чемоданом.

— Скоро злоумышленник опять сюда придет, — уверенно произнес Жеребцов. — К приезду Государя в Москву террористы лихорадочную деятельность развили.

— Да и тебе домой не терпится, — ехидно улыбнулся Ирошников, — к своей невесте торопишься. Счастливец, генеральскую дочь охмурил!

Жеребцов сграбастал брыкавшегося Ирошникова, потащил к дубу:

— Сейчас на взрывчатку посажу и спичку поднесу!

Незатейливой шутке все улыбнулись.

Ловушка для зверя

Все двинулись обратно к терраске: доедать завтрак. Полицмейстер, боясь для себя серьезных неприятностей из-за нерадивых филеров, душевно обратился к Соколову:

— Аполлинарий Николаевич, самое простое дело: возле тайника давай укрепим гранатный взрыватель и проволочку протянем. Ночью, коли ползут, так рванет их к чертовой бабушке! Это и будет суд праведный.

Соколов патетически воздел к небу руки:

— Ах, заманчивая картина: огонь, взрыв! Но нам нужны эти революционные ублюдки живыми. Совершенно очевидно, что местная организация террористов принимает активное участие в подготовке покушения на Государя. С нас хватит кровавой жертвы — Столыпина! России, быть может, десятилетия придется расплачиваться за его гибель. Теперь мы обязаны поймать террористов и выявить их планы.

Полицмейстер настаивал:

— Но это выше наших сил — неделями «пасти» дуб...

Соколов, который в размышлениях лоб морщил, вдруг решительно произнес:

— Ловушку сделаем!

Полицмейстер аж подпрыгнул:

— Во что значит государственный ум!

— Ты пришли мне надежных людей, не болтливых — пусть глубокую яму выкопают.

— Сложная задача — не болтливые! — Полицмейстер почесал за ухом. Вдруг его осенило: — Колодников пришлю! На киче, э-э, в тюрьме без дела киснут, пусть Отечеству пользу принесут. А камера, это как консервная банка — из нее ничего наружу, никакая сплетня не выскочит.

...Уже через час несколько хмурых типов, словно сошедших с альбома Чезаре Ломброзо «Преступные типы», копали возле дуба узкую, но глубокую яму. Ее внутренние стены облицевали досками.

Несколько вооруженных солдат наблюдали за арестантами. Вскоре рытье было закончено, а яма ловко замаскирована ветвями: не то что ночью, ее днем было незаметно. Дежурить оставили лишь одного филера — Жирафа-Коха.

Полицмейстер Дьяков объяснил:

— Ты, Жираф, должен свою оплошность верной службой загладить.

Слона не приметил

Полицмейстеру Дьякову пришлось в тот вечер испытать конфуз.

Случилось это в ресторане гостиницы «Метрополь». Когда ужин благополучно набирал силу, когда выпили уже под грибок, под селедочку с картошкой, и стремительно

летавшие по залу лакеи поставили закуску горячую, сказочную — крабы, запеченные в сметане, и на подходе была уха боярская стерляжья с расстегаем, в проходе появился полицейский со смешной фамилией Кувалда.

Он толкал впереди себя мужичка в выцветшей плисовой рубаше и в стоптанных вовнутрь сапогах. Завидя полицмейстера, Кувалда вытянулся перед ним, шмыгнул красным носом, прогудел:

— Ваше благородие, согласно вашему приказу, допросил и отыскал. Вот этот самый, — он кулачищем толкнул в спину мужичка, — есть тот, кто возил курчавого человека ныне ночью с Садовой...

Полицмейстер расцвел, повернулся к Соколову:

— Умеют мои ребята, подлецы, работать, когда захотят! — И к полицейскому: — Ты, Кувалда, посиди в прихожем вестибюле, лакей, вынеси Кувалде вина — заслужил! Мы же этого субчика допросим. Не возражаете, отцы командиры?

Никто не возражал.

Все продолжали жевать, а полицмейстер начал, с каждым словом грозно повышая тон:

— Так кого сегодня ночью возил с Садовой?

— Ваше превосходительство, — заговорил мужичок плаксивым голосом, — рази я виноват, что на меня любой сесть может? А этот в пиджачке, при галстучке и с чемоданчиком фибровым на дороге стоит, приказывает:

— Отвези, дескать, на железнодорожный вокзал, а потом на Московскую площадь. Дам, дескать, семьдесят копеечек. Я привез его, он на вокзале куда-то к московскому поезду сбежал с чемоданчиком, а обратно налегке вернулся. Отдал, значит, кому-то поклажу.

— А потом?

— Потом, как условились, на Московскую площадь доставил — с ветерком. Прямо к пивной лавке.

У полицмейстера Дьякова грозно ошетинились усы:

— К пивной лавке? Врешь, подлец!

— Истинный крест! — Извозчик перекрестился. — Я сам там порой портером утешаюсь. Курчавый — владелец лавки, его фамилия Шнабель, — и отвел бугровитый кулак Дьякова от своего носа.

Заскрипел полицмейстер крепкими, по-лошадиному желтыми зубами:

— Шнабель, говоришь?

Подумал, махнул рукой:

— Иди, номер девяносто, никому не говори о нашей задушевной беседе. Сие есть государственная тайна! Уразумел? Прикажи полицейскому Кувалде, что в передней сидит, чтобы тебя отпустил, а сам сюда топал.

Сыщики переглянулись, а жизнерадостный Жеребцов расхохотался:

— А слона-то, Николай Павлович, ты и не заметил! «На холеру» только одного человека проверять надо было — этого курчавого владельца пивной лавки. Ну, господа служивые, отужинаем и брать орла поедем?

Бренча саблей, к столику подбежал полицейский Кувалда, вытянулся перед полицмейстером:

— Согласно приказу явился, ваше благородие!

— Готовь людей, поедем арест и выемку производить!

Кровавые козны

Сахаров возразил:

— Теперь уж всегда сумеем задержать его, если, конечно, твои ребята, Николай Павлович, рот разевать не будут. Арест — это как роды, нужно дожидаться своего часа. Полезно связи «братца» проследить — где бывает, кто к нему приходит. Чемодан с мелинитом, понятно, кому-то передал на вокзале. И этот кто-то повез его в Москву — вероятней всего. Настоячиво готовят террористы покушение на Государя. Нам предстоит разрешить важные вопросы: где взяли и куда везли мелинит? Только «братец» может ответить на этот вопрос. Нам следует телеграфом предупредить Москву, чтобы контролировали всех пассажиров этого поезда, кои прибудут с фибровыми чемоданами.

Полицеймейстер вежливо полюбопытствовал:

— Аполлинарий Николаевич, получается, что настоящая фамилия этого Шнабеля — Альфред Школьников? Ведь под этим именем он был прописан у скрипача Казарина! Тогда почему вы выразились — «так называемый братец»?

— Вы держали в руках вид на жительство, который изъяли в комнате убитой Марии?

— Конечно! — ответил полицмейстер. — И даже внимательно разглядывал. Мария была прописана, после отъезда скрипача, в доме мещанина Рыбакова по Кронш-

Кронштадтской улице Царицына, недалеко, кстати, от старого кладбища.

Соколов хмыкнул:

— Все ее к кладбищам тянуло! Теперь уж навсегда там останется. Я изучал ее вид на жительство в увеличительное стекло, и совершенно отчетливо видно, что три последние буквы дописаны позже: и цвет чернил несколько отличается, и толщина пера другая, даже наклон почерка отличен от того, каким заполнен весь вид.

— Стало быть, вид принадлежит какой-то Марии Школьник?

— И не просто какой-то, а той самой, что убила черниговского генерал-губернатора Хвостова. Это было незадолго до разоблачения Евно Азефа, ведшего двойную игру. С одной стороны, он помогал охранному отделению и выдал немало своих друзей по партии. С другой, он участвовал в организации убийств крупных и средних сановников.

Полицмейстер воскликнул:

— Я знаком с историей этого проходимца! Так он причастен и к убийству Хвостова?

— Да, он доставил мелинит, которым была начинена бомба. Хвостов, которого я отлично некогда знал, прекрасный администратор, много сделавший для развития края, возвращался из Благородного собрания, где он поздравлял представителей разных сословий с наступающим Новым годом, в карете сидела супруга губернатора и двое маленьких детей. Некий Шпайзман поджидал его карету, стоя возле дороги. Он швырнул бомбу, но она не взорвалась. Кучер начал стегать лошадей, пустил их галопом. И вот тут-то появилась на пути губернатора некая комическая на вид фигура: тощая, с вывернутыми губами и злыми глазами девица. Она с дьявольской ловкостью сделала то, что не сумел сделать ее сообщник, — точно в окно попала бомбой.

— И что?

— Кучер, двое детей и несколько прохожих были убиты насмерть. Губернатор получил тяжкие ранения. Но дальше для меня кое-что неясно. Если Шпайзмана сразу же схватили на месте происшествия, то Мария Школьник, хотя и была контужена взрывом, с места преступления сумела скрыться. Слава Богу, эту гнусную тварь позже схватили. Я видел ее: жалкого вида, бледная девица с синяками под унылыми глазами.

— Это хорошо, это справедливо!

— Я подозреваю, что Школьник, подобно Азефу и многим своим собратьям-революционерам, была осведомительницей охранки. Во всяком случае, если Аарона Шпайзмана, который никого не убил, повесили, то Школьник, превратившую людей в кучу мяса, смертную казнь заменили ссылкой в Сибирь.

— Так надо телеграфировать, чтобы ее допросили местные власти! Пусть вытрясут из нее признание, кому она в свое время передала вид на жительство. Тогда мы установим подлинное имя убитой Шалаевым, нам легче будет разоблачить ее сообщников.

Соколов вздохнул:

— Сибирь давно стала каким-то перевалочным пунктом для политических убийц. Пользуясь довольно большой свободой, убийцы то и дело бегут оттуда на заграничные курорты. Где нынче приятели Школьник; скажем, убийца министра народного просвещения Боголепова Карпович? Где организатор многих покушений, в том числе и на министра внутренних дел Сипягина, Григорий Гершуни? Где террористка Ревекка Фиалка и многие другие? Они бежали из ссылки, чтобы вновь лить кровь россиян и расшатывать устои империи. Года полтора назад из иркутской тюремной больницы дала деру Мария Школьник. По сведениям, имеющимся в охранке, находится где-то за рубежом.

Сатрапу Соколову — от революционеров

Сыщики, разговоривая вполголоса, стали обсуждать план операции.

Вдруг, с поклонами и извинениями, к Соколову приблизился метрдотель:

— Дежурный по гостинице, ваша светлость, докладывает, что вам в номер доставили, согласно счету, гроб с венками-с!

— Чего?!

Соколов, крайне изумленный, встал из-за стола, последовал к себе. За ним поспешил Жеребцов. Дверь номера была открыта.

Прислоненные к стене, стояли гроб и крышка. Гроб был с новомодной штукой — специальным, заделанным толстым стеклом, окошком. Рядом — венок с окрашенными

масляной краской бумажными листьями. На широкой черной ленте золотом изящно выведено:

*Величайшему душителю свободы,
сатрану Аполлинарию Соколову — вечный покой!*

Пока Соколов с интересом разглядывал эти подарочки, в углу на краю кушетки тихо сидел маленький мужичок с бесцветным лицом, с приподнятым носом и в немыслимом балахоне. В руках мужичок сжимал железнодорожную фуражку с кокардой времен Клейнмихеля: скрешенные топор и якорь. Заметив к себе внимание, мужичок протянул бумагу:

— Подпись поставьте, ваше благородие: «получил» и фамилию!

Соколов взял в руки фирменный бланк с завитушками:

Похоронное бюро А. Д. Никифорова

С Ч Е Т

для умершего А. Н. Соколова. Сделана колода сосновая полированная с различной отделкой и принадлежностями. Прилагаются покрывка, саван, туфли, чулки, халат сатиновый, креп на свечи, два венка с надписями. Без замораживания. Итого 30 р. серебром получено.

Соколов перекрестился:

— Слава Богу, что хоть без замораживания! Страсть как холод не люблю. — Прищурил глаз: — А кто такую трогательную заботу проявил? Кто счет оплатил? Ведь не дешево.

Мужичок понял вопрос по-своему, затараторил:

— Э, барин! Не жаль лишнего заплатить, когда товар богатый. Ведь не на день — до второго пришествия пользоваться придется. Фасонистый — чистое загляденье! И обивка, и футляр — все самое замечательное. Сам бы в такой лег, да не по чину мне. Помыть, обрядить прикажете? Для хорошего покойника трудов не жалко, пра!

— Не трещи! Отвечай: кто заказ оформлял? — строго произнес Жеребцов.

— Молодой господин, курчавая прическа у него, высокий!

Соколов прекратил эту сцену:

— Спасибо, вот тебе за труды!

— Ой, «синенькую» не пожалели! Царство Небесное усопшему, а вам доброго здоровьичка. Контора наша, кото-

рая бюро, в Гимназическом переулке, совсем возле Коммерческого собрания. Как что — сразу к нам!

Жеребцов взял мужичка за плечи, повел к дверям:

— В твое бюро, дед, нам обращаться не придется!

Мужичок вздохнул:

— Эх, милоч, от гробового исхода в любой час — не зарекайся. Лучше нас люди были, да и то все уже померли. Даже Лев Толстой — не нам чета, а туда же...

Роковая ночь

Жеребцов, у которого на душе стало муторно, словно сердце предчувствовало что-то недоброе, и усмехающийся Соколов спустились в ресторан. В зале было многолюдно, дымно, шумно. На эстраде томно закатывала глаза исполнительница цыганских песен.

Кошко возмутился:

— До чего обнаглели, негодяи! Гроб прислали...

Умный Сахаров, напротив, шутил и случившееся объяснял исключительно популярностью Соколова.

Едва перешли к обсуждению предстоящей операции по захвату террориста, как в зал стремительно вошел новый гость и с очередной новостью. Это Жираф-Кох, раскланиваясь налево и направо, посылая дамам знакомым и незнакомым поцелуи, приблизился к столу сыщиков. На его лице с короткими подкрученными усиками сияла улыбка:

— Поздравляю, коллеги! Даже моя Люси утверждает, что у меня легкая рука и, простите, фортуна всегда со мной! Мадера? Урожай какого года! Тысяча восемьсот девяносто девятого? Совсем молодая! Пожалуйста, эй, лакей, дай мне бокал бургонь алиготэ. Спешил, запарился! Ах, букет чудный, освежает! Сегодня день полон чудес! Какая-то фантазмагория. Что вы, коллеги, думаете? Преступник мною пойман! Да-с сию в доме скрипача Казарина, дежурю, вдруг дикий вопль разрезает тишину спящей улицы. Хватаюсь за револьвер, бегу на крик. В яме возле охраняемой «точки» — субъект! Поставил городского, а сам к вам — известие удачи дорожке наград и денег. Эй, человек, теперь налей мадеры. А вообще-то, хе-хе женщин люблю молодых, а вино старое.

...Через минуту, швырнув ассигнации на стол, сыщики неслись к дому Казарина:

— Угол Мясницкой и Садовой!

Роковая ночь (окончание)

Полицмейстер Дьяков носился вокруг ямы, из которой неслись дикие крики и проклятия:

— Кровососы! Ублюдки! У-у, ненавижу!

Дьяков рывкнул:

— Заткнись, гнусная харя! Я тебе уши отрежу!

— Царский блюдолиз! Узурпатор! — неслось в ответ. — Спускайся ко мне, зенки твои вырву! — Из ямы грохнул револьверный выстрел.

Разъяренный полицмейстер обратился к Соколову:

— Граф, позвольте гаденыша пристрелить? На коленях готов просить!

Сыщик устало поморщился:

— Не дурите, полковник! Он нам дорог живой.

Соколов подошел поближе к яме, внушительно произнес:

— Роман Львович Козелец, он же Эрнст Шнабель, он же Альфред Школьников, вы опасно шутите! Ваша песенка спета, ведите себя достойно. За гроб спасибо, но вам он скорее понадобится. Бросьте наверх оружие, и я вам помогу покинуть яму.

В небо вновь грохнул выстрел, и послышались ругательства.

Ирошников, вечный шутник, весело говорил:

— Преступник оказался гуманистом! Чтобы наш Жеребцов не опоздал на помолвку с генеральской дочерью, решил поскорее попасться. Николай Иванович, седьмого сентября гуляем на твоей помолвке!

Жеребцов не отвечал. Он что-то напряженно обдумывал. Потом решительным шагом направился к краю ямы, склонившись, в лунном свете пытаясь разглядеть лицо террориста, сердечным тоном произнес:

— Молодой человек, Роман Львович! Осознайте безвыходность вашего положения, подумайте о себе, о вашей матери. Вы так мало жили, вам рано погибать. Поверьте, я сочувствую вам...

И вновь грянул выстрел. Жеребцов охнул, присел и боком повалился на землю.

Соколов бросился к раненому. Из его шеи фонтанчиком била кровь.

Сыщик крикнул:

— Врача, скорей врача! — И оттащил Жеребцова от края ямы. — Пуля сквозь шею прошла — навывлет. Ах, кажется, сонная артерия задета!

Жеребцов дышал все тяжелей, все прерывистой. Соколов положил его голову к себе на колени и чувствовал, как одежда намокает теплой, липкой кровью. Фосфорный свет луны окрашивал страшным мертвенным светом лицо раненого. Вдруг Жеребцов едва слышно произнес:

— Миленький, Аполлинарий Николаевич, я убит... Жаль... Я так любил... всех, вас... Пусть Таня не грустит.

Жеребцов мелко затрясся, закатил глаза, страшно захрипел. Агония продолжалась вечность, так, по крайней мере, казалось Соколову.

Вдруг грудь раненого поднялась и остановилась на полувздохе. Прекрасная душа отлетела от тела.

Соколов горько выдохнул:

— Прощай, друг! Я, отомшу...

Купание

Соколов бережно положил на землю Жеребцова, шагнул к яме, опасно наклонился и медленно, разделяя слова, произнес:

— Ну, собака, теперь твоя гадкая жизнь станет тебе не мила!

Грянул новый выстрел, пуля обожгла щеку сыщика. Он приложил платок, и тот окрасился кровью. Но Соколов почти сразу забыл об этой царапине. Он крикнул таким голосом, что с деревьев листья посыпались:

— Эй, Дьяков! Пригони сюда ассенизаторский обоз. Срочно! Ирошников, поймай на улице извозчика, доставь покойного в морг да прикажи, чтобы хорошо заморозили. Извозчика не отпускай — он мне скоро понадобится — ублюдка в тюрьму везти.

...Не прошло и получаса, как ворота распахнулись и по дорожке, отчаянно скрипя разболтанными колесами, покатился ассенизаторский обоз. Лошадь вел дед, на котором свободно висела брезентовая роба, а голову украшала широкополая шляпа. Дьяконов шел впереди, показывая путь.

Дед остановился в трех шагах от ямы. Деловито осведомился:

— Опорожнять суды прикажете? Один секунд, только рукав к бочке прилажу.

Рукав был прилажен, направлен в яму, и фекалии широкой струей хлынули на голову убийце. Тот завопил так, что, обычно сонная, лошадь нервно дернулась и как шалая стала перебирать копытами.

Соколов, подобно Наполеону при Ватерлоо, стоял поодаль, скрестив на груди руки, и наблюдал за происходящим.

Дьяков подбадривал убийцу:

— Молодец, курчавый, побарахтайся, поплавай! Тебе предлагали яму покинуть, а ты, подлец, не хотел. А теперь похлебай говна, может, и поумнеешь!

Согласно законам физики, убийца теперь был поднят выше уровня земли. Лунный свет широкой полосой заливал сад, искаженное ужасом лицо, шапку курчавых волос. Рот, задранный вверх, жадно ловил воздух, а руки и ноги находились — чтоб не утонуть — в беспрестанном движении.

Соколов подсказал Дьякову:

— Поинтересуйся, Николай Павлович, кому он взрывчатку переправлял и где брал ее?

Дьяков хозяйственно огляделся, заметил лопату на черенке и, морща нос, сунул ее в яму.

Убийца тут же цепко ухватился, перестал барахтаться.

Дьяков ласково спросил:

— Ты, касатик, где мелинитик-то брал? Ась, не слышу?

Убийца прохрипел:

— Не знаю!

Дьяков, продолжая морщить нос, повернулся к Соколову:

— Аполлинаруй Николаевич, молодой человек Козелец ни-че-гошеньки не знает! Что будем делать? Правильно, пусть плавает до полного восстановления скоростежно утраченной памяти, — и полицмейстер рывком выдернул из рук убийцы лопату.

Тот моментально скрылся в нечистотах с головой, но вновь вынырнул:

— Вспомнил, вспомнил, все расскажу!

Убийца был извлечен из ямы.

Тюрьма как Дума

Вездесущий Ирошнников, успевший отправить труп Жеребцова в морг, вернулся обратно, оставив коляску у ворот, где уже собралась громадная толпа любопытных.

На козлах сидел важный мужик в синей бархатной рубахе. Увидав, кого к нему ведут, отчаянно замотал головой, замахал руками:

— Хучь на расстрел поставьте, эту вонючку не повезу! Господи, да что ж я такой несчастный! Другие в счастье рождаются, живут во всех приятностях жизни, а со мной все происходит дела да случаи. То ограбят, то в перестрелку попаду, то сейчас мертвый труп вез, а теперь и вовсе персону, из говна вынутую! А деньги от полиции никогда не получишь.

Соколов пригляделся к извозчику и прервал эти стенания:

— Врешь, Коля Коробко! А кто тебе сто рублей подарил, а?

Извозчик от изумления разинул рот, потом сдернул с головы новую кучерскую шляпу (старая, простреленная Шалаевым, осталась лежать на дороге) и радостно воскликнул:

— Ваше сиятельство, не мечтал еще вас встретить!

— Ты ведь в деревню собирался?

Извозчик горестно вздохнул:

— Уеду теперь, точно! В городе, Аполлинарий Николаевич, бабье беспутство да одно разнообразие. Ну пусть этот, мазанный, садится. Коли не вы, ни за что бы не повез. Только примут ли такого?

Соколов мудро заметил:

— В тюрьму, как в Думу — всяких, даже самых завалющих, принимают!

Двое полицейских вскочили на запятки, и извозчик было тронул лошадей. Но притормозил, обернулся:

— Аполлинарий Николаевич, ваше сиятельство, на базаре книгу про вас купил, называется «Граф Соколов — гений сыска»! Страсть как интересная! Всем хвалюсь, что с вами знакомый, да никто не верит.

Соколов приветно помахал рукой.

Говорящий покойник

Следующий день выдался хлопотливым. С утра пораньше Ирошников отправился в Гимназический переулок. Остановился возле вывески:

*Похоронное бюро А. Д. Никифорова
со всевозможными услугами*

На витрине красовались розовый гроб и пыльные венки с жестяными листьями.

Возле дверей появился знакомый мужичок с вздернутым носом:

— Милости просим и рады видеть!

Ирошников сказал:

— Сегодня в половине первого железной дорогой мы отправляем нашего убитого товарища. Нужен гроб из дубовой колоды.

Мужичок замахал руками:

— Статочное ли дело! Нет, за краткостью времени сие никак не возможно.

Ирошников достал крупную ассигнацию, полученную от Соколова, и бросил ее на стол.

Мужичок взял бумажку, поднес недоверчиво к глазам, помусолил и убрал поглубже в боковой карман:

— Оно, конечно, нет возможности, но раз надо — похоронное бюро никого не подводило!

... И действительно, заказ был исполнен вовремя. Ровно в назначенный час, на товарной платформе, на дальних путях, в ледниковый вагон бережно поставили гроб с Николаем Жеребцовым. Сыщики, вдруг забыв о своих железных характерах, стояли с глазами, раскисшими от слез.

... Что касается погрузки другого гроба, то об этом происшествии с восторгом лет двадцать вспоминал весь Саратов. В два часа пополудни на первом дебаркадере, возле скорого поезда номер сто восемьдесят четыре играл духовой оркестр пожарников. Но траурные мелодии в его исполнении звучали как-то гривуазно, легкомысленно. Даже траурный марш Шопена незаметно перешел в польку-бабочку.

В этот момент оркестром дирижировал сам полицмейстер Дьяков, принявший солидную дозу хереса.

Под эту необычную музыку полицейские тащили больших размеров гроб. Командовал ими человек в клетчатом пиджаке — Жираф. Гроб никак не лез в дверь. Тогда его перевернули боком и с большим трудом протиснули в окно купе.

Полицейские сняли фуражки и облегченно перекрестились, вытирая пот и поругивая работенку.

Громадная толпа любопытных сопровождала эту процессию. Те, кто был поближе к гробу, утверждали, что в нем есть окошко и покойник будто таращит глаза и даже неприлично выражается.

«Саратовский вестник» под рубрикой «Сенсации!» поместил заметку «Говорящий покойник». Сей поразительный

случай был объяснен как новейшее достижение медицины, которая изобрела лекарство, на краткое время оживляющее покойников.

Э п и л о г

Начальник Бутырской тюрьмы капитан Парфенов ментально протрезвел, когда в вверенное ему учреждение привезли гроб с говорящим покойником.

Зато террористу Роману Козельцу тюремная камера, после трех дней безвылазного даже для крайней нужды гробового заточения, показалась райским уголком.

Но еще прежде в экспрессе Москва-Саратов, лежа в домовине, он, пытаясь заслужить смягчение своей участи, назвал адрес подпольной химической лаборатории, находившейся в Саратове, которая и была вскоре разгромлена. Раненберг, как и предполагал Соколов, был всего лишь перевалочной базой.

Под стук колес, Роман выдал всех своих товарищей. Назвал адреса подпольной химической лаборатории, находившейся на Константиновской улице Саратова и человека в Москву, которому переправлялись взрывчатка. Был произведен ряд арестов. Было доказано, что на Государя и его Августейшую семью готовится покушение во время их посещения Оилей и Ооклонной горы.

Что касается Раненбурга, то он оказался перевалочной базой, да местом, куда террористы планировали укрыться в случае провала. Торговлю немецким пивом Козелец завел по заданию партии: здесь можно было нелегально встречаться, не вызывая подозрений. Самому Козельцу это задание пришлось по вкусу: он очень любил «Хольстен».

Но первые шаги на этом страшном пути будущий террорист сделал, находясь на излечении в Харьковской психиатрической лечебнице. Именно здесь он познакомился с другой пациенткой, страдавшей шизофренией — восемнадцатилетней Калерией Придворской, приятельницей видной эсерки Марии Школьник.

В революционных партиях всегда высоко ценят сумасшедших. Нашу парочку поставили на рискованный участок — транспортировку взрывчатки. Когда за убийство черниговского губернатора Хвостова Школьник арестовали, ее вид на жительство оказался у Придворской.

В это время она проживала с Козельцом в Киеве, где участвовала в организации покушения на генерал-губернатора Клейгельса, к счастью, не удавшегося. Парочка общалась с такими известными террористами как Абрашей Гоцем, Аароном Шпайзманом и Ниной Глобой, возглавлявшими центральную боевую организацию. По их совету, Придворская перешла на нелегальное положение, ибо успела попасть на заметку охранному отделению.

Не долго думая, вид на жительство Марии Школьник был чуть подправлен: к фамилии добавили новое окончание и Придворская стала теперь Школьниковой. Благо, их внешние приметы совпадали.

Интимному приятелю Калерии — Козельцу и вовсе оформили новый документ. Он тоже стал Школьниковым — якобы братом Калерии-Марии. Они оба поспешили убраться подальше от места, где успели напакостить — из Киева. Новым местом жительства избрали города на Волге.

Как человеку нужен воздух, так преступным типам необходима преступная деятельность. В Царицыне Калерия-Мария устроилась в местную газету. Она служила в отделе объявлений.

Еще до публикаций, она приносила домой гранки тех объявлений, в которых речь шла о продаже драгоценностей или старинного антиквариата.

Козелец-Школьников отбирал те, которые, на его взгляд, были наиболее интересными, выписывал адреса и сообщал их «группе экспорации». Те устраивали кражу. Так, в его руках оказался паспорт некоего Эрнста Шнабеля, который ему в свой час пригодился.

В Царицыне у новоявленных «брата и сестренки» горела под ногами земля, когда туда с концертами приехал скрипач Казарин. С его помощью они перебрались в Саратов. И здесь Калерия-Мария устроилась в «Саратовские ведомости», вновь ее интересовали еще не опубликованные объявления, вновь начались грабежи. И, разумеется, во всю развернули деятельность по транспортировке взрывчатки.

Суд приговорил Романа Козельца-Школьникова к повешению.

Зато Мария Школьник благополучно обосновалась в Америке. Она вступила в компартию и «горячо приветствовала светлую зарю человечества — Великий Октябрь». Приветствовала, правда, с берегов Гудзона. В Москве несколькими изданиями вышла ее книжулька — «Жизнь бывшей террористки», полная ненависти к русскому народу. И даже

лет пять назад на закате Советской власти одна московская газета опубликовала панегирик этой женщине, убийство сделавшей своей профессией. Удивительные пристрастия!

Читатель помнит, наша история началась с рассказа о потрясающей судьбе скрипки работы великого мастера Ивана Батова. Увы, все, к кому она попадала, погибали.

В апреле 1912 года из Саутхемптона в Нью-Йорк отошел двести шестидесяти девятиметровый океанский пароход — «Титаник». Среди обширной концертной программы значились выступления русского виртуоза Вениамина Казарина. «Титаник», столкнувшись с айсбергом, пошел ко дну. Большинство из двух тысяч двести двадцати пассажиров погибли.

Среди них был и Казарин, вместе с редким инструментом.

Эпилог (окончание)

Николай Жеребцов при громадном стечении народа был похоронен на Пятницком кладбище. Москвичи знали его, восхищались его подвигами, о нем, как о ближайшем друге Соколова, ходили легенды.

Еще в шестидесятые годы этого столетия могила сыщика сохранялась, чьи-то заботливые руки приносили на нее цветы.

Юрий Павлович Ирошников после большевистского переворота жил на верхней Красносельской улице и в тамошней средней школе преподавал физику. Он был мастером на все руки, ум его был глубоким, знания энциклопедическими. На досуге он, подобно всем старикам, любил вспомнить времена мирные, ушедшие, своих замечательных друзей. Об этом он писал в своих записках, весьма, впрочем, разрозненных. Однако именно они кое в чем помогли автору, воскресили события.

Жил Ирошников как раз напротив женского Алексеевского монастыря. Несколько раз он встречал высокую стройную монашку поразительной красоты. Ему и в голову не приходило, что это Танечка Ермоленко — бывшая невеста его покойного друга Жеребцова, навсегда сохранившая жениху верность.

Зато их судьба стала общей.

Ленинско-интернациональная власть всегда своей первой заботой считала уничтожение россиян. Алексеевский монастырь был упразднен, монашки отправлены на

Север, а на месте монастырского кладбища разбили стадион. На одном из этапов Танечку Ермоленко, на потеху конвоирам, затравили сторожевыми псами.

Не забыли коммунисты и про бывшего полицейского Ирошникова. Он был сослан в Соловки, где и погиб в 1933 году.

Что касается Аполлинария Соколова, то впереди его поджидали многие опасные приключения. Коли Господь доведет, мы о них когда-нибудь расскажем.

СОДЕРЖАНИЕ

НОВЫЙ ШЕРЛОК ХОЛМС ИЛИ КРАТКОЕ ВСТУПЛЕНИЕ АВТОРА	3
ГОРЯЧИЙ СЛЕД	10
ЗВЕРИНЫЙ ОСКАЛ	17
ЛЕТАЮЩИЙ ТРУП	26
КРОВАВАЯ ТЬМА	35
БРАСЛЕТ КЛЕОПАТРЫ	47
РОКОВОЙ РЕМБРАНДт	57
БАГАЖ	68
ОЖЕРЕЛЬЕ ИМПЕРАТРИЦЫ	77
ТАЙНИК	87
ПАРИЖСКИЕ ТАЙНЫ	97
ПОЦЕЛУЙ СМЕРТИ	109
ЧЕЧЕНЕЦ	118
ГОСТИ ИЗ ПРЕИСПОДНЕЙ	137
КОПЧЕНЫЙ	152
МЯСНИК	166
ВАВИЛОНСКИЕ БЛУДНИЦЫ	187
ВСКРЫТИЕ	199
ШОК	207
ЗАГРОБНЫЙ ГОЛОС	227
ДУШИТЕЛЬ	264
СЕКРЕТНЫЙ СОТРУДНИК	285
ВОЗМЕЗДИЕ	314
ДВА ГРОБА	327

Валентин Викторович Лавров
ГЕНИЙ СЫСКА — ГРАФ СОКОЛОВ

Редактор
И. Шурьгина
Художественный редактор
И. Сайко
Технический редактор
Н. Привезенцева
Корректоры
В. Антонова, И. Сахарук

ЛР № 030129 от 02.10.91 г. Подписано в печать 03.01.96.
Уч.-изд. л. 20,4. Цена 17 500 р.

Издательский центр «ТЕРРА».
113184, Москва, Озерковская наб., 18/1, а/я 27.

Оригинал-макет подготовлен ТОО «Макет».
141700, Московская обл., г. Долгопрудный,
ул. Первомайская, 21.

ТАЙНЫ

Блестящий офицер лейб-гвардейского Преображенского полка граф Соколов оставляет службу. Он жаждет подвигов в борьбе с преступностью — уголовной и политической. И сразу же попадает в самое пекло опасных приключений. Его методы порой откровенно варварские. Желая проучить кровавого убийцу, он может привязать его к спине медведя или живым положить в гроб. Начав читать книгу, вы не сможете от нее оторваться. Сочный, образный язык, яркие персонажи, достоверность мельчайших бытовых деталей делают книгу неповторимой. Не случайно крупная итальянская газета «Коррьере делла сера» назвала Валентина Лаврова «королем русского триллера».

ИСТОРИИ

в романах, повестях и документах